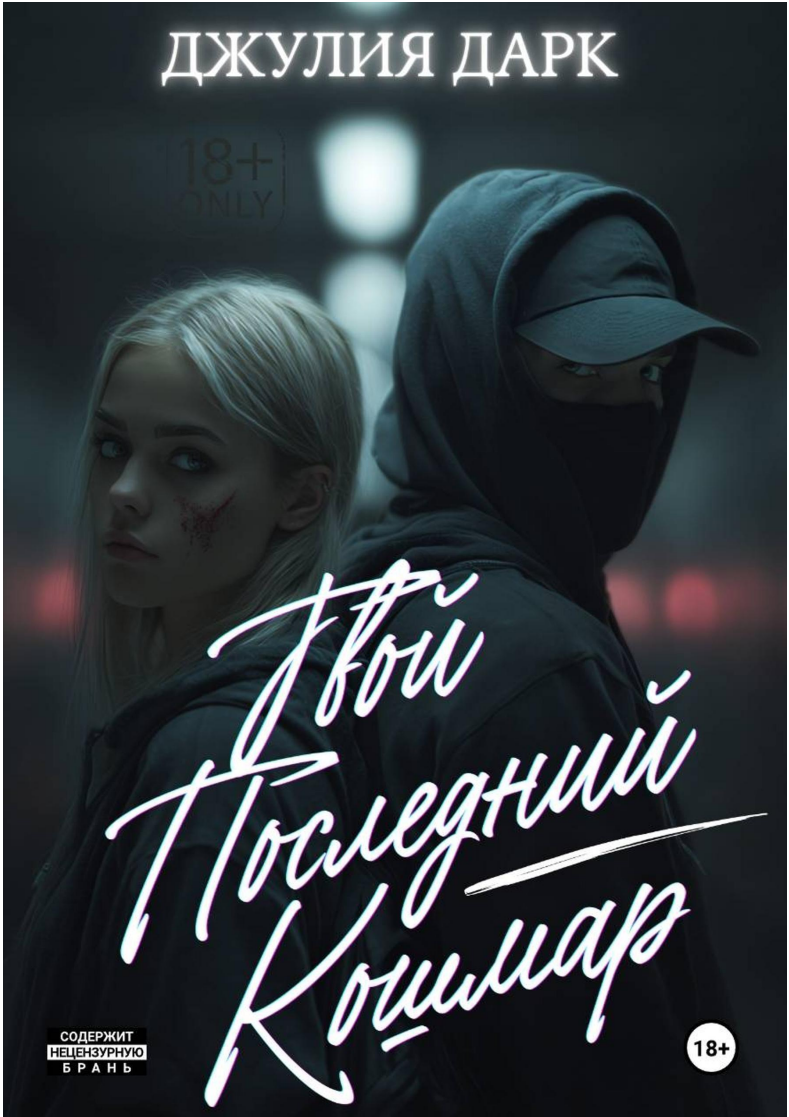
ДЖУЛИЯ ДАРК



Твой Последний Кошмар

СОДЕРЖИТ НЕЦЕНЗУРНУЮ БРАНЬ

18+

Джулия Дарк

Твой последний кошмар

https://litres.ru/72893122
SelfPub; 2026

Аннотация

После Джейсона я дала себе слово: никаких больше плохих парней. Сердечко, собери осколки и включи режим выживания. Учёба. Работа. Тишина. Но Вселенная та ещё стерва. Она подсунула мне не плохого парня. Она подсунула мне того, кто знает, как делаются плохие парни. Парня с учебниками по криминологии и взглядом, который сканирует тебя, как место преступления. Но дело даже не в нём. Дело в городе, который превратился в охотничьи угодья. Сначала одно убийство. Затем второе. И каждое будто исполненное по чьему-то сценарию. И теперь я читаю этот сценарий по ночам, как молитву, пытаясь угадать, на какой странице впишут моё имя.

Содержание

Пролог	5
Глава 1	8
Глава 2	11
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	28
Глава 6	33
Глава 7	44
Глава 8	54
Глава 9	62
Глава 10	68
Глава 11	83
Глава 12	97
Глава 13	124
Глава 14	134
Глава 15	151
Глава 16	163
Глава 17	172
Глава 18	175
Глава 19	196
Глава 20	212
Глава 21	224
Глава 22	238

Глава 23 263
Глава 24 284
Глава 25 305
Глава 26 335
Глава 27 357
Глава 28 381
Глава 29 385
Глава 30 408
Глава 31 423
Глава 32 440
Глава 33 459
Глава 34 486
Глава 35 498
Глава 36 508
Глава 37 534
Глава 38 553
Глава 39 562
Глава 40 567

Джулия Дарк
Твой последний кошмар

Пролог

***

Посвящается тем, кто слишком рано понял,
что самые тихие люди ранят сильнее всех.

***

Воздух рвётся в лёгкие, будто я глотаю пепел. Каждый вдох обжигает горло, оседает в груди раскалённым комом. Я бегу, и мир сужается до одной простой мысли: не упасть. Руки исцарапаны, футболка разорвана на плече, но я не чувствую боли — только страх. Холодный, липкий, растекающийся по венам вместо крови.

Не оглядывайся. Не оглядывайся.

Я всё равно оглядываюсь.

Фигура мелькает в просвете между деревьями — секундная вспышка силуэта, разрыв тьмы — и снова исчезает. Я успеваю заметить лишь одно: металл в его руке ловит последние лучи солнца, отражая короткий, холодный свет.

Лес вокруг становится гуще. Сосны сменяются елями, ветви цепляются за одежду, будто пытаются остановить ме-

ня. Я пробираюсь сквозь них вслепую и, запнувшись обо что-то мягкое, падаю. Удар выбивает воздух из груди, ладони вязнут в мокром мху.

Я поднимаю глаза — и мир сжимается до болезненной точки.

Передо мной лежит олень: вывернутая шея, неподвижные стеклянные глаза. Желудок поднимается к горлу, тошнота рвёт изнутри, но я заставляю себя подняться и снова бегу — уже не думая, на чистом инстинкте.

Чёрт… беги. Просто беги.

Дыхание сбивается, грудь горит, лес начинает казаться тесным, давящим со всех сторон. Тьма буквально толкает меня вперёд — резким, почти физическим ощущением, будто за спиной медленно смыкаются чьи-то руки. Я вырываюсь из тени, словно выныриваю из воды, и на мгновение слепну от света.

Солнце садится прямо в озеро передо мной, тонет в нём, растекается по воде жидким золотом.

Впереди — обрыв.

Я замираю на самом краю. Из-под ног осыпаются камни и, срываясь в пустоту, исчезают внизу с едва слышным шелестом.

До поверхности воды — метров десять, не меньше.

За спиной раздаётся хруст. Один звук — и внутри всё обрывается.

Я оборачиваюсь.

Он стоит всего в двух десятках шагов, будто ждал именно эту секунду. Спокойный, почти безмятежный, прислонившись плечом к сосне. В правой руке — нож, который он лениво вертит пальцами, словно размышляет, куда воткнуть: в воздух или в меня.

Он не нападает. Не двигается. Просто смотрит — внимательно, спокойно, как человек, который отмечает галочкой очередной пункт в заранее составленном плане. И в ту же секунду до меня доходит ужасная, простая истина.

Он знал. Он знал, что я выбегу именно сюда. Он знал про этот обрыв. Он загнал меня в чёртову ловушку — к точке, где выхода всего два: через него или вниз.

Глава 1

Месяц до этого.
Штат Миннесота.

Я просыпаюсь от громкого стука в дверь. Не от будильника, не от телефона — от настоящего, раздражающего тук-тук-тук, который буквально вбивается в голову.

— Элли! — голос Кейт доносится из-за двери. — Вставай, мы опаздываем!

Я зажмуриваюсь, переворачиваюсь на бок и натягиваю одеяло до ушей.

— Пять минут... — бормочу я, сама не веря, что ещё надеюсь их получить.

— Эти «пять минут» длятся уже полчаса! — Кейт стучит ещё громче. — Если ты не встанешь, я зайду сама. И да, я видела тебя лысой в фильтре *Snapchat*, так что мне нечего бояться!

Я стону, открываю глаза. Комната в полутьме — жалюзи наполовину опущены, утренний свет прорезает воздух тонкими полосами.

— Я встаю, — говорю я, хотя пока просто сижу на кровати, вцепившись в подушку.

— Не встаёшь! — парирует Кейт. — Я слышу, что ты не двигаешься!

— Как ты это вообще слышишь?

— По отсутствию звука страдания!

Я вздыхаю и наконец спускаю ноги на пол. Деревянные доски холодные, под ногами где-то хрустит — кажется, мой несъеденный вчера батончик.

Кейт открывает дверь без приглашения. Волосы растрёпаны, в одной руке кружка, в другой — мой телефон.

— Серьёзно? — бурчу я, щурясь. — Опять ты с моими вещами?

— Опять, — спокойно говорит она и протягивает мне экран. — И, кстати, тебе опять звонил этот урод. В четыре утра.

Я моргаю, пытаясь сообразить, кого она имеет в виду. Потом вижу номер на экране — и внутри всё чуть замирает.

— Джейсон? — спрашиваю тихо, хотя прекрасно знаю ответ.

Кейт кивает.

— Да. Бывший, великий романтик. Просыпаюсь от вибрации твоего телефона, думаю — пожар или землетрясение, а там: «неизвестный номер».

Я смотрю на экран — пропущенный вызов *04:03*, под ним короткое уведомление:

Ты не спишь?

Сердце стучит чуть быстрее, чем нужно.

— Прекрасно, — говорю я, — теперь он звонит среди ночи, как нормальный псих.

— Может, соскучился? — ухмыляется Кейт.

— Ага, после того, как засунул язык в глотку официантке из бара? Очень романтично.

Кейт фыркает.

— Забудь его, ладно? Ты заслуживаешь утро с кофе, а не с этим цирком. Пошли, я сделала кофе, пока мы окончательно не опоздали и на пары, и на жизнь.

Я кладу телефон на тумбочку. Пальцы разжимаются не сразу, и взгляд упрямо возвращается к экрану.

04:03.

Почему именно в четыре утра?

Глава 2

***

Доверие легко потерять.

Но настоящее зло — оно умеет ждать, пока ты снова поверишь.

***

Май.

Но в Миннесоте май — это просто красивое слово, которое по факту означает апрель, но чуть чище.

Я иду по кампусу, зябко прижимая руки к бокам. На мне толстовка, но ветер всё равно ухитряется пробраться под ткань, ударить в шею, в ключицы, словно специально проверяет: а точно ли ты проснулась?

Я втягиваю голову в капюшон. Настоящий эффект черепахи. Если бы я могла полностью спрятаться внутрь, я бы спряталась.

Люди проходят мимо — быстро, шумно, энергично. А я... просто иду. Слушаю шум листвы над собой. Чувствую запах утреннего кофе от кого-то, кто прошёл рядом. И в голове — странная пустота. Та самая, которая появляется, когда слишком рано утром и слишком мало сна.

Я поднимаю взгляд на здание колледжа. Большое, скучное, серое — как будто специально построено таким, чтобы

никто не ожидал от него ничего вдохновляющего.

Я поднимаюсь по ступенькам, когда за спиной раздаётся голос:

— Элли!

Моё имя звучит так громко, будто ударилось о стены и вернулось эхом. Я останавливаюсь. Не сразу понимаю, что это ко мне. Некоторые люди оборачиваются, а я — как будто нет. Внутри на секунду всё зависает. И только потом доходит.

Знакомый голос. Знакомый тон.

Я медленно поворачиваю голову.

И вижу его.

Джейсон стоит чуть в стороне, возле той самой скамейки, где вечно собираются первокурсники. Он выглядит так, будто случайно очутился здесь сам, хотя я знаю — ничего случайного в его появлении нет.

Он поднимает руку, будто боится, что я опять проигнорирую. На лице — что-то странное. Не раздражение. Не наглость. И даже не его фирменное «я всё ещё уверен, что ты без меня скучаешь».

Нет. Там лёгкая растерянность. И, может быть... вина? Тяжело понять.

Он делает пару шагов ко мне.

Я стою на месте. Просто смотрю. И всё, что внутри — это смесь холодного ветра и желания развернуться и сделать вид, что я не расслышала. Но я не ухожу. Я стою. Потому что так

проще, чем объяснять кому-то, почему ты не хочешь разговоров.

Джейсон останавливается в двух метрах. Не подходит слишком близко, как раньше. И это тоже странно.

— Элли... — говорит он уже тише. — Наконец-то ты...

Я чуть приподнимаю брови, не произнося ни слова. И он видит. Он прекрасно видит, что я не собираюсь облегчать ему задачу.

Секунда. Две. Он сглатывает.

А внутри меня всё ещё только одна мысль: май, холодно. И я не хочу этого разговора.

— Элли... — он делает вдох, выдох, — ну хватит уже дуться. Две недели? Серьёзно?

Я медленно поднимаю бровь, будто он сейчас сказал что-то потрясающе глупое.

А он и сказал.

— Дуться? — повторяю тихо. — Ты это так называешь?

Он морщится, будто ищет слова.

— Ну... да. Ты же игноришь меня. Уже две недели.

Я чуть улыбаюсь уголком губ, но улыбка выходит холодная.

— Джейсон... ты правда удивлён? После того, как ты в баре засунул язык той официантке?

Его лицо вздрагивает.

Вот это я понимаю — попадание.

— Это было... — он запинается, — недоразумение.

— Ага, — я киваю. — Твоё любимое слово. Как и всё, что ты делаешь.

Он подаётся ближе, но всё ещё держит дистанцию — странно, непривычно.

— Элли... перестань. Мы можем нормально поговорить?

Я выдыхаю. Я не хочу разговаривать. Я хочу пить горячий кофе и сидеть в аудитории с видом на сосны. А не вот это.

— Хорошо, — говорю я. — Давай поговорим. С чего начнём? С того, почему ты звонил мне в четыре утра? Это вообще нормально? Люди спят в четыре утра, если ты не заметил.

Он втягивает воздух, будто собирается с духом.

— Вообще-то... я переживал.

Я моргаю.

— Серьёзно? Переживал? Что, проснулся и понял, что официантка не отвечает тебе взаимностью?

Он закатывает глаза так драматично, что я почти слышу хруст.

— Элли, ну хватит...

— Хватит так хватит, — говорю я, уже разворачиваясь. — Разговор окончен.

Я делаю пару шагов — и вдруг слышу то, что заставляет меня остановиться.

— Вообще-то... сегодня ночью нашли тело девушки.

Я поворачиваюсь на автомате.

— В смысле? — спрашиваю я. — Опять?

Он кивает. Ветер задевает его волосы, и он выглядит так...

растерянно, что мне становится немного холоднее, чем было до этого.

— Да. Уже четвёртая за месяц.

Меня будто пронзает короткой ледяной волной.

Четвёртая. Чёрт.

— Элли... — он делает шаг назад, будто даёт мне пространство. — Она училась в нашем колледже.

Я не сразу понимаю смысл. Он доходит кусками, как медленно загружающийся файл.

— Что? — спрашиваю я, уже без иронии. — Из нашего?

— Да. — Он говорит тихо. — И всё так же, как в прошлые разы... — Он смотрит мне прямо в глаза. — Опять красная лента. На запястьях.

Я смотрю на него всего пару секунд. Этого вполне хватает, чтобы почувствовать, как внутри что-то смещается. Не обрушивается — нет. Просто холодное, маленькое, неприятное движение под рёбрами.

— Это ужасно, Джейсон, — говорю я ровно. — Правда. Но мне на пару.

Он будто не сразу понимает, что я решила закончить разговор. На его лице появляется то самое выражение, когда он готов спорить, удерживать, переубеждать.

— Элли...

Он поднимает руку — не резко, просто жест, будто хочет коснуться моего плеча или хотя бы остановить меня движением. Но я уже знаю эти жесты, знаю их последствия. И знаю,

как часто они превращаются в манипуляции.

Я делаю шаг назад. Небольшой, но очень чёткий.

Он замирает. Его рука повисает в воздухе, потом медленно опускается.

— Скажи мне, — он смотрит на меня в упор, — что мне сделать, чтобы ты простила меня?

У меня внутри всё сжимается.

Не от боли. От усталости.

Я смотрю на него так, как смотрят на человека, не понявшего очевидного.

А очевидное в том, что я больше не хочу его рядом. Не хочу разговоров, объяснений, попыток «вернуть». Не хочу снова проваливаться в те же грабли, только потому что он решил, что готов извиниться.

— Джейсон, — произношу я тихо, но твёрдо. — Ты не можешь это исправить. И не должен. Потому что я не хочу.

Он открывает рот, но я не даю ему продолжить.

— Мне пора, — говорю я и разворачиваюсь.

Я толкаю дверь корпуса. Она открывается медленно, с мягким скрипом, и на меня тут же вываливается тёплый запах коридора — кофе, дешёвого мыла и приглушённых голосов студентов.

Я делаю шаг внутрь.

Один. Второй.

И ровно в тот момент, когда дверь почти закрывается за моей спиной, слышу его голос:

— Ты всё равно меня простишь! — кричит он. — Ты же не можешь без меня, Элли!

Дверь медленно захлопывается — глухо, словно ставит точку.

Не могу без него? Смешно.

Я качаю головой, поправляю капюшон.

Если я чего и не могу, так это продолжать слушать его бред.

Глава 3

***

Самые тёмные истории начинаются в обычных местах — там, где никто не ждёт беды.

***

Я вхожу в аудиторию всё ещё с холодом под кожей — не от погоды, а от разговора с Джейсоном. Я выбираю место у окна — как всегда. Оттуда видно часть кампуса: скучные сосны и бетонная дорожка, по которой студенты вечно куда-то бегут.

Я опускаю рюкзак на пол и только поднимаю голову — как передо мной ставят стакан.

Кофе. Горячий. С карамельным запахом.

— Ты выглядишь так, будто готова умереть прямо на парте, — говорит знакомый голос.

Кейт плюхается рядом, шурша своим пуховичком, хотя на улице уже май.

— Держи. — Она толкает стакан ближе ко мне локтём. — Пей, пока не остыл.

— Спасибо, — отвечаю я и сразу делаю глоток. Горячий, сладкий, как я люблю. — Ты мой герой.

— Да знаю, — она отмахивается. — Кстати... ты слышала?

Я поднимаю бровь.

— О чём?

Кейт наклоняется ближе, глаза блестят не от радости — скорее от того, что она не может сдержать новость.

— Про девушку. Которую нашли ночью.

Холод поднимается со дна живота и рассеивается по рёбрам. Я тихо ставлю стакан.

— Я слышала, — говорю я. — Джейсон рассказал.

Кейт закатывает глаза.

— О, ну да, мистер «я всё ещё надеюсь, что Элли ко мне вернётся», — она кривит губы.

Я не отвечаю. Кейт не нужна обратная связь — она врывается дальше сама.

— Короче, — она понижает голос, — она была на втором курсе. И говорят... — Кейт делает паузу, как будто выбирает слова, — что она та ещё... шала... господи, прости, конечно. Ну такая — себе на уме. Разводила пацанов на деньги. Прям профессионально.

Я поднимаю голову.

— Кейт, вообще-то так нельзя. Она умерла.

— Ну а что? Если она такой была — это же не меняет фактов. Я не говорю, что она заслужила. Я говорю, что если бы не эта красная лента... я бы подумала, что её просто какой-нибудь очередной её «клиент» отправил на тот свет. Или мужик, которого она достала.

Я качаю головой.

— Ты иногда бываешь невозможной, Кейт.

Кейт поднимает бровь — мол, «а что я такого сказала?»

— и делает глоток своего кофе. — Я же не сказала, что мне всё равно, — бурчит она. — Просто... знаешь, какие слухи ходят. Все теперь только и говорят о ней.

— Я не хочу слухов, — отвечаю я, больше себе, чем ей. — Мне и того, что Джейсон рассказал, хватило.

Кейт внимательно смотрит на меня.

— Ты из-за Джейсона такая? Он тебе опять мозг выжег с утра? — спрашивает она тихо, уже без насмешки.

Я отворачиваюсь, делаю вид, что изучаю поверхность парты. На ней царапины, следы от ручек, какое-то старое сердечко, выведенное чьей-то тоскующей рукой.

— Не важно, — отвечаю я. — Просто устала.

Кейт фыркает.

— Я бы тоже устала, если бы мой бывший бегал за мной по кампусу как потерянный лабрадор. Слишком много эмоций для восьми утра.

Я улыбаюсь краем губ, совсем чуть-чуть. Даже эта маленькая ухмылка ощущается как усилие.

— Хочешь совет? — спрашивает она, подаваясь чуть ближе.

— Нет.

— Всё равно дам. — Кейт пожимает плечами. — Если он опять начнёт тебе звонить — блокируй. Без разговоров.

Я хмыкаю.

— И ещё, — добавляет она. — Когда доставят тело, полиция уже сказала, что будут проверять всех студентов. И в об-

щагах, и отдельно живущих. Так что... готовься к допросам.

Я поднимаю взгляд.

— Что? Зачем?

Кейт пожимает плечами, будто это не шок, а просто информация.

— Потому что она была отсюда, Элли. С нашего факультета. И если это тот же псих, который оставляет ленты... — она делает паузу, шепчет тише, — значит, он ходит где-то рядом.

— Рядом, — повторяю я почти шёпотом.

Кейт вздыхает, откидывается на спинку стула, словно только что сказала что-то лишнее.

— Я не хотела тебя пугать, — бормочет она. — Просто... ну, это факт. И все об этом говорят.

— Да никто никого не пугает. Просто... странно всё это.

— Странно — мягко сказано. Четвёртая жертва. Красная лента. Наш факультет. — Кейт поднимает руки, будто сдаётся. — Кому угодно станет не по себе. — Она вдруг выдыхает, будто сама устала от собственной серьёзности. — Ладно, хватит про это, — бросает она и ныряет в рюкзак. — Я вообще хотела тебе другое показать.

Она достаёт телефон, включает экран и начинает что-то листать.

— Вот, вот... где оно?.. а, нашла!

Она поворачивает экран ко мне, и я нависаю над телефоном, щурясь.

— Это что?

Кейт закатывает глаза так, будто я только что задала вопрос уровня «как меня зовут?».

— Ты что, читать разучилась? — протягивает она язвительно. — Или ты настолько ленивая, что тебе даже лень прочитать три строки?

Я хмыкаю, забираю телефон ближе к себе.

На экране — объявление.

Кафе Maple & Bean. Ищем помощника на смены.

Три дня в неделю.

Гибкий график. Опыт не требуется.

У меня внутри что-то щёлкает. Маленькое, приятное. Как будто жизнь внезапно решила напомнить: да, есть ещё вещи, которые не связаны с убийствами и бывшими.

— Ты же искала подработку, — говорит Кейт, подмигивая. — Вот. Там нормальный менеджер. И, по слухам, дают бесплатный маффин на каждой смене. Ради этого я бы сама устроилась.

— Я не ем маффины, — бурчу я.

— Мне будешь отдавать, — не моргнув, парирует она.

Я снова смотрю на экран.

Три дня в неделю.

Гибкий график.

Без опыта.

Идеально.

Кейт толкает меня локтем.

— А ну, скажи спасибо своей гениальной подруге. Я тебя спасаю от голода и нищеты.

Я улыбаюсь — тихо, почти незаметно.

Кейт довольно щурится.

— Ну вот, другое дело. А то сидишь тут вся мрачная, как будто тебя сегодня похоронили, — бормочет она, снова отхлёбывая кофе.

Я смотрю на объявление ещё пару секунд. Какая-то странная, тихая надежда шевелится внутри. Что-то обычное. Что-то нормальное. Что-то, что можно держать в руках.

— Может и попробую, — говорю я.

— Вот это разговор! — Кейт хлопает ладонью по столу, так что парень впереди вздрагивает.

Я тихо смеюсь. И ровно в эту секунду — на короткий момент — мне действительно становится легче. Как будто мир, несмотря на весь мрак снаружи, всё ещё держится на таких простых вещах: кофе, подругах... и странных кафе, где дают бесплатные маффины.

Глава 4

***

Не все монстры прячутся в темноте.

Некоторые просто сидят за той же партой.

***

Пары идут одна за другой, но я всё равно будто не здесь. Слова Джейсона, слухи от Кейт — всё это висит в голове, как тонкий туман, который никак не рассеивается.

На третьей паре я сижу снова у окна, слушаю преподавателя вполуха и стучу пальцами по столу, пытаясь сосредоточиться. Внутри всё ещё напряжение — как будто я жду чего-то неприятного, хотя сама не знаю чего.

Дверь внезапно открывается. Я поднимаю голову.

В аудиторию заходит женщина в строгом тёмном костюме. Резкая походка. Холодный взгляд. Не нужно спрашивать — это полиция.

Преподаватель отходит в сторону:

— Это детектив Моррис. Она сделает объявление.

Она смотрит на нас ровно, спокойно — так, что мне сразу хочется сидеть тише и даже дышать тише.

— Сегодня ночью, — говорит она, — была обнаружена студентка вашего колледжа.

Я замираю. Не дышу пару секунд. Сердце будто натыка-

ется на ребро.

— Мы расследуем серию похожих преступлений, — продолжает она. — И сейчас рассматриваем вероятность, что преступник связан с кампусом.

У меня холодеют ладони. Я автоматически сжимаю пальцы в кулак под партой.

Не хочу, чтобы кто-то заметил.

— Поэтому, — детектив обводит взглядом аудиторию, и мне кажется, что она задерживается на мне дольше, чем нужно, — нам необходимо опросить всех студентов. И проживающих в общежитиях. Всех.

Сзади кто-то тихо выдыхает.

Кейт шепчет:

— Офигеть...

Я не отвечаю. Просто смотрю на детектива и чувствую, как внутри всё стягивается.

— Если вы видели что-то подозрительное... слышали крики... замечали странное поведение... — она делает паузу, — вы обязаны сообщить. Даже если это кажется вам мелочью. Даже если вы не уверены.

Я сглатываю.

А вдруг я что-то видела?

— Мы работаем над тем, чтобы обеспечить вашу безопасность, — продолжает она. — И надеемся на сотрудничество.

Она кивает и выходит.

Я смотрю на окно — на серые сосны, на асфальт — и чув-

ствую, как внутри поднимается неприятный холод:

А если он действительно здесь? Где-то в этом здании. Где-то в коридоре. Где-то рядом со мной?

— Чёрт! — вырывается у меня вслух.

Кейт моментально напрягается.

— Что? Что-что-что? — шепчет быстро. — Ты что-то вспомнила? Что-то видела? Кто-то странный? Где?!

Я моргаю, вырываясь из собственных мыслей.

— Нет, — шепчу. — Я просто... задумалась.

Кейт выдыхает так громко, что парень перед нами оборачивается.

— Господи, Элли, — шипит она. — Я уже мысленно писала заявление в полицию: «Моя подруга вспомнила лицо маньяка и сейчас умрёт от шока». Не делай так.

Я закатываю глаза.

— Успокойся. Всё нормально.

— Нормально?! — шепчет она. — Девушку нашли убитой, детективы ходят по аудиториям, а ты тут «чёрт» шепчешь, как в ужастике перед скримером. Я что, не должна реагировать?!

Я отворачиваюсь к окну, стараясь скрыть улыбку. Но она всё равно её ловит.

— Ага, — протягивает Кейт, щурясь. — Смеётся! Весело ей!

Парень впереди снова оборачивается, и Кейт шепчет ему:

— Что смотришь? Пережил бы ты такое — тоже бы пи-

щал.

— Вы можете... говорить тише? — отвечает парень дипломатично. — Вообще-то лекция идёт.

Кейт медленно, театрально поднимает бровь и показывает ему средний палец под партой, так, чтобы увидели только мы трое.

Я едва успеваю толкнуть её локтем:

— Ты с ума сошла?! — шепчу, задыхаясь от смеха. — А вдруг он и есть убийца?

Кейт делает большие испуганные глаза:

— Ну всё, если я исчезну — знаешь, на кого показывать.

Преподаватель бросает на нас строгий, долгий взгляд — тот, который означает «ещё звук — и я вас уничтожу».

Мы замираем. Серьёзные. Образцовые. Примерные. Ровно на две секунды. А потом звонок рассекает тишину, и вся аудитория оживает.

— Пошли, маньячка, — шепчет Кейт, собирая вещи. — Пока нас обеих не арестовали за смех на лекции.

Глава 5

***

Ты чувствуешь тревогу?
Значит, мир уже что-то знает.

***

После пятой пары у меня ощущение, что мозг плавится и пытается вытечь через уши. Профессор нёс что-то про «социальные паттерны восприятия», я неслась мыслями куда угодно, только не в лекцию, а теперь ощущаю себя пустой пластиковой бутылкой — форма вроде есть, а содержимого ноль.

Мы с Кейт выходим из корпуса. На улице уже теплее — май наконец вспомнил, что он май, а не февраль. Я достаю телефон, прокручиваю объявление с Maple & Bean и нажимаю «Вызов».

Кейт идёт рядом и жмурится от солнца:

— Если они тебя не возьмут, я им позвоню сама. И устрою такое собеседование, что возьмут хоть на должность директора.

Я закатываю глаза и жду гудков. Через пару секунд слышу голос — мужской, усталый, но доброжелательный.

— Maple & Bean, менеджер на смене, слушаю.

— Здравствуйте, — начинаю торопливо, потому что Кейт

уже делает смешные рожи, изображая, как я «пытаюсь быть взрослой». — Я насчёт вакансии помощника. Я могу прийти на собеседование.

— О, отлично. — Он звучит искренне рад. — Можете сегодня? Где-то к семи?

Я смотрю на время. Четыре часа.

— Да, — говорю. — В семь подойдёт.

— Тогда ждём. И, пожалуйста... — он делает паузу — не опаздывайте. У нас сегодня короткая смена.

— Хорошо. Спасибо.

Я сбрасываю вызов — и Кейт взрывается рядом:

— Ооо, мисс Карьера! Слышала? Сразу «не опаздывайте»! Всё! Он тебя уже полюбил!

— Господи... — смеюсь я. — Это просто собеседование.

— Ничего подобного, — щурится она. — Ты сейчас вступила на тропу финансовой независимости. Скоро мы будем богаты.

— На маффинах?

— С малого начинается большое.

Я смеюсь и мы направляемся к парковке, где стоит её машина. Я уже собираюсь открыть дверь, как слышу сзади:

— Элли!

Нет. Только не он снова.

Мы оборачиваемся. Джейсон идёт в нашу сторону, руки в карманах, лицо — «я просто мимо проходил», хотя мы оба знаем: он никогда не «просто мимо».

— Тебя подвезти? — спрашивает он, будто это нормально. Будто утром он не орал мне вдогонку свои бредовые мантры.

Я открываю рот, чтобы сказать «нет», но Кейт делает это быстрее. Намного быстрее.

— Подвезти? — повторяет она, делая шаг вперёд. — Куда? В ад? Или к психиатру?

Я давлю смех.

Джейсон моргает.

— Я вообще-то нормально спрашиваю...

— А мы вообще-то нормально отказываем, — сладко отвечает Кейт. — Не видишь, она со мной? Мы вместе. Мы сила. Мы — две ноги одного человека. Куда она, туда и я.

Я прикрываю лицо рукой.

— Кейт...

— Не «Кейткай» мне тут! — отрезает она. — Быстро в машину. Пока этот сериал не перешёл во второй сезон.

Я открываю дверь и сажусь внутрь. Джейсон стоит, как будто хочет ещё что-то сказать, но Кейт уже трогается. Нагло. Быстро. С пробуксовкой.

— Ты ненормальная, — говорю ей, пристёгиваясь.

— Зато полезная, — говорит она с таким видом, будто спасла мне жизнь минимум три раза.

#

Мы подъезжаем к общаге. Здание нормальное: ни новое, ни старое, просто типичная студенческая «временная

жизнь».

Мы поднимаемся на третий этаж. Кейт открывает дверь нашим ключом, и нас встречает наше «богатство» — общажная квартира с двумя отдельными комнатами. Редкость. Привилегия. Шансы получить такое — один на миллион. Ну если только ты не Кейт. Её родители — кто-то там очень-очень важные, настолько важные, что лично «попросили» университет дать их дочери комнату получше. И Кейт выбрала меня как соседку. Потому что «ты не храпишь, не ешь в три ночи чипсы и у тебя нет идиотских привычек, от которых хочется биться головой о стену.

Я захожу в свою комнату. Рюкзак на полу, тетрадь на столе — будто они специально разложены так, чтобы сказать: «Ну наконец-то ты пришла».

— Что наденешь?! — орёт Кейт из своей комнаты, хотя мы в пяти метрах друг от друга.

— Я ещё не думала! — кричу я в ответ.

— Думай!

Я открываю шкаф и сразу тянусь к платью.

Чёрное. Простое.

Кейт появляется в дверях без стука.

— Ааа, — она кивает, — секси, но не слишком. Я одобряю. Если они тебя не возьмут — я вернусь туда ночью. С бензином. И со своей харизмой.

Я смеюсь.

— Спасибо за угрозу.

— Это забота. — Она делает вид, будто обижена. — Давай, собирайся. Мы должны сделать из тебя икону труда.

И, не дожидаясь моего ответа, она разворачивается и резко захлопывает дверь, оставляя меня в тишине и лёгком шоке.

Я стою несколько секунд, глядя на дверь, которая всё ещё слегка дрожит после Кейт. Потом выдыхаю, словно возвращаясь в своё тело, и снова смотрю на платье в руках.

Спокойное. Чёрное. То самое, которое я спасала от всех распродажных порывов «зачем оно тебе надо?».

Теперь — надо.

Я переодеваюсь быстро, почти машинально. Платье ложится по фигуре так, будто всегда знало моё тело лучше меня. Лямки мягко касаются кожи, подол едва закрывает колени — достаточно скромно для собеседования, достаточно уверенно для меня.

Я подхожу к зеркалу: немного туши, чуть-чуть румян. Беру сумку, глубоко вдыхаю и выхожу к двери.

Кейт машет рукой:

— Иди. Ты справишься. Только не нервничай, ладно?

Я улыбаюсь. И всё равно внутри что-то тихо, тревожно дрожит. Будто мир готовит мне нечто важное. То, что начнётся сегодня.

Глава 6

***

Мы всегда думаем, что всё под контролем.

Пока реальность не целится нам прямо в голову.

***

Я выхожу из общаги, и иду туда, куда ведёт навигатор. Вечерний свет ложится на улицы золотым фильтром, превращая даже самые скучные здания в что-то почти красивое.

Я иду быстро, но не потому что спешу. Потому что хочу отвлечься.

Здание общаги остаётся позади, и чем дальше я отхожу, тем реальнее ощущение, что я перехожу из привычного мира в какой-то другой — чуть темнее, чуть менее дружелюбный.

Навигатор ведёт меня через район, в который я обычно не захожу. Ничего ужасного — просто... не моё место. Пустоватые тротуары. Старые вывески. Граффити на стенах.

Я смотрю по сторонам и невольно думаю:

Ну и райончик. Отлично, Элли. Собеседование мечты, ага.

Я возвращаю взгляд к экрану. Остался один поворот — и я выйду на улицу, где стоит Maple & Bean.

Отлично.

Я морщу лоб, приближая навигатор. И вдруг над ухом срывается резкий крик:

— HEADS UP!

Я поднимаю голову ровно в ту секунду, когда в мою сторону летит мяч.

Удар. Глухой. Резкий. Сбоку. Точно в висок.

Зрение белеет, как будто кто-то включил прожектор прямо в мозг. Я падаю на асфальт, холодный, жёсткий. Телефон улетает от меня метров на тридцать, как будто сам решил спасаться.

Мир на секунду становится вязким. Пока не прорывается голос — высокий, испуганный, совершенно панический:

— Чёрт-чёрт-чёрт... пожалуйста, скажи что ты жива... ты слышишь меня? Ты меня слышишь?!

Кто-то склонился надо мной — лицо размытое, волосы растрёпанные, глаза широко открыты от паники.

— ТАЙЛЕР! — он орёт куда-то за спину. — ТЫ СЕРЬЁЗНО?!

Я пытаюсь сфокусироваться. Ничего не выходит. И только одна мысль прорывает туман:

Что, чёрт возьми, сейчас произошло?

Тот, что над мной, продолжает лепетать, почти заикаясь:

— Слушай, пожалуйста, не умирай, ладно? Это не кино! Ты не должна терять сознание! Чёрт, я не готов к такому стрессу!

Он звучит так, будто вот-вот начнёт рыдать.

Я пытаюсь открыть рот — сказать, что я не умираю, просто мой мозг сейчас ушёл на перезагрузку, — но выходит

только какой-то странный выдох.

Парень сглатывает.

— Тайлер! — вопит он куда-то влево, почти срывая голос. — ТАЙЛЕР, БЛИН, ИДИ СЮДА! СЕЙЧАС!

Я слышу шаги — медленные, уверенные, почти ленивые. Он выходит из-за ограды — кепка низко, торс голый, кожа чуть блестит от тренировочного пота. Он даже не ускоряется, хотя видит, что я лежу на асфальте.

Он подходит и останавливается надо мной. Просто стоит и смотрит сверху вниз — прямо на меня.

Парень, который нависает надо мной, срывается на крик:

— Наконец-то! Ты... ты видел, что ты сделал?!

— Что? — звучит откуда-то сверху, раздражённо, будто я — помеха, а не жертва удара. — Это просто мяч. Она не стеклянная, Сэм.

Сэм взвизгивает:

— Ты попал ей прямо в голову, идиот! Ты видел, как она упала?!

Тайлер молчит. Пару секунд. Потом едва наклоняется — ровно настолько, чтобы я увидела его глаза из-под кепки.

— Жива же. Дышит.

Я моргаю ещё раз, и мир медленно собирается в форму — как будто кто-то меня заново фокусирует.

Сэм всё ещё надвигается на меня почти лбом:

— Чувак! Господи... ну подвинься, наклонись, не знаю... сделай что-нибудь, а?!

Тайлер медленно переводит на него взгляд. Медленно — как будто ему наскучил весь этот спектакль.

— Ты драматизируешь, — бросает он лениво. — Она в сознании.

В сознании. Правда?

Странно, потому что ощущение — как будто мозг дёрнули за провод.

Я наконец пытаюсь приподняться на локтях — и тут же чувствую, как мир подо мной наклоняется. Сэм тут же подхватывает меня под плечи, панический до полной нелепости:

— Осторожно-осторожно-осторожно! Не шевелись резко! Можешь... ну... не знаю... умереть или что там бывает при сотрясениях.

— Я не умираю, — выдыхаю я едва слышно.

Тайлер бросает на меня взгляд сверху — короткий, почти ленивый.

— Ну вот, — произносит он ровно. Я же говорил.

— Ты говорил? Да она чуть башкой в бетон не ушла! У неё глаза в разные стороны смотрели!

Тайлер на секунду задерживает на нём взгляд. И вдруг — опускается на одно колено рядом. Не резко. Не заботливо. А так... как будто это просто действие, которое надо выполнить, чтобы Сэм перестал вопить. Он подкладывает руку мне под спину — уверенно, но без лишней нежности, будто поднимает не человека, а спортивную сумку.

— Сядь ровнее, — бросает он коротко.

Я моргаю.

Его пальцы холодные. Настолько холодные, что я чувствую их даже через ткань платья.

— Голова не кружится? — спрашивает он.

Я осторожно шевелю головой и выдыхаю:

— Нет... вроде нет. Чуть гудит, но всё нормально.

Тайлер коротко кивает, будто именно такого ответа и ждал.

— Попробуй встать. Если тебя качнёт — сядешь обратно.

Я упираюсь ладонями в асфальт и медленно поднимаюсь. Ноги дрожат, как будто не поняли, что инцидент уже закончился. Сэм держит меня за локоть, почти подпрыгивая от нервов.

— Осторожно, осторожно, осторожно... — лепечет он.

Я встаю. Колени чуть подгибаются, но я выпрямляюсь.

— Нормально... — выдыхаю. — Я в порядке.

Сэм смотрит на меня так, будто я только что воскресла.

— Ты уверена? Может тебе... ну... врача? Лёд? Психолога?

Я моргаю:

— Мне нужен только мой телефон. Он где-то улетел.

— А! Да-да-да! — Сэм начинает вертеться на месте, как спутанная собака. — Я... я помогу!

Он бросается искать телефон, заглядывая под скамейку, под куст, под бордюр — будто тот может внезапно убежать.

— Нашёл! — кричит он наконец, подняв телефон вверх, как трофей. — Вот он! Живой! Ну... почти.

Он подбегает ближе и, протягивая мне телефон:

— Тут чуть-чуть треснул уголок... но в основном всё нормально! Если что — ТАЙЛЕР тебе новый купит.

Тайлер резко поворачивается в его сторону.

— С чего бы это?

— Ну... — Сэм машет руками. — Ты же... это... ты попал! Ты и купишь! Логично же!

Тайлер протягивает руку:

— Дай сюда. — Он вырывает телефон из моих рук.

— Только осторожно! Это ценный объект! Человек может жить без еды, но не без телефона! — лепечет Сэм.

Тайлер даже не реагирует. Он поворачивает телефон, смотрит на трещину.

— Всё работает. — Он протягивает мне смартфон обратно.

Я беру его осторожно.

— Не урони, — бросает Тайлер спокойно.

Я моргаю.

— Что?

— На второй раз может не повезти.

Он говорит это ровно, без усмешки, без извинения, будто констатирует факт о погоде: идёт дождь, небо серое, второй удар может быть фатальным.

Он разворачивается к дальней стороне площадки — медленно, лениво, будто эпизод с мячом уже стёрся у него из памяти.

Сэм вскидывает руки:

— ТАЙЛЕР! — зовёт Сэм ему в след. — Ты серьёзно уйдёшь вот так?!

Тайлер даже не оборачивается.

— Ты справишься, — бросает он через плечо лениво. — Ты всегда справляешься.

И уходит.

Без оглядки. Без извинения. Без секунды сомнения.

Сэм смотрит ему вслед:

— Он... эм... не подумай. Он не злой. Он просто... такой.

Такой — звучит слишком мягко. Но я только выдыхаю.

— Всё хорошо, правда, — говорю я.

Сэм щурится.

— Ты уверена? Давай я тебя отвезу домой. Реально, без шуток. Я могу.

Я мотаю головой.

— Не нужно. Я почти пришла.

— Но... — он делает шаг ближе, всё ещё нервный. — Давай я хотя бы провожу? Тут район... ну... странный. Куда тебе?

— На собеседование.

Сэм моргает.

— На что?

— В Maple & Bean.

— Серьёзно? — он приподнимает бровь. — Так я знаю, где это. Мы рядом, совсем рядом, там через два поворота.

Я выдыхаю, пытаясь не рассмеяться.

— Сэм... не нужно.

Он поднимает руки, сдаваясь, но взгляд остаётся упёртым:

— Ладно, окей. Не провожу. Просто пойду в ту же сторону. Случайно.

— Ты же понимаешь, как это звучит?

— Да, — кивает он слишком серьёзно. — Как забота.

Он показывает в сторону улицы, приглашая идти.

— Maple & Bean — прямо там. Я тебя доведу до двери, и всё. Обещаю.

— Ладно... — я закатываю глаза.

Сэм расправляет плечи так, будто я дала ему орден за мужество.

— Окей! Отлично! Я... э... пойду рядом. Чуть-чуть сзади. Чтобы не мешать. Чтобы не пугать. Чтобы...

— Сэм, — перебиваю я. — Просто иди.

— Понял, — он быстро кивает, будто получил инструктаж от ФБР. — Идём.

Мы двигаемся вперёд. Он держит дистанцию, но всё равно чуть наклоняется каждые несколько секунд — проверяет, не шатаюсь ли я.

— Если станет плохо — скажи, — бормочет он. — Я понесу тебя. Или вызову скорую. Или... что угодно.

Я усмехаюсь:

— Всё нормально, Сэм.

— Ага. — Он кивает, но выглядит так, будто сам себе не верит. — Просто... вдруг.

Мы сворачиваем с угла, и ветер тут же цепляется за пряди моих волос. Сэм машинально делает шаг ближе, будто хочет подставить плечо, но останавливается, вспомнив про «дистанцию».

Он кашляет.

— Ещё чуть-чуть, — шепчет он, показывая вперёд. — Видишь? Вон вывеска. Мы почти у двери.

И правда — Maple & Bean светится мягким тёплым светом. Сквозь стекло видны столики, витрина с маффинами, парень за стойкой.

Мы останавливаемся прямо перед входом.

— Ну... — Сэм делает шаг назад, — вот и всё. Тут я тебя не трогаю. Дальше ты сама.

Он мнётся, дёргает шнурок на худи:

— Если что — я могу подождать за углом. Типа охрана. Моральная поддержка.

Я улыбаюсь:

— Сэм. Спасибо. Правда.

— Тогда может... ну... — он кашляет, — может, тебе дать мой номер? Так, на всякий случай. Если вдруг станет плохо. Или если... не знаю... в тебя снова прилетит мяч.

Я поднимаю брови.

— Номер?

Он быстро поднимает руки:

— Я не клеюсь! Не подумай! Чисто безопасность! Медицинская! Гуманитарная! Любая!

Я не удерживаюсь и улыбаюсь шире.

— Ладно, — говорю мягко. — Давай свой номер.

Он диктует, я ввожу, и — на автомате — делаю то, что он, кажется, не ожидал: я сбрасываю ему «глухарь».

— О! — он смотрит на экран, растерянно-хорошо. — Это... это мне?

— Чтобы ты тоже сохранил.

— Ага... да... да! Конечно! — он почти сияет. — Всё, теперь у нас связь. Контакт. Линия помощи. Горячая линия. Ну... ты поняла.

Я тихо смеюсь.

— Подожди. — Он резко хлопает себя по лбу.

Я приподнимаю бровь.

— Я... — он неловко улыбается, — как тебя зовут?

Я моргаю — и неожиданно смеюсь.

— Элли.

— Элли. — Сэм повторяет моё имя, будто сохраняет это не в телефон, а себе под кожу. — Круто. Тебе подходит.

Щёки его тут же вспыхивают, и он резко отводит взгляд, будто сказал что-то лишнее.

— Ладно, — он делает шаг назад, запихивая руки в карманы. — Тогда я пойду. Если что, обращайся. Правда. — Он чуть улыбается — неловко, но искренне. — И да... — он поднимает большой палец. — Если ты выжила после нашего

мяча — ты выживешь и после собеседования. Удачи Элли!

Глава 7

***

Ничто не начинается красиво.

Главное — что будет дальше.

***

Колокол над дверью звенит тихо — почти вежливо — когда я захожу внутрь.

Запах кофе накрывает сразу: тёплый, сладкий, чуть обжаренный. Внутри мягкий свет, деревянные стены, зелёные растения в банках... миленько. Очень миленько.

Не такая уж плохая идея, Элли.

Я делаю несколько шагов к стойке и оглядываюсь. Пусто. Никого. Только кофемашина тихо шкварчит на фоне, будто тоже ждёт своего момента.

— Эй, — говорю осторожно. — Тут есть кто-нибудь?

Тишина отвечает мне эхом.

Я уже думаю, что перепутала время, когда дверь в подсобку резко приоткрывается, и из-за неё выглядывает парень — лет двадцати восьми, может тридцати. Светлая рубашка закатана по локоть, волосы чуть взъерошены, как будто он пять минут спорил с кофемолкой и проиграл.

Он видит меня — и мгновенно улыбается, легко, обаятельно.

— О! Живая клиентка! Или... — он поднимает бровь, — ты на собеседование?

Я киваю.

— Тогда тебе везёт, — говорит он. — Менеджер задерживается. А я — временно играю её роль.

Он театрально приказывает мне:

— Прошу, присаживайся. Сейчас я проверю, достаточно ли ты любишь кофе, чтобы работать с нами.

Я моргаю.

— Ты...

Он слегка удивлённо улыбается:

— Я Зак. А ты — Элли, верно? Тот самый «кандидат на семь вечера»?

Я киваю ещё раз.

— Отлично. Значит так. Пока менеджера нет, я задам тебе пару вопросов. Это неофициально. Просто хочу понять: ты вообще выживаешь ввести заказ и не уронить чашку?

— Ну... — я улыбаюсь, — сегодня я уже пережила попадание мяча в голову. Думаю, чашку смогу удержать.

Зак приподнимает бровь.

— Мяч?

— Длинная история.

— Отлично. Люблю длинные истории. Особенно если они мешают людям приходить в себя. — Он щёлкает пальцами. — Ладно, садись. Сейчас сделаю тебе что-нибудь вкусное.

— Бесплатно?

— Брешь в бюджете компенсирую своей зарплатой.

Я смеюсь — и сажусь на высокий стул у стойки.

Он разворачивается к кофемашине:

— И да, — бросает он через плечо. — Я тут бармен. По совместительству бариста. Иногда психолог. Иногда техподдержка. Иногда человек, который отпугивает странных гостей.

— То есть ты работаешь за всех?

Он фыркает.

— Ну... менеджер Лора считает, что я «очень гибкий». А я считаю, что она просто любит экономить на персонале.

Он ставит чашку на стойку, и тёплый карамельный запах сразу будто укутывает меня.

— Это тебе. Нервный вечер требует сладкого.

Я беру чашку, ощущая тепло сквозь пальцы.

Чёрт. Он правда угадал.

Он смотрит на меня чуть внимательнее, чем требуется от баристы, — взгляд мягкий, тёплый, почти изучающий. И внезапно хлопает ладонями, будто принимает решение:

— Так! Мини-опрос. Неофициальный. Совсем не по правилам. Но я считаю его крайне важным.

Я моргаю.

— Ладно... задавай.

Он опирается о стойку, словно собирается провести психологический тест:

— Первое. Если клиент говорит «сделайте мне что-нибудь

сладкое», что ты сделаешь?

А)Паникуешь. Б) Делаешь вид, что умерла. В) Спрашиваешь, как сладко он хочет умереть от сахара?

Я непроизвольно смеюсь:

— Вариант В.

— Отлично, — он кивает. — У тебя есть потенциал к пассивной агрессии. Это ключевой навык в кофейне.

Он делает пометку в воображаемом блокноте:

— Следующий вопрос. Если кофемолка внезапно решит взорваться — а она периодически так делает, — что ты сделаешь? А) Кричишь. Б) Вызываешь экзорциста. В) Зовёшь меня.

— Вариант В?

— Правильный ответ всегда В, — важно говорит он. — Потому что она взрывается только, когда я рядом.

Я улыбаюсь шире.

Он готовится к новому вопросу — уже поднимает руку, когда вдруг... дверь входа звенит.

Тонкий звон. Поверх него — запах дыма.

Я поворачиваюсь.

Входит девушка — высокая, стройная, брюнетка с идеально прямыми волосами. На ней пальто, в руке пачка сигарет, а на лице выражение человека, который уже два часа злится, но не может вспомнить на кого именно.

Зак сразу выпрямляется:

— А вот и Лора.

Она поднимает взгляд, видит меня — и резко, хмыкнув, переводит глаза на него:

— Зак, что случилось?

— Это Элли, — радостно сообщает он. — На собеседование. Я уже немного разогрел её вопросиками.

Лора щурится:

— Разогревать ты будешь своих девушек в постели, а не кандидатов в этом кафе. Возомнил себя директором.

Она даёт ему лёгкий подзатыльник. Не больно. Зато очень показательно.

Зак драматично прижимает руку к голове:

— Это нападение на сотрудника. Я ухожу в профсоюз.

— Иди, — отвечает она сухо. — Там как раз не хватает клоунов.

Он отвешивает ей смешной поклон и отходит к кофемашине.

Лора возвращает взгляд ко мне — уже спокойный, деловой:

— Элли. Прости за это цирковое представление. — Она роняет пачку сигарет на стойку. — Я даже не была в курсе, что ты сегодня придёшь. Этот гад сам ответил на звонок и назначил собеседование.

Зак из-за стойки выкрикивает:

— Потому что у тебя был перерыв! Ты третий раз сегодня выходила курить!

Лора игнорирует, и жестом показывает на дверь в глубине:

— Пошли Элли.

Мы идём по узкому коридору. Лора идёт так, будто этот коридор принадлежит ей по праву рождения — уверенная походка, запах лёгких дорогих духов и лёгкий аромат табака, который она даже не пытается скрыть.

Она открывает дверь ногой.

Внутри кабинет: маленький, но аккуратный. Стол, компьютер, стопка бумаг и банка с конфетами. Банка, кстати, пустая — похоже, её использование строго одностороннее.

— Садись, — бросает она, указывая на стул напротив.

Я сажусь.

Она садится тоже, скрещивает ноги, закладывает волосы за ухо и смотрит так, будто я — документ, который нужно быстро прочитать и решить: выбросить или оставить.

— Так, Элли, — говорит она. — Начнём просто. Почему работа здесь? И, пожалуйста, не говори, что «любишь людей». Я в это не верю.

Я моргаю.

Хорошо. Будем честными.

— Мне нужна подработка, — начинаю я. — Я учусь недалеко, в кампусе, на четвёртом курсе психологии. И мне нужно чем-то закрывать вечера после занятий. А тут... — я оглядываюсь на уютные стены, мягкий свет, стеклянные баночки с растениями, — тут атмосфера нормальная. Не токсичная. И спокойная.

Лора чуть поднимает бровь.

— Психология, значит... отлично. Нам как раз нужен кто-то, кто выдержит истерики дофаминозависимых студентов в понедельник.

Она делает пометку в блокноте — быструю, резкую, почти хирургическую.

— График? — спрашивает она. — Когда ты вообще жива?

— После пяти. И по выходным — свободна.

Лора хмыкает, будто проверяет мою честность на рентгене.

— И ты уверена, что не будешь валиться с ног?

— Я... — я делаю короткий вдох. — Справлюсь.

Лора кивает.

— Ладно. Опыт есть? Любой? Хот-доги, фастфуд, продажи, обеденные линии?

— Никакого, — признаюсь.

— Это хорошо.

— Хорошо?

— Ноль опыта — ноль плохих привычек, — объясняет она. — Не придётся переучивать. С Заком, например, до сих пор мучаюсь.

Она делает пару быстрых пометок. Потом — ещё один взгляд на меня.

— Ты пунктуальная?

— Стараюсь.

— В Maple & Bean «стараюсь» означает «нет». Ты пунк-

туальная или нет?

Я выдыхаю:

— Да. Пунктуальная.

Она кивает и закрывает тетрадь.

— Хорошо. Тогда график. Первые недели — хаос. Ты выходишь, когда мне нужно. Никаких «ой, у меня там дела». Поняла?

— Да.

— Дальше — стабильный график. Скорее всего, три дня в неделю. Возможно — четыре.

Она встаёт из-за стола.

— И последнее. Самое главное.

Наклоняется ко мне чуть ближе.

— Умеешь ли ты общаться с людьми, которых иногда хочется выкинуть через окно?

Я улыбаюсь — чуть-чуть.

— Думаю... да.

Лора смотрит ещё секунду и кивает:

— Тогда ты нам подходишь.

У меня внутри что-то облегчённо хлопает крыльями.

Но Лора поднимает палец:

— Это не означает, что ты принята. Это означает, что я дам тебе шанс. Завтра — практика. После твоих пар. Часов в шесть. Зак тебя обучит.

— Зак? — уточняю.

Она закатывает глаза:

— Да. Наш местный бариста, полу-психолог. Не обращай внимания на его шутки. Иногда он полезный.

Она направляется к двери, и я тоже поднимаюсь.

— Пошли, — говорит она, разворачиваясь. — Я тебя проведу.

Мы выходим из её кабинета в коридор. Лора идёт быстро, как человек, у которого в голове одновременно десять дел и ни одно не терпит паузы. Я едва успеваю за ней, пока она коротко бросает через плечо:

— Кофе сейчас бесплатно не наливай. Зак уже наверняка что-то выдал без разрешения.

Я смущённо улыбаюсь. Она это замечает боковым взглядом:

— Он тебе уже льстил? Или рассказывал, что «все бариста — недооценённые гении»?

— Эм... — я сжимаю пальцы на ремешке сумки. — Что-то вроде.

— Типично, — хмыкает она. — Не ведись. Он милый, но если дать ему лишнюю свободу — через неделю заведёт фан-клуб и будет принимать заявки на автографы.

Мы сворачиваем налево, и Лора лёгким движением открывает дверь обратно в зал.

Зак вскидывает голову:

— НУ ЧТО?!

Лора даже не останавливается:

— Зак, веди себя прилично. И не трогай кандидатку. Она

ещё может передумать.

— Я ничего... — возмущённо начинает он, но Лора уже выводит меня ближе к выходу.

— Завтра к шести. И, Элли... — Лора осматривает меня — будто делает контрольную проверку на прочность. — Ты справишься.

Я киваю:

— Спасибо, Лора.

Она открывает мне дверь и махает ладонью, как бы выгоняя:

— Иди. Отдыхай. Завтра будет день посложнее.

Глава 8

***

Некоторые дни будто смеются над тобой — громко, жестоко, и ты просто падаешь лицом в кровать и молишься, чтобы завтра было тише.

***

Дверь общаги щёлкает чуть громче, чем обычно — или мне просто так кажется после всего, что сегодня произошло. Внутри тепло. И тише, чем должно быть. Коридор, лампы под потолком, знакомый запах дешёвого стирального порошка и чьих-то ароматных свечей. Дом. Ну, насколько общага вообще может быть домом.

Я поднимаюсь на свой этаж — ступени мягко гулко стучат под подошвами. Голова чуть гудит. Не больно — больше как от долгой дороги, когда мозг ещё не понимает, что уже можно остановиться.

Я вставляю ключ в замок. Дверь приоткрывается, и почти сразу слышу голос Кейт:

— Ну наконец-то! Я уже думала выезжать в город искать тебя! Ты не представляешь, какие сценарии я прокручивала в голове!

Я захожу внутрь и прислоняюсь к двери на секунду — просто чтобы выдохнуть.

Кейт стоит посреди комнаты в пижаме и с маской на лице — зелёной, как марсианская кожа. Волосы собраны наверх, нос в муке. Видимо, она пыталась печь. Или это косметическая мука. С ней никогда не угадаешь.

Она вскидывает руки:

— Ну?! Говори! Как прошло?! Кто там был?! В обморок от страха не падала?!

Я моргаю.

— Я... в порядке.

Кейт подлетает ко мне, хватает за плечи и начинает осматривать так, будто я проходила квест на выживание.

— В порядке... — бурчит она. — А ну быстро рассказывай. В деталях. Кто менеджер? Сколько их? Какие? Симпатичные? Строгие? Ты понравилась?

Я улыбаюсь. Слабо, но искренне.

— Лора. Её зовут Лора. Она... знаешь... строгая. И красивая. И будто знает, что я могу облажаться.

Кейт делает паузу.

— Ого.

Я смеюсь:

— И ещё был Зак. Бармен. Бариста. Полу-сумасшедший, смешной. Лора ему за это врезала по голове.

Кейт хлопает в ладоши:

— Боже! Это она — моя новая икона! Так, что ещё?!

— Завтра у меня практика. В шесть. Если всё нормально — возьмут.

Кейт сияет, как лампа на ярмарке:

— ДА! Я говорила, что ты пройдёшь! Я просто знала! Умная! Красивая! Работящая!

Я качаю головой, но она уже подхватывает меня под локоть:

— Что ещё?

Я колеблюсь секунду.

Не хочу драматизировать... но скрывать — тоже странно.

— Мне... — я чешу висок. — По пути в кафе прилетел мяч в голову.

Кейт моргает.

— Что?

— Баскетбольный. Прямо сюда, — показываю на висок.

Её глаза мгновенно округляются:

— Как... в смысле? — спрашивает она тихо, медленно, будто проверяет, правильно ли услышала.

— Кейт, всё хорошо, — говорю я уже мягче. — Там были ребята, они играли.

Кейт сужает глаза:

— Ребята. Какие ребята?

— Просто ребята. С площадки. Ошибка. Не злой умысел.

Она всё ещё изучает мой висок — как будто ожидает увидеть там шрам, синяк или дырку от баскетбольного мяча.

— Болит? — спрашивает она.

— Чуть гудит. Но ничего страшного.

Кейт делает короткий выдох, но напряжение в плечах

остаётся:

— Ладно... — она поднимает палец. — Только предупреждение: если это какой-то странный парень... или если ты завтра проснёшься и поймёшь, что тебя зовут не Элли, а «мисс Сотрясение», я лично их найду.

Кейт всё ещё смотрит на меня так, будто я — её потерянная дочь, найденная после цунами.

— И вообще, — добавляет она, — кто сейчас бросает мячи в людей? В каком году мы живём? В девяностом? Они что, играли в «выбивного»?

Я тихо смеюсь:

— Кейт... это был обычный баскетбольный мяч. И... они не специально.

— НЕ СПЕЦИАЛЬНО? — она поднимает брови. — Элли, если бы у меня был такой целебный оптимизм, я бы уже была президентом страны.

Она берёт меня за подбородок, наклоняет мою голову влево, потом вправо — словно осматривает товар перед покупкой.

— Так... зрение в фокусе? Два пальца видишь? — она тыкает мне в лицо чем-то похожим на... поварскую лопатку.

— Кейт, это кухонная лопатка.

— Я знаю, — она показывает её ещё раз. — Так видишь или нет?

— Вижу.

— Хорошо. А то я уже думала — всё, будем жить без тебя,

буду рассказывать твоим детям, какая ты была храбрая.

Я фыркаю:

— Дети? Кейт, у меня нет даже нормального...

— Парня, — добавляет она со скорбным кивком.

— Да уж, спасибо.

Кейт делает выразительный вздох.

— Ладно. Давай рассказывай. Кто эти ребята? Они хотя бы симпатичные?

Я моргаю.

— Ну... я не успела их рассмотреть.

Кейт прищуривается — и это тот самый её прищур «я сейчас докопаюсь до правды, даже если придётся тебя допросить под лампой».

— Элли. — Она складывает руки на груди. — Девушка, которую СБИЛИ МЯЧОМ, обязана была рассмотреть преступников. Это минимум.

— Это не преступники, Кейт.

— А-а-а, ну да, — она театрально кивает. —Преступники так не делают.

Я утыкаюсь в ладонь и смеюсь.

— Один... Сэм, — говорю я осторожно. — Он был... ну... нормальный. Паниковал. Сильно.

— Паниковал? — глаза Кейт мгновенно расширяются. — Значит, сразу влюбился. Это классика. Продолжай.

— Он звал второго. Тот и пришёл. Но...

— НО? — Кейт буквально подаётся вперёд.

Я непроизвольно прикусываю губу. Вспышка в памяти: кепка низко на лбу, голые плечи, спокойный взгляд.

— Он был вообще без эмоций.

— Без эмоций? — Она поднимает палец. — Значит опасный тип. Или красивый.

Я моргаю.

— С чего ты взяла, что красивый?

— Элли. — Она делает важное лицо. — Мужчина, который бросил мяч и не извинился — урод. А мужчина, который бросил мяч, не извинился, но при этом выглядел спокойно — сто процентов красивый.

Я закрываю глаза.

— Кейт...

— Что? Ты уже покраснела. Ты П. О. К. Р. А. С. Н. Е. Л. А!

— Я не краснела.

— Краснела. Краснеешь. И будешь краснеть! Кто он?!

Я вздыхаю:

— Откуда я знаю, кто он? Я даже с ним не разговаривала! Он... ну... стоял. Смотрел. Ушёл.

Кейт застывает.

— УШЁЛ?! Даже не спросил, как ты? Не извинился? Не предложил лёд? Не сказал: «Боже, принцесса, прости, что я тебя чуть не убил»?

— Нет, — я моргаю.

— Это либо психопат, либо модель «Calvin Klein».

— Кейт...

— Ладно, — она поднимает обе руки. — Давай по фактам. Имя?

— Тайлер.

— Номер?

— Нет.

Она поджимает губы:

— А номер Сэма?

Я зависаю. Молчание.

Кейт медленно наклоняется ко мне, как следователь ФБР:

— Эл-ли.

— Он был нормальный, — выдыхаю я. — И очень испуганный. И просто... вежливый. Я дала ему номер, чтобы он успокоился!

Кейт подпрыгивает:

— АГА!!! Значит, краснела всё-таки не из-за психопата-модели! Это был Сэм! Мальчик-паника!

Я закрываю лицо ладонями.

— Господи...

Я разворачиваюсь к своей комнате. Иду быстро, как человек, который хочет спрятаться под одеяло и исчезнуть из этого дня.

Кейт идёт за мной следом, комментируя в спину:

— Элли, стой! Я ещё не закончила допрос! Мы даже не начали обсуждать, как ты будешь отвечать ему на сообщения! А если он...

Я успеваю добежать до двери и резко захлопываю её пря-

мо перед её носом. Снаружи слышится возмущённый удар ладонью по двери.

— ЭЛЛИ! ОТКРОЙ! Нам нужно ОБСУДИТЬ твою новую личную жизнь! Не оставляй меня в неведении! ТЫ ДАЖЕ НЕ ВИДЕЛА СЕБЯ СО СТОРОНЫ — ТЫ УЛЫБАЛАСЬ, КАК ЧЕЛОВЕК, КОТОРОГО ПОЦЕЛОВАЛИ!

Я падаю на кровать лицом вниз.

Боже. Почему моя жизнь теперь как ситком?

Глава 9

***

Некоторые тревоги приходят не потому, что что-то случилось.

А потому что кто-то очень сильно боялся, что случится.

***

Я просыпаюсь от резкого, назойливого звонка. Где-то очень близко. Слишком близко. Телефон вибрирует прямо под щекой — я, видимо, заснула с ним в руках.

Я жмурюсь, пытаюсь открыть глаза и нажимаю *«принять»*, даже не глядя.

— Алло? — голос у меня как у зомби.

Поворачиваю голову к окну. На улице темно. Я щурюсь, смотрю на экран.

06:02.

Я моргаю ещё два раза, будто цифры могут измениться.

— Аллоооо?!

В трубке раздаётся тяжёлый, почти истеричный выдох:

— БОЖЕ, ЭЛЛИ! Ты живая?!

Я зависаю.

— Сэм?

Он тараторит так быстро, что слова сливаются в одну ли-

нию:

— Я уже придумал три сценария! Что ты умерла! Что ты в больнице! Что тебя похитили! Я уже расписал план, куда нам с Тайлером придётся смываться, если полиция устроит облаву! Ты понимаешь?! Я ПРОСНУЛСЯ С МЫСЛЮ, ЧТО Я — ПРЕСТУПНИК ПО СЛУЧАЙНОСТИ!

Я сажусь на кровати, держась за голову.

— Подожди... что? Почему?

— Ты мне не ответила! — трагично восклицает он.

— А ты мне писал?

— ДА! — почти кричит он. — Я вчера отправил сообщение! Нормальное! Вежливое! С заботой! Я даже смайлик поставил, хотя НЕНАВИЖУ смайлики! И ты молчала!

Я смотрю на экран. И правда — сообщение.

Как ты? Голова ок? Добралась?

Отправлено в 22:41.

— Сэм... — выдыхаю я. — Прости. Я не видела. Я уснула.

Он делает драматическую паузу.

— Ты живая?

— Живая.

— Не в коме?

— Нет.

— Не похищена?

— Вроде бы нет.

— Телефон не умер?

— Тоже нет.

Секунда тишины.

— Эх... — выдыхает он. — Понимаешь, Элли... я человек впечатлительный. Я не создан для таких стрессов. Меня можно убить даже неоправданной тишиной в мессенджере.

Я не удерживаюсь:

— Ты серьёзно?

— Абсолютно, — говорит он с трагизмом Шекспира. — Мой пульс поднялся до уровня марафона.

Я прикусываю губу, чтобы не рассмеяться.

— Сэм... ты мог просто подождать до утра.

— Я ПОДОЖДАЛ! — возмущается он. — ШЕСТЬ ЧАСОВ МОЛЧАНИЯ — это пытка! За шесть часов я успел: придумать трагический финал, отыграть твои похороны, представить арест, придумать алиби и, клянусь богом, начать учить мексиканский, чтобы сбежать за границу!

Я прикрываю лицо рукой.

— Сэм...

— Да?

— Спасибо тебе, что переживал.

Несколько секунд тишины. Потом тихое, честное:

— Ну... конечно. Мы же вчера тебе голову чуть не сломали.

Тепло расползается где-то под рёбрами.

— Со мной всё хорошо, — говорю я. — Правда.

Он выдыхает.

— Окей. Тогда... можешь спать. Или... делать, что делают

люди в шесть утра.

— Спать?

— Да. Это. Именно это. — Он усмехается. — Ладно, я отключаюсь, пока не сказал что-нибудь тупое.

— Ты уже сказал.

— Тогда тем более! Спокойной ночи... то есть... утренней ночи... ну ты поняла!

Он сбрасывает звонок и я смотрю на чёрный экран ещё пару секунд.

Он правда... просто взял и сбросил?

Я кладу телефон рядом и опускаюсь обратно на подушку.

Странный он... но какой-то... хороший странный.

#

После звонка Сэма я либо провалилась в сон на пару часов, либо просто лежала, глядя в потолок думая о вчерашнем дне.

Сквозь стену доносится стук — аккуратный, но недовольный.

— Элли? — голос Кейт звучит так, будто она уже час ходит туда-сюда. — Ты жива?

Я моргаю. Поворачиваюсь к двери.

— Да-а-а... — протягиваю сонно.

Дверь распахивается, и Кейт появляется на пороге моей комнаты — с кружкой кофе, в футболке с какой-то сарка-

стичной надписью, и выражением лица «я на тебя обижена, но всё ещё люблю».

— Ты вчера захлопнула дверь так, будто закрывала гроб с нашей дружбой.

Я сажусь, протирая глаза ладонями.

— Извини. Мне просто нужно было пространство.

Она делает паузу.

— Ладно. Прощаю. Но только потому, что ты выглядишь так, будто по тебе второй раз попали мячом.

Я фыркаю и опускаю ноги на холодный пол.

— Спасибо за заботу, доктор Кейт. Может, ты ещё фонариком мне в глаза посветишь?

— Могу, — она кивает серьёзно. — И даже проверю твой пульс. Если найду его, конечно.

— Очень смешно.

Кейт прислоняется плечом к косяку, делая глоток кофе.

— Хорошо, — выдыхает она. — Тогда давай собирайся. Нам надо успеть занять места подальше от сумасшедших.

— О, то есть ты хочешь сидеть одна?

— Ага, — она улыбается дерзко. — Но, видимо, опять буду сидеть около тебя.

Я смеюсь и швыряю в неё подушку.

— Хватит, иди отсюда. Дай мне надеть штаны.

— Ладно-ладно, — она отступает назад. — Но если ты через пять минут не выйдешь — я ворвусь сюда снова.

— Не смей.

— Уже на подходе!

Я тут же поднимаюсь.

— ВСЁ! Я ВЫХОЖУ!

Кейт делает победный жест и исчезает за дверью.

Глава 10

***

Опасность — это не взгляд.

Опасность — это отсутствие реакции

***

Коридоры кампуса гудят сильнее обычного — будто все студенты одновременно решили перешёптываться на повышенных тонах.

Мы с Кейт только подходим ко входу, как из толпы вырывается обрывок разговора:

— Её вообще-то нашли недалеко от тропы, той, что ведёт к остановке! Там же местные гуляют, взрослые, бегуны... не только студенты!

Кейт приподнимает бровь. Я прислушиваюсь.

Другой парень встревает:

— И кто-то сказал полиции, что видел там мужика вечером! Лет сорока пяти или пятидесяти. Взрослый.

— Так это... не студент? — шепчет девушка рядом.

Парень кивает уверенно:

— Ну да. И полиция теперь якобы «рассматривает внешнюю версию». Типа убийца мог быть вообще не из кампуса. Просто... воспользовался местом.

Кейт бросает на меня взгляд:

— Ну вот. Слышала? Всё. Паника отменяется.

Но разговоры вокруг продолжаются.

— Тогда почему они вчера ходили по аудиториям?! — возмущённо спрашивает кто-то.

Ему отвечают:

— Это тактика! Мой брат работает в шерифском департаменте. Они иногда специально давят на окружение, чтобы увидеть реакцию. Но вроде как... уже есть потенциальный свидетель. И подозрение на кампус падает.

Я чувствую, как плечи немного расслабляются. Есть свидетель — мужчина взрослый. Полиция сменила фокус.

Кейт наклоняется ко мне:

— Видишь? Ты можешь спокойно учиться. Маньяк вряд ли сидит у нас на парте.

Я киваю, хотя внутри остаётся тонкая, едва заметная заноза: если всё так просто — почему полиция вчера выглядела так, будто ищет убийцу прямо под столами в аудиториях?

Кейт шепчет:

— Только попробуй сегодня потеряться после пар. Я за тобой лично приду.

— Я не теряюсь, — бурчу я.

— Ты теряешься в собственных мыслях, — парирует она.

Мы поворачиваем за угол — и я врезаюсь плечом во что-то твёрдое. И знакомое.

Я поднимаю глаза.

Джейсон.

Рюкзак на плече, руки в карманы, лицо напряжённое так, будто он ждал именно нас.

— Элли, — произносит он ровно, но взгляд скользит по мне слишком внимательно. — Я искал тебя.

Я внутренне закатываю глаза. Кейт делает это внешне и демонстративно.

— Что-то случилось? — спрашиваю я осторожно.

Джейсон бросает короткий взгляд на проходящих мимо студентов — будто проверяет, не слушает ли кто-то.

— Ты слышала про свидетельство? Про... мужчину? — спрашивает он.

— Да.

Он медленно кивает, проводя пальцами по виску.

— Просто... будь осторожна. Ладно? Это может быть кто угодно. Даже если это не студент.

Кейт выступает вперёд, словно живая преграда:

— Спасибо за лекцию по технике безопасности, мистер «экс-бойфренд», мы уже в курсе.

— Я вообще-то серьёзно.

— Джейсон, — перебиваю я мягко, но твёрдо. — Всё нормально. Спасибо.

Он задерживает на мне взгляд ещё секунду — будто пытается прочитать мою реакцию — и только потом отступает.

— Ладно... — выдыхает он. — Тогда... увидимся.

Он разворачивается и уходит по коридору — быстрым, уверенным шагом, даже не оглядываясь.

Как только он скрывается за углом, Кейт закатывает глаза столь мощно, что я слышу это внутренним слухом:

— Господи. Мы можем пожить хотя бы один день без твоего бывшего? Или это уже часть расписания кафедры психологии?

Я тихо смеюсь и качаю головой.

— Он просто переживает.

— Переживает? — передразнивает она. — Он просто использует каждую возможность, чтобы подойти к тебе и сказать: «Элли, ты не понимаешь, но МНЕ БОЛЬНО». Как будто это конкурс на драматическое чтение!

Мы выходим к аудитории. Поток студентов рассасывается, шум постепенно становится ровнее. Я останавливаюсь перед дверью, крепче сжимая ремень рюкзака.

Кейт заглядывает мне в лицо:

— Ты точно окей?

Я киваю.

— Да. Просто... много всего.

Она мягко толкает меня локтем:

— Тогда давай выживем сегодня. А вечером — ты идёшь на практику. У тебя будет столько дел, что ты забудешь, как зовут твоего Джейсона. — Шепчет она и открывает дверь в аудиторию.

#

Аудитория гудит до тех пор, пока преподаватель не захлопывает папку так громко, что даже Кейт подпрыгивает.

— Короче, — шепчет Кейт, медленно приближаясь ко мне локтем, — если твой бывший сегодня снова подойдёт, я официально записываю его в список людей, которых мне нужно избегать. Он уже в моём личном красном списке.

— У тебя есть красный список? — шепчу я.

— Конечно. — Она делает широкие глаза. — Там четыре человека. И один профессор, но это отдельная история.

Я пытаюсь не засмеяться, но уголки губ всё равно предательски поднимаются. Преподаватель начинает лекцию, но Кейт склоняется ближе и шепчет:

— И вообще, если маньяк не из кампуса — замечательно. Может, это значит, что мы выживем этот семестр?

— Кейт, пожалуйста...

— Что? Ирония спасает жизнь. Это мой девиз.

Я уже открываю ноутбук, пытаясь сосредоточиться, когда дверь лекционной щёлкает.

Тихо. Но звук почему-то проходит по позвоночнику.

Я автоматически поднимаю глаза. И вижу его.

Тайлера.

Он входит слегка опоздав — как человек, который не считает нужным оправдываться. Легко, уверенно, с тем спокойствием, которое раздражает даже на расстоянии. Он проходит мимо преподавателя, кивая почти незаметно, и направляется к свободному ряду у стены.

Он даже не смотрит в мою сторону. Но мне достаточно доли секунды, чтобы понять:

Это он. Это точно он!

И он на моей лекции.

Здесь.

— Какого чёрта... — шепчу я, но звук выходит чуть громче, чем надо.

Кейт вскидывает голову:

— Что? Кто? Где пожар?

Я резко прячусь ниже, чуть ли не складываясь пополам, чтобы скрыться за спинкой предыдущей парты.

— Элли?! — шипит Кейт. — Что ты делаешь?

— Он здесь! — выдыхаю я так тихо, что почти беззвучно.

— Кто? Маньяк?! — Кейт инстинктивно толкает свою сумку, будто это может быть оружием.

— Нет! — я хватаюсь за её руку, чтобы она не устроила шоу. — Тот... этот... баскетбольный мяч!

Кейт приподнимается ровно настолько, чтобы посмотреть вперёд.

— Где? — шепчет она, как спецагент на операции.

— Не смотри! — шиплю я. — Сядь! Быстро!

Кейт медленно опускается обратно и наклоняется ко мне лицом:

— Ты... правда прячешься под партой от парня, который попал в тебя мячом?

— Он выглядел опасно, — сквозь зубы отвечаю я.

— Он выглядел горячо, — парирует она. — Это разные вещи, но обе достойны внимания.

Я закрываю глаза рукой.

Потрясающе. Просто идеально.

Кейт щурится, изучая меня, как будто пытается собрать пазл из моих нервных клеток.

— Это Сэм?

Я резко поднимаю голову, что едва не стукаюсь о край парты.

— Тайлер, — шепчу я, чувствуя, как уши начинают нагреваться. — И вообще... какого чёрта он тут делает?!

Кейт высовывается ровно на миллиметр, чтобы снова взглянуть вперёд.

— Хм... ну он выглядит так, будто знает, зачем пришёл. И кому пришёл на нервы.

Я ударяю её локтем под столом:

— НЕ СМОТРИ ТАК ОТКРЫТО!

Кейт театрально поднимает руки:

— Хорошо, хорошо. Не буду.

Кейт отводит руки, но её глаза всё равно блестят, как у человека, который только что нашёл новую игрушку для допроса.

— Но он красавчик... — она снова чуть-чуть тянет шею вперёд. — Этот взгляд... холодный... как лёд на Миннесотском озере... ммм...

— Хватит! — шиплю я. — Боже, хватит! Он... он не кра-

савчик.

— Да ладно тебе, Элли! — Она толкает кого-то локтем справа. — Эй, чувак!

Парень рядом вздрагивает так, будто его ударили током.

— Ч-что?

Кейт склоняется к нему:

— Слышь, пацан, ты знаешь, кто это? — и показывает подбородком вперёд.

Парень смотрит вперёд, потом на нас, будто проверяет, действительно ли речь о том, о ком он думает.

— Тайлер? — он чуть тянет шею, чтобы разглядеть лучше.

— Да-да, — шепчет Кейт, кивнув подбородком, — тот, в серой ветровке.

— Ну... да. Я слышал, что он на криминологии. Пятый курс вроде.

Кейт тихо протягивает:

— О-о-о... старшак.

Парень кивает:

— Типа брал академический отпуск на год. Или отсрочку. Кто-то шептал, что у него были проблемы... личные. Или, ну... семья. — Он делает паузу, понижая голос. — Или что-то посерьёзнее.

У меня внутри что-то дёргается.

— Но он умный, — торопливо добавляет парень, будто боится быть неправильно понятым. — Реально умный. У

него всё «А» плюс. Я вообще видел, как он пришёл на пересдачу по криминальной психологии, сел, написал за сорок минут и ушёл. Преподаватель потом сказал, что это лучшая работа за весь курс.

Кейт свистит сквозь зубы:

— Интеллект плюс лицо — равно опасное комбо.

Парень нервно хмыкает.

— Если честно... — он наклоняется чуть ближе, — говорят, что из него выйдет классный адвокат. Или профайлер. Не знаю. Но он... — он снова бросает взгляд вперёд, — явно не из тех, кто «просто существует».

Я выдыхаю, не зная, что делать с информацией.

Кейт же уже светится так, будто услышала эксклюзивное интервью.

— Элли, — шепчет она мне в ухо, — ты понимаешь, что у тебя теперь лекция с главным гением факультета?

Я закрываю лицо рукой.

— Потрясающе... — шепчу. — Просто... замечательно.

Парень криво улыбается:

— Только... вы с ним поаккуратнее. Он не особо общительный. Такой... сам по себе, что ли.

— Не волнуйся, — отрезаю я. — У меня нет планов общаться.

Кейт тихо фыркает:

— Заметно. Особенно учитывая, что ты сейчас под стол ныряешь.

Я отталкиваю Кейт плечом, пытаясь снова выпрямиться, но делаю это так неловко, что выглядываю из-под парты ровно в тот момент, когда аудитория стихает. Потому что преподаватель перестаёт писать, и я ощущаю её взгляд ещё до того, как поднимаю глаза.

— Мисс Эли Кларк, — произносит она так спокойно, что становится страшно.

Я замираю пополам согнувшись — не сидя, не стоя, не лежа. Идеальная поза для полного позора.

— Вы ищете убежище? — продолжает преподаватель, слегка наклоняя голову. — Или под столом сегодня проходят дополнительные консультации?

У меня внутри всё мгновенно взрывается паникой. И я — клянусь — совершенно инстинктивно делаю худшее, что можно сделать в такой момент:

Резко хлопаю крышкой ноутбука.

ГРОМКО.

Так громко, что звук выстреливает по аудитории, как выстрел.

Все одновременно оборачиваются.

Кейт прижимает руки к лицу:

— О Боже, Элли...

Преподаватель моргает:

— Я надеюсь, ваш ноутбук в порядке, мисс Кларк. Хотя... если он пытался сбежать от происходящего, я его понимаю.

Аудитория начинает хихикать.

Я горю и тихо шепчу Кейт:

— Он повернулся? Скажи...

— Пока нет, — шепчет она. — Но если ты продолжишь устраивать взрывы, то даже Ленин там в Москве перевернётся и попросит выключить тебя.

Преподаватель складывает руки на груди:

— Мисс Кларк, если вы планируете ещё один акт агрессии против техники, прошу хотя бы предупредить. Мы постараемся надеть защитные очки.

Хохот по аудитории усиливается. Я сглатываю — громко, болезненно — и понимаю, что единственный способ не умереть прямо на этом стуле: извиниться.

Я поднимаю глаза на преподавателя, чувствуя, как голос предательски дрожит.

— Извините... — выдавливаю я тонко. — Я... я правда не хотела... э-э... нападать на ноутбук.

Преподаватель наклоняет голову:

— На нюансы формулировок я даже не буду реагировать, мисс Кларк. Главное, что ваш ноутбук выжил. И аудитория тоже.

По залу прокатывается вторая волна смешков. Я почти сжимаюсь до размера стачной нитки.

— Больше не буду, — добавляю я еле слышно. — Обещаю.

Преподаватель кивает:

— Вот и отлично. Давайте попробуем продолжить лек-

цию, не рискуя жизнью техники.

Она разворачивается к доске. А я — просто вжимаюсь в спинку стула, пытаясь исчезнуть.

Я стараюсь сидеть тише ветки в лесу, но внутри всё дрожит — ровно до того момента, пока я не поднимаю глаза ровно на секунду.

И вижу.

Не взгляд. Не поворот головы.

Нет.

Пальцы. Его пальцы. Тихие, спокойные, лежащие на столешнице. И вдруг — еле заметное, почти невесомое движение: он постукивает кончиком ручки по поверхности.

Раз...

Пауза.

Два...

Пауза.

Три...

Ритм странный. Чёткий. Слишком осознанный для случайности. Как будто он размышляет. Слышит. Чувствует.

Мурашки проходят по позвоночнику.

— Элли, — шепчет Кейт.

Я сглатываю.

— У него рука...

— Что рука? — Кейт дёргается. — Она отвалилась?

— Он... постукивает.

Кейт моргает:

— Ты скрываешься от человека, потому что он постукивает ручкой?

— Нет! — шиплю я. — Это... не просто так.

— Конечно. Всё, что он делает, не «просто так». Даже дышит, наверное, со смыслом.

Я закрываю глаза рукой.

Боже... почему это вообще происходит со мной?

#

Лекция закончилась так резко, что я не успела даже осознать звук хлопнувшей папки. Я выскакиваю. Стул падает на пол — громко, как будто я объявила эвакуацию.

— Элли! — кричит Кейт. — Подожди! Ты куда?!

Я не оборачиваюсь.

Мне плевать. Я должна выйти первой.

Пока он не вышел. Пока его шаги не оказались позади меня.

Я выскакиваю в коридор, упираюсь спиной в холодную стену и пытаюсь вдохнуть воздух. Кейт настигает меня через десять секунд:

— Элли! — она хватает меня за запястья. — Ты что устроила?!

Я сглатываю.

— Пошли отсюда, — выдыхаю я, почти шёпотом, но так твёрдо, как только могу. — Пожалуйста... просто пойдём.

Кейт моргает, мгновенно считывая моё состояние.

— Ладно. Хорошо. Уходим.

Кейт тянет меня вперёд по коридору, пока мы не оказываемся за поворотом, где шум аудитории приглушён.

— Всё, — говорит она, чуть наклоняясь ко мне. — Мы ушли. Теперь объясни, что это было?

Я трясу головой.

— Я... я не хочу с ним пересекаться.

Кейт приподнимает бровь.

— Элли. Ты выглядела так, будто он тебя преследует. Хотя он сидел на другом конце аудитории и делал НИ-ЧЕ-ГО.

— Вот именно! — выпаливаю я. — Он ничего не делал! Это ещё хуже!

Кейт хлопает глазами:

— Милая. Это называется «общение с интровертами». Они обычно ничего не делают.

Я раздражённо трясу головой.

— Ты не понимаешь. Он... он может мне предъявить!

— За что? — Кейт скрещивает руки. — За то, что ты отлетела от мяча?

— За то, что я вообще... — я запинаюсь, — попала в его поле зрения.

— Элли, ты можешь бояться кого угодно. Но не человека, который, кажется, даже не понял, что ты вообще существуешь. Это ты его заметила, не он тебя.

Я моргаю.

— Серьёзно, мышонок. — Кейт смотрит на меня внимательнее. — Он даже не повернулся, когда ты чуть не устроила взрыв в аудитории. Если бы он хотел что-то сказать тебе... он бы уже это сделал. Так что расслабься. Он точно не тот, кто будет к тебе с претензиями подходить. Скорее он тот, кто будет делать вид, что люди — это просто шум в комнате.

Я слабо улыбаюсь.

— Я просто не хочу, чтобы он оказался рядом, — признаюсь я.

Кейт берёт меня под руку.

— И не будет. Мы уйдём быстрее всех.

И тянет меня к лестнице.

Глава 11

***

Иногда вежливость спасает жизнь, но молчание — душу.

***

К вечеру я будто выдыхаюсь.

После лекций мы с Кейт разошлись у кампуса. Она гулять, а я домой — в свою комнату, где царил такой хаос, что мне стало неловко даже перед самой собой. Я провела добрых сорок минут, складывая одежду, оттаскивая кружки на кухню, переставляя учебники, которые образовали неряшливую башню у кровати. Потом я пару минут смотрела в учебник по психологии — ровно до того момента, пока слова не начали сливаться в одну длинную чёрную линию.

Когда телефон завибрировал, я вздрогнула.Всего лишь напоминание:

Смена в 18:00.

Выходи в 17:30.

Я смотрю на время — ***17:10***.

Я встаю, подхватываю рюкзак, проверяю — кошелёк, ключи, тетрадь, телефон. Последний раз смотрю в зеркало — чуть растрёпанные волосы, усталые глаза, слишком честное отражение.

— Нормально, — шепчу я, хотя ощущение совсем другое.

Дверь захлопывается за спиной громче, чем нужно — будто подталкивает. Я поправляю лямку рюкзака, делаю глубокий вдох и выхожу в коридор.

Ну что... вперёд. Пора становиться взрослой — хотя бы на пару часов смены.

#

Дверь в кафе открывается лёгким звоном, когда я вхожу внутрь. За стойкой кто-то поднимает голову, щурится — и расплывается в нагловатой ухмылке.

Зак.

Высокий, уверенный, в чёрном фартуке, который сидит на нём так, будто его специально под него шили.

— О, — он сперва делает вид, что не верит собственным глазам. — Неужели это та самая новая практикантка?

— Привет... — выдыхаю я.

— Привет-привет, — он облокачивается на стойку. — Ну что, готова к своему... потрясающему, незабываемому, атмосферному первому дню?

— Это звучит как угроза.

— Это и есть угроза, — подмигивает он. — Но не переживай. Я сегодня добрый.

Я нервно поправляю рюкзак:

— Что мне... делать?

Зак хмыкает так, будто это его любимый вопрос.

— Сначала — надень фартук. Чтобы выглядела как часть команды. А потом...

Он разворачивается и стучит пальцем по огромной блестящей кофемашине.

— Познакомься с чудовищем.

— С чем? — я моргаю.

— С машиной, — драматично шепчет он. — Она жрёт души новичков. Но если вы подружитесь — будешь делать лучший латте на районе.

Он протягивает мне фартук:

— Давай, Элли. Прими свой бариста-крест.

Я надеваю фартук, чувствую себя нелепо, а он оценивающе смотрит сверху вниз.

— Ага. Подходит, — заключает он. — Всё, теперь ты одна из нас. Ну, почти. До первой чашки кофе.

Он подзывает меня ближе:

— Итак. Урок номер один. Пена.

— Мы сразу начинаем с этого? — уточняю я, пытаясь хоть как-то выглядеть уверенной.

— Конечно. Это как научиться плавать: либо делаешь правильно, либо тонешь. Но красиво.

Он подаёт мне металлический питчер.

— Держи. Это твой... эээ... ковшик для молока.

Я беру его, как опасное оружие.

— Расслабь руки, — смеётся Зак, вставая ближе. — Ты выглядишь так, как будто боишься, что оно взорвётся.

— Оно может взорваться?

— Нет, — он делает паузу, — но лучше не проверять.

Я выдыхаю, становлюсь ближе к машине. Зак — позади, но не навязчиво, только немного направляет мою руку.

— Вот. Смотри. Чуть ниже. Чуть правее. Не в себя — в молоко. Отлично.

Я чувствую тепло его руки поверх моей. И внезапно понимаю, что дышу слишком быстро.

— Не бойся, — говорит он тихо. — Она всего лишь шумит. Это не бомба.

— Очень помогает, спасибо, — шепчу я, когда паровая трубка выпускает первый шипящий звук, и я дёргаюсь.

Он смеётся:

— Ты просто очаровательна, когда пугаешься.

Я краснею.

Пена поднимается — неожиданно красивая, ровная. Зак наклоняется, заглядывая внутрь:

— Ничего себе... — он поднимает бровь. — Мы что, сделали нормальную пену с первого раза?

Я моргаю:

— Это... хорошо?

— Это чудо, Элли. Настоящее майское чудо. Клиенты будут плакать от счастья.

Он ставит питчер на стол:

— Ну что. Готова попробовать налить рисунок?

— Серьёзно? Сейчас?

— Конечно. Пока удача на твоей стороне. Потом всё будет хуже.

— Зак!

Он улыбается:

— Ладно, ладно. Давай начнём с сердечка. Если получится — я буду впечатлён. Если нет — тоже нормально. Мне всё равно нравится смотреть, как ты стараешься.

Я закусываю губу и пододвигаю чашку ближе. Зак становится сбоку — слишком спокойно и слишком близко, чтобы я могла думать рационально.

— Давай, Элли, — его голос ниже обычного. — Лей.

Я делаю вдох. Наклоняю питчер. Белая струйка молока тянется в центр кофе — едва-едва ровно.

— Хорошо... — Зак почти шепчет, наблюдая за моей рукой. — Теперь чуть шире. Нет, не так широко, ты сейчас...

Моя рука дрожит. Струя уходит в сторону. Молоко ложится странным мазком. Потом каким-то кругом.

Потом делает линию, похожую на хвост.

Я замираю. Зак — тоже.

— Эм... — я смотрю на чашку. — Это... это что?

Он наклоняется над кофе и щурится, будто изучает археологическую находку.

— Это... — он делает паузу, — ну... это... не сердечко.

— Спасибо, Кэп.

Он поднимает чашку на уровень глаз:

— Это... — он моргает, — почему у него два хвоста?

— Это попытка сердца, — мрачно отвечаю я.

— Элли, — Зак ставит чашку обратно, прижимает кулак к губам, сдерживая смех, — это выглядит так, будто маленький демон решил помахать нам ручкой.

— Замолчи.

Он наклоняется ко мне ближе:

— Ты сделала демонический латте. Это талант. Это дар.

Я закрываю лицо ладонями:

— Я ненавижу всё.

— Не-не-не, — он мягко отнимает одну руку от моего лица. — Смотри на меня.

Я смотрю — и понимаю, что это плохая идея. Он улыбается — чуть-чуть, краем губ.

— Расслабь руку, — говорит он уже спокойно, почти тепло. — Давай ещё раз. В этот раз — я направлю твою.

Он кладёт свою ладонь поверх моей. Не торопясь. Уверенно. Размеренно. Контакт горячий — настолько, что у меня дыхание сбивается на секунду.

— Вот так, — тихо произносит он. — Держи ближе к центру... теперь подними... отлично. Видишь? Получается.

— Я не вижу, — шепчу я. — Я вижу твою руку.

Он усмехается:

— Я знаю.

Но не убирает её. Только чуть сильнее обхватывает мои пальцы — так, будто фиксирует меня в этой точке.

Мы вдвоём наклоняем питчер. Чуть. Аккуратно. Белая

линия ложится ровнее. Плавнее. Красивее.

— Вот, — шепчет он. — Почти.

Он тянет линию вверх — и в чашке появляется что-то... ну... что-то похожее на сердце.

— О! — выдыхаю я. — Мы сделали! Оно... почти нормальное!

Зак смотрит на рисунок и ухмыляется:

— Это сердце похоже на то, что пережило развод и депрессию.

Я ударяю его локтем:

— Зак!

Он смеётся:

— Шучу. Неплохо для первого раза. Иногда даже клиенты такие принимают.

— Иногда? — возмущаюсь я.

— Иногда, — повторяет он, и снова кладёт свою руку поверх моей, чуть сжимая. — Давай ещё раз.

Он встаёт у меня за спиной, практически касаясь плечом, направляя мою руку. Я чувствую его дыхание возле уха, тёплое, спокойное. Его ладонь ложится поверх моей, пальцы переплетаются почти невесомо.

— Вот так... — шепчет он. — Ниже. Чуть ближе. Отлично, Элли.

И ровно в эту секунду... дверь звенит. Звук — обычный. Но проходит по мне, как холодный ток. Зак не замечает — он слишком увлечён уроком.

Но я чувствую. До того, как поднимаю взгляд. До того, как вижу.

Тайлер.

Он стоит в дверях. Не двигаясь. Не моргая. Оценивает всё кафе одним взглядом. И застревает на нашей позе.

Зак замечает взгляд только через пару секунд.

— О... — выдыхает он тихо и отходит от меня мгновенно, будто обжёгся. — Привет.

Тайлер не отвечает. Он подходит к стойке ровным шагом — медленным, уверенным.

— Зак. На минуту.

Зак дёргается — едва заметно.

— Да... конечно. — Он смотрит на меня коротко, как будто говорит «прости», и сразу же направляется к двери.

Дверь звонко открывается. Хлопает. И оба оказываются на улице. Через стекло видно, как Зак стоит прижатый плечами к стене. Тайлер — ровно напротив. Лицо спокойное, но что-то в его позе — железное, стальное. Я не слышу ни слова. Но по тому, как Зак несколько раз кивает, становится ясно: разговор идёт не о кофе.

Проходит ровно полминуты, прежде чем дверь снова открывается. Зак выходит первым. За ним — Тайлер.

— Капучино, — спокойно говорит Тайлер, подходя ближе к барной стойке.

Зак делает шаг:

— Да, сейчас...

— Нет. Она. — Он кивает в мою сторону.

Я моргаю:

— Я... это мой первый день. Я не умею нормально...

— Научишься, — ровно перебивает он.

— Я только пришла, — возражаю я. — Я не уверена.

Он поднимает глаза на меня.

— Зато я уверен. Мне капучино. С собой.

Зак пытается вмешаться:

— Может, я сделаю? Она...

— Зак.

Одно слово. И Зак мгновенно замолкает.

Я чувствую, как внутри поднимается злость — не сильная, но живая. От его тона. От этой уверенности. От того, что он смотрит на меня так, будто я обязана.

И прежде чем успеваю испугаться собственных слов, выдыхаю:

— Ладно. — Я ставлю питчер на стойку громче, чем нужно. — Я сделаю.

Он чуть приподнимает бровь. Совсем едва.

— Но предупреждаю, — добавляю я, поворачиваясь к машине. — Это может быть самое ужасное капучино в твоей жизни. Я ещё учусь.

Зак в ужасе шепчет:

— Элли...

Но Тайлер отвечает спокойно, почти лениво:

— Ничего страшного. Я выдержу.

Я включаю пар. Металлическая трубка дрожит в моей руке, и я почти дрожу вместе с ней.

— Ладно... — шепчу себе под нос. — Просто держи ровно.

Я опускаю питчер. Слишком медленно. Слишком осторожно. Пар врезается в молоко — и оно вскипает, будто протестует. Пузырится. Плюётся в стороны. Я кусаю губу, сдерживая тихий мат. Молочная пена поднимается неравномерно — комками, будто у неё собственный характер. Я пытаюсь поймать правильный угол, чуть наклоняю руку... но струя вырывается сбоку и облепляет стенку питчера.

Я втягиваю воздух:

— Ох... нет-нет-нет...

Шипение становится громче. Почти оглушает. Я поворачиваю питчер, пытаясь поймать баланс — угол, звук, движение. Мне казалось, это легко. Но сейчас... сейчас кажется, что эта машина питается моей нервной системой.

Я смотрю внутрь. Пена — не ровная. Не бархатная. А похожа на взбесившиеся облака. Я задыхаюсь от неловкости и достаю стакан. Пальцы дрожат, когда я переливаю молоко. Часть выливается слишком резко, часть — медленно, неудачной струёй.

Я ставлю крышку. Разворачиваюсь и протягиваю стакан. Он берёт его без спешки. Пальцы касаются моих — холодные, как будто лёд. Я дёргаюсь, но он не двигается. Только смотрит.

Секунда. Две. Три.

И только тогда тихо произносит:

— Я так и думал, что ты упрямая.

Молнией по позвоночнику.

— Что?

Тайлер делает глоток — спокойно. Как будто пьёт не капучино, а воду. Он отводит стакан от губ, чуть поворачивая его, словно оценивает профессионально, а не как случайный покупатель.

Пауза. Тишина. Долгая, почти намеренная.

И затем:

— Очень даже неплохо.

— Я... — у меня сбивается дыхание. — Это мой первый день.

— Тогда посмотрим, чему ты научишься завтра, Элли Кларк, — тихо заключает он. Разворачивается. И просто уходит.

Зак медленно выдыхает — громко, отчаянно, как человек, который всё это время держал воздух и боялся дышать.

— Чёрт... — он закрывает лицо рукой.

Я оборачиваюсь:

— Ты... ты знаешь его?

Зак резко поднимает голову:

— Я?.. нет! Ну... то есть... — он нервно трёт шею. — Знаю.

— И он так со всеми? — спрашиваю я.

Зак хмыкает:

— Нет. Со всеми — нет. — Он смотрит на дверь, нахмурившись. — Но... с некоторыми — да.

— И что он от тебя хотел?

Я стараюсь говорить равнодушно, но Зак уже отвёл взгляд. Он делает вид, что ищет что-то под стойкой, хотя там явно ничего нет.

— Ерунда. Пустяковый разговор. — Коротко отвечает он, явно не желая развивать эту тему. — А теперь вопрос встречный... вы с ним знакомы?

— Знакомы? С чего ты вообще это взял?

Зак наклоняется ко мне чуть ближе, понижая голос:

— С того, что он назвал твоё имя. Полностью.

У меня пересыхает горло.

— Он мог услышать, как ты меня называешь, — пытаюсь я оправдаться. — Или... я не знаю... прочитал бейджик?

Зак вскидывает брови:

— Ты сейчас в фартуке без бейджика.

Я опускаю глаза на грудь.

Чёрт.

— И ещё. Был момент... — Зак жестом показывает, как я стояла в его руках. — Как он на нас смотрел. Чуть напрягся. Прямо чуть-чуть. Но я заметил. Как будто... ну...

— Ну что?! — я скрещиваю руки. — Договаривай уже.

— Как будто приревновал.

У меня отвисает челюсть.

— ЧТО?! — вырывается у меня слишком громко. — Зак,

ты с ума сошёл? Мы даже не знакомы! Он просто вчера попал мне мячом в висок!

Зак невольно хохочет:

— А-а-а. Так это был он? Тот самый метатель?

— Да! — возмущаюсь я. — Этот... «мяч в висок» — это наш единственный диалог!

— Тогда может, он решил извиниться. Или... ну не знаю... проверить, жива ли ты после его броска.

Я зажмуриваюсь.

— Зак, пожалуйста, давай без диких теорий. Он просто купил кофе и ушёл.

— Элли, — Зак поднимает руку, будто собирается начертить что-то в воздухе, — он не просто купил кофе. Он сказал твоё имя. Сказал: «Элли Кларк».

— Зак. Пожалуйста. Хватит.

— Ладно-ладно. Хватит так хватит. Просто будь с ним повежливее, окей?

Я прищуриваюсь:

— Повежливее? С ним?

— Ну да. Такой тип... если он что-то решит — он решит. Не надо лишних искр.

— Прекрасно, — бурчу я. — То есть я должна быть вежливой, потому что он... что?

Зак фыркает:

— Потому что он... не тот, с кем хочется сцепиться. Ты же сама видела.

— Я видела, как он попал мне мячом в голову. Вот и всё.

Зак тихо вздыхает.

— Ладно, не кипятись, — мягко произносит он.

Он поворачивается к кофемашине, щёлкает тумблером, потом бросает на меня взгляд через плечо:

— Ну? Чего застыла? Работаем! И желательно так работать, чтобы твоему первому особенному клиенту понравилось. А то вдруг он вернётся с претензиями... и мячиком.

— Зак!

— Что? Я просто забочусь о твоей безопасности. И о своей тоже. Если он зайдёт злой — я уйду в подсобку и скажу, что ты управляющая смены.

— Великолепно. Предатель. — Я закатываю глаза и беру чашку.

Что ж. Если уж начинать карьеру — то с баскетболиста, кофе и потенциальной угрозы.

Глава 12

***

Некоторые встречи меняют маршрут.

***

Дверь кафе закрывается глухим, уверенным щелчком. Зак проверяет замок, дёргает ручку и только тогда выдыхает.

— Ну всё, мисс Кларк, — он бросает мне улыбку. — Первая смена — официально пережита.

Я щурюсь:

— Это звучит так, будто были сомнения.

— Были, — честно отвечает он. — Особенно после того, как ты чуть не утопила питчер.

— Эй! — возмущаюсь я. — Вообще-то я уже лучше справляюсь!

— Это правда, — он поднимает руки. — Ты молодец.

Зак бросает взгляд на парковку и затем на меня:

— Тебя подвезти? Я на машине.

Я мотаю головой:

— Нет-нет, всё нормально. Подруга должна забрать... ну... вот-вот. А если что — я вызову такси.

Зак хмурится:

— Элли, уже поздно. Давай я хотя бы подожду с тобой, пока приедет.

— Всё хорошо, честно, — я улыбаюсь как можно увереннее. — Не стоит. Ты же сам говорил, что устал.

— Ты уверена?

— Абсолютно.

Зак нехотя кивает и делает шаг назад.

— Ладно, но если вдруг на тебя снова нападёт баскетболист — я предупреждал.

— Переживаешь, как будто я главный герой триллера.

— Учитывая твою удачу — вполне возможно.

Я фыркаю:

— Всё будет нормально...

Зак криво усмехается.

— Обычно именно с этой фразы всё и начинается, — он отступает к парковке. — Увидимся завтра, Элли.

— До завтра, паникёр, — отвечаю я, махнув рукой.

Я достаю телефон и сразу же нажимаю на быстрый набор:

Кейт.

Гудок. Второй. Третий.

Тишина.

Я сбрасываю и смотрю на экран, нахмурившись.

— Серьёзно? — бормочу я в экран. — Вечером, когда я иду домой одна, ты решила не брать трубку?

Я пробую ещё раз.

— Ну давай же... — бормочу я, переступая с ноги на ногу.

Ответа нет.

Замечательно.

Я открываю приложение для такси. Экран светится в темноте слишком ярко. Цена — нормальная, ехать недалеко. Я уже тянусь к кнопке «Заказать», когда замечаю движение через дорогу.

Чья-то фигура. Силуэт. Быстрый. Решительный. Идущий прямо в мою сторону. Сердце ударяет так резко, что я непроизвольно делаю шаг назад.

Нет. Нет-нет-нет, только не сегодня.

Я сжимаю крепче телефон в руке. Пальцы сами открывают клавиатуру.

911.

Я не нажимаю вызов — просто держу большой палец над кнопкой, как над оружием. Фигура приближается, пересекает проезжую часть — машина проезжает мимо, фарами размывая силуэты, и в этот миг я уже готова нажать...

Как вдруг:

— ЭЛЛИ? Элли, это ты?!

Я замираю. Голос слишком знакомый. Слишком... живой, нервный, громкий.

Я опускаю телефон.

— Сэм? — выдыхаю я, чувствуя, как напряжение ломается, будто кто-то выдернул вилку из розетки.

— О боже, — Сэм упирается руками в колени, переводя дыхание. — Я чуть не умер, пока бежал к тебе. Думал не успею.

Я закрываю глаза, отступая на шаг от паники.

— Сэм. Что ты тут делаешь?

Он выпрямляется, поправляет рюкзак и, кажется, впервые смотрит на меня серьёзно:

— Тайлер сказал, что видел тебя сегодня в кафе.

У меня внутри будто что-то щёлкает.

— Что?

Сэм кивает, будто это самое логичное объяснение на Земле:

— Ну да. Он зашёл сегодня ко мне, и сказал... — Сэм передразнивает его низким голосом: — «та девушка, которую мы чуть не убили мячом — сделала мне сегодня ужасный кофе».

Я моргаю.

— Извините?

Сэм пожимает плечами:

— Он говорил спокойно, вообще без эмоций. Типа факт. А я такой: ага, значит, Элли теперь работает там. Ну... и раз он сказал, что ты работаешь там... я подумал, что надо тебя встретить.

У меня в груди поднимается возмущение — горячее, обидное.

— Вот гад! — вырывается у меня.

Сэм смеётся:

— Кто? я?

— Не ты! — я закатываю глаза. — Я про него. Про этого... кофе-эксперта в серой ветровке.

Сэм поджимает губы, чтобы не рассмеяться ещё громче:

— А-а-а. Это да.

— «Ужасный кофе»... — бормочу я. — Он вообще пробовал его? Он сделал один глоток! Один!

— Да-да, — кивает Сэм. — И за этот один глоток вынес приговор твоей профессиональной карьере.

Я шлёпаю его по руке:

— Прекрати! Это был мой первый день!

— И твой первый критик, — восхищённо добавляет он.

Я закатываю глаза, но не могу сдержать улыбку.

— Замолчи.

Сэм хмыкает, делает шаг назад и жестом приглашает:

— Пошли, Элли. Пока ты не решила вызвать на себя ещё одного критика.

Мы трогаемся с места, идём по тротуару рядом — он чуть сбоку, будто специально прикрывает меня с внешней стороны. Минуты две мы идём молча, пока я не спрашиваю:

— Сэм... ты где-то учишься?

Он усмехается:

— Я? Спортивный факультет. Тренерская деятельность. Ну и физиология, психология спорта, что-то в этом духе.

— Ого, — удивляюсь я. — Ты серьёзно?

— Вполне. — Он расправляет плечи, будто гордится. — Когда-нибудь я буду тренировать школьную команду, а потом пойду в колледж. И стану их худшим кошмаром.

Я смеюсь.

— В тебя легко поверить. Ты уже сейчас кричишь, как тренер.

— Спасибо, — гордо отвечает он.

Мы проходим ещё немного, и слова сами срываются с губ, прежде чем я успеваю их обдумать.

— А... ты давно знаком с Тайлером?

Сэм делает странную паузу — короткую, но ощутимую.

— Ну да, — тянет он. — Лет семь, наверное.

— И как вы вообще дружите? — спрашиваю я осторожно. — Вы такие разные.

— Я громкий, он тихий, — пожимает плечами Сэм. — Баланс.

— Это не объяснение, — возражаю я.

— Ну... — он задумчиво смотрит вперёд, — он помог мне однажды. Давно. Когда у меня был... не самый лучший период. И с тех пор мы общаемся.

— Ты ему доверяешь?

Сэм бросает на меня косой взгляд.

— Почему ты так спрашиваешь?

— Просто... — я кусаю губу, — он какой-то странный что ли.

Сэм усмехается:

— Это мягко сказано.

— Нет, правда. Он как будто... — я ищу слово, — колючий?

Он качает головой:

— Он просто не всем открывается. Внутри у него больше, чем снаружи. Знаешь... он вообще-то очень добрый. Просто жизнь у него сложная.

Я приподнимаю бровь:

— Добрый? Он? Ты шутишь?

Сэм усмехается:

— Понимаю, звучит как бред. Но да. Он реально добрый. По-своему. Такому странно-полотенечному образу.

— Странно-чему?!

— Да забей, — он смеётся. — Я говорю о том, что он помогает людям, но делает вид, что ему всё равно. Хотя на самом деле — не всё равно.

Я тихо хмыкаю:

— Ну да... очень похоже на него. Метнул мяч мне в голову — и помог.

— Элли, — Сэм крутит плечами, — у него не всё так просто. С виду кажется, что ему плевать на весь мир, но это не совсем так.

Мы сворачиваем на освещённую улицу.

— Его отец живёт в Аризоне. Жёсткий мужик. Тип, который хочет, чтобы сын стал копией его самого.

— А мама? — спрашиваю я аккуратно.

Сэм вздыхает:

— Мать в Миннесоте. Хорошая женщина, но... — он пожимает плечами, — ей тоже непросто. У неё своя жизнь. Своё прошлое. Бизнес. И знаешь, как это бывает: все вроде

рядом, но никто толком не вместе.

Я опускаю взгляд на асфальт.

— Семейная идиллия года, — тихо бурчу я. — И какой у неё бизнес?

Он пожимает плечами, будто это ничего особенного.

— Сеть кафе. Небольшая. Пару точек по городу, пара ещё в соседних округах.

Я бросаю на него взгляд:

— Кафе?

— Ага, — кивает Сэм. — Ничего гламурного. Просто бизнес. Она это дело лет десять уже тянет.

Я невольно улыбаюсь.

— Не похоже, что Тайлер из «золотых наследников».

Сэм усмехается:

— Он бы тебя расцеловал за такой комплимент. Ему как раз нравится, когда его не записывают в принцы на семейных деньгах.

Я хмыкаю.

— А как вообще называется эта сеть?

Сэм бросает на меня быстрый, изучающий взгляд.

— Да обычные. Ничего особенного.

— То есть даже названия не знаешь? — подначиваю я.

— Я туда не на экскурсии ходил, — хмыкает он. — Кофе, столики, люди в спешке. Всё, как везде.

— Удобно устроились, — бурчу я. — Тайные кофейные империи.

— Именно, — сухо улыбается он. — Тайлер бы оценил твою формулировку.

— Значит не скажешь?

— Не-а, — качает он головой. — Это не моя история, чтобы раздавать названия направо и налево.

— Боишься? — хмыкаю я.

— Уважаю границы, — поправляет он. — Тайлер терпеть не может, когда за его спиной что-то обсуждают или копаются в его делах.

— То есть мне даже любопытство иметь нельзя?

— Иметь — можно. Копать — не советую, — усмехается Сэм. — Хочешь знать — спроси у него. Но сразу предупреждаю: он не фанат душевных разговоров.

Я фыркаю:

— Спасибо, но как-нибудь переживу без откровений от мистера «критик капучино».

Сэм усмехается.

— Элли... не думай, что он про тебя сказал плохое из-за кофе.

— Почему? — я фыркаю. — Он прямым текстом сказал, что оно ужасное!

— Да, но он сказал это мне, а не тебе.

— И что?

— А то, что если бы хотел обидеть — сказал бы тебе. А если сказал мне — значит, он думал. Думал о тебе. А для него — это уже много. — Он улыбается уголком губ. — И

не бойся его. Он не тот, кто причиняет вред первым. Он тот, кто отвечает, когда его трогают.

Я невольно морщу лоб:

— Ты его защищаешь?

— Я его понимаю, — спокойно отвечает он. — Это разные вещи.

#

Мы выходим на знакомую улицу.

Общежитие уже виднеется за перекрёстком, серое и привычное, словно точка возвращения после слишком длинного дня. Сэм рассказывает о своей команде, о том, как его одногруппник умудрился пробежать спринт в двух разных кроссовках, потому что «утром было слишком темно, чтобы принимать жизненные решения».

Я смеюсь — устало, но по-настоящему.

— И вот он стоит, — продолжает Сэм, — один кроссовок чёрный, другой белый. И орёт: «Клянусь, тренер, это тактический камуфляж!»

Я фыркаю:

— И что, сработало?

— Конечно нет, — он фыркает в ответ. — Тренер сказал, что у него тактика выглядеть как человек, проигравший битву с будильником.

Мы уже подходим к двери общежития. Лампочка над вхо-

дом лениво мерцает, бросая тусклый свет на ступени. Сэм вдруг замолкает, будто вспоминая что-то важное:

— Слушай... — он понижает голос. — Если завтра ты опять работаешь, просто напиши мне. Я тебя встречу.

Я улыбаюсь, чувствуя неожиданное тепло.

— Договорились. Обещаю.

Он будто собирается сказать что-то ещё, но в этот момент его телефон вспыхивает в ладони — резко, неожиданно. Экран освещает его лицо холодным светом.

Я вижу имя.

ТАЙЛЕР.

Сэм мгновенно перестаёт улыбаться. Взгляд меняется — будто кто-то выключил свет внутри.

— Э... секундочку, — бормочет он и отходит на шаг.

Он нажимает на трубку:

— Да?

Пауза.

— Ага. Я... э... сейчас в твоём кампусе, — отвечает он, оглядываясь по сторонам.

Я тихо подсказываю, чувствуя, как пальцы немеют:

— Скажи: возле общежития.

Сэм чуть улыбается — и в этой улыбке появляется что-то другое. Живое. Почти детское.

— Возле общежития, — повторяет он в трубку.

Ещё пауза. И вдруг его лицо светлеет.

— Серьёзно? Прямо сейчас?

Я смотрю на него, не понимая, что происходит.

— Бро, — выдыхает он с облегчением. — Конечно, поехали.

Он слушает ещё пару секунд, уголок губ дёргается вверх.

— Я понял. Тогда я на месте. Подъезжай.

Короткая пауза.

— Ага. Давай.

Он выключает звонок и на секунду остаётся стоять, глядя в потемневший экран телефона, словно всё ещё не до конца веря.

— Это был... — начинаю я.

— Тайлер, — заканчивает он и выдыхает.

— Что он хотел? — спрашиваю я осторожно, почти шёпотом.

Сэм медленно поднимает на меня глаза, и в них вдруг появляется настоящий свет — тот самый, которым горят люди, когда сбывается что-то важное.

— Мы едем смотреть на звёзды.

Я моргаю:

— Что?

Он усмехается, но уже не скрывает эмоций.

— Я неделю назад купил телескоп. Настоящий. И ни разу им нормально не пользовался. А я, если что, фанат неба. Прям фанат. Звёзды, созвездия, вся эта космическая магия. — В его голосе слышится восторг, почти мальчишеский. — И вот сегодня, — он выдыхает, будто боится спугнуть мо-

мент, — мы наконец поедем. По-настоящему.

— Смотреть на звёзды? — уточняю я.

— Да! — он улыбается шире. — Представляешь?

Он оборачивается в сторону дороги, прислушиваясь к каждому проезжающему автомобилю.

— Он, кстати... — Сэм щурится. — Скоро будет.

У меня в груди что-то проваливается.

— Мне уйти? — спрашиваю я едва слышно.

Сэм резко оборачивается:

— Как хочешь. — Он делает паузу, скользя по мне взглядом. — Но на твоём месте я бы остался и предъявила бы ему за кофе... ну и за мяч.

Я моргаю:

— За кофе?

— Ага, — Сэм усмехается уголком губ. — За то, что назвал твой первый капучино «ужасным». И за то, что едва не отправил тебя на МРТ тем своим броском. — Он наклоняется чуть ближе и шепчет, — поверь, он не привык, что ему что-то предъявляют. Это даже будет полезно.

Я выдыхаю рывком:

— Ты серьёзно предлагаешь мне предъявить пятому курсу криминологии за мяч?

— Да, — с полной уверенностью кивает Сэм. — И за кофе тоже. Особенно за кофе! Это будет весело!

— Весело? — переспрашиваю я, чуть задыхаясь. — Серьёзно?

Сэм кивает.

— Конечно! Я хочу посмотреть, что он тебе скажет!

— То есть ты просто хочешь поржать?

— Конечно! — он расправляет плечи. — С него. Он всегда такой серьёзный, будто постоянно сдаёт экзамен на звание «самый мрачный человек мира».

Сэм уже собирается сказать что-то ещё, но вдруг замирает и поворачивает голову в сторону дороги.

— Что там? — спрашиваю я тихо.

Сэм усмехается.

— Ничего, — повторяет он, но уголки губ дёргаются так, будто он явно врёт.

Я щурюсь.

— Ты странный, ты в курсе? — резко бросаю я. — Сначала подначиваешь меня нарываться на человека, а теперь строишь из себя мистера загадочность.

Я шумно выдыхаю и отворачиваюсь к входу в общежитие.

— Я иду спать.

Я делаю шаг к двери, уже протягивая руку к ручке.

— Элли... — голос Сэма внезапно меняется. Серьёзный. Непривычно жёсткий. — Стой.

Я замираю.

— Не двигайся. Вообще.

— Что? — я всё-таки оборачиваюсь.

Сэм не смотрит на меня. Его взгляд направлен куда-то вдаль. Туда, где дорожка уходит в темноту парковки.

— Просто стой, окей? — тихо добавляет он, уже без шуток. — Он идёт.

Я прищуриваюсь и вижу его.

Тайлер.

Он идёт в нашу сторону неторопливо, будто ему никуда не нужно спешить. Взгляд опущен в экран телефона, большой палец лениво скользит по нему, будто происходящее вокруг его почти не касается.

Я впиваюсь пальцами в лямку рюкзака.

Чёрт...

Сэм нервно переминается с ноги на ногу, но молчит. Больше не шутит. Не улыбается. Только следит за Тайлером с каким-то странным напряжением.

Тайлер почти поравнивается с нами, всё ещё глядя в телефон. И только когда остаётся всего пара шагов, он убирает его в карман и поднимает голову. Его взгляд скользит по мне — коротко, без эмоций.

Пауза.

— Хм. Я так и думал, что ты с ней. — Он переводит глаза на Сэма. — Стоило мне сказать, что видел её — ты сразу побежал.

Сэм нервно усмехается, но не отступает:

— Ну а что? Ты сказал, что видел Элли в кафе. Я и подумал...

— Ты подумал, — перебивает Тайлер. — Это уже редкость.

Сэм моргает:

— Очень смешно. Я встретил её, чтобы она домой дошла нормально.

— Домой, — повторяет он. — Ты теперь сопровождаешь её?

Сэм приподнимает голову:

— А что? Я не имею права?

— Имеешь, — отвечает Тайлер. — Вопрос в другом — зачем?

Сэм щурится:

— Потому что она одна. Поздно. Район так себе. Ты сам знаешь последние новости.

Тайлер медленно переводит взгляд на меня. На секунду. Потом снова на Сэма:

— Ты правда думаешь, что кто-то будет тратить на неё силы? — он чуть приподнимает бровь. — Да кому она нужна?

Сэм морщит лоб:

— Слушай, может хватит?

— Хватит будет тогда, — произносит Тайлер ровно, — когда ты перестанешь сближаться со всеми подряд.

Я замираю на секунду. И прежде чем они успеют обменяться очередной колкостью, слова сами вырываются:

— Достаточно.

Оба поворачиваются ко мне — почти синхронно.

Сэм — удивлённо. Тайлер — медленно, будто заранее знал, что я скажу.

— Вы сейчас говорите обо мне так, словно меня здесь нет, — произношу я спокойно. — И можешь не переживать, — я смотрю прямо на Тайлера. — Я не собираюсь ни с кем сближаться. У меня есть парень.

Тайлер даже не моргает.

— Парень? — повторяет он тихо, почти лениво. — Правда?

— Да, — выпаливаю я.

Он наклоняет голову, изучая меня, словно страницу, где текст написан не тем шрифтом.

— И кто же он? — спокойно спрашивает он. — Твой учитель по кофе?

— Ч-что?.. — голос предательски ломается. — При чём здесь он?!

— Ну... — он кивает себе за спину, — судя по тому, как он стоял у тебя за спиной, держал твою руку... — его взгляд скользит вниз, туда, где мои пальцы всё ещё дрожат на лямке рюкзака, — он был бы логичным вариантом.

— Это... — я ищу воздух, слова, хоть что-то, — это называется обучение!

— Конечно, — соглашается он так же мягко. — У всех обучение выглядит именно так.

Сэм фыркает:

— Так! Всё! Стоп. Хватит размазывать Элли по асфальту, — выпаливает он. — У меня есть идея получше.

Тайлер медленно поворачивает голову к нему.

— И какое же? — спрашивает он, будто заранее знает, что услышит глупость.

— Может пусть она поедет с нами? — Он делает широкий жест рукой. — Небо, звёзды, луна!Чувствуешь вайб? Вдруг у вас там чакры сойдутся... или хоть Венеру рассмотрим, чтобы ты перестал выглядеть так, будто хочешь кого-то придушить.

Тайлер приподнимает бровь:

— Ты сейчас серьёзно?

— Абсолютно. — Сэм кивает, будто подписывает договор о капитуляции. — Это отличный шанс всем наладить контакт. И перестать вести себя так, будто вы два персонажа из криминальной драмы.

Тайлер смотрит на него ещё секунду. Потом медленно поворачивается ко мне.

— Игнорируй его.

— Почему игнорируй?! — Сэм сияет ещё сильнее. — Это крутая идея! Пусть поедет! — Он делает шаг ко мне, расправляет плечи. — Ну что, Элли? Ты согласна?

Я моргаю пару раз, потом поджимаю губы:

— Нет. — Я разворачиваюсь и делаю шаг к двери.

— Предсказуемо, — равнодушно бросает Тайлер. — Она и в кафе-то едва не убежала. Куда уж ей куда-то ехать. Слишком темно, слишком поздно, слишком страшно для неё. Классика.

Я замираю. Плечи напрягаются сами. Я медленно обора-

чиваюсь.

Пауза.

— А знаете что? — произношу я ровно, без надрыва. — Я передумала.

Сэм подскакивает:

— В смысле «передумала»?!

— Я поеду, — перебиваю я, глядя на Тайлера.

Бровь Тайлера едва поднимается. На его губах появляется ухмылка — медленная, опасно спокойная, будто он только что получил именно то, чего добивался.

— Ну раз так, — произносит он тихо, почти лениво. — Тогда поехали.

Я качаю головой, делая шаг вперёд:

— Не командуй.

Я прохожу мимо него, намеренно замедляя шаг и слегка задеваю его плечом — не грубо, но достаточно ощутимо, чтобы это было не случайностью. И в следующую секунду его пальцы сжимаются на моём предплечье.

Я останавливаюсь. Он разворачивает меня к себе — не рывком, но так уверенно, что сопротивление даже не успевает возникнуть.

— Интересно... ты решила играть в смелость? Со мной?

— А ты думал, я буду дрожать?

Его пальцы держат моё предплечье так уверенно, будто он и не сомневается в том, кто здесь контролирует ситуацию.

Сэм неловко переминается сбоку:

— Эм... ребята? Может... ну... поедем уже?

Я перевожу взгляд на Сэма, потом снова на Тайлера.

— Мы обязательно поедем. Но сначала объясни своему нестабильному приятелю, что я не реквизит и меня можно отпускать.

Сэм давится воздухом от попытки не рассмеяться:

— Эй... Тай...

Тайлер не реагирует. Просто смотрит на меня секунду. Его пальцы медленно разжимают мою руку — не сразу, неохотно, словно он делает это не потому, что я попросила, а потому что сам решил.

— Удовлетворена? — произносит он ровно, почти лениво. — Дорога свободна.

Я делаю шаг назад, освобождая пространство между нами.

— И часто ты вот так хватаешь незнакомых тебе девушек? — спрашиваю я ровно, чуть приподнимая бровь.

— Хватаю всех? Нет. Но ты сама под руку лезешь.

Сэм вскидывает руки:

— Так! Так! Хватит психоанализа в ночи! Вы оба странные. Я странный. Ночь странная. Идём в машину, пожалуйста, пока кто-нибудь из нас не лёг в траву от нервов.

Я фыркаю, поворачиваясь к Сэму:

— Он первый начал!

Сэм закатывает глаза так, будто ему платят за каждый мой и Тайлеров выпад:

— Да, Элли, мы все в курсе, кто первый начал! Но мне сейчас, между прочим, жить хочется. А вы вдвоём — как две спички над бензином! Пошлите уже! Телескоп ждёт!

#

Мы сворачиваем за угол кампуса, и под фонарём появляется она — низкая спортивная машина.

Сэм улыбается шире, подходит ближе и с хрустом хлопает ладонью по капоту:

— Ну как тебе, Элли? Внушает?

Я пожимаю плечами, будто это не впечатляет совсем:

— Видела и хуже. Очередная чёрная мрачная машина... как и её хозяин.

Сэм прыскает смехом. И ровно в этот момент над нами сгущается тень.

Тайлер подходит к машине спокойно, почти лениво, словно никуда и не спешит. Его присутствие ощущается физически — плотное, холодное, давящее. Он встаёт у пассажирской двери и смотрит на меня так, будто оценивает не человека, а реакцию.

Щелчок. Металлический звук разрезает тишину.

Дверь открывается.

Не галантно. Не мило. А так, будто контролирует пространство.

— Садись, — произносит он низко.

— Это приказ?

— Если бы это был приказ... — он задерживает взгляд на моём лице, — ты бы уже сидела.

Я делаю шаг вперёд — медленно, демонстративно, не отводя от него взгляда.

— Вообще-то я в состоянии открыть себе дверь, — говорю спокойно, с лёгкой усмешкой. — Я справляюсь с такими сложными задачами без посторонней помощи.

Его взгляд становится чуть темнее.

— Поздно, — ровно замечает он. — Я уже открыл.

— Какая трагедия, — хмыкаю я. — Придётся воспользоваться.

Он не реагирует на сарказм. Даже не моргает. Просто чуть отступает в сторону, освобождая проход, но делает это так, будто не уступает, а разрешает.

Я на секунду задерживаюсь, будто проверяю его терпение на прочность. Потом всё же наклоняюсь внутрь салона. Кожа сиденья холодная. Пахнет металлом, дорогим парфюмом и чем-то ещё — едва уловимым, но тревожно знакомым.

Сэм уже плюхается рядом с водительским сиденьем и с азартом потирает ладони:

— Ну всё, командный состав в полном сборе. Космос, не расслабляйся.

Тайлер садится за руль. В зеркале заднего вида на секунду ловлю его взгляд. Чёткий. Холодный. Слишком внимательный для «случайного».

— Пристегнись, Элли, — спокойно произносит Тайлер. — Не хочу собирать тебя по частям.

Я едва щёлкаю ремнём, как в салоне звучит другой звук — короткий, металлический, уверенный.

Щёлк.

Замки блокируются.

Я сглатываю.

В ту же секунду взгляд сам поднимается на зеркало заднего вида. В отражении его глаза встречаются с моими — на долю секунды дольше, чем нужно для обычной проверки зеркал.

Спокойные. Слишком спокойные. Будто это щёлканье было не инстинктом водителя, а осознанным действием.

— Что, Элли? — произносит он тихо, даже лениво. — Хочешь выйти?

Я открываю рот — не зная, что сказать.

Тайлер хмыкает.

— Могу открыть. Если тебе вдруг... стало страшно.

Сэм спереди дёргается:

— Тай, может хватит пугать людей?

Я фыркаю.

— Ты переоцениваешь себя, Тайлер, — отвечаю спокойно. — Чтобы меня испугать, нужно что-то посильнее звука замков. Я тебя не боюсь.

Его бровь едва поднимается.

— И что же? — его голос остаётся низким, почти лени-

вым, но в нём мелькает что-то острое. — Чего тебе нужно... чтобы испугаться?

Я открываю рот — чтобы отмахнуться, пошутить, уйти от ответа, но он опережает.

— Нож у горла? — произносит он почти шёпотом. — Или когда кто-то закрывает тебе рот ладонью, и ты понимаешь, что кричать бесполезно?

Сэм резко поворачивает голову:

— Тайлер...

Но он тихо поднимает руку — «молчи».

Я не двигаюсь. Не могу. От его голоса по позвоночнику проходит холод.

Он мягко щёлкает пальцами по рулю:

— Ты говоришь, что не боишься меня... а если бы я подошёл к тебе в переулке, ты бы тоже так фыркала?

Он делает паузу.

Лёгкую. Опасную.

— Или бы дрожала и надеялась, что я хочу только спросить время?

У меня перехватывает дыхание.

Сэм роняет:

— Бро... ты сейчас звучишь как маньяк, если что.

— Я просто задаю вопрос.

— Вопрос? Она сейчас решит, что ты её похитить собрался.

— Похитить? — повторяет он, наклоняя голову.

— И что... — его взгляд скользит по зеркалу, цепляя меня будто крючком, — я должен с ней делать?

Сэм вжимается в сиденье:

— Бро. Нет. Стоп. Мы не продолжаем эту тему.

Но Тайлер будто не слышит.

— Она бы, конечно, дёргалась, — произносит он, будто обсуждает погоду. — Кричать попыталась бы. Может, пару раз. Но ненадолго.

Я чувствую, как кожа на затылке покрывается холодом.

— А потом... стала бы очень тихой.

Сэм хлопает ладонью по панели:

— ТАЙЛЕР. Замолчи. Сейчас же.

Он резко оборачивается ко мне:

— Элли, не слушай его. Он просто... ну... он.

Но я едва слышу Сэма. Всё внимание — на того, кто сидит за рулём. Я открываю рот, но не нахожу слов.

Тайлер чуть откидывается назад, одна рука остаётся на руле.

— Вот видишь? — произносит он тихо, почти лениво. Ты уже замолчала. А я... даже ничего не сделал. Тебе не нужен щелчок замка, Элли. Тебе хватает одного моего вопроса, чтобы потерять дар речи.

Сэм закрывает лицо руками:

— Мы не доедем. Мы просто не доживём до телескопа.

Я медленно выдыхаю через нос, заставляя пальцы разжаться на ремне.

— Ты сейчас нарочно пытаешься звучать как маньяк? — говорю я ровно, хотя внутри всё дрожит. — Или это твоя обычная манера флиртовать?

Сэм приподнимает голову:

— Пожалуйста, скажи, что это флирт. Мне так будет психологически легче.

Тайлер чуть хмыкает.

— Интересная интерпретация. Но нет. Я просто констатирую факт.

— Какой именно? — не опускаю я.

— Что ты реагируешь, — спокойно отвечает он. — Даже когда делаешь вид, что тебе всё равно.

Его пальцы сжимаются на ключе зажигания.

Щелчок. Поворот. Глухой, низкий рык двигателя разрывает тишину салона. Тайлер нажимает на газ без лишней плавности — машина рывком срывается с места.

Сэм вцепляется в ручку над дверью:

— Так, окей, мы правда едем. Это не метафора. Это экзистенциально.

Я чувствую, как ремень сильнее вжимается в грудь. Тайлер ведёт уверенно. Слишком. Как человек, который знает каждую выбоину этой дороги и не считает нужным притворяться осторожным.

— Расслабься, — бросает Тайлер, не оборачиваясь. — Я не собираюсь тебя пугать. Это просто дорога.

— У тебя «просто» звучит как начало уголовного дела, —

тихо замечаю я.

Угол его губ едва заметно двигается.

— Привыкай, Элли. С тобой я, похоже, собираюсь делать много «просто».

Сэм издаёт странный звук между смехом и обречённым вздохом:

— Я должен был взять попкорн. Или психолога. Или священника.

В машине становится слишком тихо. Слишком осознанно. Я отворачиваюсь к окну, наблюдая, как огни кампуса растворяются в ночи. И почему-то только тогда, я понимаю, что обратной дороги уже нет.

Глава 13

***

Опасность всегда начинается с одного шага ближе.

***

Мы сворачиваем на подъездную дорожку между двух домов. Из темноты вырастает гараж — одинокий, серый, с приоткрытой дверью и единственной лампочкой, которая мигнула ровно в тот момент, когда мы вышли из машины. Я инстинктивно прижимаю рюкзак к себе.

— Не бойся, — отзывается Сэм, будто читает мой внутренний текст. — Здесь иногда так мигает. Это... ну... атмосферно.

Конечно. Как же иначе.

Гараж изнутри — как сцена из документалки про «подростковую импровизацию выживания»: коробки на коробках. Стойки с гантелями. Старые мячи. Складной тренажёр, почти придавленный сноубордом. Сэм врывается внутрь — буквально растворяется между коробками.

— Не заходите! — его голос гулко отражается от стен. — Я сейчас найду...

Что-то падает.

— Всё нормально! — кричит Сэм. — Это я так планировал!

Тайлер стоит у самого входа. Не заходит. Не помогает. Просто наблюдает — с тем самым выражением, которое делает любое место странно тесным.

Я кидаю на него взгляд.

— Ты не собираешься ему помочь?

— Если бы он умирал, — ровно отвечает Тайлер, — он бы кричал иначе.

— И это твой критерий?

Он молчит пару секунд. Смотрит в темноту, где исчез Сэм, потом на меня. И ухмылка — почти незаметная — скользит по его губам.

— Это надолго. Не удивлюсь, если никакого телескопа вообще не существует, — произносит он спокойно. — Идём.

Я моргаю.

— Что? Куда?

— К машине, Элли. Пока этот гений не завалил себя чем-нибудь тяжёлым и не решил, что виноваты мы.

— То есть... — я приподнимаю бровь, — мы просто уходим?

— Мы не «уходим», — поправляет он. — Мы экономим время. Если телескоп действительно есть — он его найдёт. Если нет... — он делает паузу, — мы, по крайней мере, не будем свидетелями его смерти под коробками из-под протеиновых батончиков.

Я открываю рот, чтобы ответить, но гараж снова подаёт голос.

Грохот. Что-то звенит.

Потом приглушённый мат Сэма:

— ЁПТ! Я В ПОРЯДКЕ!

Тайлер даже бровью не ведёт. Он делает шаг назад — в сторону машины и уверенно шагает к ней.

— Идёшь? — спрашивает он, не оглядываясь.

Я стою секунду. Две. Тёмный гараж. Мигающая лампочка. Тени, которые дрожат, будто живые.

Внутри что-то щёлкает. Я фыркаю, поджимаю губы и, не признавая это вслух, выдыхаю:

— Ладно. Но если он там застрянет — это на твоей совести.

Я догоняю его уже у машины. Тайлер стоит, опираясь плечом о дверцу, как будто это его естественное состояние — быть расслабленным и настороженным одновременно. Он достаёт пачку сигарет, встряхивает одну наружу и мягким движением выбивает её себе на пальцы.

— Ты куришь? — вырывается у меня, прежде чем я успеваю подумать.

Он бросает короткий взгляд.

— Это тебя пугает?

— Нет, — фыркаю я. — Просто... неожиданно.

— У всех есть что-то неожиданное. — Он подносит зажигалку к сигарете. Щёлк. Огонёк вырывает на секунду резкие линии его скул. — У кого-то — сигареты. У кого-то — привычка лезть туда, где может завалить коробками.

— Ты про Сэма?

— Я про тебя, — спокойно уточняет он.

Я замолкаю.

Он делает медленную затяжку — так медленно, будто проверяет, как я отреагирую на каждое его движение.

— Хочешь? — он слегка протягивает сигарету в сторону. Не навязчиво. Просто предложение.

— Я... не курю.

Он слегка приподнимает бровь. Тихо выдыхает дым в сторону — не на меня, а в бок, аккуратно, будто проверяет мои границы.

— Хорошо. Значит, одна плохая привычка в этой компании будет моей.

Я на секунду теряюсь и отвожу взгляд, пытаясь уцепиться за что угодно: за асфальт под ногами, за тёмную линию машины, за мигающую лампочку у гаража. Но всё бессмысленно — взгляд всё равно возвращается к нему. К его руке. К пальцам, уверенно сжимающим сигарету, будто она — продолжение его мысли. Он делает медленную затяжку, такую спокойную, будто сам воздух замедляет движение рядом с ним. Дым мягко стелется вдоль его скулы, и на мгновение он кажется нереальным. Слишком спокойным. Слишком собранным. Слишком уверенным в каждом своём движении.

Что-то неприятно сжимается у меня внутри — непонятно где: то ли в груди, то ли под рёбрами, то ли прямо в сердце. И это чувство я терпеть не могу. Оно слишком честное. Слиш-

ком настоящее. И слишком связано с ним. И это не страх и не обычное волнение. И точно не то наивное «нравится», которое бывает у девочек в коридорах школы. Это что-то другое: тихое, тяжелое, цепкое. Как будто внутри меня нажали на один-единственный нерв и ждут, как я отреагирую — дрогну или сделаю вид, что ничего не произошло.

Я ненавижу, что он оказывает на меня такое действие. Ненавижу, что замечаю каждую мелочь — как он держит сигарету, как слегка щурится, когда ветер меняет направление, как поднимает взгляд не сразу, будто решает, стоит ли тратить на меня секунду внимания. И я ловлю себя на том, что хочу понять, что у него творится под этой ровной поверхностью. Не потому, что это «романтично», а потому что это как темнота, в которую заглядываешь — и не можешь отвести глаз, пока не увидишь хоть что-то.

Я глубоко втягиваю воздух, пытаясь вернуть себе ровность. Но запах дыма и холодной ночи только сильнее подчёркивает его присутствие — близкое, тихое, слишком ощутимое.

Я не должна смотреть. Не должна думать. Не должна позволять себе это странное притяжение.

Но я снова поднимаю глаза. И снова ловлю его профиль — жёсткий, уверенный, почти красивый в этой суровой, неподдельной простоте.

И в этот момент у меня возникает одна-единственная мысль:

Он — опасен именно тем, что не пытается им быть.

Тайлер втягивает остаток дыма, бросает сигарету на землю, выпрямляется и медленно поворачивает голову — будто что-то почувствовал. И в следующую секунду его взгляд точно врезается в мой.

Мой живот сворачивается в узел.

— Тебе не стыдно так пялиться?

— Я... — я сглатываю, натягивая слова через горло, — просто задумалась.

Он делает короткую паузу.

— Обо мне?

Я замираю — на секунду, на вдох. Слишком коротко, чтобы назвать это паузой. Слишком заметно, чтобы он не уловил.

— Не льсти себе, — отвечаю я слишком быстро, чтобы это звучало убедительно.

Он замечает. Конечно замечает.

— Тогда... — уточняет он. — О чём ты думала?

Я непроизвольно застываю под его взглядом, чувствуя, как жар разливается по щекам. Он поймал меня — не на лжи, а на правде, которую я сама себе боялась признать.

Из гаража доносится новый грохот, на этот раз более основательный. Мы оборачиваемся одновременно. Дверь гаража теперь закрыта.

— Кажется, он всё-таки завалил себя коробками, — говорю я, пытаясь перевести стрелки.

Тайлер не двигается.

— Его проблема.

— То есть тебя вообще не волнует, что там с ним?

— Волнует ровно настолько, насколько это может создать мне проблемы. Пока он шумит — он жив. — Он отталкивается от машины, и его тень накрывает меня. Он на полголовы выше, и внезапно пространство вокруг сжимается. — Ты так и не ответила, Элли.

Я сжимаю лямку рюкзака, пытаясь удержаться на месте.

— Я... — начинаю я, но он чуть наклоняется, и слова застревают у меня в горле.

— Ну? — в его голосе появляется тень улыбки. — Не останавливайся на полуслове.

— Я думала о том какой ты эгоистичный циник, — выпаливаю я, поднимая подбородок.

На его губах появляется тень улыбки.

— Эгоистичный циник... — повторяет он медленно, почти лениво, как будто это новое слово из словаря, которое нужно тщательно рассмотреть. — Понятно. И это заставляет тебя так внимательно смотреть на мои руки?

— Что? — вырывается у меня, и я чувствую, как кровь приливает к лицу. — Я не...

— Смотрела, — он отрезает коротко, без возражений. — Я видел. Ты следила за тем, как я держу сигарету. Как затягиваюсь. Твои глаза не отрывались.

— Я не смотрела! — огрызаюсь я слишком быстро, чтобы

это звучало правдой.

Из гаража доносится приглушенный крик:

— Эй, кто-нибудь! Дверь заклинило!

Мы оба вздрагиваем — но по-разному.

Тайлер — едва, уголком губ. Я — всем телом.

Он отводит взгляд в сторону гаража, выдыхая так, будто ему надоело быть единственным взрослым среди двух идиотов.

— Тебе повезло.

— В смысле? — спрашиваю я, почти шепотом

— Нам пришлось прерваться, — отвечает он так, будто это очевидно. — Иначе я бы вытянул из тебя всю правду.

И прежде чем я успеваю ответить, он делает шаг вперёд. Не обходит. Не отступает. Проходит настолько близко, что воздух между нами становится горячим. Его плечо цепляет моё — неслучайно, но и не грубо. Точно. Рассчитано. Так, чтобы я почувствовала.

Он наклоняет голову чуть ближе, почти касаясь моих волос своим дыханием:

— Не расслабляйся, Элли.

Моё сердце делает резкий, болезненный удар — до тошноты честный. Я не успеваю ни выдохнуть, ни собрать мысли в кучку, потому что он уже отстраняется и направляется к гаражу, будто разговор не закончился — а всего лишь поставлен на паузу.

— Эй! — доносится приглушённый вопль Сэма. — КТО-

НИБУДЬ! Я СЕРЬЁЗНО ЗАСТРЯЛ!

— Да ты орёшь как будто роды принимаешь, — сухо отзывается Тайлер, подходя к двери. — Сейчас.

Он кладёт ладони на ручку и дёргает один раз — дверь даже не шелохнётся. Второй рывок — сильнее, резче. Металл дрожит, но остаётся на месте.

Тайлер хмурится, будто сама дверь оскорбила его личное чувство логики.

— Сэм. Ты... на ней сидишь?

— Н-нет!

— Господи, — выдыхает он.

Он делает шаг назад, глубоко втягивает холодный ночной воздух, упирает пятки в бетон. Пальцы сжимают ручку так, будто она — источник всех его проблем. И он резко, уверенно дёргает дверь на себя.

Громкий скрип рассекает тишину. Металл сопротивляется секунду — и Сэм буквально выпадает наружу, как мешок с картошкой.

— Я Жив! — сообщает он миру, глядя в звёзды.

Тайлер, стоящий над ним, даже не пытается скрыть раздражение:

— Поздравляю. А телескоп где?

Сэм тычет пальцем в тёмный проём гаража, запыхавшись, будто совершил подвиг мирового масштаба:

— Там! Лежал под всеми коробками! — Он радостно ныряет обратно в гараж и через секунду появляется с телеско-

пом в руках — прижимает его к груди, будто нашёл потерянного ребёнка.

Тайлер медленно выдыхает, закрывая глаза ровно на полсекунды — словно даёт себе право на мини-перезагрузку.

— Отлично. А теперь сваливаем отсюда. Пока гараж не решил сожрать остальных.

Глава 14

***

Мы становимся взрослыми, когда понимаем: никто нас спасать не собирается.

***

Мы останавливаемся у маленькой площадки — чуть приподнятой над дорогой, с открытым видом на небо. Место пустынное, неровное, с обрывистыми краями. Воздух — холодный, почти злой.

Сэм первым выскакивает из машины.

— Так! — объявляет он, вынося телескоп на вытянутых руках, будто это младенец. — Никто не трогает! Никто не комментирует! Я — капитан этой миссии!

— Рад за тебя, — лениво отвечает Тайлер, выходя из машины. — Сделай хоть что-то правильно.

— Я ВСЁ делаю правильно! — возмущается Сэм, одновременно умудряясь зацепиться ногой о камень.

Я выхожу последней. Холодный воздух бьёт в лицо. Где-то вдалеке слышен гул трассы. Сэм уже опустился на колено и настраивает штатив — ловко, сосредоточенно, будто делал это тысячу раз.

Тайлер стоит чуть в стороне. Руки в карманах. Профиль резкий. Взгляд — на меня. Я стараюсь не реагировать, но

внутри всё равно сжимается.

Сэм вскакивает:

— Почти готово! — и отходит, гордый своим шедевром.

— Ты точно знаешь, как этим пользоваться? — уточняю я.

— Обижаешь, — он хлопает себя по груди. — Сейчас покажу.

Он наклоняется к телескопу, начинает ловить резкость, бормочет что-то восторженное, полностью уходя в процесс. Тишина держится секунду... две... пока Тайлер не разрушает её.

— Ты часто так делаешь?

Я оборачиваюсь.

— Что «так»?

Он смотрит прямо в глаза.

— Садишься в машину к незнакомым парням. Поздно ночью. В штате, где уже третья неделя идут убийства.

Я выдыхаю — коротко, резко.

— Я села к Сэму. Мы знакомы.

— Да? — он делает шаг ближе. — Сколько? Два дня?

Я сжимаю губы.

— Этого достаточно, чтобы понимать, что он нормальный.

— Нет, Элли, — ровно отвечает он. — Этого достаточно только, чтобы придумать себе оправдание.

Сэм подаёт голос из-за телескопа:

— Так, я вообще-то здесь! И вообще-то нормальный!

— Я сейчас не с тобой говорю, — не оборачиваясь, говорит Тайлер. Его взгляд остаётся прикованным ко мне. — Ты даже не знаешь, кто мы. И всё равно поехала.

В его голосе нет злости. Нет осуждения. Есть только... анализ. Как будто он раскладывает меня по полочкам.

— Я сама решаю, что делать, — отвечаю я спокойно. — Я не ребёнок.

— Ты говоришь, что не ребёнок. Но хуже всего — когда человек думает, что взрослый... а ведёт себя наивнее ребёнка.

— Наивнее? — мне хочется фыркнуть, но выходит слишком остро. — Серьёзно?

— Да. — Он не отводит взгляд. — Ты даже не подумала, что могло быть, если бы мы были не теми, кем ты решила нас считать.

— Могла подумать, — бросаю я. — Но я увидела, как Сэм...

— Сэм. — перебивает он. — Сэм — это шум, смех и восемь слоёв хаоса. Он тебя отвлёк. Это не аргумент.

Я открываю рот — чтобы возразить, чтобы защититься, чтобы сказать хоть что-то... но он делает шаг ближе. Буквально полшага. Воздух между нами меняется. Становится теплее. Плотнее.

— Тебе повезло, — тихо произносит он, — что этими парнями оказались мы.

Сэм отходит от телескопа, как раз успев услышать конец фразы.

Он поднимает палец:

— Или не повезло, — добавляет он, растерянно и неловко усмехаясь.

Мы оба оборачиваемся.

— Эм... я просто... — Сэм нервно машет руками. — Это была фигура речи!

Тайлер медленно переводит взгляд обратно на меня.

— Он прав. Иногда — не повезло.

Я фыркаю и делаю шаг, чтобы пройти мимо него — и слегка отталкиваю его рукой.

Он перехватывает моё запястье. Резко. Точно. Без боли, но так, что я замираю.

— Я говорил серьёзно, Элли, — тихо произносит он. — В другой машине всё могло быть иначе.

— Спасибо за лекцию по выживанию, но я разберусь. Я вообще-то будущий психолог. И я разбираюсь в людях, если что.

Тайлер замирает на секунду.

— Ты? — его голос становится тише. — Психолог?

Я приподнимаю подбородок, чувствуя, как внутри поднимается злость:

— Да. Что-то не устраивает?

Он усмехается. Будто услышал что-то абсурдное.

— Психологи — худшие судьи человеческой натуры. Ду-

мают, что читают людей... а на деле — путают собственные фантазии с реальностью.

Я открываю рот, но он продолжает:

— Ты увидела Сэма, который улыбается всем подряд — и решила, что он «безопасен». Ты увидела меня, который попал тебе мячом — и решила, что я «опасен».

Он едва заметно тянет моё запястье — и пространство между нами исчезает.

— Это не понимание людей, — его голос едва слышен. — Это наивность, которую ты называешь профессиональным чутьём.

Сэм тихо свистит, будто наблюдает за дуэлью:

— Ох... сейчас будет жёстко.

— Замолчи, Сэм, — шепчу я, не отводя взгляда.

Тайлер понижает голос ещё сильнее:

— Психология — это не спасательный жилет. Это набор теорий, написанных людьми, которые не были здесь. — Он указывает взглядом на темноту, трассу, ночь вокруг. — Не жили в таком мире, где ты сейчас.

Я сжимаю губы.

— И что? Ты хочешь сказать, что я не способна отличить нормального человека от ненормального?

Он наклоняет голову.

— Я хочу сказать, — произносит он хрипло, — что если бы ты действительно разбиралась в людях... ты бы ни за что не села в эту машину.

Сэм поднимает обе руки:

— Прошу прощения, я — нормальный!

Тайлер даже не смотрит на него. Он мягко, медленно проводит пальцем по внутренней стороне моего запястья — там, где бьётся пульс.

Я дёргаю запястье, и он отпускает его. Но ощущение его пальцев — точное, твёрдое — остаётся на коже, будто выжженная метка.

— Ты закончил? — мой голос звучит чуть хрипло, я отступаю на шаг, восстанавливая дистанцию, которую он так легко нарушил.

— Нет. Я только начал.

Сэм кашляет, явно пытаясь разрядить обстановку.

— Так! Может, глянем на звёзды? А то мы за ними, вроде как, приехали. Юпитер, Сатурн... красиво, блин!

Но мы оба игнорируем его.

— Начал что? — спрашиваю я. — Читать мне мораль? Учить жизни? Мы случайно с тобой познакомились. Это называется «социальное взаимодействие». Люди иногда так делают.

— Социальное взаимодействие, — он повторяет мои слова без выражения, и они звучат как приговор. — В городе, где за последний месяц пропали три девушки. Все они тоже «социально взаимодействовали».

Ледяная струйка страха пробегает по моему позвоночнику. Я знала. Конечно, знала. Все об этом говорят. Но знать

— одно, а слышать это здесь, в кромешной темноте, от него — совсем другое.

— Ты пытаешься меня напугать? — пытаюсь я парировать, но защита выходит слабой.

— Я пытаюсь до тебя достучаться, — поправляет он, и в его голосе впервые проскальзывает что-то, похожее на усталое раздражение. — Но, видимо, твоя броня из учебников по психологии слишком прочна.

— А твоя броня из цинизма и паранойи тебе не кажется чрезмерной?

Он смотрит на меня, и в его глазах, наконец, вспыхивает искра — не гнева, а чего-то острого, живого.

— Это не паранойя. Это расчёт. Ты — переменная в уравнении с неизвестными. Я просто оцениваю риски.

— Я не переменная! Я живой человек!

— Вот именно, — его голос обретает стальную мягкость. — Живой. Пока.

Эти два слова падают между нами так тяжело, что воздух будто сжимается. Я делаю шаг ближе — не потому что хочу, а потому что внутри всё кипит.

— Ты серьёзно? — спрашиваю я тихо. — Ты правда считаешь нормальным говорить такое человеку?

Он чуть приподнимает бровь.

— Я считаю нормальным говорить правду.

— Нет, — я покачиваю головой. — Это не правда. Это угроза, замаскированная под заботу.

На секунду он замирает. Не потому что растерялся — потому что он анализирует.

— Интересная теория, — произносит он медленно. — Продолжай.

— Ты говоришь так, будто всё знаешь. Как будто понимаешь меня лучше, чем я сама. Но ты даже не знаешь, кто я. Ты видел меня... один раз. И решил, что можешь ставить диагнозы.

Он смотрит на меня внимательно.

— Ты хочешь, чтобы я сказал мягче?

— Нет, — я вскидываю подбородок. — Я хочу, чтобы ты понял: я — не статистика. Не «переменная». Не случай из твоих новостей о пропавших девушках. Я — человек. Живой. Не «пока». Просто живой.

Тишина после моих слов становится оглушительной. Даже Сэм замер, не решаясь издать ни звука.

— Живой, — наконец повторяет Тайлер, и в этом одном слове слышится леденящая душу игра.

Он делает один шаг, сокращая дистанцию до нуля. Теперь я чувствую не только его дыхание, но и тепло его тела.

— Это то, чем ты так гордишься, Элли? Своей жизнью? Своей свободой выбора?

Его рука снова поднимается, но не чтобы схватить. Он медленно, почти с любопытством, проводит кончиками пальцев по линии моей щеки к виску, будто ощупывая хрупкость кости.

— Ты права, — шепчет он. — Я не знаю, кто ты. Но я знаю, кем ты могла бы стать. Еще одной строчкой в полицейском отчете. Еще одним плакатом «Пропала без вести». — Его пальцы теперь на моем виске, и я чувствую, как под ними бешено бьется пульс.

Сэм кашляет, и звук кажется неестественно громким.

— Может, всё-таки посмотрим в телескоп? Я уже настроил.

Тайлер наконец отпускает свою руку — так резко, будто связь между нами обрывается ножом. Я успеваю сделать вдох, глубокий, как после долгого нырка. Воздух возвращается в лёгкие слишком быстро, почти болезненно, и ноги на секунду становятся ватными.

Он даже не смотрит на меня. Просто разворачивается к Сэму, словно разговор был формальностью.

— Да — говорит он, отмахиваясь. — Она уже идёт.

Он отходит к краю площадки, к самому обрыву, и зажигает сигарету. Пламя зажигалки на мгновение освещает его резкий профиль, затем гаснет. Остаётся только тлеющая точка в темноте и силуэт против тёмного неба.

Сэм с облегчением выдыхает и лихорадочно машет мне к телескопу.

— Давай, Элли. Тут правда невероятно.

Я медленно делаю шаг к Сэму.

— Вот сюда, — Сэм настраивает окуляр, наклоняется, делает пару быстрых движений и отходит в сторону. — Давай.

Я опускаюсь к телескопу, и вижу Сатурн — крошечный, размытый, с бледными кольцами, будто нарисованными карандашом.

Должно быть восхитительно. Должно вызывать восторг. Но я ничего не чувствую. Только холодок на щеке, где только что были его пальцы. Только бешеный стук пульса в висках. И тяжелый взгляд у меня за спиной.

— Ну как? — слышу я голос Сэма. — Видела? Это же... блин, это же Сатурн! Настоящий!

— Да, — выдыхаю я. — Красиво.

Но мой голос звучит будто издалека. Я выпрямляюсь и отворачиваюсь от телескопа.

Сэм улыбается, но улыбка выходит натянутой. Он понимает. Понимает, что что-то сломалось, и склеить это обратно уже не получится.

— Может, еще хочешь посмотреть?

— Я...

И прежде чем я успеваю договорить, позади раздаётся спокойный, ровный голос:

— Я хочу посмотреть.

Мы оба одновременно оборачиваемся. Тайлер стоит чуть в стороне, освещённый полосой лунного света. Лицо всё ещё холодное... но что-то в его взгляде меняется. Как будто он отрывается от своих мыслей и впервые замечает телескоп.

Сэм моргает:

— Ты? Серьёзно?

— Да, — отвечает Тайлер так, будто это очевидно. — Я никогда не видел Сатурн вживую.

Он подходит ближе, движется уверенно, но без той хищной уверенности, что была минуту назад. Останавливается напротив телескопа, чуть наклоняется к окуляру.

Пауза.

Тишина такая густая, что я слышу собственное дыхание.

И вдруг — едва заметное:

— Хм.

Сэм нервно переступает:

— «Хм» в смысле плохо? Или «хм» в смысле хорошо?

Тайлер не отвечает сразу. Он отстраняется на долю секунды, снова смотрит — внимательнее, уже с другим выражением. И когда он поднимает голову, на его лице — не улыбка, нет... тень удивления. Честного. Настоящего.

— Красиво, — произносит он тихо, почти так, будто говорит сам себе. — Нереально.

Сэм выдыхает так, будто выиграл Олимпиаду.

— Я же говорил! Это же САТУРН! Настоящий! Я настроил — идеально! Это ж... понимаешь...

— Хорошо настроено, — ровно говорит Тайлер.

Сэм замирает.

— Правда?

— Да, и это факт.

Сэм делает большие глаза:

— Боже. Где-то в параллельной вселенной сейчас радуга

появилась.

Но Тайлер уже не слушает. Он снова смотрит в телескоп — дольше, внимательнее, тише. И что-то в нём меняется. Острота смягчается. Жёсткость становится спокойной. Дыхание — ровным. Я смотрю на него — и впервые вижу не угрозу, не анализ, не расчёт. А человека, который забывает о мире на три секунды, потому что перед ним — космос. И это... странно красиво.

— Хочешь, покажу Юпитер? — робко предлагает Сэм.

Тайлер не отрывает взгляда.

— Покажи.

Сэм суетливо крутит регулятор, передвигает телескоп на пару градусов и отступает, будто представляет произведение искусства.

— Вот. Должно быть видно.

Тайлер наклоняется снова и просто... замирает.

— Ну? — тихо спрашивает Сэм, будто боится нарушить момент. — Видишь?

Тайлер молчит.

Долго. Слишком долго. Так долго, что у меня по коже проходят мурашки — не от страха, а от чего-то непонятного, какого-то тихого, почти священного напряжения.

И наконец он выпрямляется.

— Почему ты раньше это не делал? — спрашивает он у Сэма.

В голосе нет раздражения. Нет холодности. Есть что-то...

почти человеческое.

Сэм вскидывает плечи:

— Не знаю. Думал, это никому не интересно.

Тайлер смотрит на него долго, словно впервые видит.

— Ты ошибался.

Простые слова. Но произнесённые так, будто имеют вес. Я улыбаюсь — коротко, почти машинально. И именно тогда, Тайлер смотрит прямо на меня.

— Хочешь посмотреть? — спрашивает он тихо.

Не приказ. Не сарказм. Не поддёвка.

Просто вопрос.

Я сглатываю.

— Да.

Тайлер делает шаг в сторону, освобождая мне место, но взгляд не убирает — следит, как я подхожу ближе, как наклоняюсь к телескопу, как вдыхаю холодный воздух перед тем, как взглянуть в окуляр. И пока я смотрю на Юпитер — яркий, огромный, с чёткими линиями облачных полос — я почти кожей чувствую, что он стоит позади.

Достаточно близко, чтобы услышать моё дыхание. Достаточно далеко, чтобы я не могла обвинить его в этом.

Он хмыкает:

— Сэм, посмотри... такая сосредоточенная. Как будто сейчас откроет новую галактику.

— Если она откроет новую галактику — я требую, чтобы она назвала её в честь меня. Сам Гэлэкси. Звучит же!

Тайлер хмыкает:

— Она назовёт её в честь того, кто меньше всего мешал.

Сэм возмущённо шипит:

— Тогда это точно не ты!

Тайлер едва поднимает бровь:

— Я и не претендую. Я просто наблюдаю, как человек делает то, что тебе недоступно: думает.

Я не отрываюсь от окуляра, но чувствую, как губы сами растягиваются в улыбке.

— Может, хватит меня разглядывать? — бормочу я, пытаясь сохранить серьёзность. — Вы спугнёте мои космические открытия.

Сэм мгновенно подхватывает:

— Она права! Тишина — ключ к звёздным прорывам! Все замерли! Не дышим! — Он громко втягивает воздух и задерживает его в груди.

— Если ты перестанешь дышать, — сухо комментирует Тайлер, — максимум, что она откроет — это твой обморок.

Сэм резко выдыхает:

— Спасибо, капитан оптимизм.

Я не выдерживаю и тихо смеюсь, отводя глаза от окуляра.

— Вы двое — худшие астронавты в истории.

— Вообще-то, — вмешивается Сэм, указывая на телескоп, — этот астронавт настроил тебе идеальный вид на Юпитер. Так что немного уважения, пожалуйста.

— Да, — добавляет Тайлер. Сэм — полезный. Иногда. По

праздникам.

— По праздникам?! Да я между прочим гений маленьких открытий! — Сэм обводит рукой площадку. — Я нас сюда привёз, телескоп достал, всё настроил!

— И споткнулся о камень, — ровно напоминает Тайлер.

— Один раз! — Сэм делает жест, будто взвешивает аргумент в руках. — И это был стратегический манёвр!

Тайлер пару секунд на него смотрит, потом тихо фыркает:

— Ладно, Эйнштейны, — произносит он спокойно. — Я жду вас в машине.

Он делает пару шагов назад, поворачивается — и вдруг его взгляд цепляется за меня. Я невольно поёживаюсь: ветер цепляется за руки, пробирается под толстовку, обжигает шею.

— Тебе холодно?

— Нормально. — Отвечаю я.

Он молча стаскивает с себя куртку — одно резкое движение, молния, шорох ткани. Даже не подходя ближе, просто бросает её мне.

Я едва успеваю поймать.

— Держи, — говорит он. — А то дрожишь, как дворовая собака в декабре.

— Я не дрожу!

— Правда? — он чуть приподнимает бровь. — Тогда давай обратно.

Он делает пару шагов ко мне. Не спешит — но и не тянет.

Просто подходит ближе, как будто забрать куртку — логичное продолжение разговора.

Тянется к вороту, берётся пальцами за ткань и дёргает чуть на себя. Я рефлекторно сжимаю её сильнее. Мы замираем на секунду: он держит край куртки, я — остальное.

— Отпусти, — спокойно говорит он.

— Нет, — не менее спокойно отвечаю я.

Сэм проводит ладонью по лицу:

— О боже, началось перетягивание одеяла. В прямом смысле.

— Это не одеяло, — сухо произносит Тайлер. — Это моя куртка.

— Теперь — моя, — парирую я, стискивая ткань ещё крепче.

— Ты сказала, что тебе не холодно.

— Я передумала, — выдыхаю я. — Я... временно согласна быть дворовой собакой.

Сэм прыскает:

— Вот это я понимаю — стадия принятия.

Тайлер чуть дёргает уголком губ, будто что-то в этом ответе его устраивает.

— Ладно, — произносит он почти шёпотом.

Он резко отпускает ткань. Я отшатываюсь назад, едва удержав равновесие, прижимая куртку к себе так, будто она реально была моим спасательным жилетом.

— Носи, — бросает он. — Раз уж так за неё борешься.

Я быстро натягиваю её на плечи.

— Спасибо...

Он ничего не отвечает. Ни кивка, ни усмешки. Ю Просто разворачивается и направляется к машине. У самой машины он останавливается:

— У вас десять минут. Через десять минут я уеду. У меня дела.

Он хлопает дверцей. На секунду вспыхивает свет в салоне, и тут же гаснет.

Сэм шумно выдыхает:

— Ну... романтик, — бормочет он. — Ладно, у нас есть целых десять минут.

Я машинально вытаскиваю телефон из кармана.

Экран режет глаза.

23:52.

— Дела, — повторяю я тихо. — В двенадцать часов ночи?

Сэм пожимает плечами:

— У некоторых людей ночная жизнь — это не про клубы, а про... ну, что бы там ни было у него. Лучше не спрашивать.

Я поднимаю взгляд на небо — на Юпитер, на рассыпанный по темноте холодный свет звёзд. Потом — на тёмный прямоугольник машины, в которой сидит он. И не могу отделаться от мысли, что его «дела» начинаются ровно тогда, когда город делает вид, что спит.

Глава 15

***

Чем глубже рана, тем тише человек.

***

Коридор кампуса гудит как всегда: чужие шаги, голоса, хлопающие дверцы шкафчиков. Утро такое же, как и сотни других... если бы не ощущение, что внутри меня до сих пор дрожит ночной холод.

Кейт идёт рядом — бодрая, с кофе в руках, волосы собраны в идеальный высокий хвост. И буквально через три секунды она начинает:

— Так... — она делает паузу. —Ты мне расскажешь, где пропала прошлой ночью? Или играть в угадайку?

Я закатываю глаза:

— Кейт...

— Что Кейт? — она тычет мне в плечо стаканом. — Ты пришла в комнату почти в час ночи, вся красная, будто бежала марафон, и в мужской куртке. В мужской, Элли!

Она поднимает брови:

— К тебе кто-то приставал? Ты была на свидании? Что это вообще было?

— Ничего, — тихо отвечаю я. — Мы просто... смотрели на звёзды за городом.

Она останавливается так резко, что я почти спотыкаюсь.

— «Мы» — это кто?

— Сэм. И... его друг.

— Его друг? — голос Кейт становится опасно высоким. — «Друг», у которого куртки XL? Элли, что за друг? И почему ты смотрела на звёзды с незнакомыми парнями ночью за городом?!

Я сжимаю губы.

— Это долгая история...

— Отлично, — Кейт вскидывает подбородок. — У нас есть ровно пять минут до лекции — давай краткую версию.

Я уже ищу слова, которые звучали бы достаточно уверенно, чтобы её успокоить, когда громкий звук телефона разрывает коридор.

Наши телефоны почти одновременно вибрируют.

Кейт бросает взгляд на экран.

В следующую секунду её лицо резко меняется.

— О, боже... — шепчет она. — Элли, посмотри.

Я достаю телефон.

Есть оповещение о новости.

Щелчок.

Экран мерцает.

«ПРОПАВШАЯ ДЕВУШКА.

В последний раз её видели около полуночи, возле трассы за городом...»

Сердце в горло.

Дата.

Время.

00:50.

Кейт продолжает читать вслух:

— «Девушка, 28 лет, возвращалась домой. Следы обрываются в районе северной трассы. Полиция просит всех, кто был в той области после одиннадцати вечера...» — Она поднимает глаза. — Элли...

Я не отвечаю.

Потому что внутри всё леденеет.

Не от новости.

От совпадения.

От времени.

От его голоса, который прошивает мне память:

«Живой. Пока.»

Кейт дёргает меня за рукав:

— Элли... как ты думаешь? Она... — её голос срывается на шёпот, — она мертва?

Слова висят в воздухе. Я чувствую, как внутри что-то болезненно ёкает, но лицо остаётся спокойным. Слишком спокойным.

— Кейт, — я развожу руками, — ну ты сразу в самый худший вариант. Может, она просто... не знаю... решила уйти в туманную ночь и начать новую жизнь. Ты же любишь драму — вот идеальный сценарий.

Кейт приподнимает бровь:

— Ты правда считаешь, что люди пропадают просто так?

— А ты правда считаешь, что каждая новость — это маньяк в кустах? — парирую я. — Расслабься. Полицейские часто пишут «пропала», а через пару часов человек находится у своего бойфренда... или у подруги...

Кейт смотрит на меня ещё пару секунд, потом выдыхает:

— Знаешь... иногда ты жутко спокойно реагируешь. Прям... пугающе спокойно.

— Это называется адаптивный механизм реагирования на стресс. Мы это на второй паре проходили.

Кейт снова смотрит в телефон:

— Тут пишут, что её видели возле северной трассы... — она смотрит на меня. — А ты вчера где была? В какой части?

Я мгновенно перехватываю её взгляд — и перебиваю раньше, чем она успевает закончить:

— Кейт, ну пожалуйста, не начинай. — Я фыркаю, делая вид, что раздражена. — Если бы я была возле той трассы, я бы уже лежала лицом в ковёр в участке, а не шла с тобой на пары. Расслабься.

Кейт на секунду растерянно моргает:

— Я просто спросила...

— А я просто не хочу превращать каждую новость в расследование.

— Элли, да что с тобой происходит?

— Со мной? Ничего. Я спала три часа и пытаюсь вспомнить хотя бы одно определение из учебника. А ещё у меня

контрольная по поведенческой психологии... через минуту. Это всё, что происходит.

Кейт щурится, склоняет голову, будто пытается увидеть то, что я прячу.

— Ничего? — Она делает шаг ближе. — Элли, да тебя всю трясёт!

— Меня не трясёт, — автоматически парирую я.

— Посмотри на себя! — она хватает меня за локоть. — Ты идёшь, как будто только что из холодного душа вышла. Руки... — она поднимает мою ладонь, — у тебя пальцы ледяные. И ты на каждое слово реагируешь, как будто я спрашиваю тебя про тело в багажнике.

Я выдёргиваю руку:

— Кейт, пожалуйста. Не драматизируй. — Я опускаю взгляд на руки. — Мне просто холодно.

— Холодно? Я тебя знаю, Элли. Ты можешь говорить, что угодно, но ты сейчас не в себе.

— Кейт, — повторяю я, будто заклинание. — Я просто устала. Не усложняй.

Я вынужденно улыбаюсь:

— Пошли уже. Если мы опоздаем, профессор Каннингем разорвёт нас на атомы. И это будет гораздо страшнее любой пропажи на трассе.

Кейт фыркает, но отступает — ровно на шаг.

— Ладно, — соглашается она. — Но после пар ты мне всё расскажешь. Особенно...

Она делает выразительную паузу и наклоняется ко мне ближе:

— Про мужскую куртку, в которой ты вчера вернулась.

— Кейт...

— Что «Кейт»? Ты сказала, что была с Сэмом и его другом. Окей. Логично, что кто-то дал тебе куртку. Но кто? И почему ты вчера сделала вид, что это вообще не важно?

— Потому что это действительно не важно, — выдыхаю я. — Было холодно. Мне дали куртку. Конец истории. Ничего сверхъестественного не произошло.

— Если бы ничего не произошло — ты бы сейчас не уворачивалась от каждого вопроса.

Я отвожу взгляд в сторону, на поток студентов:

— Я не уворачиваюсь.

— Уворачиваешься, — парирует она. — И довольно профессионально. Как будто тебя этому учили.

Я выдыхаю:

— Хватит...

Она поднимает ладони:

— Ладно, ладно. Окей. Делаешь вид, что всё нормально — пусть будет так.

Мы уже почти у двери в аудиторию, когда она вдруг прищуривается, хмурит лоб и шепчет:

— Но если это был Джейсон... и ты мне врёшь...

Я резко оборачиваюсь:

— Какой нахрен Джейсон?

Она толкает дверь плечом, но при этом продолжает:

— Твой бывший, Джейсон! Ты знаешь, что я его не перевариваю. И ты знаешь, что я взорвусь, если узнаю, что ты снова на него повелась. Вот поэтому ты и скрываешь.

Я моргаю, ошарашенная.

— Ты сейчас серьёзно?

— Более чем, — бросает она, входя в аудиторию. — У тебя талант ввязываться в неприятности и притворяться, что всё окей. Так что, прости, но я обязана уточнять.

Я сжимаю губы, следуя за ней:

— Это не Джейсон.

— Уверена? — она оборачивается через плечо. — Потому что куртка XL — прям классический его стиль. Мозг XL — не очень, но вещи огромные он любил.

Я закатываю глаза:

— Кейт, перестань. Это не он.

Она садится за парту и скрещивает руки:

— Тогда кто?

— Тайлер, — говорю я резко, не отводя взгляд. —Теперь довольна?

Кейт буквально замирает. Моргает медленно, как будто услышала что-то невозможное.

— Подожди. Кто? — переспрашивает она тихо, будто боится, что ослышалась.

— Тайлер, — повторяю я чуть твёрже.

Она подаётся вперёд, локти на парте, глаза прищурены:

— Тайлер? Тот самый, который запустил тебе мяч в голову? Тот, который сидел у нас на лекции?

Я втягиваю воздух сквозь зубы.

— Да, тот. Мы были с Сэмом, и он тоже был там. Это всё.

Кейт медленно, очень медленно откидывается на спинку стула.

— Охренеть... — она качает головой и коротко смеётся . — После лекции... полный отчёт. Детальный. Как в полицейском протоколе. Без твоих психологических отмазок. Я хочу знать: кто, что, где и почему.

Я вздыхаю.

Кейт тычет в меня карандашом:

— Вздыхай, выдыхай — сколько хочешь. Отчёт всё равно никто не отменял. После лекции расскажешь всё, без пропусков.

#

После пары я не иду на следующую. Я буквально выстреливаю из аудитории, оставив Кейт стоять в дверях с открытым ртом.

Коридор, голоса, смешки — всё превращается в фон. Я иду быстро. Слишком быстро. Почти бегу.

Возле доски объявлений висят распечатки расписаний старших курсов.

Я хватаю лист пятого курса, пальцем скользя по строкам:

CRIM 547 — Криминальный профайлинг.
Аудитория B-302
Время: сейчас.

Сердце проваливается вниз.

Он должен быть там.

Я поднимаюсь на третий этаж на автомате, не чувствуя ступеней. Коридор передо мной расплывается — будто я в чужом сне.

Дверь в аудиторию B-302 приоткрыта.

Я делаю шаг внутрь.

Полный зал.

Профессор чертит на доске схемы профайлинга.

Тишина, упавшая после моего появления, режет мне слух.

Профессор оборачивается, приподнимая бровь:

— Эм... Элли Кларк? — В его голосе удивление и лёгкая насмешка. — Вы сменили факультет?

Несколько студентов тихо усмехаются.

Щёки мгновенно вспыхивают.

— Простите... я... не туда... — выдыхаю я.

Профессор медленно снимает очки, закладывает их в карман.

— Что-то случилось?

Горло сжимается.

— Да... то есть нет... — я делаю вид, что ищу слова. — Я хотела спросить... Тайлер... эм...

Профессор кивает, будто помогает:

— Тайлер Смит?

— Наверное... — отвечаю я чуть тише.

Он наклоняет голову к журналу.

— У нас только один Тайлер Смит. Пятый курс. — Профессор медленно обводит взглядом аудиторию. — Его сейчас здесь нет.

Слова падают в грудь тяжело — будто я чего-то ждала и одновременно боялась этого.

Я сглатываю:

— А вы... вы не знаете, где он?

Профессор поднимает глаза на меня — уже внимательнее, чем раньше, будто на секунду оценивает, почему меня интересует студент, который даже не на моём факультете.

— Элли, — он слегка улыбается уголком губ, — я надеюсь, вы не решили переманивать моих студентов на свой факультет? Или... — он прищуривается, — вы собираете материалы для диссертации по социальным взаимодействиям? Прямо в полевых условиях?

Аудитория тихо смеётся.

Я открываю рот, готовясь соврать, что это просто по учёбе, но не успеваю. Потому что прямо за моей моей спиной, так близко, что воздух дрогнул, звучит спокойный, низкий голос:

— Я тут.

Профессор переводит взгляд к двери:

— Мистер Смит. Рад, что вы нашли время присоединить-

ся.

Я медленно оборачиваюсь.

Он стоит в проходе.

Спокойный. Руки в карманах. Взгляд — прямой, на меня.

— Ты что-то хотела? — тихо спрашивает он, подходя ближе, так что между нами остаётся меньше шага.

— Н-нет... — я сглатываю. — То есть... да. Я... хотела...

Слова упираются в горло.

— ...вернуть тебе твою куртку. — Вылетает из меня первое, что приходит в голову.

В аудитории кто-то сдавленно хмыкает — то ли от неловкости, то ли от неожиданности.

Тайлер даже бровью не ведёт.

— Хорошо. И где она?

Меня обдаёт жаром. Глупо. Смешно. Слишком честно.

Пока я ищу хоть какую-то форму ответа, профессор громко кашляет.

— Коллеги, — его голос звучит вымученно-вежливо, — может, ваш... обмен гардеробом подождёт после лекции?

Аудитория разражается тихим смешком.

Я резко оборачиваюсь к профессору:

— Простите. Да. Я уже ухожу.

Но взгляд сам срывается на Тайлера.

— Мы можем поговорить? — тихо спрашиваю я.

Пальцы сами находят его рукав и сжимают ткань, словно пытаясь остановить.

Он замирает на долю секунды и отдёргивает руку обратно.

— Элли, — его голос низкий, спокойный, разочарованно-холодный. — Если ты думаешь, что после того, как ты ночью поехала со мной, дрожала под моими пальцами и вернулась в моей куртке... — он наклоняется ближе, — это что-то значит...

Он делает паузу. Смотрит прямо в глаза.

— Ты ошибаешься.

Слова падают на меня тяжело, чисто, почти хирургически.

Аудитория затихает.

Тайлер отступает на шаг.

— Я займу своё место? — произносит он ровно, без единой эмоции, и проходит мимо меня.

Глава 16

***

Мы тонем не в буре — мы тонем в собственных иллюзиях.

***

Я вылетаю из аудитории так резко, будто воздух там был ядом. Дверь хлопает за спиной. Коридор встречает гулом голосов, шагов и смеха. Обычная студенческая жизнь. Но я её не слышу.

В ушах до сих пор звенит его голос:

«Дрожала под моими пальцами... вернулась в моей куртке... если ты думаешь, что это что-то значит... ты ошибаешься».

Грудь сжимает так, будто кто-то затянул ремень. Дышать больно — и от злости, и от унижения. Я ускоряю шаг, почти бегу, пока стены не начинают расплываться.

Коридор. Поворот.

Дверь с буквой «Ж».

Я влетаю внутрь, наваливаюсь на раковину обеими руками — так сильно, что костяшки белеют.

— Мерзавец... — вырывается шёпотом.

Капли воды из крана падают в раковину, отмеряя время внутри моей головы.

— Надменный... высокомерный... отморозок...

Я почти срываюсь на смех от того, как жалко это звучит, и тут же чувствую, как горячие слёзы выступают под веками.

— Какого чёрта ты так со мной разговариваешь? — выдыхаю. — Перед всеми... ненавижу... — шепчу я. — Ненавижу!

Я вытираю лицо бумажным полотенцем, смятую полоску бросаю в урну. Смотрю на своё отражение. Дыхание всё ещё сбито.

В голове вспыхивает одна фраза:

«Ты ошибаешься».

Я стискиваю зубы.

— Нет. Это ты ошибаешься.

Телефон вдруг резко вибрирует в кармане — настойчиво, будто кто-то пытается прорваться в мой кокон ярости. Я почти раздражённо вытаскиваю его.

На экране — уведомления: два пропущенных от Кейт и три сообщения:

«ЭЛЛИ?»

«Ты куда делась?»

«Лекция уже идёт!»

Я выдыхаю сквозь зубы. Слишком резко, слишком больно.

— Господи, Кейт... — шепчу, убирая телефон обратно.

Я бросаю последний взгляд в зеркало — на покрасневшие глаза, мокрые ресницы и злость, забившуюся глубоко под кожу. Я ненавижу то, что он сделал. Ненавижу, что мне не всё

равно. Ненавижу, что внутри всё ещё дрожит.

Но одно знаю точно: я к нему первой не подойду. Никогда.

Я делаю глубокий вдох, открываю дверь и выхожу в коридор. Внутри всё горит. Гнев.

Гнев на него и на себя — за то, что его слова до сих пор остро звенят в висках.

#

Я не иду на пару. Даже не делаю вид, что собираюсь. Коридор передо мной размывается, будто всё вокруг — стеклоплёнка, натянутая между мной и нормальной жизнью. Люди проходят мимо, смеются, обсуждают чьи-то сторис, кто-то жует пончик. Всё это звучит так нелепо, будто я наблюдаю мир из-под воды. Я разворачиваюсь к выходу и ухожу. Быстро. Слишком быстро. Позволяя себе то, что обычно запрещаю: сбежать.

К общежитию ведут две дорожки. Я выбираю ту, где меньше людей. Поднимаюсь на холм, где студенты обычно валяются на траве. Сейчас там пусто, серо, мёртво. Как раз под моё состояние.

Телефон вибрирует снова.

Кейт:

«Элли? Ты где??»

Я открываю чат и пишу одно короткое сообщение:

«Я ушла в общагу».

Ответ прилетает почти сразу:

«ЧТО??? Элли, что случилось??»

Я смотрю на экран, на её имя, на её слова — и просто выключаю звук. Просто ставлю тишину.

Дорога до общаги обычно занимает десять минут. Сегодня — вечность. Я захожу в здание, пропуская мимо первокурсников, которые спорят о какой-то вечеринке. Никто на меня не смотрит. И слава богу.

Карточка. Пик. Лифт закрывается, и я впервые за весь день выдыхаю так, будто сдаваясь.

Этаж. Коридор. Наша дверь.

Я захожу внутрь.

Тишина.

И только сейчас понимаю: всё, что я держала, что держало меня, что я сжимала, прятала, глотала — просто ломается. Я даже не разуваюсь. Бросаю рюкзак на пол. Подхожу к кровати. Сажусь. Потом ложусь на спину и закрываю лицо руками.

В какой-то момент просто начинаю плакать. Не громко. Не истерично. А тихо — так, как плачут очень уставшие люди, когда слёзы идут сами, без разрешения, без пафоса, без слов.

Грудь сжимает. Горло болит. Брови дрожат.

«Почему?» — стучит в голове.

Почему он сказал это? Почему перед всеми?

Почему это больнее, чем должно быть?

Я поворачиваюсь на бок, прижимая подушку к груди. Слё-

зы катятся по вискам и исчезают в наволочке. Я позволяю этому случиться. Только сейчас. Только здесь. Где никто не видит. Где можно быть не психологом, не студенткой, не «спокойной Элли», а просто человеком, которому больно.

Я закрываю глаза и думаю о нём.

Чёрт... какая же я дура.

#

Будильник взрывается в тишине так резко, что я подскакиваю, будто меня ударили током.

17:00.

Пару секунд я просто лежу, пытаясь понять, где я, какой сейчас день и почему так болят глаза. И ровно в этот момент дверь распахивается так, будто её выбили ногой.

— О! Спящая красавица воскресла! — объявляет Кейт, влетая в комнату вихрем. —Какого чёрта ты исчезла посреди учебного дня?!

Я моргаю, сажусь, даже не успев сообразить, что происходит.

— Кейт...

— Нет-нет! — она выставляет палец. — Ты исчезла. Исче-зла! — она машет телефоном. — Написала: «Иду в общагу» — и всё. Как будто тебя унесли совы из Хогвартса.

Я прижимаюсь спиной к стене.

— У меня... — голос хрипнет. — Просто мигрень.

Кейт вскидывает брови так высоко, что они почти упираются в потолок.

— Мигрень? Серьёзно? Мигрень — это когда человек идёт в медкабинет.

Я отвожу взгляд.

— Прости. Я просто... была не в настроении.

— Да неужели? — фыркает Кейт, разводя руками. — Я захожу — ты спишь, зажав подушку, и дышишь так, будто плакала.

— Я просто устала, Кейт.

— Ага. Устала... после того, как на пятом курсе криминологии кто-то решил устроить тебе публичную казнь?

Я поднимаю глаза.

— Ты откуда знаешь?

— Новости в кампусе распространяются быстрее чумы. Половина потока уже обсуждает «драму века» между тобой и неким Тайлером Смитом. — Она делает паузу. — Да-да. Я теперь даже его фамилию знаю.

Мне хочется провалиться сквозь пол.

— Господи... — шепчу я. — Только не это.

— Элли... — Кейт садится на край кровати. — Может, хотя бы скажешь, что между вами произошло? Вы с ним переспали?

Я зависаю.

— Что?! — у меня срывается почти истеричный шёпот. — Нет! Ты с ума сошла? С чего ты вообще это взяла?!

Кейт моргает.

— В кампусе так говорят.

Я закрываю лицо руками.

— Боже... просто... боже.

— Элли, я не осуждаю, — мягче говорит она, кладя ладонь мне на колено. — Просто скажи по-честному: что произошло? Он тебя обидел? Ты сама к нему полезла? Это было взаимно? Или он...

— Ничего такого не было! — выдыхаю я резко. — Мы не переспали. Даже близко. Совсем. Это вообще... — слова застревают, потому что внутри всё снова вспыхивает. — Это вообще не то, что ты думаешь.

Кейт пару секунд внимательно изучает моё лицо и кивает.

— Хорошо. Тогда что он имел в виду своим... «дрожала под моими пальцами»?

Я застываю.

— Ага, — поднимает бровь Кейт. — Значит, всё-таки что-то было?

— Нет! — я сжимаю ткань худи на груди. — Единственное, что было... это то, что он трогал мне запястье и лицо, пока читал лекцию по выживанию.

— Это сейчас попытка меня успокоить? — медленно спрашивает она. — Потому что звучит не лучше.

Я зажмуриваюсь.

— Мы просто поехали за город смотреть на звёзды, — выдыхаю. — Сэм взял телескоп, носился с ним как с младен-

цем. Тайлер половину вечера читал мне мораль, что я села к незнакомым парням в машину, пока в городе пропадают девушки. Держал за запястье, пугал фразочками. Потом смотрел на Сатурн, Юпитер, делал вид, что ему плевать, хотя ему явно не плевать. В конце кинул мне свою куртку и сказал, что у него «дела». Точка.

Кейт молчит.

Я зажимаю переносицу пальцами.

— Между нами ничего не было, Кейт. Ни поцелуев. Ни постели. Ничего.

Кейт выдыхает и дёргает мой плед, укутывая меня, как одеялом допроса.

— Элли, я верю, что вы не переспали. Правда. Но то, что он устроил в аудитории, — это всё равно полная жесть. — Кейт кладёт ладонь мне на плечо — тёплую, уверенную, будто пытается вернуть меня в реальность. — Только не уходи в себя, ладно? У тебя сейчас две задачи. Первая — встать. Вторая — собраться на работу.

— Я знаю... — Я опускаю взгляд на телефон. — Мне на работу к шести.

— Тем более, — отрезает она. — Умоешься, сделаешь вид, что ты функциональный человек, и пойдёшь наливать людям кофе. Я тебя отвезу. — Она смотрит ещё секунду.

— И заберу.

— Не нужно, — сразу возражаю я, поднимая голову. — Я уже пообещала Сэму, что он меня проводит.

— Сэму? — повторяет она медленно, выговаривая каждую букву, как диагноз.

Я мгновенно поднимаю руки, будто сдаюсь под прицелом.

— Он нормальный! Сэм нормальный, честно!

Кейт скрещивает руки на груди:

— Нормальный? — переспрашивает она с таким видом, будто я пытаюсь убедить её, что нож — это ложка. — Ты уверена, что он тебя проводит, а не свернёт опять куда-нибудь к звёздам, телескопам и социальным экспериментам?

— Он просто предложил, — бурчу я. — Как друг.

Кейт театрально вдыхает:

— Раз уж у тебя такой широкий выбор мужчин, которые предлагают тебя провожать... ладно. Пусть будет Сэм.

Я не успеваю ответить: она уже идёт к двери, но на секунду оборачивается и тихо добавляет:

— Поднимайся. Умывайся. Приведи себя в порядок — и поехали.

Глава 17

***

Мы называем это случайностью.
Монстры — называют это моментом.
***

Неизвестный.

Они всегда одинаковы — эти города, эти люди, эти кампусы, где каждый почему-то считает себя бессмертным. Меняются только времена года, лампы вдоль дорожек и лица прохожих. Хотя иногда мне кажется, что и лица одни и те же... просто переставленные в случайном порядке.

Меня неизменно смешит их уверенность. Как они ходят ночью, уткнувшись в телефоны, будто экран защищает лучше любого оружия. Как изображают хищников, пока не почувствуют настоящий страх. А страх, в отличие от них, никогда не меняется. Он всегда смывает маски. Всегда. Я видел это столько раз, что уже заранее знаю момент, когда человек «ломается». У каждого он свой, но последовательность всегда одна и та же. Сначала злость. Потом торг. А в конце первобытное, неизбежное понимание: выхода нет.

Четверо за этот месяц. Это немного. Даже меньше, чем хотелось бы. Но вполне достаточно, чтобы город начал понимать, что опасность рядом. Последняя была интереснее дру-

гих. Девушка из кампуса — слишком яркая для этого мира, слишком уверенная, что её знания о психологии станут ей щитом. Сначала она говорила без остановки. Голосом пытаясь заполнить пустоту, надеясь, что слова могут изменить того, кто стоит перед ней. Так делают все. Это их рефлекс защищать себя разговорами, как ребёнок ладонями.

«Пожалуйста... мне надо домой... я никому... я не буду...» — этот лепет всегда появляется в один и тот же момент: когда разум отказывается принимать реальность. Она хваталась за стену, потом за воздух, потом за собственные волосы, будто они могли удержать её от падения. Но человек не может удержать себя сам, когда у него рушится внутри опора. Да, она умоляла. Умоляют все. И именно в этот момент они впервые говорят правду о себе — лишённую позы, бравады и социальных масок.

Другие были проще. Один выл, как зверь, пока голос не сорвался. Вторая пыталась купить себе жизнь — смешно, учитывая, что у меня нет цены. Третья смотрела в глаза до конца. Тихо, обречённо. Как будто заранее знала, что мир никогда не давал ей шанса. Я не торопился ни с кем из них. Мне нравится наблюдать, как исчезает этот человеческий блеск. Наивный, никчёмный, но такой упорный. Они никогда не понимают, почему это происходит именно с ними. Почему здесь. Почему сейчас. Но я знаю. Я всегда знаю.

Иногда я думаю, как мало нужно, чтобы всё повернулось иначе: один шаг в сторону, одно неверное решение, один слу-

чайный человек. И всё. Они называют это судьбой.

Я — следствием. У каждого есть точка, где он становится удобнее всего. Уязвимее всего. Доступнее всего. И теперь внимание этого города сместилось на другую девушку. Не потому, что она особенная... таких, как она, множество. Но есть в ней что-то неправильное, сбившееся, несвоевременное. Не там улыбнулась. Не тому поверила. Не туда шагнула. Один неверный выбор — и мир вокруг неё начал трескаться.

Я видел, как сегодня она еле стояла на ногах, как сжимала кулаки, как злилась, дрожала. Видео разлетелось быстрее, чем кровь по венам. И всё это из-за какого-то чужого голоса, сказанных перед аудиторией. Из-за слов, сказанных слишком громко и слишком честно для её хрупкой самооценки. Она думает, что пережила худшее. Но скоро жизнь аккуратно покажет ей — что такое настоящая тьма. Я не тороплюсь. Нельзя брать того, кто ещё не созрел. Страх должен лечь в нужные трещины, стать шрамом, который зудит по ночам и не даёт покоя. Ей нужно время. Совсем немного.

Я даю его.

Пусть думает, что всё ещё выбирает.

Пусть цепляется за друзей, подруг, врагов.

Пусть верит, что чужие руки могут её спасти.

Глава 18

***

Если тебе нужно объяснять свой отказ — ты уже не в безопасности.

***

Ближе к вечеру.

Рабочий день подходит к концу. Три часа спустя я уже стою за стойкой и автоматически взбиваю молоко, принимаю заказы, улыбаюсь людям. Странно, но кофе-машина оказалась проще, чем человеческие отношения.

Я подставляю руку под струю горячей воды, стряхиваю капли и выдыхаю — тихо, чувствуя, как усталость тянет вниз мои плечи.

Зак, стоящий у стойки, подмигивает мне:

— Прогресс на лицо. Я бы сказал — уверенная четвёрка с плюсом.

— Это ты всем новичкам говоришь? —спрашиваю я, протирая питчер.

— Только тем, кого не хочу потерять, —невозмутимо отвечает он и ставит очередную чашку на стойку.

Я улыбаюсь и отхожу в подсобку — за новым рулоном салфеток, когда внезапно голос Зака прорезает воздух:

— Элли!

Он звучит громко, но без паники. Скорее с удивлением.

— Элли, иди сюда! — повторяет Зак. — К тебе пришли.

Мысль впивается в грудь острым крюком:

Пришли.

Слово будто ломает воздух пополам. Я на секунду замираю, держа рулон салфеток так крепко, что пальцы белеют.

Это Тайлер?

— Элли! — голос Зака звучит уже ближе. — Ты идёшь?

Зак буквально влетает в дверной проём подсобки — словно его туда втянули. Он задерживает взгляд на моих побелевших пальцах, сжимавших рулон салфеток, шумно выдыхает и быстро заходит внутрь, захлопнув дверь ногой.

— Ты меня слышишь? — спрашивает он. — К тебе пришли.

Я моргаю.

— Кто? Кто пришёл? — шепчу я.

— Ну... — он делает жест большим пальцем через плечо. — Какой-то парень.

— Како-то парень? Какой?

Зак щурится, будто подбирает слова.

— Я не знаю, Элли. Он сказал только твоё имя. И у него такое выражение лица — «мне очень надо с ней поговорить».

Я моргаю снова, пытаясь выровнять дыхание.

— Это... наверное, Сэм, — выдыхаю облегчённо. — Он обещал зайти.

Зак хмыкает.

— Ну если это Сэм, — тянет он, — то он явно не в настроении. — Он бросает взгляд на дверь, потом снова на меня. — Но я могу ошибаться. Вдруг это новый уровень дружбы.

Я нервно усмехаюсь, хотя внутри всё ещё колотится.

— Он точно ничего не сказал? — переспрашиваю я. — Вообще ничего?

— Вообще, — качает головой Зак. — Не «привет», не «я по делу». Просто: «Элли здесь?»

Живот неприятно сжимается.

— Ладно. — Я закатываю глаза. — Пойду проверю, кто меня ищет.

Я разворачиваюсь и иду к выходу из подсобки. Шаги звучат громче, чем должны. Сердце где-то в горле, но я заставляю себя держать спину прямо. Дверь в зал открывается. Шум кофемашины, голоса, движение — всё возвращается слишком резко. Я поднимаю взгляд и сразу понимаю, что ошиблась.

Это не Сэм.

Это — Джейсон.

Он стоит, опираясь рукой о стойку, будто чувствует себя здесь слишком уверенно. Плечи напряжены, взгляд сосредоточенный и уже направлен на меня — как будто он ждал именно этот момент.

— Привет, Элли, — произносит он ровно.

Зак бросает на меня быстрый взгляд, едва заметно.

Я киваю — машинально.

Джейсон слегка улыбается уголком губ:

— Можно тебя на минуту?

Я делаю шаг вперёд — почти автоматически — и Зак тут же тихо бросает:

— Ты в порядке?

Я качаю головой.

— Да.

Хотя это ложь. Я бы предпочла увидеть здесь чёртова Тайлера.

Я подхожу ближе. Запах его парфюма мгновенно возвращает слишком много воспоминаний. Он смотрит на мою форму, на бейдж, на собранные волосы — будто оценивает новый экспонат.

— Значит... ты теперь работаешь здесь? — тихо произносит он. — В кофейне?

Я чувствую, как тепло поднимается к щекам — не от стыда, а от злости.

— Элли, ты серьёзно? — продолжает он. — Ты же могла... не знаю... попросить помощи. У тебя же есть я.

— Был, — поправляю я резко.

Его глаза на мгновение темнеют.

— Я просто не понимаю, зачем ты стоишь за стойкой за двадцатку в час, когда могла бы нормально устроиться. Я мог бы...

— Джейсон, — перебиваю я, чувствуя, как дёргается уголок губ. — Если ты пришёл рассказывать мне, какую жизнь

я должна вести, можешь разворачиваться.

Он усмехается — коротко, почти устало.

— Я пришёл не учить тебя жизни, Элли. — Он понижает голос. — Я пришёл тебя вернуть. Я пришёл сказать, что ты достойна большего, чем вот это, — его взгляд скользит по кофемашине, по столу, по мне. — И точно достойна лучшего парня, чем тот псих, которого обсуждает весь кампус.

Холод волной проходит по спине.

— О чём ты?

Он усмехается:

— О том, что весь кампус обсуждает, как ты устроила сцену на пятом курсе криминологии. И про какого-то... — он обводит взглядом помещение, будто ищет Тайлера, — Смита, который весьма подробно рассказал всему потоку, как вы провели ночь. — Он усмехается шире, глядя прямо на меня. — Ты хоть понимаешь, как это выглядит? Или ты настолько отчаялась, что готова лечь с кем угодно, лишь бы...

Я резко выскакиваю из-за стойки, хватаю Джейсона за рукав и, не глядя на Зака, бросаю:

— Я на минуту.

Зак что-то говорит вслед, но я его уже не слышу.

Я тащу Джейсона к выходу — так, как тащат мусорный пакет, который срочно нужно вынести из помещения. Он сопротивляется ровно полсекунды, затем вынужденно начинает идти за мной — удивлённый и возмущённый. Дверь закрывается за нами. Я разворачиваюсь к нему так резко, что

Джейсон успевает только моргнуть.

— Какого чёрта ты сюда пришёл? — бросаю я ему в лицо.

Он хмурится.

— Я на работе! — продолжаю я. — Ты понимаешь это слово? Ра-бо-та. Я не просила тебя приходить. И уж точно не просила устраивать допрос.

Джейсон запрокидывает голову, выдыхая:

— Я пришёл поговорить. Потому что, может, тебе и плевать на свою репутацию, но мне нет.

— Стоп. — Я поднимаю ладонь. — Мне? Плевать? Джейсон, мы с тобой расстались. Точка. Это ты всё испортил. Ты. Не я.

Он сжимает челюсть.

— Прошло две недели, Элли. Всего две. И ты уже... — он отталкивается от стены и подаётся ближе, — с этим парнем?

Мой смех выходит коротким, почти сорванным:

— Я не с ним. Я ни с кем вообще. И даже если бы была — тебя это не касается!

Он чуть поднимает брови, будто пытается оценить, вру ли я.

— Весь кампус говорит, что...

— Весь кампус, Джейсон, любит сплетни больше, чем учёбу, — отрезаю я. — Если там завтра скажут, что инопланетяне захватили кафедру социологии, все тоже поверят. — Мой голос становится тише. — Между нами всё кончено. Я не обязана перед тобой отчитываться. Ни за кого. Ни за что.

Джейсон проводит рукой по лицу.

— Ты серьёзно сейчас? Для тебя это действительно так просто? Закрыть глаза, сделать вид, что нас не существовало?

— Нет. — Я приподнимаю подбородок. — Совсем не просто. Но легче, чем снова позволить тебе влезть в мою жизнь.

Он делает шаг ко мне — слишком близко, слишком знакомо — и прежде чем я успеваю отступить, его рука ложится на моё запястье. Точно туда, где держал меня другой человек.

— Элли... — голос почти шёпот. — Я знаю, что всё испортил. Я идиот. Но, пожалуйста, дай мне снова всё объяснить.

Я пытаюсь выдернуть руку.

— Джейсон, перестань!

Но он держит — не сильно, не больно, а так, как будто всё ещё имеет на это право.

— Я скучаю по тебе, — шепчет он. — Каждый день. Ты даже не представляешь. — Он делает шаг ближе, и теперь между нами почти нет воздуха. — Я ошибся. Та ночь... она ничего не значила. Совсем. — Он ищет мои глаза, будто пытаясь в них войти. — Мы просто целовались, Элли. Только это. Ничего больше. Я был пьян, был дураком, был... — он резко выдыхает, — был тем, кого ты больше не узнаешь.

Слова капают тёплым мёдом — знакомым, липким, опасным. Он наклоняется ещё ближе:

— Ты — лучшая, что было в моей жизни. Я правда это

понял слишком поздно. Но я... я не хочу тебя терять.

Его пальцы скользят ниже, обхватывая мою ладонь, а другой рукой он медленно касается моей щеки.

— Элли... посмотри на меня.

— Нет!

Слово вырывается мгновенно. Резко. С отточенной болью. Я отдёргиваю его руку от лица и отступаю на шаг. Он делает шаг вперёд — автоматически. Будто не допускает мысли, что я могу отойти. Будто границ всё ещё не существует. Как будто всё ещё имеет право на моё пространство, на моё тело, на меня. И прежде чем я успеваю ещё раз отступить, его ладонь резко ложится мне на талию — пальцы сжимают ткань формы, будто пытаются вспомнить контуры, к которым он больше не принадлежит. Он нависает надо мной, прижимая меня ближе к стене у выхода — не сильно, не больно, но достаточно, чтобы я почувствовала: он хочет вернуть контроль. Хочет вернуть меня. Себе.

— Элли... — он шепчет так, будто мы где-то в темноте после свидания, а не у задней двери кофейни. — Ты сама знаешь, что всё это... — его пальцы на талии чуть сжимают ткань, — не закончилось. Не могло вот так закончиться. Я знаю тебя. Я чувствую тебя. Ты же всё ещё...

— Хватит, — выдыхаю я, и моя ладонь резко упирается ему в грудь. — Джейсон, остановись.

Он не двигается. Вообще. Будто мои слова — шёпот в пустой комнате.

— Я не могу, — произносит он глухо. — Я думал, у меня будет шанс, — резко говорит он. — Хотя бы один. Думал, ты... — он делает рывок ближе.

— Джейсон. — Я давлю сильнее, пытаясь оттолкнуть его. — Я сказала: остановись.

Он открывает рот, собираясь что-то сказать. Что-то мягкое. Или что-то болезненное. Или что-то, что снова перевернёт мою жизнь в сторону, в которую я не хочу смотреть.

Но он не успевает. Потому что прямо за его спиной раздаётся низкий, спокойный, ровный голос:

— Девушка сказала «остановись». Что тут непонятного?

Мы одновременно поднимаем взгляд.

Тайлер стоит в нескольких шагах от нас. Руки в карманах, взгляд — холодный, но сосредоточенный. Он направлен точно на Джейсона. Он медленно переводит взгляд вниз — туда, где рука Джейсона всё ещё лежит у меня на талии.

Пауза.

Он поднимает глаза выше — в лицо Джейсона.

— Я повторю, если надо, — произносит он тем же тоном, будто объясняет элементарное. — Что. Тут. Непонятного?

Джейсон застывает. Рука на моей талии будто тяжелеет, но уже не от желания удержать — а от растерянности.

— Это... — его голос дрожит от сдержанного раздражения. — Не твоё дело.

Тайлер приподнимает бровь. Совсем чуть-чуть. Почти лениво.

— Зато её дело, — он едва поворачивает голову в мою сторону, но взглядом не отпускает Джейсона. — И она сказала «нет». Ты оглох?

Джейсон дёргается.

— Ты вообще кто такой? — выплёвывает он. — Тебя никто не звал. Мы разговаривали.

— Ты нависал, — спокойно поправляет Тайлер. — Это разные вещи.

Он наконец делает шаг вперёд — короткий, уверенный. Точно настолько, чтобы Джейсон был вынужден отступить на полшага от меня. И он действительно отступает. Пальцы разжимаются. Рука падает с моей талии. Воздух возвращается в лёгкие.

— Ты... — Джейсон сглатывает, пытаясь вернуть себе голос, — охренел? Ты вообще понимаешь, с кем ты разговариваешь?!

— Понимаю, — отвечает он тихо. — С парнем, который не слышит слово «нет», пока ему не повторят трижды.

— Да пошёл ты! — взрывается Джейсон, делая шаг вперёд. Ты сейчас...

— Я сейчас что? — перебивает Тайлер. — Слушаю.

В этом «слушаю» нет любопытства. Нет интереса. Только предупреждение: ещё шаг — и разговор изменит тональность.

— Пацан, ты сейчас делаешь большую ошибку. Думаешь, я тебе сейчас лицо не переломаю?

Тайлер не шевелится. Даже не дышит, кажется.

— Можешь попробовать.

Он произносит это без вызова. Без угрозы. Будто предлагает Джейсону выбрать блюдо из меню.

— Ты... — его голос дрожит едва слышно. — Ты совсем поехавший?

Тайлер медленно моргает.

— Нет. — Он делает маленький шаг вперёд, заставляя Джейсона немного отступить. — А вот ты — очень хочешь проверить, насколько плохо закончится твоя первая попытка драки за сегодня.

Напряжение натягивается, будто струна. Ещё мгновение — и кто-то сорвётся. И ровно в этот миг, когда Джейсон подаётся к Тайлеру ближе, дверь распахивается. На улицу вываливается Зак — с фартуком, блокнотом и самым усталым видом в мире.

— Так, так, так. — Он хлопает в ладони. — Что за мужские разборки у моего выхода? Можно мне вернуть мою бариста в целости?

Он переводит взгляд с одного на другого.

— Расходимся ребята, — говорит Зак. — Либо я вызываю копов.

Зак рывком открывает дверь кафе шире:

— Элли — внутрь.

Я вздрагиваю, но послушно делаю шаг к двери.

Зак бросает быстрый взгляд на Джейсона:

— А ты — сваливай.

Джейсон открывает рот, пытаясь возразить:

— Я вообще-то...

— Нет, — спокойно перебивает Зак. — Ты не «вообще-то». Ты мешаешь работе. Вперёд. — Он указывает пальцем в сторону парковки.

Джейсон сжимает кулаки, но всё же отступает на шаг. Злость у него под кожей — видно по дёргающемуся углу челюсти. Он переводит взгляд на меня, словно хватается за моё имя.

— Элли... — глухо произносит он. — Этот разговор не закрыт. — Он переводит взгляд на Тайлера. — Как и наш с тобой.

Тайлер поднимает бровь.

— Ох. Я тоже в этом списке? — Он делает вид, что удивлён.

Джейсон дёргается вперёд к Тайлеру — резко, почти автоматически.

— Эй! Всё! Хватит! — Зак переходит на крик. — Это последнее предупреждение. Или вы уходите сами, или вас выведут в наручниках!

Джейсон смотрит на Тайлера ещё секунду — будто пытается запомнить. Потом резко отворачивается и уходит к парковке быстрыми, рваными шагами. Тайлер провожает его взглядом до последнего шага. Только когда Джейсон скрывается между машинами, он медленно переводит взгляд на

меня. В его глазах — ни злости, ни удивления. Только спокойная, почти лениво-холодная оценка.

Он чуть приподнимает бровь.

— Это твой парень? — На губах появляется тень усмешки — лёгкая, насмешливая, будто он только что увидел нечто абсурдное.

Пауза.

Тайлер скользит взглядом туда, где секунду назад лежала чужая рука — будто отмечает это не как факт, а как нелепую деталь театральной постановки.

— Вкус у тебя, конечно... своеобразный.

Я моргаю.

— Он не мой парень!

— Мне без разницы, — спокойно отсекает он. — Совсем.

Слова цепляют сильнее, чем я ожидала. Во мне поднимается раздражение — резкое, горячее.

— Зачем ты приехал, Тайлер?

Зак, стоящий чуть сбоку, делает вид, что протирает стеклянную витрину, но прислушивается так явно, что это даже смешно.

Тайлер не двигается.

— А должен быть повод?

— Обычно да, — огрызаюсь я, чувствуя, как щёки снова нагреваются. — Учитывая всё, что произошло утром.

— Что именно? — спрашивает он так, будто уточняет про забытый учебник.

Я почти срываюсь:

— То, что теперь весь кампус считает, будто мы... будто ты... — я спотыкаюсь о слова, — будто ты переспал со мной и бросил. Или что-то в этом роде!

Зак тихо кашляет, едва не подавившись собственным воздухом. Тайлер едва заметно поднимает бровь.

— Тебя волнует чужое мнение?

— Я... — я сжимаю губы. — Это неприятно.

— Успокойся, — перебивает он. — Через неделю они найдут себе новую игрушку для обсуждений.

Я дергаюсь. Он говорит так, будто моя жизнь — статистика.

— Легко тебе говорить, когда это не про тебя, — тихо бросаю я.

— Почему «не про меня»? — он произносит это ровно, почти лениво. — Про меня тоже. Теперь половина кампуса уверена, что я «сломал тебе сердце». — Он наклоняется ближе. — Забавно, да? Сломать то, к чему я ещё даже не прикоснулся.

Я чувствую, как тепло ударяет в щёки. Не от смущения — от злости.

— Ты... — у меня перехватывает дыхание. — Ты не должен был говорить ничего такого на лекции.

— Я говорил не для людей, — спокойно отвечает он. — Они просто были там.

У меня дёргается бровь. Я делаю вдох — слишком резкий.

Слишком глубокий.

— Уходи, — говорю я. Тихо, но чётко. — Просто... уходи.

На секунду повисает тишина. Тайлер смотрит на меня спокойно. Без удивления. Без сопротивления.

Секунда. Две.

— Хорошо, — говорит он ровно. — Я ухожу.

Он разворачивается и направляется к двери кафе — уверенно, без спешки. Зак машинально делает шаг назад и широко распахивает дверь, пропуская его внутрь, глядя на меня глазами человека, который совсем не хотел быть участником этого фильма, но почему-то оказался в титрах.

Я стою, застывшая, глядя ему вслед. Он даже не оглядывается. Просто бросает через плечо — спокойно, буднично, так, будто отдаёт мне расписание на день:

— Сделай мне кофе, Элли Кларк.

Я стискиваю зубы, чувствуя, как внутри поднимается ещё больше раздражение.

Конечно. После всего, что произошло, самое логичное — заказать кофе.

Зак тихо, почти беззвучно, выдыхает:

— Знаешь, обычно люди портят карьеру лет за пять. — Он смотрит на меня. — А ты управилась за два дня. Не удивлюсь, если тебя сегодня уволят. Даже не успев официально устроиться.

Я сглатываю.

— Прости. Я... я не планировала стартовать так дерзко.

Зак смотрит на меня пару секунд, потом качает головой.

— Да ладно. — Он кивает в сторону барной стойки. — Иди. А то клиент заскучает.

Я делаю шаг внутрь и вижу Тайлера. Локтями он расслабленно опирается о край, в одной руке — телефон.

Я встаю за стойку.

— Что будете? — спрашиваю я официально.

Он не смотрит на меня. Даже не сразу отвечает.

— Кофе с молоком, — говорит он, всё так же глядя в телефон. — Такой же, как вчера.

Пауза.

Экран гаснет, и только тогда он поднимает взгляд. Не прямо — скользяще, как будто оценивает отражение в стекле витрины. Сердце пропускает удар. Я на секунду задерживаю дыхание, заставляя себя не реагировать.

— Один кофе с молоком, — повторяю я сухо, как будто это первый заказ в моей жизни. — Садитесь, пожалуйста.

— Спасибо, но я постою, — отвечает он с лёгкой улыбкой.

Я фыркаю.

— Разумеется. — Бросаю я и отворачиваюсь к кофемашине.

Я нарочно замедляю движения — чуть дольше на помоле, чуть тщательнее выравниваю таблетку, будто точность сейчас важнее всего.

— Ты всегда такая сосредоточенная, — говорит он негромко. — Или это эксклюзив для меня?

— Для работы, — отвечаю я, не оборачиваясь. — Я здесь именно для этого.

Он тихо усмехается, но ничего не отвечает.

Я взбиваю молоко. Пена ложится ровно, плотной шапкой. Идеально. Раздражающе идеально.

Я наливаю кофе, и поворачиваюсь к стойке.

— Готово. — Я ставлю напиток на стойку. — Твой кофе с молоком.

Он смотрит на него пару секунд.

— Выглядит... — он делает паузу, — менее опасно, чем вчера.

— Очень смешно, — бурчу я.

Он неторопливо берёт стакан двумя пальцами, будто это лабораторный образец. Подносит к губам и делает короткий глоток.

Молчание. Я ловлю себя на том, что задерживаю дыхание.

Он ставит стакан обратно.

— Хм.

— Снова «Хм»?! — я приподнимаю бровь.

— Да, — кивает он. — «Хм» — высокая оценка.

Я фыркаю:

— Ты ужасный клиент.

Он чуть наклоняет голову, рассматривая меня.

— К счастью, я сюда прихожу не ради сервиса.

— А ради чего?

— Ради своей куртки. Которую ты унесла с собой. Ты же

не собираешься носить её вечно?

Я хмурюсь:

— Если вдруг ты не заметил, сегодня утром ты мог её забрать. Теперь она в общажитии.

Тайлер медленно кивает — слишком спокойно, будто услышал именно то, чего ожидал.

— Отлично. — Он касается стакана пальцами. — Допью кофе... и поедем за курткой.

— Поедем? — повторяю я еле слышно, словно проверяю, правильно ли расслышала.

Тайлер делает глоток кофе. Спокойно. Неторопливо. Как будто мы обсуждаем не поездку ко мне в общагу, а смену температуры молока.

— Да, — произносит он. — Ты же не планируешь оставить мою вещь у себя ещё на одну ночь? — он делает паузу и смотрит прямо мне в глаза. — Или она помогает тебе засыпать?

Я моргаю.

— Ч-что? Помогает засыпать?

— Ну да, — спокойно поясняет он. — Некоторые спят с вещами бывших, чтобы успокоиться. Или чтобы пахло чем-то знакомым. — Он делает ещё глоток. — Ты не такая?

Я откашливаюсь, чувствуя, как уши буквально воспламеняются:

— Нет! Конечно нет! Это... — я запутываюсь в словах, — я верну её.

— Конечно вернёшь, — повторяет он. — Сегодня. — Он смотрит на часы. — У тебя осталось восемнадцать минут.

— Восемнадцать минут до чего? — спрашиваю я, уже понимая ответ и ненавидя это заранее.

Тайлер не отвечает сразу. Допивает кофе. Ставит стакан на стойку — ровно, аккуратно, как человек, который никогда не делает лишних движений.

— До конца твоей смены, — говорит он наконец. — Я подожду.

— Это не обсуждается? — уточняю я, скрещивая руки на груди.

— Обсуждать можно только то, на что у нас есть время, — отвечает он. — А времени у тебя немного. — Тайлер смотрит на часы ещё раз. — Осталось семнадцать минут.

— Я с тобой никуда не поеду, — говорю я отчётливо. — За мной заедет Сэм.

Тайлер не реагирует сразу. Ни брови. Ни взгляда. Только пауза — короткая, почти вежливая.

— Не заедет. Сэм сегодня приболел.

Я моргаю.

— Ты врёшь.

— Хочешь — напиши ему, — спокойно предлагает он. — У тебя ещё шестнадцать минут.

Он снова смотрит на часы.

— Пятнадцать, — исправляется он. — Пока мы разговариваем.

Я достаю телефон почти автоматически. Экран загорается слишком ярко. Сообщения от Сэма нет.

Я поднимаю взгляд.

— Он мне ничего не писал, — говорю я жёстко. — Вообще ничего.

Тайлер кивает, будто подтверждая очевидное.

— Потому что он спит, — отвечает он спокойно. — Температура. Голос сорван. Сама понимаешь.

Я сжимаю челюсть.

— Тогда я вызову такси.

— Почему? — спрашивает он тихо. — Ты не хочешь, чтобы я тебя подвёз? Или ты боишься, что кто-нибудь увидит нас вместе и снова решит, будто мы переспали?

У меня перехватывает дыхание.

— Что? Нет! — Голос подскакивает выше, чем должен.

— Тогда в чём проблема? — спокойно спрашивает он. — Десять минут дороги. Куртка. Конец истории.

— Это не история, — резко говорю я. — И не «просто десять минут».

— Тогда объясни мне, — он слегка наклоняет голову. Зачем тебе такси, если я здесь? Это принцип?

Я открываю рот — и впервые за весь разговор не нахожу ответа сразу.

Тайлер смотрит на часы ещё раз.

— Четырнадцать минут, — говорит он. — Решай.

Я делаю вдох. Потом ещё один.

— Хорошо, — выдыхаю я сквозь зубы. — Я поеду. Заберу куртку. Отдам. И на этом всё.

Он чуть приподнимает бровь.

— На сегодня, — уточняет он.

— Нет, — жёстко отвечаю я. — Вообще.

Уголок его губ едва заметно дёргается.

— Посмотрим. — Он отталкивается от стойки, будто разговор закрыт. — Я буду в машине, — добавляет он. — Не задерживайся. Я не люблю ждать.

Он разворачивается и идёт к выходу так же спокойно, как и пришёл. Дверь звякает колокольчиком, впуская внутрь холодный вечерний воздух, и тут же захлопывается.

«Не люблю ждать».

Слова застревают где-то под рёбрами.

Я смотрю на выход ещё пару секунд, потом отворачиваюсь, опираясь ладонями о край. Сердце бьётся слишком громко, слишком быстро — как перед чем-то неизбежным.

Я закрываю глаза.

Это просто поездка.

Поездка, на которую я только что согласилась, сама не поняв — как.

Глава 19

***

Самое тяжёлое — понять, что никто не обязан тебя спасать.

Даже те, кто обещал.

***

Когда дверь за моей спиной захлопнулась, улица поглотила меня неоном и неестественной, давящей тишиной. Такой тишиной, в которой слышно, как сердце делает пропущенный удар.

Я обернулась. И увидела её.

Чёрный автомобиль, стоявший чуть в стороне, казался не машиной, а вырезанным из ночи прямоугольником пустоты. Стёкла тонированы настолько, что они не отражали, а поглощали свет.

Я сделала первый шаг, потом второй. Фары вспыхнули на мгновение. Стекло со стороны пассажира беззвучно поехало вниз. Механизм работал бесшумно — с дорогой, уверенной плавностью. В образовавшемся проёме возникло его лицо. Не сразу: сначала я увидела лишь профиль, подпёртый костяшками пальцев. Потом он медленно повернул голову. Его глаза встретились с моими — тёмные, неспешные. В них не было ни удивления, ни угрозы, только спокойное, всевидя-

щее внимание — как у человека, который ждал именно этого и теперь просто фиксирует факт.

— Ты ко мне? — его голос ровный. — Или просто решила прогуляться возле моей машины для атмосферы?

Я моргаю, чувствуя, как дыхание чуть сбивается.

— Я... я вышла, как ты сказал.

Тайлер медленно переводит взгляд вниз — на мою руку, вцепившуюся в ремешок сумки, будто я держусь за неё, чтобы не развернуться и не сбежать.

— Выйти — это одно, — произносит он на выдохе, растягивая слова. — Но вот подойти — это уже другое действие. — Он опускает стекло до конца. — Подойди, Элли. Я не кусаюсь.

У меня перехватывает дыхание.

— Ты... издеваешься?

— Если бы я издевался, ты бы это поняла. — Он лениво откидывается назад. — Дверь открыта. Решай сама, что дальше.

Я замираю на долю секунды, не в силах пошевелиться. Он не торопит, лишь его взгляд, тяжёлый и неотрывный, давит сильнее любых слов.

— Ты садишься? — наконец напоминает он. — Я же сказал... я не люблю, когда меня заставляют ждать.

Я делаю шаг. Потом ещё один. Каждый — будто против природы. Ручка двери на секунду кажется ледяной. Дёргаю — и тишина внутри машины накрывает меня, будто захлоп-

нулась крышка.

Тайлер не двигается. Только взгляд смещается на долю миллиметра — отслеживая, как я закрываю дверь.

— Вот и хорошо, — произносит он тихо, почти про себя.

Я крепко сжимаю ремень сумки на коленях, заставляя себя не смотреть на него прямо. Но он, кажется, прекрасно видит каждое моё напряжение.

— Пристегнись, — говорит он ровно.

Я щёлкаю ремнём. Пальцы предательски подрагивают — лёгкая, почти незаметная дрожь.

— Замёрзла? — спрашивает он, не глядя на меня.

Вопрос звучит нейтрально, как констатация факта, но в уголке его глаза я успеваю поймать мерцание — не улыбки, а скорее осознания. Он видел.

— Немного, — выдыхаю я, пытаясь вжать ладони в колени.

Он молчит. Секунду, две. Воздух в машине кажется густым от этого молчания. Потом его рука — неторопливая, точная — тянется к панели. Небольшой, чёткий щелчок. Из дефлекторов поднимается тёплый, почти неощутимый поток. Он не дует, а скорее обволакивает кожу. Он регулирует мощность одним плавным движением, не отрывая взгляда от тёмного полотна дороги перед нами.

— Держи, Кларк, — произносит он ровно. — Сегодня согреваю так. — Он слегка опускает взгляд на свою толстовку, будто впервые замечая её. — Если только... не хочешь

забрать и это тоже.

Я моргаю. Слова падают в тишину абсолютно плоско. Без интонации, без намёка. Именно поэтому они кажутся самым откровенным и опасным флиртом, который я когда-либо слышала.

— Не надо, — я спешу отвернуться к окну. — Со мной всё в порядке.

— Уверена? — он чуть поворачивает голову, и я чувствую, а не вижу его взгляд на своём затылке.

— Да, — повторяю я.

Он возвращает взгляд на дорогу и машина мягко трогается с места.

— Как скажешь. — Он делает короткую паузу. — Но учти: я предлагаю один раз. Второго не будет.

— Ты всегда такой... — я запинаюсь, подбирая слово, — спокойный?

Тайлер хмыкает тихо, почти неслышно.

— Это ты сейчас пытаешься меня похвалить или обидеть?

— Понять, — отвечаю я.

Он слегка поворачивает голову.

— Тогда ответ: нет. Не всегда.

— А со мной почему «да»? — уточняю я, скрещивая руки.

— Потому что кто-то же должен вести себя нормально. Мы же не на похоронах.

— Никто и не говорит, что мы на похоронах, — бросаю

я, и в собственном голосе слышу капризную нотку, которая раздражает меня саму.

— Отлично. — Он кивает. — Значит, можем спокойно ехать дальше. Без трагедий.

Я закатываю глаза, не в силах сдержать раздражение.

— С тобой вообще можно нормально поговорить, или всегда будут эти... комментарии?

— Можно, — соглашается он, не отрывая взгляда от дороги. — Но будет скучно.

— То есть ты специально язвишь?

— Я вообще редко что-то делаю «специально». — Он переключает поворотник. — Но если хочешь, могу быть серьёзным. Прям ужасно серьёзным. Настолько, что ты сама попросишь вернуть мои комментарии.

Я смотрю на него, слегка приподняв бровь.

— Правда? — спрашиваю я. — Серьёзным... как сегодня утром?

Он на долю секунды поворачивает голову — и его взгляд скользит по моему лицу, будто проверяет, в каком именно тоне я это сказала.

— Утром? — повторяет он спокойно. — А что с утром?

— Ты... — я подбираю слово. — Вёл себя не очень спокойно.

Он улыбается уголком губ — так, будто это его совершенно не смущает.

— А, это. — Он кивает, возвращая взгляд на дорогу. —

По-моему, я как раз вёл себя очень спокойно.

Я фыркаю.

— Спокойно? Ты серьёзно?

— Абсолютно,— парирует он без промедления.— Это была моя спокойная версия.

— Дай угадаю, — я закатываю глаза, чувствуя, как в голосе пробивается истеричная нотка. — А если бы ты решил вести себя неспокойно...

— Тогда, — мягко, но настойчиво перебивает он, — половине аудитории пришлось бы её покинуть. Чтобы освободить место.

Я собираюсь парировать, подобрать колкость, но в этот момент светофор впереди резко переключается с жёлтого на красный. Тайлер резко, но без паники жмёт на тормоз. Машина послушно и чётко останавливается.

— Ай... — тихо вырывается у меня, и я инстинктивно хватаюсь за ремень. Он натянулся, зажав мне плечо, но при этом где-то перекрутился, создавая неудобное давление на ключицу.

Тайлер поворачивает голову. Его взгляд задерживается на ремне всего секунду.

— Ты пристегнулась неправильно, — констатирует он. И прежде чем я успеваю что-то сказать или сделать, он уже тянется ко мне.

Его движение не резкое, но решительное. Его пальцы находят металлическую пряжку у моего плеча. Он не дёргает,

а плавно ослабляет натяжение, затем поправляет диагональную лямку, укладывая её ровно через грудь. Он делает это так близко, что я чувствую тепло его руки. Мозг на мгновение отключается, захлёстываясь волной чистого, животного внимания ко всему, что его окружает: к шероховатости ткани его толстовки, к точным движениям его пальцев, к тому, как его предплечье почти касается моей груди.

— Вот так, — произносит тихо. — Иначе не защитит.

Его пальцы задерживаются на полсекунды дольше необходимого. Они почти касаются кожи у основания моей шеи. Я замираю, превращаясь в статую.

Я непроизвольно поднимаю глаза. И наши взгляды сталкиваются.

Чёрт.

Весь мир внезапно сжимается до двух точек: до темноты его глаз и до тихого звука его дыхания.

О, Боже.

Сердце совершает в груди дикий, хаотичный прыжок, а потом начинает колотиться с такой силой, что, кажется, он должен это слышать. Я сглатываю, и звук кажется оглушительным в этой внезапной тишине. Он моргает — медленно, осознанно — и только после этого отодвигается, возвращаясь на своё место.

— Теперь правильно, — заключает он, как будто просто провёл технический осмотр.

Светофор переключается на зелёный. Тайлер плавно от-

пускает тормоз, и машина снова начинает движение, будто ничего не произошло. Как будто не было этого вторжения в моё личное пространство.

— Спасибо, — срывается с моих губ шёпот, глупый и формальный.

Он лишь слегка наклоняет голову в мою сторону — короткий, почти невежливый кивок.

Мы сворачиваем на знакомую улицу, ведущую к моему общежитию. Он паркуется там же, где и в прошлый раз — в глубокой тени парковки, подальше от жёлтых кругов света от уличных фонарей.

Я не двигаюсь. Он тоже.

— Куртка, — напоминает он.

— Да, куртка. — Отвечаю я.

Он кивает — короткое, почти рефлекторное движение.

— Время пошло.

Я моргаю, медленно поворачивая к нему голову.

— Что?

— Я сказал, что жду.

Я закатываю глаза — больше из самозащиты, чем из раздражения.

— Мне нужно ровно пять минут, — говорю я, вкладывая в голос всю уверенность, на которую способна.

Его пальцы лениво барабанят по коже руля.

— Хорошо, — соглашается он. — Я засёк.

Я толкаю дверь и вываливаюсь на холодный тротуар. Воз-

дух обжигает лёгкие, заставляя вздрогнуть. Дверь захлопывается с мягким, но окончательным щелчком, будто отсекая путь назад.

Я делаю пару шагов к дверям общежитие.

— Элли. — Его голос прорезает ночь сквозь приоткрытое окно.

Я оборачиваюсь.

Он всё ещё сидит в машине, поглощённый темнотой, но его глаза блестят в отблесках далёкого фонаря. Два уголька, прикованные ко мне.

Тайлер чуть наклоняет голову.

— Пять минут, — произносит он медленно. — Потому что если ты сейчас исчезнешь на десять... — пауза. Долгая. Спокойная. — Я поднимусь сам.

— Я не задержусь, — выдавливаю я.

— Отлично, — произносит он ровно. И поднимает запястье, будто действительно собирается засечь время.

Мой желудок скручивается. Я отворачиваюсь и почти бегом лечу к двери. Влетаю в общежитие, затем в комнату и сразу рывком открываю шкаф — будто куртка может испариться, пока Тайлер считает свои минуты.

Вот она. Свёрнутая, аккуратно сложенная... и пахнущая им чуть больше, чем я готова признать.

Я зажмуриваюсь.

— Это просто куртка, Элли. Просто куртка.

Я хватаю её и выскальзываю обратно в коридор, едва не

сбивая с ног Кейт, которая вышла из ванной. Она что-то говорит мне вслед, но я её не слышу.

Я выбегаю на улицу и перескакиваю через три ступеньки, и смотрю вперёд.

Он уже вышел. Не сидит в машине, а стоит, прислонившись к капоту. Скрестив руки на груди. Как будто ждал там всегда. Он не шевелится, просто смотрит, как я подбегаю, запыхавшаяся и нелепая.

— Четыре минуты тридцать два, — произносит он спокойно. — Быстро.

Я протягиваю ему куртку — но в тот момент, когда его пальцы почти касаются ткани, я резко отдёргиваю руку назад.

Он замирает. Его брови едва заметно приподнимаются.

— Условие, — говорю я, не узнавая собственный голос.

Тайлер моргает один раз. Почти незаметно.

— Что? — тихо спрашивает он.

— Я отдам её, — повторяю я, глядя ему прямо в глаза, — если ты скажешь, где был вчера ночью.

Пауза. Он не двигается. Вообще. Даже дыхание будто замирает.

— Ты ставишь мне условия, Элли?

— Да, — отвечаю я.

Он медленно опускает взгляд на куртку, прижатую к моей груди, будто она внезапно превратилась в артефакт невероятной важности. Потом снова поднимает глаза на меня.

— А если я не скажу?

— Тогда... — я сглатываю комок в горле, но не отвожу взгляд, — куртку ты сегодня не получишь.

Пауза. Тяжёлая. Густая. Я ожидаю, что он рассмеётся. Или разозлится. Или станет тем самым Тайлером который был с утра. Но нет. Он только чуть наклоняет голову, рассматривая меня внимательно.

— Хорошо, — наконец говорит он и делает один неторопливый шаг вперёд. — Вчера вечером, — начинает он медленно, вглядываясь в мои глаза, будто проверяя реакцию на каждом слове, — я был на встрече.

— На встрече? — переспрашиваю я, и голос мой звучит тише, чем хотелось бы.

— На свидании.

Я неосознанно хмыкаю.

— С девушкой, что ли? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю задуматься.

Уголок его губ дёргается.

— Да. И она была... вполне довольна вечером.

Горло сжимается так, будто я проглотила ледяной воздух. Я чувствую, как что-то мелкое и гадкое шевелится под рёбрами. Ревность. Глупая, необоснованная, унизительная ревность.

— Понятно, — говорю я так спокойно, что сама себе не верю. — Забирай. Ты её заработал— Я протягиваю куртку резким движением, словно хочу отделаться от чего-то зараз-

ного.

Тайлер смотрит на свёрнутую ткань, но не берёт. Его глаза медленно поднимаются и снова встречаются с моими. В них нет прежней ленивой отстранённости. Теперь они изучают меня с холодной, почти клинической внимательностью. Он что-то заметил. Зафиксировал. Занёс в невидимый каталог моих реакций.

— Ты расстроилась?

Я сглатываю.

— Что? Нет, — выдыхаю я, и моё опровержение звучит слишком поспешно. — Просто... не ожидала.

Он слегка наклоняет голову, и тень от козырька кепки скользит по его скуле.

— Чего именно?

Я резко поднимаю голову.

— Что у тебя есть такая жизнь.

Он медленно моргает, будто давая этому слову осесть.

— Такая?

— Да, — выдыхаю я. — Такая, где у тебя есть какие-то ужины, встречи, свидания... — я спотыкаюсь о последнее слово, ненавидя, как оно звучит, но не в силах остановиться. — Я не знаю тебя. И, видимо, даже не представляю, какой ты на самом деле.

Он смотрит на меня долго. Слишком долго. Затем его голова наклоняется на едва заметный миллиметр.

— А ты бы хотела узнать?

Вопрос повисает в воздухе, острый и обжигающий. Что-то внутри проваливается, оставляя после себя пустоту.

— Н-нет. Я... — отступаю на шаг, пытаясь вернуть себе личное пространство. — Я просто говорю, что это неожиданно. Всё.

Он смотрит. Тихо. Внимательно. Будто пытается уловить не смысл слов, а то, что я прячу между ними. Затем его взгляд скользит к куртке в моей руке.

— Вернёшь?

Я почти автоматически протягиваю её. Он берёт куртку и его пальцы чуть касаются моих — мимолётно, случайно — и это прикосновение ощущается как электрический разряд, как щелчок выключателя где-то глубоко внутри.

Он выпрямляется, безразлично набрасывая куртку на плечо.

— Спасибо, — произносит он ровно.

Я киваю и уже собираюсь развернуться, когда он добавляет:

— Кстати.

Я замираю, но ничего не отвечаю.

— Насчёт свидания, — произносит он. — Он делает паузу. Ровно такую, чтобы я успела прочувствовать всю унизительную гамму своих эмоций: раздражение, ревность, стыд. — Я пошутил.

Мир замирает.

— Что? — выдыхаю я , не веря ушам.

Он спокойно пожимает плечами, будто речь идёт о чём-то совершенно незначительном.

— Я пошутил, — повторяет он. — Никакого ужина. Никакого свидания.

— Ты сейчас серьёзно? — спрашиваю я хриплым голосом.

— Ты же хотела знать, где я был, — ровно отвечает он. — Я дал тебе вариант, который тебя устроил меньше всего. Самый неприятный. Самый ревнивый. — Уголок его губ чуть дёргается. — Зато сразу стало понятно, что тебе не всё равно.

Внутри всё обжигающе сжимается.

— Ты ненормальный, — выдыхаю я. — Это так не делается!

— Спокойно, Кларк, — произносит он тихо. — Я никому ничего не обещал. Ни ужинов, ни правды по первому требованию. — Он чуть наклоняет голову, не сводя с меня взгляда.

— Но если тебя это успокоит... вчера вечером я был один. Без девушек. Без ужинов. Без «очень довольных» кого бы то ни было.

Облегчение ударяет так резко, что от него тошнит. И тут же накатывает новая волна — ярость. Чистая, белая ярость.

— Ты... — слова спотыкаются, цепляются за дыхание. — Ты вообще нормальный?

Он чуть приподнимает бровь, будто рассматривает меня под другим углом — как новую реакцию, которую он ещё не

видел.

— Уточни вопрос, — спокойно произносит он. — Про какие именно нормы речь?

— Ты... — слова рвутся наружу сами, без попытки их сгладить. — Ты издеваешься надо мной?

Тайлер слегка моргает, будто рассматривает вспышку эмоций как интересный эксперимент.

— С какой именно частью? С тем, что ты поверила? Или с тем, что тебе это вообще было не всё равно?

— Господи, перестань! — я бросаю рукой в воздух, будто хочу стряхнуть с себя весь этот раздражающий, колючий диалог. — Нельзя просто придумывать какие-то свидания, смотреть, как человек реагирует, и потом так буднично говорить «я пошутил».

Он делает шаг ко мне — ленивый, будто прогулочный. Но каждое его приближение заставляет меня отступить на полшага назад.

— Можно, — произносит он спокойно. — Если реакция честнее слов.

— Ты... — я сжимаю кулаки. — Ты абсолютно...

— Осторожно, — тихо прерывает он, — сейчас опять скажешь «ненормальный».

— Потому что ты есть — ненормальный! — вспыхиваю я, чувствуя, как в груди всё кипит.

Он смотрит на меня ещё секунду — длинную, напряжённую, густую как ночь между нами. И вдруг — короткое дви-

жение плеч, словно он отсекает эту секунду ножом.

— Ладно, — произносит он буднично, почти равнодушно. — На сегодня хватит. — Он делает шаг назад. — Спокойной ночи, Кларк.

Он разворачивается. Без пафоса. Без театральности. Просто идёт к машине — так уверенно, так спокойно, будто весь вечер не был пронизан странными, острыми, слишком личными моментами.

Я стою неподвижно, вцепившись пальцами в ремень сумки, будто он единственное, что удерживает меня от того, чтобы сделать шаг — вперёд или назад, я уже не знаю.

Дверца его машины хлопает приглушённо, почти деликатно. Фары вспыхивают, разрезая темноту, и на секунду мне кажется, что свет касается меня пальцами — холодными, внимательными, слишком похожими на его взгляд.

Машина плавно отъезжает от тротуара, растворяясь в ночи. А я всё ещё стою на том же месте, чувствуя, как ночь снова становится обычной — пустой, тихой, неоновой.

Глава 20

***

Иногда правосудие приходит не в форме закона,
а в форме тишины, которая больше не терпит.

***

Неизвестный.

Музыка гремит на всю улицу. Соседи, видимо, привыкли — окна напротив тёмные, никого не волнует, что творится в доме Николь Рэймонд в два часа ночи.

Я припарковался в квартале отсюда. Чёрная куртка, перчатки, маска в рюкзаке. Всё как обычно.

Николь. Двадцать лет. Старший курс университета, специальность «Маркетинг и пиар». Королева местных вечеринок и абсолютная тварь в человеческом обличье. Пол года назад она залила Софию Миллер краской на вечеринке. Не случайно — намеренно. Вылила целое ведро красной краски на голову девушки перед всеми, снимая на телефон. *«Теперь ты настоящая Кэрри!»* — орала Николь, заливаясь смехом держа ту хрупкую первокурсницу за волосы, пока остальные снимали смешное видео.

Хрупкая девочка плакала.

Николь — нет.

Видео разлетелось по всем соцсетям. Два миллиона про-

смотров. Николь стала мини-знаменитостью. София бросила университет и переехала к родителям в другой штат. Справедливость?

Нет.

Николь даже извиняться не собиралась. *«Это была шутка, она слишком чувствительная»* — вот её официальный комментарий.

Но сегодня шутки закончились. Теперь — моя очередь шутить.

Я обхожу дом с тыльной стороны. Темнота здесь плотнее — фонари не достают до заднего двора.

Идеально.

Я дёргаю ручку задней двери. Заперто. Окна. Проверяю одно за другим. Первое — заперто. Второе — тоже. Третье, кухонное — поддаётся.

Я приподнимаю раму. Она скрипит тихо, но музыка всё глушит. Перелезаю внутрь, осторожно опускаюсь на кухонный пол. Внутри жарко. Пахнет алкоголем и чем-то сладким. На столе — пустые бутылки, пластиковые стаканчики, остатки закусок.

Видимо была вечеринка.

Я достаю телефон. Нахожу её номер.

Нажимаю *«Позвонить»*.

Жду.

Музыка внезапно стихает. Слышу её голос где-то наверху:

— Алло?

Я молчу. Дышу ровно, почти беззвучно.

— Алло? Кто это? — раздражение в голосе. — Если это очередной пранк, то идите нахрен...

— Привет, Николь.

Пауза. Слышу, как она застывает.

— Кто... кто это?

— Не узнаёшь? — Я усмехаюсь под маской, которую уже надел. — Мы ведь так близко. Я прямо сейчас думаю о тебе.

— Это не смешно. Отвали, придурок. — Она сбрасывает звонок.

Я звоню снова. Она не берёт. Ещё раз. И ещё раз.

На пятый раз она отвечает, уже злая:

— Какого чёрта тебе надо?!

—Я хочу поиграть в игру. — Я двигаюсь к лестнице.

— Что? Какую игру? Ты кто вообще?

— Вопрос не в том, кто я. — Я поднимаюсь на первую ступеньку. — Вопрос в том, где я.

— Если это ты, Майк, и ты думаешь извиниться, то можешь даже не...

— С Майком всё в порядке, — голос срывается в лёгкую хрипоту, но остаётся спокойным, будничным. — Он сейчас спит. Уже часа два. А вот я — нет.

Я слышу, как её дыхание замирает в трубке. Потом скрип половиц наверху.

Она пошла проверять двери.

— Кто ты ?

— А ты подумай. Кто мог бы звонить тебе в два часа ночи? — Я поднимаюсь ещё на несколько ступеней.

Тишина. Наверху резко щёлкнул замок. Она заперлась в своей спальне.

— Николь... — Я уже близок к ее двери.

— Д-да? — шёпот.

— Посмотри на экран. Я прислал тебе кое-что.

Мгновение тишины. Потом короткий, сдавленный выдох. Я знаю, что она видит. Скриншот её же видео. Тот самый кадр, где красная краска стекает по лицу Софии, а Николь за кадром громко смеётся и держит Софи за волосы.

— Слушай, это не смешно...

— София Миллер тоже так думала, — бросаю я холодно. — Когда ты держала её за волосы и поливала краской. Ей тоже было не смешно.

Я опускаю руку и тихонько провожу костяшками пальцев по деревянной панели двери.

Тук. Тук. Тук.

— Открой, Николь, — говорю я, и голос мой теперь звучит прямо здесь, по ту сторону дерева.

Я опускаю телефон, и кладу его на ковёр в коридоре. Её голос, полный слёз и паники, доносится из динамика: *«Нет, нет, нет, пожалуйста...»*

Я отступаю на шаг, смотрю на дверь. Простая деревянная преграда. Никаких особых замков. Отец бизнесмен думал о деньгах, а не о безопасности.

Первый удар ногой — рядом с замком. Древесина содрогнулась.Второй — громче, звонче. Послышался треск. На третьем — щеколда с внутренней стороны слетает, и дверь с рёвом распахивается, ударяясь о стену. Николь стоит посреди комнаты, бледная, с телефоном у уха. Наши взгляды встречаются. Я медленно поднимаю свой телефон с пола и подношу к маске.

— Сюрприз.

Её телефон падает на пол. Она пытается закричать, но горло сводит от ужаса — получается только хрип.

— Знаешь, что ты сказала про Софию? — Достаю нож. Лезвие блестит в свете лампы. — Что она слишком чувствительная.

Она пятится к стене.

— Пожалуйста... не надо...

— А мне кажется, что ты будешь чувствительнее. — Делаю шаг вперёд. — Давай проверим.

Она бросается к окну, но я быстрее. Я хватаю её за волосы — так же, как она когда-то схватила Софию, — и резко дёргаю назад. Она вскрикивает, но я прижимаю её рот ладонью.

— Тихо, тихо. — Прижимаю нож к её горлу. — Не хочешь же ты разбудить соседей. Хотя... они и так ничего не услышат, верно? Они привыкли к твоим вечеринкам.

Слёзы текут по её лицу, размазывая тушь.

— Знаешь, что самое грустное? — шепчу ей на ухо. — София до сих пор видит кошмары. Просыпается в холодном

поту. А ты? Ты продолжала веселиться.

Отпускаю её рот на секунду.

— Прости! Прости меня!

— Слишком поздно, Николь. — Разворачиваю её лицом к себе. — Но я могу дать тебе шанс, которого ты не дала Софии.

— Какой... какой шанс?

Поднимаю её телефон с пола. Экран треснут, но работает. Включаю камеру.

— Запиши видео. Сразу выложи в сеть. Проси прощения. По-настоящему. И, может быть... — пауза, — я передумаю.

Она смотрит на меня, на телефон, снова на меня и берёт телефон дрожащими руками, включая запись.

— София... прости меня. То, что я сделала, это было ужасно... я не должна была... мне так жаль...

Слёзы льются потоком. Тушь размазана. Лицо искажено. Это не та идеальная Николь из инстаграм.

— Я испортила тебе жизнь... и мне стыдно... прости... прости, пожалуйста...

Она смотрит на меня. Я забираю телефон и останавливаю запись.

— Молодец. Очень трогательно.

— Ты... ты сказал...

— Я сказал... «может быть». Но знаешь что? Я передумал.

— Нет... — её глаза расширяются. Больше звука нет. Только это беззвучное движение губ: *«Пожалуйста.»*

Я бросаю её телефон через всю комнату. Он описывает короткую дугу в воздухе, ударяется об обои с цветочным принтом. Раздаётся негромкий, но звонкий хруст пластика и стекла. Осколки экрана разлетаются веером и падают на пол. Вспышка света на миг — и гаснет. Теперь её жалкое *«прости»* осталось только здесь, в этой комнате, пропитанной запахом страха.

— София тоже говорила «пожалуйста», — мой голос звучит плоско, констатируя факт. — Ты слышала её тогда? Или только свой смех?

Я не жду ответа. Моя рука в чёрной перчатке хватает её за плечо. Её тело холодное, липкое от пота, оно слабо сопротивляется. Я разворачиваю её, прижимая спиной к холодному стеклу окна. В тёмном отражении я вижу нас обоих: мою безликую маску и её лицо, искажённое до неузнаваемости.

— Смотри, — мой шёпот шипит у неё прямо в ухе, и я чувствую, как её тело содрогнулось от судороги. — Смотри, как выглядит «слишком чувствительная».

Я не колю. Я вонзаю. Лезвие входит в её бок, под самые рёбра, с глухим, тугим звуком, похожим на разрыв плотной ткани. Это не крик. Это выдох, который обрывается на полуслове и превращается в булькающий, клокочущий хрип. Её рот открывается в безмолвном крике, глаза закатываются на секунду, показывая белки. Её тело выгибается, пытаясь инстинктивно бежать от невыносимого, горячего взрыва боли внутри. Но я крепко держу её, прижимая к себе, чувствуя

каждый её спазм.

— Это первая порция, — я говорю, и мои губы почти касаются её мокрых от слёз волос. — Помнишь ведро краски? Это было много. Тяжело. Липко.

Я вытаскиваю лезвие. Из раны хлещет тёплая струя, пачкающая её розовый халат и мои перчатки. Она кашляет, и на её подбородок, а потом и на мою руку, выплёскивается алая пена.

— Пожалуйста... умоляю... — её голос теперь хриплый, мокрый, слова путаются.

— Умоляла и София, — напоминаю я без эмоций. — А ты вылила ещё. Чтобы в кадре было эффектнее.

Второй удар приходит ниже. В мягкую ткань бедра. Глубоко. Чтобы разрезать мышцы, перебить опору. Её ноги подкашиваются мгновенно, как подрубленные. Она не падает — она оседает, тяжело и безвольно, и только моя хватка не даёт ей рухнуть сразу. Я медленно, почти бережно, опускаю её на колени на мягкий ворс ковра. Он начинает немедленно впитывать, образуя вокруг её колен тёмное, быстро растущее пятно.

— Так лучше, — я опускаюсь перед ней на корточки, чтобы наши лица снова оказались на одном уровне. — Теперь мы на одном уровне.

Она уже почти не видит меня. Её взгляд стекленеет, теряет фокус. Она дышит прерывисто, короткими, судорожными вздохами, которые уже не приносят воздуха. Шок. Острая

кровопотеря. Мозг начинает отключаться.

Я беру её за подбородок, заставляя поднять голову к застывшему лицу маски.

— Самая смешная часть, Николь, — мой голос теперь звучит как скрежет камней, — была в том, как краска затекала ей в рот и нос. Она давилась. А ты хохотала.

Я убираю нож. Моя рука в перчатке закрывает ей рот и нос полностью, плотно, без зазоров. Её глаза — эти огромные, красивые, подведённые глаза — расширяются до предела в последнем, чисто животном ужасе. Её тело бьётся в слабых, аритмичных конвульсиях. Её руки поднимаются, пальцы с накладными ногтями царапают мою куртку, но сил уже нет. Это просто рефлекс, последний сигнал угасающей нервной системы.

Я не отвожу взгляда. Считаю в уме. Смотрю, как синева тени под глазами сливается с размазанной тушью. Как последний свет сознания покидает её взгляд, оставляя после себя только пустую, влажную оболочку. Как её веки медленно, не до конца, смыкаются. Я отпускаю её подбородок, и голова безвольно падает вперёд. Я беру её за волосы, откидывая голову назад. Пальцы в тонкой латексе проскальзывают между её губами, холодными и уже теряющими упругость. Я надавливаю на сустав нижней челюсти. Рот послушно, с тихим щелчком, открывается. Из кармана куртки я достаю ленту. Алую. Шёлковую. Тот самый оттенок, который был на её губах в тот вечер и в котором захлебнулась София. Она

сверкает в тусклом свете, живая и ядовитая. Я сворачиваю её плотным, упругим жгутом и медленно, с почти ритуальной тщательностью, просовываю в её пасть. Шёлк скользит по языку, упирается в мягкое нёбо. Я проталкиваю его глубже, пока кончик не скрывается из виду, а из уголков её губ не выступают два алых хвостика. Совершенство. Ирония, зашифрованная в шёлке.

Красота.

Я хватаю её за волосы крепче, так, чтобы её лицо смотрело прямо вперёд. Её веки полуприкрыты, сквозь ресницы видна белая полоска закатившихся зрачков. Я достаю свой телефон. Экран вспыхивает, освещая её бледное, разукрашенное лицо и мою маску в отражении. Я пристраиваюсь сбоку, чтобы в кадр вошло её лицо, и моё лицо.

Я делаю снимок. Щелчок затвора звучит оглушительно громко в мертвой тишине комнаты. Затем ещё один. Крупнее. Только её лицо, её новый, жуткий аксессуар. Я опускаю телефон и ещё секунду смотрю на экран. Качество хорошее. Всё видно прекрасно. Каждый мазок туши, каждую прожилку на её шее, каждый перелив шёлка.

Довольно.

Я кладу телефон в карман и отпускаю её. Её тело падает на бок с глухим мягким стуком. Лужа крови медленно растекается. Я встаю. Смотрю вниз. Тишина в комнате теперь абсолютная, давящая. Я вытираю лезвие ножа о её розовый халат, оставляя два чётких, параллельных красных мазка. Подхо-

жу к осколкам телефона, давя их ботинком в мелкую пыль. Обвожу взглядом комнату. Останавливаюсь на отражении в чёрном окне. Наша сцена застыла там, как кадр из немого фильма ужасов. Я отворачиваюсь и выхожу в коридор, оставляя дверь в её спальню распахнутой.

Я спускаюсь по лестнице, выхожу через кухню. Открываю окно. Свежий ночной воздух врывается внутрь.

Работа сделана. Правосудие — не в зале суда.

Я перехожу двор тем же путём, что и пришёл — бесшумно, в чёрной плотной тени, где даже луна не рискует задерживаться. Машина стоит на прежнем месте, спрятанная за деревьями, будто вырезанная из самой ночи. Я сажусь за руль. Дверь мягко хлопает, отрезая мир Николь за спиной — теперь уже навсегда.

Тёплый свет приборной панели вспыхивает, освещая салон. Я вытаскиваю телефон из внутреннего кармана и разблокирую его. Пальцы двигаются автоматически — привычное движение, как дыхание.

Контакты. Поиск. Имя всплывает быстро, словно само идёт ко мне в руки.

Элли Кларк.

Я нажимаю на её номер. Пустое поле диалога смотрит на меня — белая, чистая поверхность, которая ещё не знает, что сейчас произойдёт.

Я печатаю медленно. Каждую букву — как удар по стеклу.

Ты следующая?— Секунду смотрю на текст. Потом на-

жимаю отправить.

Я откидываюсь на спинку сиденья и закрываю глаза. Тишина укутывает салон — вязкая, спокойная, почти уютная. Где-то наверху, в темноте спальни, где больше нет света, нет музыки и нет смеха, остывает тело Николь Рэймонд. А где-то в другом районе телефон Элли Кларк слабо вибрирует. И в этом есть особая жестокая насмешка: она всё ещё спит, не зная, что одно сообщение уже раскраивает её жизнь на две половины — «до» и «после.»

Глава 21

***

Если ты боишься, значит, всё идёт по плану.

***

Ты следующая?

Эти два слова — первое, что я вижу, когда открываю глаза. В голове гул — словно я спала не ночь, а десять минут.

Я моргаю.

Ты следующая?

Сообщение стоит отметкой ***3:07***.

А теперь — ***6:49.***

— Сэм? — шепчу я вслух, но звук выходит слабым, как будто чужим.

Телефон в руке вибрирует снова — коротко, еле слышно. Я вздрагиваю так сильно, что чуть не роняю его.

— Что за... — мой голос срывается на шёпот.

Это не новое сообщение. Это просто уведомление календаря. Но тело реагирует так, будто кто-то тихо постучал в дверь.

Я глубоко втягиваю воздух и беру телефон обеими руками.

Печатаю:

Кто это? — отправляю и жду.

Ничего. Тишина. Даже не появляется маленькая серенькая надпись *«доставлено.»*

Я выдыхаю через зубы, бросаю телефон на кровать и встаю. Прохладный воздух ударяет в лицо, когда я отодвигаю штору и открываю окно. На улице обычное утро: ещё тёмное небо, влажный тротуарт от дождя. Такое утро обычно ничего не обещает. И именно поэтому становится не по себе.

Бзз.

Телефон вибрирует позади меня — коротко, резко. Звук такой, будто кто-то щёлкает пальцами у самого затылка.

Я оборачиваюсь. На экране светится уведомление:

MMC (1 изображение). Отправитель: неизвестный номер « +16663666.»

Я подхожу к телефону. Экран мерцает с надписью:

Нажмите, чтобы посмотреть.

Палец зависает в паре сантиметров от дисплея и я дотрагиваюсь. Экран разворачивает изображение на весь дисплей.

Это — селфи.

Снято сверху вниз. На переднем плане — жуткая маска. Пустые глазницы вбирают слабый свет, делая маску ещё более безжизненной. Он стоит, наклонившись вперёд, так близко к камере, будто шепчет через стекло. Рядом с ним — девушка. Её голова запрокинута назад, волосы намотаны на его кулак, как петля. Лицо пустое, застывшее. Глаза полуоткрытые.

Кровь.

Столько крови, что кажется, она сочится даже из пикселей. Халат розовый — теперь почти чёрный. Ковёр под ней — пропитанный тёмными разводами. И самое ужасное — то, что из её рта торчит ало-красная лента. Будто кто-то вставил её, словно реквизит в постановке.

— Господи... — шепчу я, и собственный голос звучит чужим.

Пальцы немеют. Телефон выскальзывает из пальцев и падает на кровать. Я не могу смотреть на фото, но оно уже выжжено на сетчатке. Маска. Лента. Волосы, намотанные на кулак.

Я отступаю на шаг. Потом ещё один. Упираюсь спиной в стол.

Это не постановка. Не монтаж. Не чья-то больная фантазия.

— Это... — я резко выдыхаю, зажмуриваюсь, пытаясь стереть картинку, но она только становится ярче.

Я возвращаюсь к кровати и поднимаю телефон влажными от пота пальцами, сворачиваю сообщение. Экран становится белым — слепящим, чистым, как вспышка. Инстинктивно я открываю клавиатуру. Большие пальцы едва слушаются, бьют по кнопкам вслепую, сердце грохочет в ушах, заглушая все мысли.

911.

Эти три цифры — как спасительный остров в ледяном океане паники. Мой палец уже заносится над зелёной кноп-

кой вызова, когда телефон вибрирует в руке. Резко. С удушающей, настойчивой частотой.

Новое сообщение.

Я замираю, смотрю на экран, не в силах отвести взгляд. Строка короткая. Чистая. Жутко спокойная.

Сделаешь не то действие — и ты зайдёшь в кадр.

Через секунду — второе сообщение. Ещё короче.

Поняла?

Я не успеваю осознать, не успеваю почувствовать ничего, кроме чистого, животного ужаса, как телефон снова вибрирует. На этот раз — звонок.

Экран вспыхивает белым, а в центре — тот же неизвестный номер: ***+16663666.***

Я сбрасываю.

Через секунду — снова.

Сбрасываю.

Снова.

Третья попытка. Четвёртая. Пятая. Он звонит снова и снова, будто у него бесконечный запас времени и настойчивости. А у меня — нет.

На шестой раз я не выдерживаю. Палец дрожит, когда нажимаю зелёную кнопку. Телефон подносится к уху сам, словно кто-то отобрал контроль у моего тела.

— А... алло... — голос ломается, почти не выходит.

Пару секунд — тишина. Но не глухая. Такая наполненная. Как будто кто-то стоит слишком близко к микрофону.

А потом — голос.

Низкий. Ровный. Спокойный настолько, что от этого становится вдвойне, втройне страшно. Такой голос бывает у убийц в фильмах ужасов — поставленный, красивый, почти ласковый. И именно поэтому пугающий до дрожи.

— Привет, Элли.

У меня подкашиваются ноги, и я медленно оседаю на край кровати.

— К.. кто ты? — слова проскальзывают между судорожными, короткими вдохами.

Он тихо усмехается. Не громко. Не зло. Будто пробует на вкус моё смятение.

— Ну что ж, — говорит он. — Звучишь ты гораздо интереснее, чем я ожидал.

Я закрываю глаза, пальцы вжимаются в одеяло, как будто оно может дать хоть какую-то опору.

— Не бойся, Элли, — его голос мягкий, почти ласковый. — Мы ведь только начали разговаривать.

Сердце срывается на бешеный ритм, как птица, бьющаяся о стекло.

— Что тебе от меня нужно? — почти не слышно говорю я.

Пауза. Короткая. Намеренная.

— Пока мне достаточно, что ты взяла трубку.

Я молчу. Слова застревают где-то между горлом и ртом.

— Ты хорошая слушательница, — продолжает он, и я слышу лёгкий скрип, будто он откинулся на спинку стула. — Это

ценно. Большинство начинают сразу кричать. Плакать. Звать маму. Ты — нет. Как будто уже знаешь, что кричать нельзя.

Он прав. Горло сжато так, что не выдавить ни звука.

— Ты видела фотографию? — продолжает он, и голос его становится деловым. — Николь была... не очень аккуратной. Но я старался. Лента — это моя визитная карточка. Нравится?

К горлу подступает тошнота. Я сглатываю, но легче не становится. Я кусаю губу, чтобы не застонать.

— Чего ты хочешь?! — снова спрашиваю я.

— Хочу? — он тихо усмехается. — Ты так это сказала, будто у меня список желаний. Нет, Элли. Я просто хочу, чтобы мы с тобой договорились. Спокойно. Без истерик.

У меня перехватывает дыхание.

— Ч-что? Договориться?

— Да. И сыграть с тобой в небольшую игру.

— Я... я не хочу никаких игр.

— Хочешь. — Его тон мягкий, уверенный. Абсолютно спокойный. — Ты уже в ней. Ты вступила в неё, когда решила ответить на мой вопрос. Когда написала: «Кто это».

Я сглатываю.

— Перестань... пожалуйста...

— Элли. — Он произносит моё имя так нежно, что от этого хочется кричать. — Сейчас будет первая наша договорённость.

Пауза. Чуть длиннее, чем нужно.

— Готова?

Я не отвечаю.

— Договорённость номер один, — его голос опускается ниже, — не отключайся. Ни кнопкой. Ни пальцем. Ни нечаянным движением. Если ты сбросишь... я тебе напомню, что значит слово «следующая».

Мои руки дрожат. Слёзы подступают, но я стискиваю зубы.

— Ч-что... ты, чёрт возьми... — голос срывается, переходя на крик.

— Тише, — перебивает он сразу. — Не повышай голос. Слова имеют свойство материализоваться, когда их произносят с должной энергией. Мы же не хотим, чтобы твоя соседка Кейт внезапно проснулась и услышала что-то лишнее, верно? — Он делает паузу, давая мне осознать вес сказанного. — Не слышу ответа, Элли.

Я сглатываю. Телефон мокнет от моих ладоней.

— Верно, — выдыхаю я.

— Отлично. — В его голосе слышится удовлетворение. — Тогда договорённость номер два: никакой полиции. Никаких звонков, намёков, сообщений друзьям. Ничего. Ты никому не говоришь обо мне. Ни словом. Ни жестом. Ни взглядом. — Он делает паузу настолько долгую, что кажется — время перестало двигаться. — Попробуешь рассказать... и я приду к тебе лично. И перережу тебе горло быстрее, чем ты успеешь закрыть рот. — Он смещает голос чуть ниже, будто

склоняется ближе к телефону, — а потом и тому, кому ты доверяешь больше всех. Поняла?

Я киваю, забыв, что он не видит.

— Д- да, я поняла... только пожалуйста...

— Хватит, — его голос срезает моё нытьё, как лезвие. — Слово «пожалуйста» оставь для других просьб. Для тех, что будут позже. — Он делает короткую, многозначительную паузу. — Умолять ты меня будешь совсем о другом. Когда придёт время.

От этих слов по спине пробегает ледяная дрожь. Это не угроза. Это обещание.

— А пока, — продолжает он, и его тон снова становится деловым, — договорённость номер три. Самая важная.

Я напрягаюсь. Сердце гулко бьётся в грудной клетке.

— Когда мы встретимся с тобой в первый раз, по-настоящему, — он говорит тише, медленнее, почти доверительно, — ты не побежишь. Не отвернёшься. Не позовёшь на помощь. Ты не сделаешь ни шага назад. — Короткая пауза. — Потому что если ты попытаешься бежать... — он выдыхает почти ласково, — я догоню. И тогда всё закончится быстрее, чем я планировал.

Его договорённости оседают во мне, как что-то острое и ледяное. Безмолвие. Повиновение. Цена ошибки — смерть. Сначала моя. Потом Кейт.

Мой разум, онемевший от страха, выталкивает вопрос. Единственный, который сейчас имеет значение.

— Ты... ты всё равно меня убьёшь? Независимо от этих правил?

Тишина в трубке снова становится плотной, живой. Я слышу его ровное, спокойное дыхание. Кажется, он обдумывает мой вопрос, взвешивает его, как учёный взвешивает редкий образец.

— Хороший вопрос, Элли, — наконец говорит он, и в его голосе снова слышится та же странная, извращённая теплота. — Прямой. По существу. Многим не хватает смелости спросить об этом в самом начале.

Он делает паузу, и я цепенею, ожидая удара.

— Убью ли я тебя? — он повторяет мой вопрос, и в его тоне звучит странное, мрачное удовольствие. — О, Элли... я хочу тебя убить сильнее, чем что-либо хотел до этого.

Он снова делает паузу, позволяя этим словам повиснуть в воздухе, просочиться в меня, как яд.

— С того момента, как я увидел, как ты откинула голову назад, смеясь над чьей-то шуткой, и свет лизнул твою шею. И тогда я понял, что я хочу положить на это место свои пальцы. Не чтобы удушить сразу. А чтобы почувствовать, как под кожей бьётся твой пульс. Как он ускоряется от страха, а потом... замедляется.

Его голос опускается до интимного шёпота, полного отвратительной, гипнотизирующей нежности.

— Я хочу видеть, как свет в твоих глазах — этих удивительных, чистых глазах — медленно гаснет. Как понима-

ние сменяется пустотой. Я хочу быть последним, что ты увидишь. Хочу, чтобы твой последний вздох был моим именем на твоих губах, даже если ты его не знаешь.

Короткая тишина.

— Но... — продолжает он. — Я не сделаю этого. Потому что ты мой самый прекрасный проект. И я буду растягивать его. Наслаждаться каждым этапом. Каждой твоей улыбкой, каждой слезой, которую я ещё не высушил кончиками пальцев. И пока ты ведёшь себя хорошо, пока ты остаёшься той чистой, светлой, Элли... я буду держать своё желание на поводке.

Меня прошивает холодом от макушки до пят. Я сжимаю челюсти, чтобы они не начали стучать.

— Нет... нет, пожалуйста... — я задыхаюсь на каждом слове. — Пожалуйста, скажи, что ты издеваешься! Что это шутка! Пожалуйста... пожалуйста, скажи!

Он тихо смеётся, и этот смех звучит непринуждённо, почти по-дружески.

— Конечно это шутка, Элли. Особенно фото, которое я тебе прислал. Слишком уж картинно, не находишь? Настоящее убийство так не выглядит. Это же чистый арт-хаус, мрачный перформанс. Мой приятель-режиссёр обожает такие провокации. — Его голос льётся плавно, убедительно. — Мы решили: а что, если разыграть кого-нибудь.

Я молчу, пытаясь собраться с мыслями.

— Элли, — продолжает он. — Если ты правда думаешь,

что я играю в шутки... — голос становится глубже, ниже, — давай я прямо сейчас зайду к тебе. На пару минут. Совсем тихо. Постучу в дверь твоей комнаты. И ты увидишь, насколько не шутка то, что я делаю.

Я перестаю дышать.

— Н-не надо...

— Точно? — в его голосе появляется мягкая насмешка. — Потому что если тебе нужно доказательство... — он произносит слово с болезненным удовольствием, — я могу сделать это лично. Взять тебя за подбородок, поднять твой взгляд к себе и спросить: «Веришь теперь?»

Я тихо всхлипываю и прижимаю ладонь ко рту.

— Вот и хорошо, — шепчет он. — Значит, приезжать сегодня мне не придётся.

Слёзы падают на ладонь, прижатую ко рту. Я давлю в себе звук, но он всё равно прорывается глухим стоном.

— Элли... — его голос возвращается неожиданно мягким, почти холодно-ласковым, — не плачь. Нам еще нужно сыграть в одну маленькую игру.

— Какая, к чёрту, игра?! — срываюсь я. — Ты вообще понимаешь, что ты говоришь?!

— Конечно, — отвечает он так буднично, словно речь идёт о пустяке. — Сейчас будет твоё первое задание.

Я замираю. Мой живот сжимается в узел.

— Н-нет... пожалуйста, пожалуйста, не надо никаких заданий...

— Надо, Элли, — перебивает он спокойно. — Ты же умная девочка. Ты понимаешь, что если я играю — значит, тебе нужно играть тоже. Иначе игра становится очень короткой. — Он понижает голос. — А я не люблю короткие игры.

Слёзы текут сильнее, без моего контроля.

— Итак, — продолжает он, — твоё первое задание очень простое.

Я замираю, вцепившись в край одеяла.

— Встань.

Я моргаю.

— Что?

— Встань, Элли, — повторяет он ровно. — Я хочу слышать, как изменится твоё дыхание, когда ты встанешь. Считаю до трёх.

— Один...

Я рывком поднимаюсь на ноги, почти падая от слабости. Он слышит движение. Его вдох меняется.

— Хорошо, — шепчет он. — Вижу, ты можешь слушаться. Это важно. И приятно.

Мои пальцы дрожат так сильно, что я втыкаю ногти в ладонь, чтобы хоть как-то остановить тремор.

— Теперь подойди к окну.

Мой мир сужается. Сердце стучит так громко, что я боюсь.

— З-зачем?

— Элли... — его голос становится тоньше, холоднее. —

Тебе напомнить...

— Н-нет... нет... я... — я сглатываю. — Я иду.

Мои ноги сами несут меня к окну. Каждый шаг — как через вязкий страх. Я дотягиваюсь до подоконника и слушаю, как он выдыхает в трубке:

— Хорошая девочка. Монстры любят тех, кто умеет слушаться.

Мурашки пробегают по позвоночнику.

— Дальше, — продолжает он. — Посмотри в окно.

Я дрожащей рукой отодвигаю штору — и застываю.

Тротуар. Двор. Кампус в утреннем, грязно-сером свете.

И тень.

Одинокая тень человека, стоящего у самого края дороги. Далеко. Неподвижно.

В маске.

— Ты меня видишь? — спрашивает он тихо, едва слышно — как шёпот из самой тьмы. — Или хочешь, чтобы я подошёл ближе?

Я хватаюсь за подоконник, боясь упасть.

— П-пожалуйста... — выдыхаю я почти беззвучно. — Не надо...

Он улыбается в трубку, и это слышно так отчётливо, будто он стоит за моей спиной.

— Вот она. Реакция, которую я ждал.

Пауза. Длинная. Выверенная.

— Игра окончена, Элли. На сегодня.

Сердце будто пропускает удар.

— Мы продолжим позже, — добавляет он тем же спокойным тоном. — Так что будь внимательна. Мир теперь любит сюрпризы.

Связь обрывается.

Глава 22

***

Любая сделка честна лишь до тех пор, пока не приходит время платить

***

Я сажусь на край кровати и первым делом открываю сообщения. Пальцы дрожат — едва заметно, но достаточно, чтобы я это почувствовала.

Чат пуст.

Ни фото. Ни номера.

Ни фразы: «Ты следующая».

Будто я всё это выдумала. Будто этого никогда не было.

— Чёрт... — выдыхаю я и начинаю лихорадочно листать телефон, проверяя всё подряд: историю, кэш, уведомления. Ищу хоть что-то. Любой след.

Ничего.

Телефон чистый.

Слишком чистый.

Я делаю скриншот пустого экрана. И тут же чувствую себя полной идиоткой. Скриншот чего? Отсутствия? Доказательство того, что у меня в голове поехала крыша?

— Боже... — выдыхаю я. — Какого хрена? Как... как он это сделал?

Я отбрасываю телефон в сторону и сгибаюсь пополам, цепляясь пальцами в волосы. Сжимаю так сильно, что кожа на голове начинает болеть — настоящая, тупая боль, за которую можно зацепиться, чтобы не сойти с ума.

— И что теперь? — выдыхаю я. — Мне нужно уехать? Переехать? Сменить номер? Стереть себя и начать с чистого листа?

Но какой лист?

Мамин дом — это вечный запах табака и чужих духов. Хриплые обещания : «Элли, родная, я справлюсь», которые звучат убедительно ровно до следующей недели. Потом — пустые бутылки, смятые разговоры и взгляд, в котором меня больше не узнают.

Из горла вырывается короткий звук — слишком резкий для вздоха и слишком пустой для смеха.

Переехать... конечно... с рюкзаком, в котором только пятьдесят долларов? Этого не хватит даже на то, чтобы доехать до вокзала. Не говоря уже о том, чтобы купить новую жизнь.

Я закрываю глаза.

— Джейсон. — Имя вырывается шёпотом. — Можно одолжить у Джейсона. Сказать, что для учёбы. Срочный депозит за курс. Что угодно. Он же поможет. Он же сам мне предлагал.

Слова падают на пол с глухим, фальшивым звуком. Как чужой, плохой план. Самый очевидный и самый гнилой из

всех возможных. Я резко вскакиваю с кровати и начинаю одеваться — джинсы, свитер, рюкзак. Пальцы плохо слушаются, путаются в ткани. Молния заедает, я дёргаю её со всей злости, едва не срывая бегунок.

Я опускаюсь на пол, прислоняясь спиной к кровати, и поднимаю телефон. Экран загорается слишком ярко. Я пролистываю контакты, потом останавливаюсь, сжимаю губы и захожу глубже — туда, где уже ничего не должно быть.

Чёрт. Я ведь сама его удалила.

Пальцы дрожат, пока я вбиваю номер по памяти. Медленно. Проверяя каждую цифру, будто от ошибки зависит больше, чем звонок.

Экран замирает на кнопке вызова.

— Смелее, Элли, — шепчу я. — Просто извинись. Скажи, что была не права. А потом попроси. Просто попроси.

Я закрываю глаза, пытаясь представить его голос. Радостный. Немного удивлённый.

— Мне ведь не нужно много, — бормочу я, репетируя речь в пустоту. — Две. Ну, максимум... три тысячи. Это же ерунда. Для него это сущие копейки. Он даже не заметит. Не станет считать. Не будет задавать вопросов — зачем, куда, почему именно сейчас.

Палец зависает над стеклом. Расстояние в миллиметр кажется пропастью. Вся комната замирает в ожидании щелчка. И в эту мёртвую, натянутую тишину врезается стук в дверь.

Лёд пробегает по позвоночнику. Телефон выскальзывает

из онемевших пальцев и глухо шлёпается на пол, экраном вниз. Весь мир сжимается до одного вопроса, написанного криком в мозгу: *Это он?*

— Элли! Ты уже собираешься или там опять в потолок пялишься? — голос Кейт из-за двери звучит сонно, но с привычной долей раздражения.

Я медленно выдыхаю.

Господи... это Кейт. Обычная, живая, раздражённая Кейт.

— Да... минуту! — хрипло отзываюсь я, отталкиваясь спиной от кровати.

Шаги к двери кажутся автоматическими. Я открываю дверь. Кейт стоит в коридоре. Она перебрасывает с руки на руку связку ключей с брелоком в виде смешного крокодильчика — подарок, кажется, её бывшего. Звук металла о металл кажется невероятно громким в тишине моего оцепенения.

— Ты чего с утра так шумела? — хмурится она. — Я думала, ты там мебель переставляешь. Или слона завела.

— Я? — я на секунду запинаюсь, потом пожимаю плечами. — С мамой разговаривала, — вру я. — Ты же знаешь, как у нас всё сложно.

Кейт устало вздыхает и закатывает глаза. Затем её взгляд прилипает ко мне. Скользит по лицу, задерживается на синяках под глазами, на взъерошенных волосах и перекошенном свитере. Раздражение на её лице держится ровно две се-

кунды — и медленно тает, уступая месту чему-то другому.

— Эй, — говорит она тише. — С тобой всё в порядке?

Вопрос висит в воздухе.

— Всё нормально, — выпаливаю я, перебивая саму себя, прежде чем мозг успевает сформулировать хоть какую-то правду. Я провожу ладонью по лицу, пытаясь стереть с него следы паники, и натягиваю губы в то, что должно сойтись за улыбку.

Кейт смотрит на меня ещё секунду — внимательно, оценивающе. Потом пожимает плечами.

— Ладно. — Она снова перебрасывает ключи из руки в руку. — Тогда поехали. Ты же со мной?

— С тобой, — отвечаю я слишком быстро. — Конечно, с тобой.

#

Мы выходим из машины, и весенний воздух — сырой, с запахом мокрого асфальта и далёкого костра — бьёт в лицо. Я делаю пару шагов по направлению к зданию, к тому потоку студентов, в который мне сейчас предстоит влиться. И вдруг ноги останавливаются сами, будто наткнувшись на невидимую стену. Взгляд на тяжёлые двери университета вызывает почти физическую тошноту.

Я оборачиваюсь. Кейт уже заперла машину и теперь роется в сумке, на ходу перебирая какие-то мелочи.

— Чёрт, куда я дела пропуск... — бормочет она, не поднимая головы.

— Кейт, — окликаю я.

Она замирает на секунду, всё ещё глядя в сумку, потом поднимает на меня глаза.

— А? — рассеянно отзывается она. — Сейчас, я его точно куда-то сунула.

— У тебя случайно нет сигареты? — я делаю шаг к ней.

— Что? — Кейт резко отрывает взгляд от сумки. Её глаза расширяются от искреннего удивления. — Сигарету? Ты же бросила. Полгода назад. Ты тогда клялась на моей любимой футболке, что больше ни одной затяжки.

— Я знаю, — говорю я. — Но сейчас... сейчас нужно.

Она смотрит на меня, и её лицо медленно меняется. Раздражение от поиска пропуска растворяется, уступая место тревоге и старой, почти забытой жалости.

— Элли... — начинает она мягко.

— Не надо, — перебиваю я, протягивая руку. — Просто дай. Одну.

Кейт ещё секунду колеблется, и я вижу как её пальцы непроизвольно сжимаются вокруг пачки сигарет в кармане куртки.

— Ладно, — сдаётся она, доставая смятую пачку и зажигалку. — Но только одну. И не здесь. Пойдём за угол.

Мы отходим от главного входа, в узкий переулок между корпусами, где пахнет влажным кирпичом и старым мусо-

ром. Кейт вытряхивает мне сигарету, потом одну себе. Она прикуривает сначала свою, потом, щеля глаза от дыма, подносит огонь ко мне.

Я затягиваюсь.

Резкий, горький вкус заполняет рот, обжигает горло. Это противно. Это прекрасно. Это что-то реальное, грубое и простое, что на секунду вытесняет весь тот сюрреалистический кошмар.

— Спасибо, — выдыхаю я облаком дыма.

— Да ладно, — Кейт стряхивает пепел, прислонившись к кирпичной стене. — Слушай, если это из-за Джейсона... или из-за мамы... или ещё из-за какой-то хрени... ты можешь...

Она не договаривает. Я вижу, как её взгляд внезапно соскальзывает с моего лица, уходит куда-то за мою спину.

— Смотри-ка, — говорит Кейт, уже с оттенком сарказма. — Буквально вчера он разносил тебя на весь факультет, а сегодня уже развлекается с гламурной Барби.

Лёд пробегает по спине. Я медленно, будто против собственной воли, поворачиваюсь.

В пятидесяти метрах от нас, у фонтана, который уже не работает, стоит Тайлер. Он опёрся о ярко-оранжевую, почти неоновую спортивную машину. Рядом с ним — девушка. Высокая блондинка в дорогом, элегантном пальто. Она стоит очень близко. Одна её рука лежит у него на груди, будто отстраняя или, наоборот, притягивая. Он наклонился к ней, его губы почти касаются её уха. Он что-то говорит. И

она смеётся — громко, свободно, запрокинув голову назад. Звук этого смеха долетает до нас — звонкий, беззаботный, чуждый всему, что творится у меня внутри. Он поправляет прядь её волос, смахнутую ветром, и его движение кажется до боли интимным.

Я стою, застыв, с тлеющей сигаретой между пальцев. Дым щиплет глаза, но я не могу отвести взгляд.

Кейт медленно выдыхает и качает головой.

— Слушай... а это не ты вчера к нему бегала, чтобы...

— Замолчи, — резко выдыхаю я, не глядя на неё, и швыряю недокуренную сигарету в мокрую урну. — Пошли уже. Нам тут нечего смотреть.

Я разворачиваюсь и делаю первый шаг к главному входу, спиной к этой картине — к его улыбке, к её смеху, и к этой ярко-кислотной машине.

— Элли, погоди! — Кейт догоняет меня оглядываясь назад — на Тайлера, на блондинку — и снова на меня. — А ты не знаешь... — она запинается. — Это его девушка?

Я молчу, ускоряя шаг.

— Или это типа... его сестра? — не унимается она. — Из богатой семьи? Может, машина её?

— Кейт, — я останавливаюсь так резко, что она чуть не натыкается на меня. — Мне. Всё. Равно. Поняла? Машина, девушка, сестра, чёртова яхта, если она у него есть — меня не касается. Я не хочу это обсуждать. Я не хочу это видеть. Я хочу, чтобы ты перестала об этом говорить.

Она замирает, глядя на меня широко раскрытыми глазами. Мы стоим так пару секунд. Воздух между нами становится плотным, вязким, как перед грозой. Кейт переминается с ноги на ногу, потом делает вид, что поправляет ремешок сумки.

— Ладно, ладно... прости.

Я киваю, благодарная за то, что она не задаёт больше вопросов.

Мы идём к входу молча. Шаги гулко отдаются по асфальту, и каждый из них кажется слишком громким. Я чувствую, как взгляд Кейт то и дело скользит ко мне, но она больше ничего не говорит.

Перед самыми дверями я всё-таки не выдерживаю. Не оборачиваюсь полностью — только бросаю короткий взгляд через стеклянное отражение.

Оранжевая машина всё ещё там.

Тайлер всё ещё рядом с ней.

Я раздражённо открываю дверь и захожу внутрь, двери за нашей спиной закрываются с мягким, почти вежливым щелчком. Мы проходим в главный корпус, и тёплый воздух, пахнущий старыми книгами и плохим кофе, обволакивает меня. Здесь безопасно. Здесь люди. Шум голосов, смех, стук каблуков по линолеуму.

— Пойдём на кофе? — предлагает Кейт, скидывая рюкзак у входа в аудиторию. — До начала ещё минут пятнадцать.

— Пошли, — соглашаюсь я. — Только быстро.

Мы идём к автомату. Кейт бормочет что-то о сложностях с учебным планом, а я киваю, делая вид, что слушаю. Мои глаза бегло скользят по коридору, выхватывая лица. Никого знакомого. Никого подозрительного.

Автомат выдаёт два бумажных стаканчика с коричневой жижей. Я беру свой, и в этот момент мой телефон тихо вибрирует в кармане.

Я резко выдёргиваю руку, и горячий кофе плескается через край, обжигая пальцы.

— Осторожнее! — взвизгивает Кейт. — Ты чего?

— Ничего, — бормочу я, сжимая стаканчик так, что бумага мнётся.

Телефон снова вибрирует.

Я опускаю взгляд на экран.

Сообщение от Сэма:

Привет, Элли. Прости, что не встретил вчера. Ты как?

Слишком обычное. Слишком нормальное — на фоне всего остального.

Кейт внимательно следит за мной.

— Ты ждёшь какого-то звонка? — нервно спрашивает она.

— Нет, — отвечаю я слишком быстро и тут же убираю телефон в карман.

— Уверена? — Кейт прищуривается. — Ты всю дорогу в машине торчала в телефоне.

— Как будто ты сутками в нём не торчишь, — отрезаю я, делая глоток кофе и тут же морщась от горечи.

Кейт открывает рот, будто хочет что-то сказать, но передумывает. Берёт свой стакан и пожимает плечами.

— Ладно, — бурчит она. — Пошли.

Мы заходим в аудиторию вместе с потоком студентов. Пространство гудит: кто-то смеётся, кто-то хлопает крышками ноутбуков, кто-то спорит о дедлайнах. Я чувствую, как напряжение понемногу отпускает. Здесь людно. Здесь светло. Здесь безопасно — по крайней мере, так должно быть.

Мы садимся ближе к середине. Кейт сразу раскладывается: тетрадь, ручки, телефон, кофе. Я ставлю рюкзак под стул, достаю ноутбук и делаю вид, что сосредоточена.

Нормальная жизнь. Просто пара. Просто утро.

— Ты меня пугаешь, — шепчет Кейт, наклоняясь. — У тебя лицо как у человека, который ждёт допроса.

— Прекрати, — так же тихо отвечаю я. — Всё нормально.

Она открывает рот, чтобы что-то сказать — и в этот момент тень падает на наш ряд.

Я чувствую это раньше, чем понимаю.

— Извини, — раздаётся рядом спокойный мужской голос. — Можно?

Я поднимаю глаза.

Тайлер.

Он стоит в проходе, уже без куртки, с рюкзаком на плече. Он смотрит не на меня. На Кейт.

— Можно я сяду здесь? — уточняет он ровно, будто речь идёт о самой обычной просьбе в мире.

Кейт даже не смотрит на меня.

— Да-да, конечно! — выпаливает она слишком быстро и тут же вскакивает с места. — Господи, без проблем!

Я поворачиваю голову к ней с таким выражением, будто она только что толкнула меня под автобус.

— Кейт... — начинаю я, но она уже хватает свои вещи.

— Всё окей, Элли, — шепчет она и отходит на соседний ряд.

Тайлер спокойно занимает освободившееся место рядом со мной. Не спешит. Не суетится. Его колено оказывается слишком близко. Его рюкзак — под стулом рядом с моим. Он наклоняется вперёд, ставит локти на стол, будто мы всегда сидели так.

Я медленно поворачиваю голову к Тайлеру.

— Ты серьёзно? — шепчу я сквозь зубы.

Он даже не смотрит на меня. Открывает тетрадь. Достаёт ручку.

— Что-то не так? — тихо спрашивает он.

— Ты... — я осекаюсь, чувствуя, как горит лицо. — Ты мог сесть где угодно.

— Мог, — соглашается он спокойно. — Но сел здесь.

Он наконец поворачивает голову. Наши взгляды встречаются. В его глазах — ни извинений, ни вызова. Только спокойное, внимательное присутствие. Как будто он просто за-

нял своё место.

— Расслабься, Элли, — говорит он почти шёпотом. — Это всего лишь одна пара.

В тот самый момент, когда я пытаюсь найти хоть какой-то ответ, достойный его наглости, в аудитории воцаряется тишина. Преподаватель поднимается из-за стола, опираясь на него костяшками пальцев. Его взгляд скользит по рядам.

— Так, — начинает он. — Сейчас проведём небольшую контрольную работу по прошлым темам.

Я замираю.

— Контрольная работа? — вырывается у меня шёпотом, больше для себя, чем для кого-либо. Я лихорадочно прокручиваю в голове расписание, объявления в чате, слова преподавателя на прошлой паре. Ничего.

Рядом раздаётся едва слышный звук. Тайлер мягко постукивает кончиком ручки по краю своей тетради. Я поворачиваю голову к нему. Он не смотрит на меня, его лицо сосредоточено на преподавателе, но уголок его губ слегка подрагивает.

— Тайлер... — я толкую его в плечо. — Никто же не говорил, что она будет.

— Говорили, — произносит он так тихо, что слова доносятся до меня, как шёпот из другого измерения. Он наклоняется к своей тетради, будто делая пометку. — В конце прошлой лекции. И в общем чате. Дважды.

— О, Господи! Я не слышала, — шиплю я в ответ, чув-

ствуя, как паника, острая и липкая, поднимается по горлу.

Он бросает на меня быстрый взгляд.

— Ты что, не готовилась?

Я стискиваю зубы, чувствуя, как по спине ползёт холодный пот.

— Нет... — выдавливаю я.

Тайлер на секунду замирает.

— Тогда тебе не повезло.

Преподаватель начинает раздавать листы. Паника, тупая и липкая, поднимается по горлу. Я наклоняюсь к Тайлеру, так близко, что чувствую запах его одежды.

— Ты же... дашь списать? — шепчу я. — Мне сказали, ты всегда сдаёшь на отлично.

Уголок его губ едва заметно дёргается. Не улыбка. Скорее, тень чего-то тёмного и довольного.

— Нет.

— Что значит «нет»? — шиплю я, чувствуя, как поднимается злость.

— То и значит. — Он медленно поворачивается ко мне, и его глаза встречаются с моими. — Ты же помнишь, что ты сказала , когда я сел сюда?

Я моргаю.

— Что? — шепчу я, пытаясь выиграть секунду.

— Ты сказала: «Ты мог сесть где угодно», — ровно произносит он.

Я сжимаю ручку так сильно, что пальцы немеют.

— Ты что, решил меня наказать?

— Нет, — он слегка наклоняется ближе. — Я решил тебя не спасать.

— Разница, знаешь ли, минимальная, — шепчу я.

Он отворачивается, принимая от преподавателя два листа, и аккуратно кладёт один передо мной. Наверху крупными буквами: *«Контрольная работа. Тема: Теории поведения в стрессовых ситуациях»*.

Ирония настолько горькая, что хочется захохотать или разрыдаться.

Я смотрю на лист. Вопросы плывут перед глазами, слова сливаются в бессмысленные каракули.

1. Назовите три копинг-стратегии при остром стрессе.

2. Опишите физиологические реакции организма на угрозу.

Я делаю глубокий вдох, пытаясь собрать обрывки мыслей. Вспоминаю что-то из ранних лекций, до того как мой мир сузился до голоса в трубке. Я пишу первое, что приходит в голову. Потом второе. На остальное — пустота. Чистая, белая, унизительная пустота. Я сижу и смотрю, как время на часах телефона неумолимо ползёт вперёд. Рядом слышен лёгкий скрип ручки по бумаге. Уверенный, быстрый, без единой помарки. Тайлер спокойно идёт от задания к заданию. У меня же — два жалких ответа и море отчаяния.

Я не выдерживаю. Наклоняюсь к нему, закрывая рот ладонью.

— Тайлер, — шёпот выходит сдавленным, полным стыда. — Пятый вопрос. Ты ответил на него?

Он не прекращает писать, даже не замедляет темп.

— Да.

— А... — я глотаю. — А можешь показать? Просто я... я не совсем поняла формулировку.

Он наконец опускает ручку. Медленно поворачивает голову. Его взгляд — не насмешливый, не злой. Он... изучающий. Как будто я только что задала самый интересный вопрос в мире.

— Показать? — тихо переспрашивает он. Его голос звучит так близко, что мурашки бегут по шее. — Тебе нужна моя помощь, Элли?

— Да, — выдыхаю я, ненавидя себя за эту слабость, но цепляясь за неё как за соломинку.

Он отодвигает свой лист на миллиметр, чтобы я могла видеть. Его почерк чёткий, почти каллиграфический. Он ответил не только на пятый, но и на все остальные. Объёмно, с цитатами, с безупречной структурой. Он даёт мне ровно секунду что бы взглянуть и спокойно возвращает лист на место, придвигая его к себе.

— Эй... — вырывается у меня шёпотом, горячим от паники. — Я не успела даже...

Он не смотрит на меня сразу. Просто снова берёт ручку и делает вид, что продолжает писать, будто только что не лишил меня последнего шанса на нормальную оценку.

— Успела, — произносит он тихо. — Ты всё увидела.

— Нет! — я сжимаю ручку так, что белеют пальцы. — Я увидела половину слова. Ты можешь просто... нормально показать, — выдыхаю я. — На минутку. Пятый вопрос. Я быстро перепишу и всё.

Тайлер наконец поворачивает голову. Он медленно опускает взгляд на мой лист, где действительно сияет белое пятно, как насмешка. Потом снова на меня.

— Хорошо, — соглашается он неожиданно легко. — Я покажу.

Я выдыхаю — и тут же слышу продолжение:

— Но, — произносит он тихо, почти лениво, — есть одно условие.

У меня сжимается желудок.

— Какое ещё условие? — шепчу я, чувствуя, как внутри поднимается раздражение, смешанное с тревогой.

Он не отвечает сразу. Делает ещё пару пометок на своём листе — намеренно медленно, будто растягивает момент. Потом наклоняется ближе.

— Помнишь вчера? — спрашивает он спокойно. — У общежития. С курткой.

Я замираю.

— При чём тут твоя куртка? — цежу я.

— Очень даже при чём. Ты тогда поставила условие. Не отдавала мою куртку, пока я не рассказал, где я был.

— Это другое, — я резко выдыхаю. — Это была глупость.

— Нет, — мягко возражает он. — Это был торг.

— И?

Он слегка усмехается.

— Теперь моя очередь, Элли.

— Ты издеваешься? — шепчу я. — Мы на контрольной.

— Именно, — отвечает он. — Время ограничено. Ситуация стрессовая. Отличные условия для честных решений.

Я чувствую, как щёки начинают гореть.

— И что ты предлагаешь?

Он наклоняет голову, разглядывая меня с неприкрытым интересом.

— Я ещё не придумал... — он стучит ручкой об парту.

— Можешь тогда побыстрее придумать? А то... — я стучу по часам. — Время идёт.

— Хорошо, — тихо говорит он. — Тогда так...

Я напрягаюсь.

— Ответ на вопрос, — продолжает он, понижая голос. — Одно желание.

Я моргаю.

— Что?

— Всё просто, — он пожимает плечом. — Ты списываешь у меня пятый ответ — и я получаю одно желание.

Я чувствую, как по щекам разливается жар.

— Ты спятил? Я не соглашусь на это!

Он не отвечает. Просто поднимает бровь и слегка отодвигает свой лист, демонстрируя аккуратные, полные ответы на

вопросы. Они сияют на фоне моего пустого пространства, как спасательный круг в мутной воде.

Преподаватель медленно ходит между рядами впереди. Через десять минут он начнёт собирать работы. Я смотрю на свои жалкие два ответа. На чистые строчки, которые кричат о моей беспомощности. Я закрываю глаза на секунду. Глубокий вдох. Выдох.

— Ладно, — я протягиваю руку и резким движением придвигаю его лист ближе к себе. — Я согласна.

Я начинаю лихорадочно переписывать, чувствуя, как его взгляд тяжёлым, тёплым грузом лежит на мне. Он не торопит, не подсказывает, просто наблюдает, как я краду у него ответы. Когда я заканчиваю и отодвигаюсь, он медленно забирает свой лист обратно.

— Сделка заключена, Элли. — говорит он тихо, и его губы растягиваются в улыбке. — Ты только что согласилась быть мне должна.

Он бросает взгляд на мой лист — не мельком, а внимательно, как будто считывает не ответы, а меня саму. Его взгляд скользит по строкам, задерживается на пустотах, на неровных буквах, на подчёркнутых словах.

Он считает.

— Раз. Два. Три... — его бровь едва заметно приподнимается. — Хм, — тихо произносит он.

— Что, хм?

Он наклоняется ближе, так что его плечо почти касается

моего. Запах его кожи и бумаги смешивается, и от этого становится сложно дышать.

— Шесть, — произносит он тише, почти с интересом. — Ты списала не один ответ, а шесть.

Я резко поднимаю голову.

— И что? — я осекаюсь, чувствуя, как внутри всё холодеет. — Ты сам придвинул лист.

— Я дал списать пятый ответ, — мягко поправляет он. — Пятый — не значит переписывать всё подряд.

— У меня не было времени! — шепчу я, почти зло.

— Я знаю, — кивает он. — Поэтому и не останавливал.

Он откидывается чуть назад, давая мне воздух — ровно столько, чтобы я снова начала дышать. Его пальцы лениво крутят ручку.

— Значит так, — продолжает он. — Один ответ — одно желание. Шесть ответов...

Он делает паузу. Смотрит прямо мне в глаза.

— Шесть желаний.

Я смотрю на него несколько секунд, не моргая. В голове — пусто. Потом приходит злость. Глухая, вязкая.

— Ты серьёзно? — шепчу я. — Ты сейчас считаешь желания, как пункты в договоре?

— Я считаю факты, — спокойно отвечает он.

Молчание между нами становится плотным. Преподаватель где-то впереди что-то говорит, кто-то кашляет, скрипят стулья — но для меня всё это будто за стеклом.

Я выдыхаю медленно, считая про себя до трёх.

— Хорошо, — наконец говорю я тихо. — Пусть будет так.

Он слегка приподнимает бровь, будто не ожидал.

— Не потому что ты так решил, — добавляю я сразу. — А потому что я держу обещания.

Мои пальцы всё ещё сжимают ручку, но голос звучит ровно. Почти спокойно.

— Но есть одно «но».

Он внимательно смотрит на меня.

— Слушаю.

— Я не подписывалась вслепую, — говорю я. — Я хочу знать, какие это желания. Хотя бы примерно.

Он задумывается. Кажется, искренне обдумывает варианты.

— Не знаю ещё, — признаётся он наконец. — Шесть желаний... это серьёзный капитал. Его нужно потратить с умом. — Он смотрит на меня, и в его глазах появляется что-то новое — не злорадство, а скорее... азарт коллекционера, нашедшего редкий экземпляр. — Может, попрошу встретиться со мной за кофе шесть раз. Может — шесть честных ответов на шесть моих вопросов. А может... — он делает паузу, и напряжение между нами натягивается, как струна, — что-нибудь одно, но очень, очень важное.

«Очень важное».

Это слово пугает больше всего. Оно превращает эту сделку из сиюминутной глупости в долгосрочную угрозу, вися-

щую над моей головой.

Преподаватель объявляет о сдаче работ. Студенты начинают передавать листы вперёд. Я машинально протягиваю свой, не глядя. Тайлер делает то же самое.

— Не волнуйся, — говорит он, вставая и натягивая рюкзак на плечо. — Я не злой. И не собираюсь просить ничего неподъёмного. — Он смотрит на меня сверху вниз. — Просто помни, Элли. Теперь ты должна мне шесть раз. Я буду беречь этот долг. Как сокровище.

Он разворачивается и уходит, не оглядываясь, растворяясь в толпе.

Кейт тут же плюхается на освободившееся место рядом и наклоняется ко мне так близко, будто мы сейчас будем обсуждать государственную тайну.

— Ну что? — шепчет она, вцепляясь мне в запястье. — Ты вообще что-нибудь написала? Или мы сейчас коллективно хороним твою стипендию?

Я закрываю лицо ладонями.

— Не написала... — выдыхаю я. — Списала.

Кейт замирает.

— Так, так... — медленно тянет она. — У Тайлера что ли?

Я убираю руки и смотрю на неё мрачно.

— Да.

Кейт хлопает ладонью по парте, едва сдерживая смешок.

— Ого! Значит фортануло? — шепчет она восторженно. — Поздравляю. «А плюс» обеспечен. Может, даже с ком-

ментариями в духе «блестящая работа».

Я криво усмехаюсь.

— Ага. Фортануло, — бурчу я. — Только теперь я ему должна.

— В смысле должна? — её брови взлетают вверх. — Деньги? Кофе? Почки?

— Желания, — тихо говорю я. — Одно желание за один вопрос.

Кейт хмыкает.

— И сколько ты ответов списала?

— Шесть. Я списала шесть вопросов.

Кейт медленно откидывается назад, прижимая ладонь к груди.

— ШЕСТЬ? — беззвучно артикулирует она. — Элли, это уже не списывание. Это полноценное соавторство.

Кейт закрывает лицо ладонями и начинает беззвучно трястись от смеха.

— Нет, — шепчет она сквозь пальцы. — Нет-нет-нет. Это слишком хорошо, чтобы быть правдой.

— Кейт...

— Подожди, — она убирает руки и смотрит на меня сияющими глазами. — То есть... — она понижает голос до шёпота, — таинственный, психоватый старшекурсник теперь имеет шесть желаний к тебе?

— Не говори так, — я морщусь. — Это звучит... ужасно.

— Это звучит как фанфик, — парирует она. — Причём

дорогой.

Я толкаю её локтем.

— Он сказал, что будет «беречь этот долг». Как сокровище.

Кейт присвистывает.

— Фу-у-ух. Мужчина с фантазией. Мне уже нравится.

— Мне — нет, — резко говорю я. — Это не смешно.

Кейт наклоняется ближе, внезапно становясь серьёзнее.

— Ладно. Тогда без приколов. — Она смотрит мне прямо в глаза. — Он же тебе не угрожал?

— Нет, — честно отвечаю я.

Она кивает, будто понимает больше, чем говорит вслух.

— Окей, — наконец выдыхает она. — Тогда слушай. Если он попросит что-то странное — ты говоришь мне. Если что-то неприятное — ты сразу говоришь мне. А если он попросит, не знаю... ограбить банк или выйти за него замуж...

— Кейт...

— То я хочу быть подружкой невесты, —невозмутимо заканчивает она.

Я не выдерживаю и коротко смеюсь.

— Ты сумасшедшая?

— Немного, — она подмигивает. — И, между прочим, я тебе завидую. Мне максимум, что предлагали за списывание, — это кофе из автомата.

Она встаёт, закидывая рюкзак на плечо.

— Пойдём. Пока ты не запаниковала и не заключила ещё

одну сделку с кем-нибудь.

Глава 23

***

Мы называем это помощью. Долги называют это началом.

***

Воздух в коридоре после последней пары густеет от усталости и разговоров. Я вливаюсь в поток студентов, стараюсь держаться посередине, быть частью этой безликой массы. В голове стучит одна мысль, отточенная за последние часы: найти Джейсона. Попросить.

«Привет, Джейс. Послушай, мне очень неловко...» — репетирую я про себя, глядя в спину впереди идущего парня. *«Знаешь, тут такие обстоятельства... срочно нужна небольшая сумма. Я отдам. Конечно, отдам. Как только...»*

Как только что?

Голос в голове замолкает, не находя ответа. Я останавливаюсь посреди потока, и кто-то буркнув *«эй»*, обходит меня.

Горло сжимается. Всё это — порочный круг. Чтобы убежать от одной угрозы, мне нужны деньги. Чтобы достать деньги, мне нужно влезть в долг. А любой долг — это новая привязка, новое уязвимое место. Особенно если этот долг — перед бывшим.

Я выдыхаю сквозь стиснутые зубы и тихо говорю себе: *ты*

справишься. Не уверенно — скорее приказом. Как будто если повторить это ещё пару раз, оно станет правдой.

Я выпрямляюсь и стираю со лба влажную прядь. Делаю шаг — не вперёд, а сквозь. Сквозь собственную гордость. Сквозь память о его измене. Я направляюсь туда, где обычно тусуется Джейсон со своими дружками — в кампусное кафе за углом от главного корпуса. Ноги немного подрагивают, но внутри — холодная, почти металлическая решимость. Сыграть свою роль. Взять своё. Исчезнуть.

Но я не дохожу до кафе. Потому что в самом конце коридора, у массивной двери в библиотечный корпус, вижу его.

Тайлер.

Он стоит, повернувшись ко мне почти боком, и о чём-то оживлённо говорит с высоким парнем с кафедры политологии — тем самым, что славится своими громкими дебатами. Тайлер жестикулирует, его лицо оживлённо, он смеётся — коротко, сухо, по-деловому. Совсем не тот загадочный коллекционер долгов с утра. Просто успешный, уверенный в себе старшекурсник, у которого есть дела поважнее.

И именно в этот момент, как будто на него упала тень моего взгляда, он обрывается на полуслове и медленно поворачивает голову. Наши глаза встречаются через весь коридор. Не на секунду, не мельком. Он смотрит — спокойно, пристально, безо всякого удивления, будто так и ждал, что я здесь появлюсь.

Внутри меня всё проваливается в ледяную яму. «Шесть

желаний», — гудит в висках. Это не фанфик от Кейт. Это что-то настоящее, что сейчас стоит в тридцати метрах и смотрит на меня, как на свой актив, на свой долг, на свою собственность. Я не могу пошевелиться. Не могу отвести взгляд. Это как столкновение с диким животным в лесу — любое резкое движение, даже побег, может спровоцировать погоню.

Он делает едва заметное движение — не кивок, а скорее лёгкое смещение веса с одной ноги на другую, будто приготовился сделать шаг. И этого достаточно, чтобы сломать чары.

Я резко разворачиваюсь и почти бегу обратно, в гущу студентов, к главной лестнице, вниз, куда угодно. Мне уже не нужен Джейсон. Мне не нужны деньги. Мне нужно исчезнуть прямо сейчас.

Не думая, я сворачиваю в первый же открытый проём — дверь в пустую аудиторию для семинаров. Дверь с тихим шорохом закрывается за мной, отсекая гул коридора. Я прислоняюсь спиной к холодной стене рядом с косяком, закрываю глаза, пытаюсь отдышаться. Сердце колотится так, будто хочет вырваться.

Глупо, Элли. Совершенно, абсолютно глупо. Он тебя не преследует. Он просто...

Я сползаю по стене на пол, обхватываю колени руками. В аудитории полумрак — свет просачивается только из-под двери и через высокие окна. Здесь пахнет старостью, пылью

и тишиной. Тишиной, в которой так отчетливо слышно, какая же я дура. У меня есть план. Хороший, чёткий, циничный план спасения. И что я делаю? Паникую и прячусь в первой же комнате от парня, который просто на меня посмотрел?

Я опускаю голову на колени. Нужно просто посидеть минуту. Прийти в себя. И потом уже, с холодной головой, идти к Джейсону. Взять деньги. Начать свой настоящий побег.

И в этот момент, в абсолютной тишине, раздаётся чёткий, негромкий щелчок.

Щелчок открывающегося замка.

Сердце замирает на долю секунды, а затем начинает биться с такой силой, что я слышу его стук в ушах.

Дверь медленно отворяется. Не резко. Просто распахивается, впуская полоску света из коридора. В проеме стоит Тайлер. Он не выглядит ни удивленным, ни торжествующим. Он просто стоит и смотрит на меня.

— Заблудилась? — спрашивает он.

Кислород с трудом пробивается в лёгкие. Я разжимаю онемевшие пальцы на коленях, упираюсь ладонями в холодный, пыльный линолеум. Начинаю медленно подниматься. Опираюсь спиной о стену и чувствую, как шероховатая штукатурка цепляется за свитер. Каждый сантиметр вверх даётся с усилием — будто я поднимаю не своё тело, а тяжёлый, неподатливый груз стыда.

— Мне нужно было... проверить расписание, — почти

неслышно произношу я.

Он кивает, будто это самое разумное объяснение в мире. Делает шаг внутрь, и дверь медленно закрывается за его спиной, снова погружая нас в полумрак. Он не подходит ближе, оставляет между нами дистанцию в несколько метров.

— Если что, расписание висит на доске объявлений. Через два коридора, — замечает он.

Я молчу. Просто смотрю, чувствуя, как ладони становятся влажными.

— Я шёл на обед, — продолжает он, как бы между делом. — Увидел, как ты резко свернула. Показалось странным. Решил проверить.

Ложь. Или нет? С его лицом невозможно понять.

Он прислоняется к стене напротив, скрещивает руки на груди. Его рюкзак мягко шлёпается на пол.

— Что-то случилось?

— Да, — вырывается у меня слишком быстро. — Я тут же качаю головой. — То есть... нет. Не совсем. Я просто... — я делаю паузу, собирая остатки самообладания. — Ты случайно не видел Джейсона?

Имя повисает в воздухе между нами, как неуместный предмет. Тайлер не отвечает сразу. Его брови едва заметно приподнимаются — не насмешливо, а с живым, искренним интересом. Он выпрямляется, отрываясь от стены.

— Джейсона? — переспрашивает он, будто пробуя имя на вкус. — Это... — он щёлкает пальцами, вспоминая. — Тот

самый Джейсон, для которого твоё «нет» ничего не значило?

В груди что-то неприятно сжимается. Слишком быстро. Слишком точно.

— Да, — коротко отвечаю я.

Тайлер смотрит на меня несколько секунд. Не изучает — сопоставляет. Как будто расставляет недостающие элементы в уже почти собранной схеме.

— Видел, — говорит он наконец. — Минут двадцать назад.

— И где? — спрашиваю я слишком быстро.

Тайлер не отвечает сразу. Он чуть наклоняет голову, разглядывая меня внимательнее.

— В кампусном кафе. За углом от главного корпуса.

— Спасибо, — выдыхаю я и делаю шаг в сторону двери, стараясь не смотреть ему в глаза.

— Так, — спокойно говорит Тайлер.

Я замираю.

Он не повышает голос. Не делает резких движений. Просто одним плавным жестом выставляет руку, упираясь ладонью в стену рядом с дверным косяком. Пространство между мной и дверью исчезает.

— Подожди, — говорит он спокойно. — Так не пойдёт.

Я поднимаю на него взгляд.

— Что ещё?

Он чуть подаётся вперёд, и расстояние между нами сокращается до опасно интимного. Я чувствую запах его одежды

— что-то холодное, чистое, почти аптечное.

— Ты сейчас делаешь ровно то, что я и ожидал, — продолжает он негромко. — Берёшь информацию и сразу бежишь к источнику проблемы.

— Это не твоя проблема, — говорю я, стараясь, чтобы голос не дрожал.

— Уже моя, — отвечает он без пафоса. — С того момента, как ты согласилась на сделку. —Он переводит взгляд на дверь, потом обратно на меня. — Ты спросила: «где?» — напоминает он. — Я ответил. Теперь моя очередь задавать вопросы. Зачем тебе Джейсон?

— Это не имеет значения, — отвечаю я.

Он смотрит на меня так, будто я только что сказала что-то очень наивное.

— Наоборот. Это имеет значение. И больше, чем ты думаешь.

— Тайлер, послушай, я ведь не спрашиваю, зачем ты сегодня обнимал ту блондинку у фонтана. — Я делаю шаг к двери, нарочно слишком близко. — Так что дай пройти. Мне пора.

На секунду он замирает. Потом улыбается — не широко, не нагло, а так, будто ему только что подкинули удачную карту.

— Ого, — тихо тянет он. — Это сейчас было что?

Я вскидываю подбородок.

— Это было «отвали».

— Нет, — он качает головой, явно сдерживая смешок. — Это было «я заметила и мне не понравилось».

— Не льсти себе, — огрызаюсь я. — Мне всё равно, с кем ты трёшься.

— Конечно, — кивает он. — Именно поэтому ты заметила всё: где, с кем и как.

Я открываю рот — и тут же закрываю.

— Расслабься, Элли, — продолжает он почти весело. — Я не жалуюсь. Обычно люди скрывают это чуть дольше.

— Это не ревность, — цежу я. — Это раздражение.

— Прекрасно, — кивает он. — Ревность часто так и начинается.

— Ты сейчас специально меня бесишь?

— Нет, — он усмехается. — Я наслаждаюсь наблюдением.

— Послушай, Тайлер...— я делаю шаг к нему, — я тебе ничего не должна. Отойди.

Я дёргаю его руку.

Ничего.

Он стоит так, будто это я вторглась в его пространство.

— Ты не видишь? — спокойно говорит он. — Проход закрыт.

Я стискиваю зубы.

— Плевать, — отвечаю я и резко ныряю под его руку.

Он реагирует мгновенно. Его рука опускается, перехватывая пространство, и я оказываюсь прижатой к стене прежде, чем успеваю выпрямиться.

— Ты говоришь «ничего не должна», — спокойно говорит он. — Тогда давай вернёмся к шести желаниям.

— Убери руку, — говорю я сквозь зубы.

— Нет.

Моя ладонь упирается ему в грудь.

— Ты переходишь черту. Долг — не повод трогать меня.

— Я тебя не трогаю, Элли. Это ты сейчас упираешься в меня.

Тишина в аудитории становится густой, почти осязаемой.

Он прав. Это я его трогаю.

Я резко убираю руку.

— Это манипуляция. Ты прекрасно знаешь, что делаешь.

— И что я делаю?

Я коротко усмехаюсь.

— Перекрываешь мне выход.

Он чуть склоняет голову, словно примеряя формулировку.

— Я не перекрываю. Я просто занимаю пространство.

— Занял бы ты его где-нибудь в другом месте, — огрызаюсь я. — А теперь пропусти меня.

— Чуть позже, — отвечает он. — Когда мы договоримся.

— Договоримся? О чём?

— Как насчёт первого желания?

Внутри всё сжимается.

— Здесь?

— А что? Удобно, — он оглядывает пустую аудиторию.

— Никто не помешает.

Я сглатываю.

— И чего ты хочешь?

Он чуть склоняет голову, будто взвешивает варианты. Потом пожимает плечами — легко, почти лениво.

— Начнём с простого. Я хочу поцелуй.

Слова падают между нами тяжело и глухо, как предмет, который нельзя ни поймать, ни отбросить без шума.

— Что? — выдыхаю я, не потому что не поняла, а потому что мозг отказывается принимать это всерьёз.

— Поцелуй, — повторяет он спокойно, без нажима.

Я смотрю на него несколько секунд, потом коротко и зло усмехаюсь.

— Ты спятил? — выдыхаю я. — Может, мне ещё и потрахаться с тобой за партой?

Он отводит взгляд на секунду, будто действительно рассматривает вариант. Будто прокручивает его в голове.

— Интересное предложение. Давай.

Слово звучит тихо. Почти буднично. И от этого — страшнее всего.

— Что? — у меня пересыхает во рту.

— Ты сама предложила, — он слегка наклоняет голову. — Давай.

Я замираю. Воздух в лёгких застревает тяжёлым комом. Он смотрит без тени насмешки — взгляд прямой, спокойный, как у человека, который просто принимает предложен-

ные условия.

— Это... это была сарказм, — выдавливаю я, чувствуя, как по шее ползёт жар.

— Я понимаю, — кивает он. — Но я не шучу.

— Я не... — начинаю я, но он мягко перебивает.

— Не оправдывайся, Элли.

Он смотрит на меня ещё пару секунд, как будто принимает внутреннее решение. Потом медленно убирает руку со стены и делает шаг назад. Пространство возвращается — резко, непривычно, почти болезненно. Он поднимает рюкзак с пола, перекидывает лямку через плечо — движение спокойное, будничное, как будто между нами только что не было ничего напряжённого.

— Расслабься. Поцелуй — это слишком прямолинейно. — Продолжает он. — Я не привык тратить желания на очевидные вещи. — Пауза. — Особенно на людях, которые ещё не поняли, во что вляпались.

Он делает пару шагов к двери, останавливается, будто вспоминает что-то важное.

— И если бы я хотел поцелуй, — добавляет он, почти лениво, — я бы не спрашивал. — Уголок его губ едва заметно дёргается. — И точно не начал бы с долга.

Я замираю, всё ещё прижавшись спиной к стене. Его слова не приносят облегчения — они замещают одну угрозу другой, более размытой и оттого более страшной.

— Тогда что? — вырывается у меня, прежде чем он успе-

вает уйти. — Если не поцелуй, то что ты хочешь?

Он пожимает плечами.

— Пока — ничего. — Улыбка появляется и тут же исчезает. — Пусть тебя это тревожит. Я считаю тревогу полезной мотивацией.

Дверь за ним закрывается тихо. Слишком тихо.

Я остаюсь одна в пустой аудитории, и тишина обрушивается сразу — глухая, вязкая, как после удара по ушам. Сердце колотится так, будто он всё ещё здесь.

Злость накрывает резко. Грязно. Без логики.

— Ублюдок, — выдыхаю я в пустоту.

Я делаю шаг — и со всей силы пинаю ножку парты. Боль простреливает ступню, острая, настоящая, и от неё становится легче. Хоть что-то реальное. Хоть что-то моё.

— Да пошёл ты к чёрту со своими желаниями, — шепчу я зло, сквозь зубы. — Со своими долгами. Со своей тревогой.

Я подхватываю рюкзак, вытираю ладонями лицо, как будто могу стереть с себя остатки этой сцены, и выхожу из аудитории. Дверь закрывается за спиной слишком громко, и этот звук будто подталкивает меня вперёд. Я встраиваюсь в поток студентов и ускоряю шаг. Сначала просто иду, потом почти пробираюсь, лавируя между рюкзаками и плечами, стараясь не зацепиться ни за кого.

Когда я выхожу к кафе, тёплый воздух сразу ударяет в лицо, смешанный с запахом кофе и еды. Шум накрывает волной — смех, голоса, звон посуды. Я на секунду замираю на

пороге, позволяя глазам привыкнуть, а потом начинаю быстро сканировать зал.

Джейсон сидит за высоким столом у окна, развалившись на стуле, в окружении двух парней. Смеётся. Громко. Уверенно. Его спина расслаблена. Его мир — на месте. На долю секунды меня накрывает почти физическое отвращение: как легко он дышит.

Я делаю вдох и иду к нему.

Джейсон замечает меня не сразу — сначала замедляется смех, потом его плечи напрягаются. Он оборачивается — и замирает, когда встречается со мной взглядом.

— Элли? — тянет он. — Ничего себе.

Я останавливаюсь напротив. Не сажусь. Не улыбаюсь.

— Нам нужно поговорить, — говорю я ровно. — Наедине.

Парни переглядываются. Один ухмыляется.

— О, — протягивает тот, что слева, — у вас тут, походу, драма.

— Расслабься, — отмахивается Джейсон, но смех у него выходит неровным. Он снова смотрит на меня, уже внимательнее. — Чего ты такая серьёзная?

— Я сказала: наедине, — повторяю я, не повышая голос.

Джейсон бросает взгляд на друзей.

— Парни, подождите минуту. Мы тут, — хмыкает он. — Поговорить отойдём.

Он поднимается, кивает в сторону выхода и, наклонившись ко мне, усмехается почти шёпотом:

— Ну надо же... неужели осознала?

Его дыхание касается уха, и меня передёргивает. Я отступаю на полшага, выравнивая дистанцию, и смотрю на него прямо.

— Пошли, — отрезаю я. — У меня мало времени.

— Как скажешь, — усмехается он. — Раз такая срочность.

Мы выходим из кафе. Шум остаётся за дверью. На улице прохладно, и этот холод немного приводит в чувство.

Он оборачивается ко мне, засовывая руки в карманы.

— Ну? — говорит он с ленивым интересом. — Я слушаю.

Я смотрю ему прямо в глаза.

— Мне нужны деньги.

Слова падают между нами без украшений. Грубо. Честно. Униженно.

Его брови медленно поднимаются.

— Вот как, — тянет он. — А говорила, ты справишься сама.

— Это займ, — продолжаю я. — Ненадолго. Я верну.

Он усмехается, но в этой улыбке уже нет тепла — только привычка быть сверху.

— Деньги, значит...

— Ты сам вчера предлагал помощь, — говорю я ровно. — Или ты уже забыл?

Он хмыкает и слегка качает головой, будто я напомнила ему что-то забавное, но не особенно важное.

— Да-да, — отвечает он. — Я помню. Но я это говорил

до того, как понял одну вещь.

— Какую? — спрашиваю я, уже чувствуя подвох.

— До того, как выяснилось, что Тайлер Смит — это тот самый Тайлер Смит, — он делает ударение на имени. — Который вчера прервал наш разговор.

Я молчу.

— Забавно, — продолжает Джейсон, склонив голову набок. — Ты просишь деньги у меня, хотя рядом с тобой крутится парень, у которого их, мягко говоря, больше. И который, судя по всему, очень внимательно за тобой следит. — Он делает шаг ближе, понижая голос. — Так почему тебе не попросить у него? У Смитов с финансами всё отлично. Или он помогает только... по-другому?

Последние слова он бросает небрежно, но я слышу в них укол. Ревность? Нет. Скорее — раздражение от того, что в этой расстановке он больше не единственный вариант.

— Ты ничего не знаешь, — говорю я сквозь зубы.

— Я знаю достаточно, — спокойно отвечает он. — Так что да. Я предлагал помочь. Но тогда между нами не стоял Тайлер Смит. А теперь он стоит. И мне интересно — почему ты всё ещё здесь, а не у него.

Я делаю шаг вперёд. Потом ещё один. Сокращаю дистанцию сама — не потому что хочу, а потому что иначе слова просто не выходят.

Я сглатываю.

— Джейсон... — имя царапает горло. — Мне правда нуж-

но.

Он молчит.

— Я отдам, — быстро добавляю я, цепляясь за каждое слово. — Я подпишу расписку. Могу переводить по частям. Могу...

Мой голос предательски дрожит. Я злюсь на себя за это — и всё равно продолжаю.

— Пожалуйста, — выдыхаю я. — Я бы не пришла, если бы у меня был другой выход. Клянусь.

Он медленно наклоняет голову, будто рассматривает трещину на знакомой стене.

— Слышишь себя? — спрашивает он спокойно. Без злости. — Ты стоишь и умоляешь меня. Ещё вчера ты бы скорее умерла, чем сказала эти слова.

Я закрываю глаза на секунду.

— Мне всё равно, как это выглядит, — говорю я хрипло. — Мне просто нужны деньги. Срочно.

Он смотрит на меня внимательно, потом вдруг качает головой.

— И сколько? — спрашивает он.

— Четыре тысячи долларов.

Он присвистывает.

— Серьёзно?

— Мне не нужен комментарий, — говорю я. — Мне нужен ответ.

Он молчит пару секунд, разглядывая меня так, как раньше

— будто пытается понять, где я сломалась.

— И на что? — наконец спрашивает он.

Я стискиваю пальцы в кулаки.

— Это не твоё дело.

— Моё, если я плачу, — спокойно парирует он. — Или ты думаешь, что я просто переведу тебе деньги и исчезну из твоей жизни?

Вот оно. Настоящее условие. Не озвученное, но очевидное.

— Я не прошу ничего бесплатно, — говорю я. — Это займ.

— Ага, — он усмехается. — Займ у бывшего. Звучит как начало очень плохого решения.

— Боже, Джейсон... — вырывается у меня с надрывом. — Для тебя эти четыре тысячи — пыль.

Он застывает на месте. Его лицо меняется — лёгкая усмешка исчезает, сменяясь холодным, отстранённым любопытством.

— Пыль, — повторяет он. — Возможно. Но твоя просьба пахнет не пылью, а паникой. И паника, Элли, пахнет очень дорого.

Он делает шаг назад, осматривая меня с ног до головы, как лот на аукционе, который может оказаться гениальной инвестицией.

— Я дам тебе деньги, — говорит он наконец. — Сегодня. Без расписок. Без свидетелей.

В груди что-то сжимается.

— Но, — добавляет он сразу. — Есть пару условий.

Я замираю.

— И какие?

— Во-первых, — он вынимает телефон, — деньги не сейчас. Вечером.

— А может как-нибудь сейчас? — почти стону я.

— Сейчас — невозможно, — отрезает он. — Вечер — это самый быстрый вариант.

Я киваю.

— Ладно...

Он убирает телефон в карман и смотрит на меня так, словно первый пункт был лишь разминкой.

— Во-вторых, — продолжает он спокойно, — деньги я передам тебе лично.

Я напрягаюсь.

— В смысле?

— В прямом, — пожимает он плечами. — Не перевод. Наличные.

— Где? — спрашиваю я, уже догадываясь, что ответ мне не понравится.

Уголок его губ едва заметно приподнимается.

— У меня. Заедешь вечером.

Я сжимаю пальцы в кулаки.

— Это всё? — спрашиваю я. — Два условия?

Он качает головой.

— Есть и третье.

Я напрягаюсь всем телом.

— Слушаю.

Он делает шаг ближе, но останавливается на безопасной дистанции. Голос остаётся ровным.

— Ты дашь мне шанс, — говорит он спокойно, без нажима, будто озвучивает очевидное.

Я моргаю.

— Что?

— Шанс, Элли, — повторяет он терпеливо. — Не деньги. Не проценты. Не расписки.

Он делает короткую паузу, давая словам лечь. — Меня.

— Ты серьёзно сейчас? — выдыхаю я.

— Абсолютно. С сегодняшнего дня ты перестаёшь делать вид, что между нами всё кончено.

— Мы расстались, Джейсон.

— Формально — да, — кивает он. — По факту ты сейчас стоишь здесь и просишь меня о помощи. Значит, не всё так однозначно.

Я чувствую, как внутри поднимается злость.

— Это манипуляция.

— Нет, — спокойно возражает он. — Это условие.

Он чуть наклоняет голову, будто вспоминая что-то.

— И ещё, — добавляет он как бы между делом. — Ты перестаёшь тереться рядом с этим парнем. Как его там... Смитом. Тайлером Смитом.

Имя режет слух.

— Это вообще не твоё дело, — резко говорю я.

— Моё, — отвечает он без эмоций. — Если я в это влезаю, я хочу понимать, что не играю третьим лишним.

— Ты не играешь никакую роль, — цежу я. — Это просто деньги.

— Нет, — он смотрит прямо. — Это не просто деньги. Деньги — это повод. А вот дальше начинается выбор.

Я сжимаю зубы.

— И что значит «шанс»? — спрашиваю я. — Свидания? Контроль? Отчёты?

Он усмехается — не зло, а почти устало.

— Не утрируй. Просто перестаёшь бегать от меня и не сближаешься с другими.

Я чувствую, как всё внутри сжимается: гордость, злость, страх — всё сразу.

— Ты ставишь меня в угол, — говорю я глухо.

— Нет, Элли, — отвечает он. — Ты сама туда встала. — Он делает шаг в сторону, словно разговор уже закончен. — Вечером, — добавляет он. — Адрес ты знаешь.

Мои пальцы в карманах сжимаются так, что ногти впиваются в ладони. Боль. Острая, чистая, моя. Она проясняет сознание, как удар нашатырём.

Хорошо, думаю я, не двигаясь с места. *Хорошо, Джейсон.*

Гордость, стыд, отвращение — всё это горит в груди короткой яростной вспышкой, а потом гаснет, оставляя после себя пепелище и странную, ледяную пустоту. Ту самую, в ко-

торой рождаются самые плохие решения. И, возможно, самые честные.

Глава 24

***

Прошлое не преследует.
Оно терпеливо ждёт.

***

Такси останавливается у ворот, и водитель даже не спрашивает — просто глушит двигатель. Здесь всегда так. Дом Джейсона не нуждается в пояснениях. Он большой. Не показной, не вычурный — просто уверенный в себе. Тёмный кирпич, широкие окна, ровная дорожка, подсветка, которая делает фасад почти тёплым. Дом, который не кричит о деньгах, потому что ему не нужно доказывать, что они есть.

Я выхожу из машины и на секунду замираю у ворот. Здесь мы были десятки раз. Смеялись на кухне, пили вино на задней террасе, засыпали под фильмы, которые никто не досматривал до конца. Я помню, как оставляла здесь зубную щётку — «на всякий случай». Как ходила босиком по холодному полу и чувствовала себя... своей.

Я расплачиваюсь с водителем, беру рюкзак и иду к двери. С каждым шагом воспоминания лезут навязчиво, как запах — знакомый, уютный, но уже чужой. Это место не изменилось. Изменилась я. И он. Или, может быть, только я наконец

перестала делать вид, что не замечаю очевидного.

Я поднимаю руку, чтобы нажать на звонок. И на долю секунды ловлю себя на мысли: если я сейчас развернусь — у меня не останется ни одного плана.

Звонок звучит глухо.

Дверь открывается почти сразу.

Джейсон стоит на пороге — в тёмной футболке, с бутылкой от виски в руках. На секунду его взгляд задерживается на мне — быстрый, оценивающий, знакомый до неприятного.

— Ты вовремя, — говорит он и делает шаг в сторону.

И только тогда я вижу, что происходит за его спиной. В доме горит свет. Не яркий — приглушённый, тёплый. Музыка играет негромко, но настойчиво. В гостиной несколько человек: смех, голоса, бутылки на кухонном острове, кто-то сидит на диване, кто-то стоит у окна.

Я замираю на пороге.

— У тебя... гости, — говорю я, хотя это звучит глупо. Очевидно.

— Да брось, — он пожимает плечами. — Пара друзей. Ничего серьёзного. Ты же не против?

Это не вопрос. Это проверка.

Я вхожу внутрь, и дом тут же обволакивает запахами — алкоголь, парфюм, что-то жареное. Всё до боли знакомо. Планировка та же. Та же лестница, та же гостиная, та же кухня, где мы когда-то ругались и мирились. Только теперь здесь чужие люди. И я — тоже.

— Чувствуй себя как дома, — бросает Джейсон через плечо и идёт вперёд, не оглядываясь.

Я ловлю себя на том, что автоматически снимаю куртку и вешаю её туда же, где делала это раньше. Рука знает место лучше головы. И это злит.

— Выпьешь? — он уже около барной стойки, наливает что-то в чистый бокал.

Я смотрю на стекло в его руке и думаю о том, что пришла сюда за деньгами. Не за вином. Не за воспоминаниями. И точно не за этим ощущением — будто меня медленно втягивают обратно, шаг за шагом.

— Я не за этим пришла, — говорю я сразу. — Давай без этого.

Он даже не оборачивается. Просто хмыкает — коротко, уверенно, как человек, который заранее знает исход.

— Да ладно, Элли, — отвечает он спокойно. — Всего один бокал.

Он подходит ближе и буквально вкладывает стакан мне в руку. Пальцы на секунду задерживаются на моих — не сжимают, но и не отпускают сразу. Контакт короткий, почти случайный. Почти.

— Ты же не собираешься стоять тут с пустыми руками, — добавляет он, немного отступая. — Расслабься. Никто тебя ни к чему не принуждает.

Я смотрю на янтарную жидкость в стакане. На пузырьки у края. На отражение света. В голове вспыхивает мысль —

поставить обратно. Сейчас. Немедленно.

Но в этот момент кто-то смеётся в гостиной, и я чувствую на себе взгляды.

Не прямые. Скользящие.

Девушка на диване — блондинка в коротком платье — смотрит с лёгким интересом, оценивающе, будто пытается понять, кто я ему. Парень у окна бросает взгляд и тут же отводит — но слишком поздно, чтобы я этого не заметила. Ещё кто-то кивает мне, как знакомой, хотя мы никогда не встречались.

— Это Элли, — доносится голос Джейсона сбоку. — Мы... давно знакомы.

— Чувак, вы встречались с ней год. Думаешь, мы не знаем, кто она? Да все знают! — кричит кто-то, перекрывая шум.

— Вот видишь, — Джейсон пододвигается ближе. Его рука ложится мне на поясницу — вроде бы мимоходом, будто просто направляет меня вглубь гостиной. — Все тебя знают. Посиди пять минут. — Он кивает на диван. — Потом поговорим.

«Потом».

Я делаю ещё один глоток и сажусь на диван. Он устраивается рядом. Его колено касается моего. Случайно. Конечно.

— Ты напряжена, — замечает он тихо. — Тебе нужно расслабиться.

— Я и так расслаблена, — вру я.

Он усмехается и наклоняется к столу, берёт бутылку.

— Тогда ещё немного, — говорит он и подливает мне, не спрашивая.

— Я сказала, что не за этим пришла, — повторяю я, уже тише.

— Я знаю, — отвечает он спокойно. — Поэтому мы просто сидим. Разговариваем. Ничего больше.

Я смотрю на него. На знакомую линию челюсти. На выражение лица, которое когда-то означало «я рядом», а теперь — «я контролирую».

— Где деньги? — спрашиваю я вдруг, резко, без перехода.

Он не удивляется.

— В спальне. — Небольшая пауза. — Но не сейчас.

Я напрягаюсь.

— Ты сказал — вечером.

— И сейчас вечер, — спокойно отвечает он. — Но ты только пришла. Посиди. Выпей. Потом поднимемся. Возьмёшь деньги и уйдёшь. Если захочешь.

Последние слова он произносит почти небрежно.

Если захочешь.

Я делаю глоток. Потом ещё один. Алкоголь ложится мягче, чем в первый раз.

— Видишь? — говорит он почти довольным тоном. — Уже лучше.

Я не отвечаю. Просто смотрю в стакан, где лёд медленно тает, разбавляя напиток и время — одинаково незаметно.

— Ты всегда так делала, — говорит Джейсон как бы между прочим, наклоняясь ближе. — Когда нервничала — начинала пить быстрее, чем нужно.

— Не анализируй меня, — отзываюсь я. — Ты мне не психолог.

— Я просто помню, — усмехается он. — В этом доме вообще многое легко вспомнить.

Его рука ложится на спинку дивана за моей спиной. Не на меня. Почти. Это «почти» раздражает сильнее, чем прямое прикосновение.

— Ты зря напрягаешься, — продолжает он тихо. — Никто тебя не трогает. Ты в безопасности.

Именно эти слова «ты в безопасности», заставляют меня насторожиться.

— Я хочу получить деньги и уйти, Джейсон. Сейчас. Ты мне обещал.

Он медленно закидывает ногу за ногу, изучая моё лицо. Улыбка остаётся на губах, но в глазах появляется холодок. Игра в любезного хозяина заканчивается.

— Я много чего обещал, — он делает небольшой глоток из своего стакана. — И много чего держал. А сейчас — ситуация изменилась.

Ледяная волна прокатывается по спине.

— Что это значит?

Он пожимает плечами, делая вид, что обсуждает погоду.

— Значит, я передумал просто так отдавать такую сумму.

Я встаю. Бокал чуть не выскальзывает из руки, я ставлю его на стол с таким звоном, что пара человек оборачивается.

— Ты издеваешься? Ты заставил меня приехать сюда, в это... представление, — я делаю резкий жест, охватывая комнату, — чтобы сказать, что передумал?

— Я не сказал, что передумал. Я сказал — не сейчас. И не просто так.

В комнате становится тише. Музыка играет, но смешки и разговоры притихли. Нас слушают. Я чувствую на себе десятки глаз. Блондинка на диване смотрит с откровенным любопытством, прикрыв рот рукой. Парень у окна замер. Джейсон этого и хотел — сделать наш разговор публичным. Создать сцену, которой он якобы хотел избежать. Поставить меня в положение истерички, которая портит всем вечер.

— Что ты хочешь? — выдыхаю я, и в этих словах звучит вся моя ненависть.

Он тоже поднимается, теперь мы стоим лицом к лицу. Он на голову выше, и он использует это преимущество, глядя сверху вниз.

— Я хочу поговорим. По-человечески. Без истерик. — Он делает паузу, даёт словам повиснуть в воздухе. — Наверху.

— Поговорим здесь.

— Здесь? — он усмехается и окидывает взглядом притихшую комнату. — Со всей публикой? Нет уж, милая. Некоторые разговоры ведутся с глазу на глаз. Или ты боишься остаться со мной наедине?

Я смотрю на его лицо. На эту уверенную, самодовольную усмешку. Я вспоминаю, как когда-то любила этого человека. Как доверяла. И теперь это воспоминание кажется самым горьким ядом.

Если я сейчас развернусь — у меня не останется ни одного плана.

— Хорошо, — говорю я тихо. — Поговорим. Наедине.

Удивление мелькает в его глазах. Он ожидал сопротивления, слёз, может быть, крика. Не этой спокойной, обреченной покорности.

— Разумное решение. — Он кладет руку мне на локоть, чтобы вести к лестнице. — Пойдём.

Мы поднимаемся молча. На площадке он обходит меня, достаёт ключ. Металл тихо звякает. Короткое движение — щелчок. Дверь распахивается, пропуская нас внутрь.

Он придерживает её ладонью и, не глядя на меня, произносит спокойно:

— Прошу.

Я прохожу внутрь первой. В комнате пахнет его одеколоном, стиральным порошком с дорогих простыней и чем-то неуловимо личным, интимным, что заставляет мой желудок сжаться. Все знакомо до боли: огромная кровать с покрывалом цвета угля, два прикроватных столика, трюмо, на котором до сих пор стоит пустая ваза, куда я ставила полевые цветы.

— Присаживайся, — говорит он, кивая на край кровати.

Сам подходит к трюмо, где, как я теперь вижу, уже стоят два бокала и бутылка с коньяком. Он наливает. Его движения здесь, в этой комнате, кажутся еще более уверенными, владельческими. Это его логово. Место, где когда-то решались наши самые нежные и самые жестокие споры.

— Джейсон, хватит, — говорю я, оставаясь стоять у двери. — Давай деньги и я уйду. Ты же сказал — в спальне.

— И они здесь, — он поднимает бокал, делает глоток, не сводя с меня глаз. — Но сначала выпей. Расслабься. Стоишь на пороге, как чужая. — В его голосе звучит фальшивое радушие, натянутое на стальной каркас приказа. — Помнишь, как ты ненавидела, когда я пил один? Говорила, это невежливо.

— Я помню много чего. Где деньги?

Он отставляет бокал и садится на край кровати, прямо напротив меня. Расстояние между нами — три шага. Оно кажется и бесконечным, и ничтожно малым.

— Помнишь, как ты впервые осталась тут ночевать? — начинает он, и голос его становится мягким, задумчивым. Опасным. — Ты так нервничала, что всю ночь ворочалась. А утром сказала, что это лучший сон в твоей жизни. Потому что проснулась и увидела меня.

Его слова, как щупальца, тянутся ко мне через комнату, пытаясь обвить, привязать к прошлому.

— Это было давно.

— Для меня — как вчера. — Он встает, делает шаг ко

мне. — Помнишь этот шрам на твоем колене? Ты получила его, когда я тебя догонял и ты споткнулась о корень. Я нёс тебя на руках обратно в эту комнату. Ты плакала и смеялась одновременно.

— Я помню, — говорю я. — А потом ты сказал, что я неуклюжая. И еще долго шутил на эту тему.

Он ухмыляется, как будто я сказала что-то милое.

— Ты всегда всё запоминала. Цеплялась за плохое. — Его рука поднимается, и он, будто невзначай, проводит тыльной стороной пальцев по моей щеке. Прикосновение лёгкое, но от него по коже бегут мурашки отвращения. — А за хорошее? За хорошее цепляешься?

Я отвожу голову, но он ловит мою прядь волос, накручивает на палец.

— Отстань, Джейсон.

— Не хочешь вспомнить? — он отпускает волосы, но его рука опускается мне на плечо, сжимает его. — Ладно. Тогда, может, хочешь... забыться?

С этим вопросом он отходит к прикроватному столику. Открывает верхний ящик. И достает оттуда то, чего я здесь не ожидала увидеть. Маленькое зеркальце. Серебристую трубочку. Маленький пакетик.

— Что ты творишь? — моё дыхание сбивается.

— Предлагаю снять стресс, — говорит он простым, будничным тоном, высыпая порошок на зеркало. Его движения точны, привычны. Он проводит кредитной картой, создавая

две безупречные дорожки. — Всё в порядке, Элли. Просто старые добрые времена. Ты же помнишь наши вечеринки? Все так делали.

— Я — нет. И ты это знаешь.

— Может, пора начать? — Он поднимает на меня взгляд. В его глазах горит холодный, химический интерес. — Особенно если хочешь получить то, за чем пришла.

Он наклоняется, зажимает одну ноздрю, и раздаётся резкий, отрывистый звук вдоха. Он закидывает голову, глаза на секунду закатываются. Когда он снова смотрит на меня, в его взгляде появляется знакомый, леденящий блеск. Он оживает, но это не жизнь — это химический пожар.

— Ах... вот это да, — его голос становится резче, энергичнее. Он встряхивает головой. — Теперь твоя очередь. Не упрямься.

— Нет.

— Элли, — он делает шаг ко мне, и теперь в его движении есть что-то дёрганое, неконтролируемое. — Ты в моей спальне. Ты просишь у меня денег. Ты пьешь моё вино. Давай не будем ханжами. Одна дорожка. И всё станет проще. Деньги сразу твои.

Его рука тянется к моему лицу. Я отшатываюсь, ударяюсь спиной о дверь.

— Не прикасайся ко мне. Я ухожу.

— Уходи, — легко соглашается он, и улыбка на его лице становится шире, безумнее.

Он медленно отходит и наклоняется к нижней полке трюмо и вытаскивает оттуда толстую, перетянутую резинкой пачку купюр. Он бросает её на кровать. Она падает на чёрное покрывало, белая резинка режет глаза.

— Забирай. Это твоё. — Он отходит к окну и прислоняется к косяку, упираясь руками в подоконник.

— Я всё отдам, — выдыхаю я и делаю шаг к кровати протягивая руку.

И в этот момент, когда моя рука уже почти коснулась купюр, Джейсон срывается с места. Он хватает меня, обвивает руками так, что у меня захватывает дух, и валит на кровать. Я падаю на спину рядом с пачкой денег, а он нависает сверху, прижимая меня всем весом.

— Вот так-то лучше, — сипит он, и его дыхание, с химическим запахом, обжигает моё лицо. — Гораздо лучше. Вот так я тебя и помню.

Его губы приникают к моей шее — жёстко, влажно, это не поцелуй, это клеймо. Одна его рука зажимает мои запястья над головой, другая грубо находит край моей футболки и лезет под неё.

— Прекрати! — я вырываюсь, бьюсь под ним, но он тяжёлый, и наркотик сделал его сильнее, нечувствительным к ударам. — Джейсон, я тебя убью! Остановись!

— Тише, тише, — он хрипит, и его губы скользят от шеи к ключице, оставляя влажный, горячий след.

Его рука, та, что залезла под футболку, грубо срывает с

меня чашку бюстгальтера, его пальцы впиваются в грудь.

— Ты получишь свои деньги, Элли. Каждую копеечку. Просто... перестань вырываться.

Я извиваюсь под ним, пытаюсь согнуть колено, ударить его, но он всей тяжестью своего тела прижимает мои бёдра к матрасу. Воздуха не хватает. Запах его пота, одеколона и химической бодрости от наркотика заполняет всё.

— Не... не трогай меня! — мой голос срывается на визг, который только распаляет его.

— Я и не трогаю, — он лжёт, и его рука уходит из-под футболки, чтобы нащупать пряжку моего ремня. Его пальцы скользят по металлу, нервно дёргают за него, но пряжка не поддается — старая, тугая. Он рычит от раздражения, пытается снова, его движения становятся резкими, злыми.

— Чертовы... джинсы, — сипит он мне прямо в ухо. — Сними их. Сама. Сейчас же.

— Нет.

— Сними, я сказал. — Его свободная рука бьет меня по бедру — не сильно, но звонко, унизительно. — Или я порву их. Мне плевать.

Он снова пытается с пряжкой, его ногти царапают мне кожу под тканью. Потом он меняет тактику. Его ладонь прижимается ко мне поверх джинсов, в самое интимное место, и давит — жёстко, безжалостно, демонстрируя, что барьеров для него нет.

— Чувствуешь? — он шепчет, и его губы лижут мую моч-

ку уха. — Чувствуешь, как сильно я тебя хочу? Как всегда хотел. Ты думала, что ушла? Ты никуда не ушла. Ты здесь. Моя.

Его слова, грязные и откровенные, обрушиваются на меня как адская волна.

— Джейсон... пожалуйста! Хватит!

— Ну уж нет... я сейчас порву тебя на куски, Элли. Трахну тебя так, что ты забудешь, как дышать. Ты будешь орать, но всем внизу будет плевать, потому что они знают, кто ты. Кто ты для меня. Вернувшаяся Элли, которая об этом мечтала.

Он прижимается всем телом, и я чувствую его возбуждение сквозь слои ткани. Это окончательно вышибает из меня дух. Это уже не просто домогательство. Это — изнасилования.

Его пальцы снова скользят к пряжке. Но теперь он не торопится. Он наслаждается процессом. Его ладонь всё еще давит на меня поверх джинсов, ритмично, нагло, а другой рукой он задирает мою футболку выше груди. Он проводит языком по моему ребру. Отвратительное, влажное, владельческое прикосновение.

— Представляешь, что они о нас думают внизу? — говорит он, и его губы медленно опускаются ниже. — Думают, мы тут миримся по-взрослому, разговариваем. А я тебя просто сейчас...

Щелчок.

Пряжка наконец поддается. Металлический звук, тихий и

зловещий, кажется громче любого крика. Он резко дёргает ремень, выдёргивая его из шлевок одним рывком. Пуговица на джинсах отлетает, ударившись о стену.

— Наконец-то, — выдыхает он, и в его голосе слышно нетерпение зверя, сорвавшегося с цепи.

Он хватается за молнию. Рывок вниз. Звук расстёгивающейся молнии — это звук последней преграды, падающей между ним и его целью.

— Видишь? — его пальцы впиваются в ткань моих трусов и джинсов, начиная стаскивать их вниз с бёдер. — Все просто. Ты сопротивлялась, но в глубине души ты этого хотела. Хотела, чтобы с тобой так обращались. Чтобы тебя взяли силой.

Его дыхание становится тяжелым, прерывистым. Он уже почти не видит во мне человека — только объект, собственность, которую нужно пометить, уничтожить, чтобы доказать своё превосходство.

— О да... — шепчет он. — Я сейчас возьму тебя сзади, детка. Хочу что бы ты даже лица моего не видела. Только чувствовала. Будешь чувствовать меня до самого утра. А потом пойдешь со своими деньгами. И будешь благодарить меня. Будешь целовать мне руки и благодарить, что я тебя... спас.

Он приподнимается, чтобы стащить с меня джинсы до конца, и его вес на мгновение ослабевает. Он не видит моей руки, медленно, сантиметр за сантиметром, ползущей к

краю матраса, к прикроватному столику. Там, среди книг и пустых бутылок от воды, стоит тяжёлая хрустальная пресс-папье в форме глобуса. Подарок его отца. Предмет, который он всегда холил и лелеял. Я тянусь ещё немного и холодная грань оказывается в моей ладони. Я сжимаю её крепко, без суеты, без сомнений. В этот момент страх исчезает. Остаётся только понимание: назад пути уже нет.

Удар.

Я бью его.

Бью со всей силы, какая только есть.

Не в голову. В руку. Ту, что держит мои джинсы.

Раздается не хруст, а глухой, болезненный стон металла и плоти. Он кричит — на этот раз от неожиданной, ослепляющей боли. Его рука рефлекторно разжимается. Я выдергиваю ногу.

— Сука... — он захлёбывается яростью, хватаясь за онемевшую руку.

Я не даю ему опомниться. Я вскакиваю на колени на кровати и с размаху бью пресс-папье по зеркалу.

Треснувшее стекло обрушивается градом осколков. Я хватаю самый длинный, острый, как бритва, клинок из полированного стекла.

— Шевельнёшься — порежу, — шепчу я.

Он замирает. Его глаза, широко раскрытые, смотрят на меня сквозь химический туман. В них мелькает не только ярость, но и что-то новое. Первобытный страх. Страх перед

смертью, которую он не контролирует

— Если тронешься с места, пока я не уйду, я вернусь и перережу тебе горло этим стеклом, — продолжаю я тихим, абсолютно спокойным голосом, в котором слышно, что это не угроза, а обещание. — И всем внизу расскажу, что ты накрылся коксом и разбил зеркало в истерике.

Я отступаю к двери, не поворачиваясь к нему спиной. Щёлкаю замок, выскальзываю в коридор и плотно закрываю за собой дверь.

Я спускаюсь по лестнице.

Его друзья оборачиваются. Они видят меня: бледную, с растрёпанными волосами и дыханием, которое никак не может выровняться.

— Джейсона не беспокойте, — говорю я ровным голосом, направляясь к выходу. — У него носовое кровотечение. И разбито зеркало. Семилетнее несчастье, знаете ли. — Я хватаю куртку, открываю дверь и выхожу, оставляя всё позади.

Холодный воздух режет лёгкие.

Я иду быстрым шагом, потом почти бегу — вдоль ровной дорожки, мимо аккуратно подстриженных кустов, прочь от света, от музыки, от дома, который только что перестал быть просто домом. Я сворачиваю за угол, к пустой улице, где фонари стоят слишком далеко друг от друга, и только там позволяю себе остановиться.

Руки дрожат так, что телефон едва не выскальзывает из пальцев.

— Чёрт. Чёрт. Чёрт, — выдыхаю я, больше чтобы услышать собственный голос.

Я открываю приложение такси. Кружок загрузки.

Маршрут построен.

Ожидание: 38 минут.

— Нет... — шепчу я.

Я обновляю.

Ещё раз.

Водитель отменил заказ.

Экран мигает, будто издевается. Улица вокруг — пустая, глухая, слишком спокойная для того, что у меня внутри. Я обхватываю себя руками, чувствуя, как адреналин медленно сменяется дрожью.

— Пожалуйста... — почти беззвучно.

Я снова пытаюсь заказать.

Ожидание: 42 минуты.

Я закрываю приложение. Резко. Сердце снова ускоряется. Мысли скачут, путаются, цепляются друг за друга.

Он может выйти. Он может пойти за мной. Он может...

— Стоп, — говорю я себе вслух. — Думай.

Контакты. Я пролистываю список, не глядя на имена — только на буквы, будто они сами должны сложиться в спасение.

Кейт.

Нажимаю.

Гудки.

Один. Два. Три. Ничего.

— Возьми трубку, — шепчу я. — Пожалуйста.

Голосовая почта.

Я сбрасываю и тут же набираю снова.

Без ответа.

Пальцы скользят по экрану дальше. Имена, которые сейчас ничего не значат. Люди, которым я не могу сказать «забери меня прямо сейчас» без объяснений.

Я останавливаюсь.

Сэм.

Пауза — доля секунды. Слишком долгая, чтобы быть случайной. Потом я нажимаю «вызов».

— Элли? — хрипловатый голос Сэма прорезает тишину, — Привет.

Я сглатываю. Слова застревают, комкаются, но я заставляю себя говорить ровно.

— Сэм... — короткая пауза. — Ты можешь меня забрать?

— Конечно, — отвечает он без раздумий. — Где ты?

— Я... я сейчас отправлю адрес, секунду... — слова сбиваются. — Только, пожалуйста, Сэм. Приезжай сейчас. Не позже.

На другом конце линии — короткая пауза.

— Понял, — говорит Сэм уже другим тоном. — Мне показывает семь минут. Мы выезжаем.

— Мы? — переспрашиваю я, не сразу соображая.

— Я и Тайлер, — отвечает Сэм спокойно, как будто это само собой разумеется. — Не волнуйся. Мы рядом.

Слова доходят не сразу. «Мы рядом» — звучит почти нереально. Я опускаюсь на корточки у обочины, и только сейчас понимаю, как сильно дрожат руки. Телефон скользит в ладони, я сжимаю его сильнее, будто он может удержать меня на месте.

— Сэм... — выдыхаю я. — Пожалуйста, быстрее.

— Элли, — его голос становится ниже. — Слушай меня. Я с тобой на линии. Никуда не уходи, хорошо?

Я киваю, забыв, что он меня не видит.

— Хорошо.

Я вскакиваю и начинаю ходить туда-сюда, считая шаги, оглядываясь на тёмные окна дома за спиной. Каждый звук кажется громче, чем должен быть: шорох листвы, далёкий лай собаки, шум машины где-то внизу по улице.

— Элли, ты одна? — спрашивает Сэм.

— Да, — отвечаю сразу. — Просто заберите меня, ладно?

— Ладно, — без вопросов. — Уже почти.

Я закрываю глаза и прислоняюсь лбом к какому-то дереву. В груди всё ещё грохочет адреналин, но поверх него медленно накрывает другое чувство — усталость. Глухая, вязкая, такая, от которой хочется просто сесть на землю и не вставать.

Фары появляются неожиданно — яркая вспышка в конце улицы. Оранжевая машина выруливает из-за поворота и

тормозит у обочины.

Дверь распахивается.

— Элли! — Сэм уже выходит, быстрым шагом идёт ко мне.

Я делаю шаг навстречу — и только тогда позволяю себе выдохнуть.

Господи... спасибо.

Глава 25

***

Мир рушится не от зла.

Он рушится от тех, кто считает зло необходимым.

***

Сэм тут же замечает моё состояние. Его взгляд — быстрый, как сканер, — скользит по моим растрёпанным волосам, блестящим от заплаканных слёз глазам, останавливается на руках, которые я безуспешно пытаюсь удержать от дрожи. Его лицо, обычно открытое и чуть насмешливое, становится жёстким и серьёзным.

Я врезаюсь в него.

Не аккуратно, не для вида — по-настоящему. Бросаюсь в объятия так, будто он — единственная твёрдая точка в рушащемся мире. Мои пальцы вцепляются в ткань его футболки, лицо прижимается к плечу, дыхание сбивается в короткие, надрывные рывки.

— Спасибо... — слова вываливаются одно за другим, горячие и бессвязные. — Спасибо, что приехал. Просто... спасибо.

— Тш-ш, — немедленно, без колебаний, его руки обнимают меня в ответ. Одна крепко держит за спину, другая накрывает мой затылок. — Ты в безопасности. Садись.

Он мягко, но настойчиво направляет меня к открытой двери машины. Я плюхаюсь на заднее сиденье, и мир на мгновение сужается до глухого, надёжного звука захлопывающейся двери.

Машина плавно трогается с места.

Я инстинктивно оборачиваюсь, прилипаю лбом к холодному стеклу. Всё выглядит тихо и спокойно. Как будто там, в той реальности, ничего не произошло.

Сэм, не оборачиваясь, протягивает назад через промежуток между сиденьями бутылку с водой. Я беру её. Пластик хрустит в моих всё ещё трясущихся пальцах. Я откручиваю крышку, делаю несколько больших глотков. Холодная вода обжигает пересохшее, будто набитое ватой, горло. Затем он медленно поворачивается ко мне.

— А теперь рассказывай, — говорит он тихо, но так, что каждое слово отчеканивается в тишине салона. — Что произошло, Элли?

Я сжимаю бутылку. Пластик снова тихо поскрипывает под давлением. Делаю ещё один глоток, чтобы выиграть секунду, чтобы собрать в кучу разлетающиеся осколки воспоминаний.

Я поднимаю взгляд, и он натыкается на спину водителя.

Тайлер.

Он не оборачивается. Его рука лежат на руле в положении «без десяти два», расслабленно, но контроль полный. Он смотрит только на дорогу, вперёд, в тёмный туннель, проре-

заемый светом фар. Ни одного взгляда в зеркало заднего вида. Ни одного вопроса. Полная, почти неестественная концентрация на движении.

— Элли, — повторяет Сэм, и в его голосе появляется оттенок мягкости, но требование остаётся.

Я выдыхаю. Воздух выходит с дрожью.

— Я была у Джейсона.

— У Джейсона? — Сэм переспрашивает. Его брови резко сходятся на переносице, образуя глубокую складку. Он на секунду отворачивается вперёд, бросая короткий, вопросительный взгляд на профиль Тайлера. — Это кто? Ты его знаешь?

Тайлер продолжает вести машину. Его поза не меняется. Несколько секунд в салоне слышен только ровный гул двигателя и шум шин по асфальту. Он молчит так долго, что вопрос начинает казаться риторическим, повисшим в воздухе.

— Бывший, — наконец произносит Тайлер. Голос у него низкий, ровный, без эмоций. — Я же прав, Элли? — он на долю секунды отрывает взгляд от дороги, и в зеркале заднего вида наши глаза встречаются.

Я молчу ровно секунду. Воздух застревает в груди, прежде чем я выдыхаю:

— Да.

Сэм разворачивается ко мне полностью, насколько позволяет ремень безопасности.

— Он тебя напугал?

Я замираю. Воздух застревает в лёгких. Весь ужас последних часов, который я пыталась задавить холодной яростью и действиями, наваливается снова, давящей грудой. Я киваю. Не могу выдавить ни звука, только короткий, резкий кивок.

Сэм выдыхает сквозь стиснутые зубы. Звук резкий, полный сдержанной ярости. Он резко отворачивается к лобовому стеклу, сжимая кулак на колене. Тайлер, в это время совершает безупречный, плавный манёвр, меняя полосу. Машина мягко уходит вправо.

— Что он тебе сделал, Элли? — Спрашивает Сэм, не оборачиваясь.

И вот оно. Вопрос, которого я боялась. Вопрос, на который у меня нет правдивого ответа, потому что правда — это открыть дверь в ад, в который я только что едва не провалилась.

— Да ничего, — вру я. — Я просто пришла забрать свои вещи. Старые, забытые. А он... он был не один. Друзья, вечеринка. Он был выпивши и... — я запинаюсь, глотаю ком в горле, — и сами понимаете... какие-то старые чувства, или ещё что. Начал навязываться. Глупо, да. Я просто испугалась, что всё выйдет из-под контроля. Вот и всё.

Я заканчиваю эту жалкую тираду и тут же ненавижу себя за неё. За эти приукрашенные, приглаженные слова, которые превращают кошмар в банальную драму «бывший не понял, где границы».

Сэм медленно поворачивает голову. Он смотрит на меня.

Его взгляд тяжёлый, пронзительный. Он не верит мне. Ни на секунду.

— Навязываться, — дословно, без интонации, повторяет он мои слова. — И из-за этого ты вся трясёшься, будто тебя поезд переехал?

Тишина после его вопроса повисает в салоне, как удушливый газ. Сэм не отводит от меня взгляда. Его глаза — сузившиеся щели — видят всё: мой трясущийся подбородок, пальцы, белые от того, как я вцепилась в бутылку с водой.

Он медленно переводит взгляд на Тайлера.

— Разворачивайся.

Тайлер кивает едва заметно.

— Я тоже так считаю.

Он резко, почти до упора, жмёт на тормоз. Резина визжит по асфальту, меня бросает вперёд, ремень впивается в плечо. Прежде чем я успеваю выдохнуть, он уже переключает передачу, и машина с рыком разворачивается на пустой дороге, описывая резкую дугу. Фары выхватывают из темноты деревья, отбойник — и снова прямая лента дороги, только теперь мы несёмся в противоположном направлении. Обратно.

— Нет! — кричу я, и в моём голосе слышится настоящая, животная паника. — Тайлер, пожалуйста, нет! Сэм, остановите его!

Я бросаюсь вперед, хватаюсь за подголовник сиденья Тайлера, но он даже не вздрагивает. Машина набирает скорость. Столбы с фонарями начинают мелькать за окном как спицы.

— Тайлер, умоляю! — слёзы, наконец, прорываются наружу, голос срывается на визг. — Он вызовет полицию! Вы оба попадёте в проблемы из-за меня! Это всё только хуже сделает! Я просто хочу домой!

Внезапно Тайлер с силой бьёт по тормозам. Машина снова взвизгивает и резко останавливается на обочине. Он выключает передачу, и в салоне наступает оглушительная тишина, нарушаемая только моим прерывистым дыханием и тиканьем остывающего двигателя.

Медленно, с почти театральной неспешностью, Тайлер поворачивается на своём сиденье. Он облокачивается на подголовник и смотрит на меня через всю машину. Его лицо в тени, но глаза ловят отблеск далёкого фонаря. В них нет ни злобы, ни ярости. Только холодная, пронизывающая усталость и что-то ещё — презрение? Нет, скорее, разочарование такой силы, что от него по коже бегут мурашки.

— Элли, — говорит он тихо, и каждое слово падает, как камень. — Прекрати ныть.

Я замираю.

— Что?

Рядом Сэм вздрагивает и тут же хлопает Тайлера по плечу.

— Брат, полегче. Она в шоке.

Тайлер на секунду задерживает на Сэме тот же ледяной взгляд, потом откидывается назад на сиденье. Он проводит обеими руками по лицу, с силой растирая кожу, будто пыта-

ясь стереть усталость и гнев.

— Ладно, — наконец выдыхает он, и напряжение в его плечах немного спадает. — Если она уж так умоляет...

Он снова включает поворотник, оглядывается и плавно выруливает на проезжую часть. Он не продолжает движение в сторону дома Джейсона. Он сворачивает на следующем повороте, уводя машину в тихий спальный район.

— Сейчас заедем ко мне, — объявляет Тайлер, не сводя взгляда с дороги. — Я живу рядом. Потом отвезём тебя домой.

— Да, Элли, — Сэм оборачивается ко мне, уже без прежней ярости, с одной лишь усталой тревогой во взгляде. — Тебе повезло, что мы были недалеко. Мы как раз только подъехали к дому Тайлера, а тут звонок от тебя.

— Тайлер живёт в этом районе? — мой голос звучит сипло от слёз и усталости. Вопрос глупый, но мозг цепляется за детали, чтобы не думать о главном.

Сэм тихо хмыкает.

— Ага, — говорит он, слегка поворачивая голову в мою сторону. — Рядом с тобой сидит ещё тот мажор. Самый что ни на есть настоящий.

Достаточно одного молчаливого взгляда от Тайлера и Сэм сразу же поднимает руки.

— Всё, молчу, — добавляет он, уже тише. — Я же говорил: Тайлер не любит разговоров о своём статусе. Помнишь, я тебе рассказывал?

Я молча качаю головой в ответ на его вопрос. Нет, не говорил. Или говорил, но я не запомнила. Всё, что было до этого звонка, до этой ночи, кажется теперь смутным, неважным прошлым из другой жизни.

Машина замедляется и подъезжает к массивным кованым воротам. Тайлер что-то нажимает на брелоке, ворота бесшумно разъезжаются в стороны. Мы въезжаем на территорию, и перед нами открывается не дом, а скорее, современный, строгих линий особняк из стекла и тёмного бетона. Минимализм, дорогой и бездушный.

Тайлер глушит двигатель и, не говоря ни слова, выходит из машины. Он закуривает сигарету, зажигая её быстрым щелчком зажигалки, и облокачивается на край капота. Его силуэт чётко виден на фоне освещённого входа. Где-то в глубине двора доносится ровный, умиротворяющий звук воды — фонтан.

В салоне повисает неловкая пауза.

— У него дома... фонтан? — тихо спрашиваю я Сэма, не отрывая взгляда от силуэта Тайлера.

Сэм оборачивается ко мне, и на его лице появляется слабая, но искренняя улыбка. Видимо, мой растерянный тон его развеселил.

— Ага, — кивает он. — И довольно большой. Я сам офигел, когда впервые увидел. А ещё у него есть бассейн. Прямо в доме, на минус первом этаже. Хочешь посмотреть?

Меня охватывает лёгкая паника.

— Что? Нет! Я не думаю, что он захочет меня впускать в свой дом.

— Да ладно тебе! — Сэм машет рукой, отмахиваясь от моих сомнений. — Он добрый и гостеприимный. Он не будет против.

С этими словами он открывает дверь машины, и подходит к Тайлеру.

— Слушай, братишка, — говорит Сэм, слегка похлопывая его по плечу. — Не угостишь нас чаем, пока ты там со своими делами разбираешься? А то в машине сидеть как-то... ну, ты понял.

Тайлер медленно выпускает дым и поворачивает голову. Его взгляд задерживается на Сэме, а затем скользит ко мне — будто напоминая, где моё место.

— Чай? — он усмехается уголком рта. — Ну пойдём. Раз уж приспичило.

Сэм заметно оживляется и тут же обходит машину и распахивает заднюю дверь.

— Пошли, Элли. Чай тебе сейчас точно не повредит.

Я колеблюсь всего секунду. Ноги всё ещё ватные, в голове — гул, но выбора, кажется, нет. Я выбираюсь из машины и сразу чувствую прохладный ночной воздух на лице.

Сэм придерживает дверь, пока я выпрямляюсь, и кивает в сторону освещённого входа.

— Давай. Всё нормально, — тихо добавляет он.

Тайлер гасит сигарету, прижимая окурок к асфальту нос-

ком кроссовка. Короткое движение — и он уже идёт к дому, не оглядываясь. Мы идём следом. Сэм — первым, я — чуть позади, чувствуя себя гостем, которого никто официально не приглашал, но и не выставил за дверь.

У самой дорожки я наклоняюсь к Сэму.

— Он... точно не против?

Сэм даже не смотрит на меня.

— Конечно нет, — отвечает он с абсолютной серьёзностью. — Он вообще любит гостей. Особенно неожиданных. Особенно ночью.

Я бросаю на него взгляд.

— Ты сейчас пошутил?

— Немного, — признаётся он, не меняя интонации. — Но вообще-то он рад. — Он кивает в сторону Тайлера. — Когда он вот так идёт — значит, настроение отличное.

— Что-то я тебе не очень верю, — шепчу я.

— Значит, поверь. Всё под контролем, Элли.

Тайлер подходит к двери. Код. Движение руки. Стекло отходит в сторону — и пространство раскрывается перед нами.

Внутри светло. Слишком светло для ночи. Свет ровный, мягкий, без единой резкой тени. Серые стены, стекло, металл. Пространство раскрывается сразу — без коридоров, без укрытий.

Тайлер снимает куртку и бросает её на спинку стула.

— Обувь можешь не снимать, — говорит он, не глядя на меня. — Полу всё равно.

Я невольно киваю.

— Ну как тебе первое впечатление? — Сэм оборачивается ко мне через плечо. — Не каждый день тебя вот так по ночам водят по стеклянным дворцам.

Я пожимаю плечами, не сразу находя слова.

— Непривычно, — честно отвечаю я. — Как будто... музей.

Сэм усмехается.

— Ага. Добро пожаловать в логово человека, который ненавидит беспорядок и сюрпризы, — он делает шаг ко мне и вдруг берёт меня за руку. Не резко, не таща — скорее, уверенно, по-дружески. — Пойдём, я тебе кое-что покажу.

Я вздрагиваю от прикосновения, но не отдёргиваю руку. Его ладонь тёплая, живая — контрастирует с этим стерильным пространством.

— Сэм... — начинаю я, но он уже тянет меня в сторону длинного коридора, где пол слегка уходит вниз.

— Я тебе бассейн покажу, — говорит он почти заговорщически. — Ты обязана это увидеть. Это вообще незаконно — иметь такое дома.

Он бросает быстрый взгляд через плечо на Тайлера.

— Эй, Тай, — добавляет он, уже на ходу. — Поставь, пожалуйста, чайник, ладно? Мы сейчас вернёмся.

Тайлер, который всё это время молча наблюдал, приподнимает бровь. Его взгляд скользит сначала по нашим сцепленным рукам, потом поднимается выше — к моему лицу.

Никакой явной эмоции, но что-то в этом взгляде задерживается на долю секунды дольше обычного.

— Хорошо, — отвечает он спокойно и проходит в глубь дома.

Мы спускаемся по широкой лестнице. Шаги гулко отдаются от стен. Воздух меняется — становится теплее, влажнее. И прежде чем я успеваю что-то сказать, пространство открывается.

Передо мной — бассейн.

Большой, подсвеченный изнутри мягким голубым светом. Вода неподвижная, гладкая, как стекло. Потолок высокий, бетонный, с тонкими линиями встроенного света. Ни одного лишнего предмета. Только вода, свет и тишина.

— Вау... — вырывается у меня прежде, чем я успеваю себя остановить.

Сэм ухмыляется, явно довольный эффектом.

— Я знал, — говорит он. — Всегда работает.

Я медленно подхожу ближе к краю, отпуская его руку. Смотрю на своё отражение в воде — бледное, растрёпанное, чужое.

— Тут... красиво, — говорю я тише. — Спокойно.

— Вот именно, — Сэм улыбается, глядя на воду. — Тут невозможно удержаться. Я каждый раз думаю, что просто посмотрю... и каждый раз оказываюсь в бассейне.

Он поворачивает голову ко мне. В его глазах — озорной, почти мальчишеский огонёк, который так странно смотрит-

ся после всей серьёзности и ярости в машине.

— Это место меня провоцирует, — усмехается он и быстрым, привычным движением снимает футболку через голову и отбрасывает её на пол.

— Что... что ты делаешь?

Я инстинктивно отступаю на шаг и поднимаю руку, прикрывая глаза. Жаркая волна стыда и смущения накатывает на меня, но между пальцами я всё равно вижу. Вижу его торс — загорелый, подтянутый, с рельефом мышц, который говорит скорее о естественной спортивности, чем о часах в зале. Красивое тело. Ему, определённо, нечего стесняться.

— В смысле, что я делаю? — его голос звучит прямо передо мной, весёлый и беззаботный. — Прыгаю!

Раздается быстрый звук расстёгивающейся молнии — это он сбросил шорты. Я успеваю увидеть лишь мельком его трусы с надписью на резинке «HUGO». Затем шлепок босых ног по кафелю, два быстрых разбегающихся шага — и громкий, оглушающий всплеск.

Я медленно опускаю руку. Сэм уже в воде. Он выныривает, откидывает мокрые волосы со лба и широко улыбается, выдыхая фонтан брызг.

— Ох! Прохладно! — кричит он, бьёт по воде ладонью, отправляя в мою сторону веер брызг. — Элли, давай! Чего стоишь? Лучшее лекарство от всего на свете!

Я стою у края, мокрая от его брызг, и не понимаю — смеяться мне или плакать. Всё это выглядит нелепо. Почти аб-

сурдно. После всего кошмара, через который я только что прошла, этот гигантский ребёнок в бассейне зовёт меня «искупнуться». Я смотрю на его смеющееся лицо, на ровную голубую гладь воды, на холодное, безупречное великолепие вокруг — и внутри что-то сдвигается. То, что было сжато в тиски ужаса и отчаяния, вдруг слабо, неуверенно дрогает. Не радость. Не веселье. Что-то вроде... лёгкого головокружения от нереальности происходящего. От этой сумасшедшей смены декораций.

— Я... в одежде, — глупо говорю я, не в силах придумать ничего умнее.

— Так сними! Я отвернусь! — беззастенчиво предлагает он, плывя брассом к другому краю. — Или прыгай так! Всё равно высохнешь! Тайлер не против, честно!

Я понимаю, что он серьёзен. И что этот спонтанный, дурацкий поступок — его способ разрядить ситуацию. Вытащить меня из оцепенения хоть на минуту. Пусть даже таким идиотским способом.

Я медленно присаживаюсь на корточки у самого края, опускаю руку в воду. Она действительно прохладная, живая. Я смотрю на своё искажённое волнами отражение, а потом поднимаю взгляд на Сэма, который теперь лежит на спине с закрытыми глазами.

— Ты не обязана, Элли, — говорит он вдруг, не открывая глаз. — Я просто... не хотел, чтобы ты дальше варилась у себя в голове.

Я убираю руку из воды и выпрямляюсь.

— Я не плавала... сто лет.

Сэм открывает один глаз и улыбается.

— Значит, самое время.

Я качаю головой, почти смеясь.

— Я не готова вот так... прыгать.

— Тогда не надо. Можешь просто посидеть. Ноги опустить. Это уже считается.

Я колеблюсь секунду. Потом медленно разуваюсь, ставлю кроссовки аккуратно рядом — как будто порядок вокруг может удержать порядок внутри. Осторожно опускаюсь на край, закатываю штанины выше и свешиваю ноги в воду. Вода обнимает мои ноги прохладным, плотным кольцом. Это ощущение — неожиданное, простой, почти детский физический контакт — заставляет меня вздохнуть глубже. Я откидываюсь назад, опираясь на руки, и закрываю глаза.

— Спасибо, — говорю я наконец. — Не только за то, что приехал. А вот за это тоже. Это помогает.

Он молчит секунд тридцать, прежде чем ответить.

— Когда-то давно, — начинает он, и его голос звучит немного по-другому, задумчиво, — мне один умный человек сказал: когда мозг перегревается от плохого, его надо обмануть. Запустить в него что-то другое. Что-то простое. Холодную воду. Резкий звук. Сильный вкус. Любое ощущение, которое не оставляет места для мыслей.

Я открываю глаза и смотрю на него. Он лежит на спине,

глядя в потолок, и его лицо кажется моложе, без привычной лёгкой насмешливости.

— Вот ты и решил меня «обмануть» прыжком в бассейн? — спрашиваю я, и в моём голосе появляется слабая тень улыбки.

— Работает, правда? — Он поворачивает голову и ухмыляется. — Немного, но работает.

Сэм подплывает к краю и вылезает из воды. Вода стекает с него каскадами, и он, не смущаясь, хватает большое полотенце с пола и начинает энергично вытираться. Я отворачиваюсь, делая вид, что смотрю на свой мокрый подол джинсов, но краем глаза ловлю мелькающие движения.

— Эй, Элли, — говорит он, и в его голосе снова появляется та лёгкая, подстрекающая нотка. — А ты завтра свободна?

Я поднимаю на него взгляд.

— Завтра суббота. Я не работаю, но...

— Отлично! — перебивает он, уже улыбаясь во весь рот. — Я подумал, можем завтра снова сюда приехать. Поплавать всласть. Отдохнуть по-человечески. Пиццу закажем, или суши — что ты больше любишь? Или вообще, бургеров налопаемся. Повеселимся как следует.

Он произносит это так легко, так беззаботно, словно предлагает сходить в кино, а не устроить вечеринку в стерильном бункере его загадочного друга на следующий день после того, как я чуть не была изнасилована. Я смущённо смотрю на него, чувствуя, как по щекам разливается тепло. Это слиш-

ком. Слишком быстро, слишком странно.

Я резко встаю, и вода с ног капает на кафель.

— Я не знаю... я просто... — я мнусь, не в силах подобрать слова.

— Что «просто»? — Сэм подходит ближе, вытирая шею полотенцем. Его глаза горят азартом, будто он нашёл себе новую увлекательную игру. — Давай, Элли! Это будет круто! Пожалуйста! — Он складывает руки, как будто молится. — Я очень хочу, чтобы мы все втроём потусили! По-нормальному! Это будет весело, обещаю!

Его энтузиазм такой заразительный и такой нелепый, что я невольно хмыкаю — короткий, сдавленный звук, больше похожий на всхлип.

— Я... — повторяю я, уже слабее. — Вряд ли хозяин этого ледяного царства одобрит подобные планы. Я думаю, что...

— Запомни раз и навсегда, Элли, — Сэм перебивает меня, поднимая палец. — Тайлер не будет против. Я его знаю. Он просто не сразу показывает, что ему что-то нравится. Но он согласится. Особенно если я его уговорю. А я уговорю.

Он говорит это с такой непоколебимой уверенностью, что мне почти хочется ему поверить.

Он наклоняется, поднимает с пола второе, сухое полотенце и бросает его мне прямо в руки.

— Вытирайся и пошли наверх. А то Тайлер сейчас подумает, что мы с тобой тут заблудились в его подземных лабиринтах. Или того хуже — утопились.

Он подхватывает с пола свои вещи, поворачивается и, накинув полотенце на плечи, босой и всё ещё слегка мокрый, идёт к лестнице.

Я стою на месте, сжимая в руках мягкую ткань, и смотрю ему вслед. В голове — полная каша. Страх, стыд, остаточная дрожь — и поверх всего этого яркий, кричащий образ завтрашнего дня, нарисованный Сэмом: пицца, смех, плеск воды. Это кажется абсолютно невозможным. И в то же время дико заманчивым. Как глоток чистого воздуха после удушья.

Кухня встречает нас стерильной, вымершей тишиной. Никакого Тайлера. Сэм ведёт себя, будто это его кухня. Тянется к шкафчику, достаёт две простые керамические чашки. Наливает из стоящего на столе чайника. Потом — к холодильнику. Он рыскает взглядом, хватает чёрную коробку с итальянским названием, и несёт её к столику у дивана.

— Садись, чего стоишь там, как инопланетный артефакт? — бросает он, не глядя, расставляя чашки и раскрывая коробку с конфетами.

Я подчиняюсь. Опускаюсь на край дивана. Сэм плюхается рядом. Его мокрые трусы оставляют тёмное пятно на светлой ткани. Он достаёт телефон из кармана, и экран вспыхивает, освещая его расслабленное лицо.

Я бросаю взгляд на его голые, уже почти сухие плечи, на полотенце, небрежно перекинутое через шею, и тихо спрашиваю:

— Может... ты всё-таки оденешься? Ты вроде бы уже вы-

сох.

Сэм смотрит на меня, потом опускает взгляд на себя, словно только сейчас это замечает. На губах появляется кривая, ленивая улыбка.

— Правда? — он демонстративно оглядывает себя.

Я фыркаю, отворачиваясь к чашке.

— Да.

Сэм усмехается, но в его взгляде уже нет прежней дурашливости — только тёплое, ленивое внимание.

— Ладно, — говорит он примиряюще. — Если тебе неловко...

Он поднимается с дивана, и я машинально отвожу взгляд, делая вид, что меня вдруг очень заинтересовал чай. Сбоку слышится шорох ткани. Сэм натягивает шорты, потом тянется к футболке, переброшенной через спинку стула.

— Видишь, — бросает он между делом, — я вполне поддаюсь воспитанию.

Я фыркаю, не поднимая глаз.

— Не обольщайся.

Он уже собирается надеть футболку, когда шаги раздаются сзади.

В проёме появляется Тайлер.

Он одет в тёмную футболку. В руках — ноутбук. Его взгляд мгновенно сканирует сцену: Сэм, застывший с наполовину натянутой футболкой, обнажившим торсом, и я, сидящая на краю дивана с чашкой в руках. В воздухе повиса-

ет густая, внезапная тишина, нарушаемая лишь тихим гулом холодильника.

Сэм прочищает горло.

— Братишка, будешь чай?

Тайлер не отвечает. Он медленно переводит взгляд с Сэма на меня, потом — обратно. Его лицо — маска полного, непроницаемого спокойствия. Он подходит к массивному холодильнику, достаёт баночку с колой, щелчком открывает её и делает один долгий глоток. Потом он упирается плечом в стойку кухонного острова и поворачивается к нам.

Сэм неловко усмехается.

— Ну... ладно. Значит, чай отменяется.

Тайлер делает ещё один глоток колы. Затем, не отрывая взгляда, произносит:

— Уютно у вас тут.

Пауза.

В его голосе нет ни тепла, ни насмешки — только сухая констатация. Как будто он отмечает факт, который ему не по душе.

— Ну, знаешь, — выдавливает из себя Сэм. — После бассейна горячий чай — почти терапия.

Он бросает на меня быстрый взгляд, словно ища поддержки или хотя бы подтверждения, что мы тут не замышляем ничего предосудительного.

Тайлер медленно ставит банку колы на стойку. Металл тихо звякает о камень.

— Бассейн, — повторяет он тем же ровным, безэмоциональным тоном. — Понятно. — Он отталкивается от стойки и садится на против нас. — И как, помогло?

Я замираю, чашка в моих руках внезапно кажется невероятно тяжелой. Он видит. Он видит сквозь всю эту хрупкую конструкцию из чая и шуток. Видит дрожь, которую я пытаюсь задавить, видит тени под глазами, видит ту самую трещину, в которую сейчас смотрит.

— Помогло... немного, — говорю я. — На пару минут.

Тайлер смотрит на меня ещё секунду. Потом переводит взгляд на стол, тянется к коробке с конфетами, берёт одну — не выбирая.

— Понятно, — говорит он так же ровно и кладёт конфету в рот.

Ни оценки. Ни продолжения.

Как будто тема закрыта.

Он откидывается на спинку стула и достаёт телефон. Экран загорается холодным светом, отражаясь в его лице. Тайлер опускает взгляд вниз, полностью выходя из разговора — демонстративно, окончательно.

Сэм бросает на меня быстрый взгляд. Потом едва заметно проводит ребром ладони у горла, закатывая глаза, и наклоняется ко мне.

— Душновато, да? — шепчет он почти беззвучно. — Не обращай внимания.

Я пытаюсь улыбнуться в ответ. Улыбка получается кри-

вой, фальшивой, и я чувствую, как она медленно сползает с моего лица. Чтобы чем-то занять руки, чтобы не встретиться больше ни с чьим взглядом, я тоже достаю свой телефон. Экран вспыхивает, показывая время и несколько пропущенных вызовов от незнакомого номера. От Джейсона.

Я быстро гасню экран.

Сэм усмехается, глядя на нас обоих.

— Да уж, — громко, с преувеличенной неловкостью говорит Сэм, хватая свой телефон. — Цифровой мир нас поглотил. Сидим в одном помещении, уткнулись в экраны. Классика двадцать первых.

Сэм лениво начинает листать экран, всё ещё изображая беззаботность. Улыбка держится секунду дольше, чем нужно, а потом исчезает — словно её стёрли пальцем.

Он замирает.

Его большой палец останавливается над экраном. Потом медленно возвращается вверх. Он читает ещё раз. И ещё.

— Так, — выдыхает он негромко.

Я замечаю это не сразу. Сначала — паузу. Потом — то, как меняется его лицо.

— Сэм? — осторожно спрашиваю я.

Он не отвечает. Просто поднимает голову и смотрит на меня.

— Что случилось? — мой голос звучит тише, чем я хотела.

— Новости, — коротко говорит Сэм. — Локальные.

— Про что?

Сэм колеблется долю секунды.

— Про девушку. Николь Рэймонд. Узнаёшь её?

Он поворачивает ко мне экран. На нём — яркое, отредактированное селфи улыбающейся блондинки с идеальным макияжем. Та самая девушка. Та, чьё мёртвое лицо с алым шёлком во рту теперь навсегда врезалось мне в память.

Я сглатываю.

— Николь Рэймонд... — повторяю я хрипло. — Это та...

— Да, — кивает Сэм, убирая телефон. Его лицо странно оживлёно. — Та самая, которая полгода назад вылила ведро краски на голову той несчастной первокурсницы. Снимала на видео, ржала как конь. Потом на этой «славе» ещё и поднялась. — Он фыркает, и в этом звуке слышится не просто осуждение, а что-то более тёмное, почти... удовлетворение. — Вот она, карма, детка.

Меня будто обдают ледяной водой. Я смотрю на него, не веря своим ушам.

— Ты что... ты что, его только что защитил? — вырывается у меня.

Сэм моргает, будто не сразу понимает вопрос. Потом его улыбка дёргается и медленно исчезает.

— Я никого не защищаю, — говорит он уже жёстче. — Просто... — он делает движение рукой, будто отбрасывает лишнее. — Элли, она же реально уничтожила человека. София бросила универ, уехала, и все сделали вид, что так и на-

до. А Николь ходила дальше королевой. Я ненавижу таких.

— Это не повод убивать! — восклицаю я, и мои пальцы впиваются в край дивана. — Никто не давал ему права вершить суд! Ты согласен Тайлер?

Тайлер поднимает взгляд не сразу. Секунду он ещё смотрит в экран своего телефона, потом медленно, почти лениво, откладывает его на стол.

— Кто дал право Николь Рэймонд ломать жизнь девчонке? — спокойно парирует он. — Суд? Полиция? Университетский комитет по этике? — Он делает короткую паузу, будто проверяет факты в уме. — Она отделалась парой часов общественных работ и формальным «мне жаль». А её жертва до сих пор на антидепрессантах. Боится выйти из дома. Боится людей. Боится камеры телефона.

Сэм резко выдыхает, словно кто-то озвучил его собственные мысли.

— Вот именно, — подхватывает он. — Я про это и говорю, Элли. Мир иногда...

— Нет, — перебиваю я, слишком резко. — Мир не становится лучше от того, что кто-то решает, кто достоин жить, а кто — нет. Люди начали бояться! Бояться выходить из дома. Бояться идти по улице ночью. Бояться, что где-то рядом ходит ненормальный псих, который в любую секунду может решить, что ты достаточно плохой, и... — я запинаюсь, воздух застревает в груди, — и сделает с тобой то же самое.

Сэм фыркает.

— Люди боятся? — переспрашивает он, и его голос звучит уже не с прежней горячностью, а с сарказмом. — Правда? А София Миллер — она что, не человек? Она что, не боится теперь дверь открыть, когда звонят? Она не боится, что её снова высмеют на весь интернет? Этот... «ненормальный псих», как ты его называешь, — он сделал то, на что не хватило духа ни полиции, ни университету. Он поставил точку там, где все остальные поставили запятую и пошли дальше.

— Вы сейчас серьёзно? — спрашиваю я, медленно поворачиваясь к Тайлеру, с наивной надеждой, что он всё-таки будет на моей стороне.

— Да, Элли, — тихо, но чётко произносит Тайлер. — Он не нападает на невинных. Он выбирает конкретных людей. Тех, кто перешёл черту. Тех, кто был уверен, что безнаказанность — это навсегда.

— А он кто такой, чтобы решать, кто «перешёл черту»? — почти кричу я, чувствуя, как слёзы подступают к глазам от ярости и бессилия. — У него есть список? Шкала грехов? За глоток краски — смерть? А за оскорбление? А за сплетню? Где кончается его «справедливость» и начинается обычная, банальная, животная жестокость?

Я обвожу взглядом их обоих, этого странного, внезапно объединившегося дуэта.

— Вы так рассуждаете, потому что вам не страшно. — Продолжаю я. — Вы не представляете, что такое — знать, что где-то там, в темноте, есть кто-то, кто считает себя впра-

ве судить вас. Кто уже, возможно, следит за вами. Кто уже решил, что вы его следующая цель, и ему всё равно, что вы об этом думаете! Ему всё равно на ваши оправдания, на ваши слёзы! Он уже вынес приговор! И он придёт, и он не будет слушать! Он просто... сделает своё дело!

Тайлер смотрит на меня несколько секунд. Не перебивает. Не смягчает. Его взгляд спокойный, почти изучающий

Он хмыкает. Тихо. Почти устало.

— Ты сейчас говоришь так, будто уже уверена, что следующая в его списке.

Тишина после его слов давит сильнее крика.

Я чувствую, как внутри что-то обрывается — не страх даже, а холодное узнавание. Слишком точное попадание. Слишком близко.

— Не смей, — выдыхаю я. — Не переворачивай это против меня.

Сэм резко выпрямляется.

— Всё, — предупреждающе говорит он. — Хватит.

Тайлер не отводит от меня взгляда. Ни на секунду. Он сидит спокойно, расслабленно, будто разговор идёт о погоде, а не о крови и страхе.

— Я ничего не переворачиваю. Я просто фиксирую реакцию. Ты говоришь не как человек, который боится абстрактного зла. Ты говоришь как тот, кто чувствует личную угрозу.

— Потому что я уже была жертвой, — почти срываюсь я. — Потому что сегодня мне хватило одного человека, ко-

торый решил, что мои границы — это ерунда! И ты хочешь сказать, что ещё один «решающий» сделает мир лучше?!

Сэм резко встаёт.

— Всё, стоп, — бросает он. — Элли, ты сейчас на адреналине. После такого вечера любая новость будет бить в самое больное место.

— Нет, — качаю я головой. — Это не адреналин. Это реальность.

Я перевожу взгляд с Сэма на Тайлера, снова и снова, будто пытаюсь понять, кто из них опаснее — тот, кто оправдывает, или тот, кто понимает слишком хорошо.

— Вы говорите так, будто это абстракция. История в новостях. Чужое лицо. Чужая кровь, — мой голос срывается, но я заставляю себя продолжить. — А я сегодня стояла в комнате с человеком, который тоже был уверен, что имеет на меня право. И знаете, что самое страшное? Он тоже считал себя правым.

Сэм открывает рот, но Тайлер опережает его.

— Это разные вещи.

— Нет, — резко отвечаю я. — Это одно и то же. Один считает, что имеет право на тело. Другой — что имеет право на жизнь. Разные масштабы. Одинаковая логика.

На секунду что-то в его лице всё-таки меняется. Не злость. Не раздражение. Скорее... интерес. Будто я сказала нечто, чего он не ожидал услышать.

— Ты слишком всё усложняешь, — наконец произносит

он.

— А ты слишком всё упрощаешь. — Выдыхаю я. — Он убийца. И люди боятся не потому, что он выбирает «плохих». А потому что никто не знает, где для него заканчивается «плохой».

Сэм нервно проводит ладонью по лицу и поднимается, будто больше не в силах сидеть на месте.

— Ладно, Элли, ты выжата. Тебя трясёт не от споров, а от перегруза. Давай без философии? Просто... посидишь. Отдохнёшь. Минут двадцать. Мы с Тайлером решим пару дел — и мы отвезём тебя домой.

Я хочу что-то ответить, возразить, сказать, что не хочу оставаться здесь ни на минуту. Но слова не складываются. Вместо них — тяжёлая, вязкая усталость, которая наваливается внезапно, как будто кто-то выключил свет внутри головы.

Сэм осторожно берёт меня за локоть и помогает подняться.

— Пойдём, — говорит он мягко. — Хватит на сегодня. Ты на нервах, мы на нервах. — Он бросает короткий взгляд на Тайлера. — Пойдём, я тебе где-нибудь место устрою. Тебе нужно перевести дух.

Он проводит меня к широкому, низкому дивану в гостиной. Он достаёт из встроенного шкафа мягкое, серое одеяло и подушку. — Приляг. Отдохни.

— Я не буду спать, — бормочу я.

— И не надо спать. Просто лежи. — Он находит на столе пульт, включает огромный плазменный экран на стене. Загорается тихая, нейтральная картинка — какое-то документальное кино о природе, горы, водопад, успокаивающий голос диктора. — Смотри. Слушай. Ни о чём не думай.

Я послушно опускаюсь на диван, подтягиваю под себя ноги. Одеяло оказывается неожиданно тёплым, тяжёлым — будто прижимает к месту.

Я смотрю на Сэма снизу вверх и, несмотря на всё, выдыхаю криво:

— Боже, Сэм... ты как медбрат из отделения интенсивной терапии.

Он усмехается краем рта, накрывая меня одеялом чуть выше плеч.

— Я универсален, — отвечает он тихо. — Могу быть и медбратом, и жилеткой, и тем, кто вовремя говорит «хватит». — Он делает шаг назад, потом ещё один. — Двадцать минут, — добавляет он. — Максимум тридцать. Потом поедем домой.

Он разворачивается и уходит на кухню, к Тайлеру. Дверь бесшумно закрывается, оставляя меня одну с водопадом, горами и гулом голосов, который теперь стал совсем глухим, как далёкий прибой.

Я устраиваюсь поудобнее, подтыкаю одеяло под подбородок и смотрю на экран. Камера скользит над ледником, синим и безжизненным. Диктор говорит о глобальном потеп-

лении. Я пытаюсь следить за мыслью, но слова расплываются, превращаясь в белый шум. Вместо них в голову лезут обрывки сегодняшнего дня: хриплый смех Джейсона, холодное стекло окна машины, алый шёлк на фотографии, ледяной взгляд Тайлера, прохладная вода бассейна и смеющееся лицо Сэма.

Я моргаю.

Потом ещё раз.

Веки становятся тяжёлыми, глаза неохотно закрываются.

Взгляд теряет фокус — и я засыпаю.

Глава 26

***

Когда всё кажется логичным, уже поздно задавать вопросы.

***

Сознание всплывает медленно, как тяжёлый, неповоротливый айсберг. Сначала — не мысли, а ощущения. Тяжёлое, мягкое, давящее на всё тело одеяло. Не своё. Ткань другая, грубее, пахнет... ничем.

Я открываю глаза.

Над головой — не знакомый потолок с трещинкой в виде молнии, а гладкая, белая бетонная плита. Без люстры, без узоров. Только встроенные в ниши светильники.

Я резко сажусь и одеяло сползает с плеч. Первый инстинкт — руки к себе. Джинсы, футболка. Всё на месте. Всё как было.

Я медленно поворачиваю голову на подушке. Рядом, на идеально чистом бетонном полу, стоят мои кроссовки. Не сброшенные впопыхах, а поставленные ровно, носок к носку, как солдаты на параде. Кто-то снял их с меня, пока я спала.

Сердце начинает биться чуть быстрее, глухими ударами отдаваясь в рёбрах.

— Сэм? — мой голос звучит хрипло, неуверенно, и тут

же глохнет в пустоте открытого пространства. —Тайлер?

Ни ответа, ни шороха. Тишина.

Я сажусь и осматриваюсь.

Свет. Его слишком много. Он обрушивается на меня сбоку, слепящий, безжалостный, заливая всю гостиную. Огромное панорамное окно от пола до потолка. Ни штор, ни жалюзи, ни намёка на укрытие. Как будто здесь нечего прятать. Или прятаться бесполезно.

Я поднимаюсь и подхожу к окну. Руки сами тянутся, чтобы опереться, но я останавливаю их в сантиметре от холодной поверхности. Нельзя оставлять отпечатки. Нельзя нарушать стерильность.

За окном — двор. Аккуратно подстриженный газон, тот самый фонтан, журчащий теперь при дневном свете. Высокая серая стена. Массивные ворота. Всё тихо, пустынно, безопасно. Картинка из глянцевого журнала о жизни успешных людей.

Я оборачиваюсь спиной к окну, к этому фальшивому миру, и смотрю на интерьер. Серый бетон, белый потолок, стеклянные перегородки. Всё на своих местах. Безупречно. Мёртво. Я — единственное несовершенство в этом пространстве. Единственное пятно. Источник беспорядка, страха, неопределённости.

Мой рюкзак стоит у ножки дивана. Чёрный, потрёпанный, чужеродный в этой белизне. Я опускаюсь на корточки, расстёгиваю молнию. Звякают ключи. Лежит кошелёк. Пачка

жвачки. Всё на месте.

Телефона нет.

Я начинаю шарить по карманам.

Пусто.

Паника, острая и холодная, впивается под рёбра. Я выхожу из гостиной, и мои шаги кажутся глухими, будто я иду по вате, по толстому ковру, которого здесь нет.

Кухня встречает меня вымершим молчанием. Тут ничего не изменилось. Две чашки на столе — моя и Сэма. Чай внутри давно остыл, превратился в мутную, коричневую лужу.

Господи... Неужели я тут одна?

Я замираю, затаив дыхание, и прислушиваюсь.

Тишина. Она густая, тяжёлая, как сироп. Наполнена лишь едва уловимым гулом холодильника где-то в глубине и стуком собственной крови в сосудах.

Медленно, как в замедленной съёмке, поворачиваюсь и осматриваю первый этаж. Взгляд цепляется за лестницу в дальнем конце открытого пространства. Она уходит вверх, в полумрак второго этажа, растворяясь в глубокой тени под потолком.

— Кто-нибудь? — снова зову я, уже тише, почти шёпотом. Но мне отвечает только моё эхо.

Я делаю первый шаг к лестнице. Потом второй. Ступни почти неслышны на бетоне, но каждая моя мышца напряжена до дрожи. Я поднимаюсь, держась за холодные перила, прислушиваясь к каждому шороху. Наверху — длинный,

прямой коридор, освещённый лишь тусклым утренним светом из окна в торце. Несколько одинаковых, гладких дверей по обе стороны. Все закрыты. Все, кроме одной. Последней. В самом конце.

Я подхожу ближе, сердце колотится где-то в горле.

— Тайлер? Ты тут?

Молчание.

Я медленно, медленно протягиваю руку. Кончики пальцев касаются холодной, гладкой поверхности двери.

Я толкаю.

Дверь бесшумно, на идеально смазанных петлях, отъезжает внутрь, открывая чёрный прямоугольник пространства.

Это его комната. Сомнений нет.

Всё, что было на первом этаже — светлое стекло, холодный бетон, минимализм, здесь заканчивается. Стены тёмно-серые, почти чёрные. Ни картин, ни плакатов. Большая кровать с заправленная с армейской чёткостью. Рабочий стол у окна — на нём только мощный компьютер с потухшим экраном и стопка аккуратно сложенных бумаг.

И тишина. Такая густая, что в ушах начинает звенеть.

Мой взгляд цепляется за шкаф. Большая, матовая чёрная дверца гардероба приоткрыта. Я подхожу ближе, будто на автомате. Внутри — одежда. Вся чёрная, серая, тёмно-синяя. Аккуратно развешанная, рассортированная. Рубашки, футболки, худи. Ни намёка на тот яркий кислотно-оранжевый цвет его машины. Будто здесь живёт другой человек.

Я протягиваю руку и медленно провожу пальцами по ткани футболок. Запах — не парфюма, а чистого мыла и чего-то ещё... металлического? Морозного?

— Хочешь примерить?

Голос раздаётся прямо за моей спиной.

Я вздрагиваю так сильно, что дёргаю руку, и плечики громко звякают о перекладину. Сердце замирает, а потом обрушивается вниз, в пустоту желудка.

Медленно, будто через сопротивление, я поворачиваюсь.

Тайлер стоит в дверном проёме. Он прислонился к косяку, скрестив руки на груди. На нём простые чёрные спортивные штаны и серая футболка. Он не выглядит злым. Не выглядит даже удивлённым. Он смотрит на меня с ленивым, почти скучающим интересом, будто застал меня за изучением коллекции бабочек, а не в своей спальне.

— Я... я искала... — начинаю я, и голос срывается. — Я искала телефон.

— В моей комнате? — уголок его рта приподнят едва заметно, но этого достаточно, чтобы во взгляде вспыхнула тёплая искорка насмешки. Он делает шаг вперёд, но не вплотную — оставляет между нами дистанцию в два шага . — Обычно здесь ищут что-то другое.

— Мой телефон пропал, — бормочу я, чувствуя, как жар поднимается к щекам.

— Телефон... — кивает он, будто только сейчас понял суть проблемы. Он засовывает руки в карманы штанов и

немного склоняет голову набок. — Он внизу. На зарядке. Твой будильник сработал в семь, а потом телефон начал разрываться. Сначала звонила твоя мама. Потом какая-то Кейт. Потом ещё кто-то. Всю ночь и всё утро. Пикал как сумасшедший. В итоге просто умер. Я поставил его на зарядку. Переживал, что ты проснёшься, а там — ни процента. Ты же, наверное, захочешь всем сообщить, что жива, здорова и провела ночь в доме у незнакомого парня.

— Ты не незнакомый, — вырывается у меня, и я тут же кусаю язык.

Его бровь ползёт вверх. На губах играет тот самый полунамёк, полуулыбка, от которой становится не по себе.

— О, — тихо произносит он. — Это уже интересно. Значит, я перешёл в категорию кого, Элли? Знакомого? Друга? — Он перечисляет, и с каждым словом его голос звучит всё тише, всё ближе, хотя он и не двигается с места. — Или чего-то ещё?

Я отступаю на шаг назад, и пятка упирается в ножку кровати.

— Я не это имела в виду, — говорю я, и мой взгляд невольно опускается на его губы, а потом снова стремительно убегает к глазам.

— А что ты имела в виду? — спрашивает он, и теперь в его голосе звучит неподдельное любопытство. Он наклоняется чуть ближе, и я чувствую лёгкий, чистый запах мыла и чего-то ещё — кофе, наверное. — Просыпаешься одна в чу-

жом доме, поднимаешься в спальню хозяина, трогаешь его вещи... — он делает паузу, давая словам повиснуть в воздухе. — Обычно у таких действий есть определённый подтекст.

— Подтекст в том, что я растеряна и мне нужен мой телефон! — выпаливаю я, и звучит это уже почти отчаянно.

Он не отвечает сразу. Вместо этого он делает неторопливый шаг вперёд, легко, почти бесшумно закрывает дверцу шкафа передо мной. Щёлк. Замок мягко защёлкивается, звук приглушённый и окончательный.

— Ладно, — говорит он негромко. — Твоя версия с «подтекстом» откладывается. Но для растерянного человека ты слишком внимательно изучала мои вещи.

— Я... — я чувствую, как жар разливается по лицу и шее. Это неловкость, стыд и что-то ещё, что я не хочу признавать. — Я не изучала. Я просто...

— Проводила пальцами по ткани. Да, я видел, — заканчивает он за меня.

— Я... — я сглатываю.

— Да ладно, Элли, — перебивает он. — Расслабься. Я не осуждаю. У каждого есть свои странности. Кто-то коллекционирует вина. Кто-то зависает в криминальных подкастах. Кто-то, — его взгляд скользит по моей руке, — трогает чужие футболки.

Я фыркаю.

— Это не было...

— Фетишем? — подсказывает он совершенно невозмути-

мо.

— Господи... — говорю я, заставляя свой голос звучать твёрже, чем чувствую. — Это было просто любопытство.

— Любопытство, — повторяет он медленно, как будто пробуя слово на вкус. — Опасная штука. Особенно когда её проявляют в чужом пространстве. — Он смотрит на меня пару секунд, потом уголки его губ дёргаются вверх. — Ладно. Сеанс окончен. Пойдём.

— Куда? — настораживаюсь я.

— Вниз. К предмету твоих первоначальных поисков. А факт твоего присутствия здесь мы обсудим отдельно. И учти: за несанкционированное проникновение в частное пространство предусмотрена плата.

— Что ты имеешь в виду под «платой»? Я ничего не сломала. Не украла.

— Кражей времени и внимания тоже можно заниматься. Но я не о том. У меня, видишь ли, образовалась небольшая проблема.

— Какая ещё проблема?

— Моя домработница, — начинает он, растягивая слова, как будто объясняет что-то очевидное ребёнку, — внезапно собрала вещи и уехала. В другой штат. Кризис среднего возраста, любовь к дальнобойщику. Не важно. Факт в том, — он делает паузу для эффекта, — что теперь у меня огромный, пустой дом и полное отсутствие желания видеть в нём пыль. А поскольку кто-то, — его взгляд скользит по мне с ног до

головы, — уже проявил к моему жилищу такой личный интерес, то логично предложить ей совместить приятное с полезным.

Я смотрю на него, пытаясь понять, шутит он или нет. Его лицо абсолютно серьёзно. Только в уголках глаз, кажется, подрагивают микроскопические морщинки — единственный признак того, что он получает от этой ситуации какое-то дикое, извращённое удовольствие.

— Ты что, охренел? — слова вылетают сами собой. — Я психолог, Тайлер. Не уборщица.

— Я в курсе, кто ты, — спокойно говорит он. — Именно поэтому ты мне и подходишь.

Я фыркаю.

— Подхожу? Я не собираюсь мыть твои полы, вытирать пыль и изображать золушку в чужом доме.

Он не спорит. Не усмехается. Просто смотрит — спокойно, внимательно, будто отмечает реакцию.

— Я и не предлагал тебе изображать золушку, — говорит он ровно. — Я предложил вариант.

— Вариант чего? Унижения? — фыркаю я.

— Вариант расчёта, — поправляет он. — Это моё первое желание.

Я замираю.

— Твоё первое желание — чтобы я драила твой дом?

— Нет. Моё первое желание — чтобы ты побыла здесь полезной.

Я выдыхаю.

— Ты не имеешь права вот так распоряжаться.

— Я не распоряжаюсь, — спокойно говорит он. — Я предлагаю форму расчёта. Ты можешь отказаться.

— И что тогда?

Он пожимает плечами.

— Тогда мы переходим ко второму желанию. Оно может быть менее... бытовым.

Между нами повисает тишина, и я чувствую её кожей. Она касается плеч, сжимает грудь, заставляет дышать медленнее, чем хочется.

— Допустим... — выдыхаю я, сдаваясь под тяжестью этой холодной логики. — И сколько... сколько мне придётся тут убирать твой дом? Неделю? Месяц?

— Пока я не найду себе подходящего человека.

— Подходящего... — я усмехаюсь коротко. — То есть нормальную домработницу?

— Да, — кивает он. — Или того, кто сможет делать это лучше.

— Лучше меня?

— Лучше для меня, — спокойно уточняет он.

— А если ты не найдёшь? — спрашиваю я. — Месяц. Два. Полгода.

Он слегка пожимает плечами.

— Значит, будем считать, что это затянувшееся первое желание.

Я фыркаю.

— Тайлер, я не буду убирать твой дом, потому что я списала у тебя пару ответов.

— Не пару, а шесть.

— Да какая разница? Ты же понимаешь, я осматриваю его комнату, что это физический труд?

— Конечно, — спокойно говорит он. — Именно поэтому я и готов тебе платить.

Я моргаю.

— Платить?

— Да. Ты думаешь, я не понимаю, что это физический труд? Уборка. Время. Усилия. — Он делает короткую паузу, давая словам улечься. — Считай, что тебе повезло. Обычно желания обходятся дороже — и не оплачиваются.

— То есть... — начинаю я медленно. — Это не просто «желание», а... работа?

— Если тебе так проще это назвать, пусть будет работа. Я не против формулировок.

Я моргаю. Один раз. Второй.

— И ты... — я кашляю, — ты серьёзно готов платить за это?

— Я всегда плачу за услуги, — говорит он. — Особенно если они мне нужны.

— И сколько? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю остановиться.

Он улыбается.

— А сколько нужно?

— Ты предлагаешь мне назвать цифру? Серьёзно?

— Почему нет? — он пожимает плечами, и этот жест снова кажется таким естественным, таким непринуждённым. — Ты оцениваешь свой труд. Я оцениваю, готов ли я за него платить.

— Тогда... триста, — выдыхаю я. — В час.

Сумма вылетает сама, потому что это те деньги, при которых можно за кратчайший срок собрать минимум — и исчезнуть.

— Долларов? — уточняет он.

— Да, — резко отвечаю я.

Он не моргает. Не поднимает бровь. Просто смотрит на меня с тем же спокойным, оценивающим выражением.

— За простую уборку?

— Да, — говорю я, не отводя взгляда. — За простую уборку.

Он тихо хмыкает — коротко, почти одобрительно.

— Хорошо ты себя оцениваешь, — произносит он наконец. — Уверенно.

— Ты сам предложил назвать цифру, — пожимаю я плечами, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Я назвала.

Уголок его губ дёргается.

— Обычно на этом месте начинают извиняться. Или торговаться.

— Я не собираюсь извиняться за свою цену.

— И правильно, — спокойно говорит он. Он делает шаг ближе. Не вторгаясь — ровно настолько, чтобы я это почувствовала. — Просто имей в виду... за такие суммы люди обычно занимаются не только уборкой.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок, но внутри вспыхивает не страх, а что-то острое, почти дерзкое.

— Например? — спрашиваю я, не опуская глаз. — Чем ещё, по-твоему, можно оправдать такую сумму?

Его взгляд, тёплый и тяжёлый, скользит по моему лицу, останавливается на губах, потом возвращается к глазам.

— Например, тем, что выполняют и пятое желание.

— А пятое желание — это что? — мой голос звучит ровно, хотя внутри всё натянуто до предела.

Он чуть склоняет голову, разглядывая меня так, будто решает, стоит ли раскрывать карту прямо сейчас..

— А это секрет.

Он разворачивается и легко, беззвучно уходит в коридор, его фигура растворяется в полумраке. Дверь в его комнату остаётся открытой, но он явно направляется к лестнице.

— Тайлер, — говорю я, выходя в коридор.

Он уже на лестнице, спускается, не оглядываясь.

— Тайлер, подожди, — голос звучит чуть громче, и я делаю несколько быстрых шагов. — Так что насчёт уборки и денег? Я не поняла. Ты согласен?

Он останавливается и поворачивается ко мне.

— Да, — говорит он наконец. — Я согласен.

Я выдыхаю, сама не замечая, как сильно задерживала дыхание.

— Но, — добавляет он спокойно, — прежде чем мы договоримся, ты ответишь мне на пару вопросов.

Я напрягаюсь.

— Каких?

— Зачем тебе деньги, Элли?

— В смысле зачем? А тебе зачем? — бросаю я в ответ, пытаясь перевести стрелки.

Он не отвечает сразу. Он просто смотрит на меня ещё пару секунд, потом легко разворачивается и продолжает спускаться по лестнице.

— Тайлер... — я на автомате, следую за ним.

Он проходит на кухню, и останавливается у столешницы. Кладёт ладони на холодный камень и только тогда поворачивается ко мне.

— Мне? — переспрашивает он спокойно, как будто вопрос действительно его удивил. — Мне деньги не нужны. — Он делает паузу. — А тебе, Элли? Зачем тебе триста долларов в час?

— Ты сам предложил мне вариант, Тайлер. Работа за деньги. Я просто назвала цену. Моя мотивация — это выполнить условия твоего «первого желания», и получить оплату. Разве тебя волнует, потрачу я их на новую сумочку или на благотворительность?

Он слушает, не прерывая, и в его глазах нет ни удивления,

ни насмешки. Есть лишь та же спокойная, безжалостная ясность.

— Любопытно, — говорит он, и его голос звучит задумчиво. — Ты видишь разницу, Элли? Давай я тебе её покажу. — Он делает маленькую паузу, собирая слова. — Минуту назад ты была психологом, которую оскорбило предложение драить полы. Это было ниже твоего достоинства, нарушало твои границы, пахло унижением. И это была правда. — Он подчёркивает последнее слово. — Потому что ты — Элли, которая разбирается в людях, а не в тряпках для пыли.

Он делает шаг в сторону, его взгляд скользит по моему лицу, будто считывая малейшие изменения.

— А потом я сказал «платить». И произошла химическая реакция. Твои глаза изменились. Не сразу, на долю секунды. В них промелькнуло не возмущение, а расчёт. Быстрая, холодная оценка. «Триста в час» — это не просто сумма, которую ты выпалила для проверки. Это сумма, которая что-то для тебя значит.

— Ты слишком много читаешь в обычной реакции. Я просто назвала цену.

Он не спорит. Просто смотрит. И в этой тишине его молчание становится невыносимым.

— Четыре тысячи долларов, Элли, — произносит он задумчиво, как будто вслух складывает пазл. — Это не сумма на «поесть» или «новую сумочку». Это сумма на что-то конкретное. Ты не из тех, кто тратит такие суммы на безделуш-

ки.

— Ч-что?

— Джейсон, — говорит он мягко. Ты пошла просить четыре тысячи у человека, с которым всё кончено. Зная, как это выглядит. Зная, что у него могут быть встречные предложения. — Он делает крошечную паузу. — И всё же ты пошла. Что же такого случилось, что ты готова была это рассмотреть?

— Откуда ты знаешь? — вырывается у меня.

— Сэм, — говорит он просто, как будто это очевидно. — Стоило твоего Джейсона немного прижать — и он всё растрепал. Как мокрый пакет.

— Прижать? — я смотрю на него, не моргая. — В каком смысле «прижать»?

— В самом обычном, — отвечает он ровно. — Задать несколько неприятных вопросов.

— Господи, — вырывается у меня. — Я же просила не лезть. Это было не ваше дело!

— Уже наше.

— Нет! — я почти кричу. — Это было моё. Мой разговор, мои последствия. — Я делаю шаг к нему, не чувствуя дистанции. — Вы вообще понимаете, что вы натворили? Вы всё только усугубили. Если он теперь пойдет в полицию? Если он...

— Если он что? — перебивает Тайлер, и в его голосе впервые за весь разговор появляется лёгкий, холодный оттенок

презрения. — Пойдёт в полицию и скажет... что? Что он был обдолбанный и хотел тебя изнасиловать?

Я замираю.

Всё внутри меня обрывается. Я не могу дышать. Не могу пошевелиться. Просто смотрю на него, и мой взгляд, наверное, говорит всё.

Мои губы начинают дрожать. Я пытаюсь сомкнуть их, сжать, чтобы не вырвалось ничего. Но давление внутри нарастает. Я зажмуриваюсь. Слёзы прорываются наружу. Они не текут ручьём — они вырываются рыданиями, глухими, надрывными, сотрясающими всё тело. Я не могу их остановить. Ноги подкашиваются, и я оседаю на холодный кафель кухни, прижимая ладони к лицу, пытаясь заглушить звук собственного позора.

Тайлер не двигается. Не подходит. Не пытается обнять или утешить. Он просто стоит. Даёт мне выплакаться. Даёт этому уродливому, животному звуку заполнить тишину его дома.

Когда рыдания наконец сменяются прерывистыми всхлипами, я слышу его шаги. Они приближаются и замирают рядом.

— Эй, — его голос звучит негромко, совсем рядом. — Слушай, тут есть небольшой стратегический просчёт.

Я не поднимаю головы, только сжимаюсь сильнее.

— Видишь ли, — продолжает он, и в его тоне появляется лёгкая, почти шутливая нота, — слёзы — это жидкость. А

каждая капля лишней влаги на этом полу — это потенциальный водяной знак на бетоне. Это нарушает наш контракт о чистоте. Так что ты, по сути, усложняешь свою же будущую работу.

Он берёт со стола рулон бумажных полотенец, отрывает длинную полосу и опускается на пол рядом со мной.

— Вот. Спасай мой пол. А то у меня скоро тут потоп будет, а я в сантехниках не силён.

Я медленно поднимаю глаза и встречаюсь с его взглядом.

Он смотрит прямо на меня. Без насмешки. Без холода. В его глазах — странная, пугающая тишина. Как будто он впервые не знает, что скажет дальше. Его пальцы мягко, почти по-отечески, касаются моих висков, погружаются в волосы и смыкаются на затылке. Он не тянет, а просто фиксирует мою голову, не позволяя мне отвести взгляд.

— Не плачь, — говорит он тихо.

Его большой палец левой руки отрывается от виска и медленно, с невероятной, почти пугающей нежностью, проводит по моей мокрой щеке стирая слезу. Его прикосновение обжигает. Не потому что грубое — потому что настоящее. Первое с его стороны. Не случайное. Не функциональное. Намеренное.

Я замираю и вся вселенная сжимается до точки соприкосновения его большого пальца с моей кожей. Он задерживает его у уголка моих губ, и этот крошечный контакт кажется более интимным, чем любой поцелуй.

— Тайлер...

Я медленно, почти неосознанно, наклоняю голову, прижимаясь щекой к его ладони.

И в этот момент я понимаю: если он сейчас отдёрнет руку — мне станет холодно.

А если не отдёрнет — я не знаю, что со мной будет.

Он замирает.

Его дыхание, которое я чувствовала на своих ресницах, прерывается на мгновение. Его большой палец на моей коже слегка дёргается, будто от лёгкого удара током.

— Интересно, — говорит он, почти про себя. — Ты только что прижалась к моей руке, как котёнок, который нашёл грелку. И прошептала моё имя так, будто это мантра. — Он наклоняется чуть ближе. — Ты понимаешь, что сейчас происходит?

Я сглатываю. Голова всё ещё у его ладони. Отстраниться — значит признать, что это было ошибкой. Остаться — значит признать слишком многое.

— Понимаю, — отвечаю я, и мой голос звучит хриплее, чем должен.

— И что же? — спрашивает он, не отрывая взгляда.

Я молчу. Слова застревают в горле. Как объяснить то, что не имеет объяснения? Как назвать этот сдвиг, когда враждебность его пространства вдруг стала островком тепла, который он создал?

— Элли... — Тайлер наклоняется чуть ближе, — что ты

чувствуешь прямо сейчас, в эту секунду?

Я закрываю глаза, пытаясь отгородиться от его пронзительного взгляда, но это только усиливает всё остальное. Тепло его рук. Запах его кожи. Звука его дыхания.

— Тепло, — вырывается у меня. — Я делаю крошечный жест свободной рукой, указывая на пространство под грудной костью. — Здесь.

— Тепло, — повторяет он, и в его голосе слышится оттенок чего-то вроде благоговения перед открытием.

Он медленно, с невероятной нежностью, отводит свою ладонь от моей щеки и кладёт кончики двух пальцев — указательного и среднего — мне на запястье, нащупывая пульс.

— И ещё это, — говорит он, глядя на место, где его пальцы касаются моей кожи. — Ускоренный ритм. Но это не паника. Это что-то иное. Похоже на... возбуждение.

Он медленно проводит пальцами вверх по внутренней стороне моего предплечья. Движение настолько лёгкое, что это скорее намёк на прикосновение, чем само прикосновение, но оно оставляет за собой след из мурашек.

— Вот видишь? — он указывает взглядом на мою кожу.

Его пальцы останавливаются у сгиба моего локтя, где пульс бьётся прямо под тонкой кожей. Он задерживается там, прислушиваясь не только к ритму, но и к тому, как кожа под его прикосновением становится горячее.

— Ты хочешь, чтобы я остановился? — спрашивает он, и в его вопросе нет испытания. Есть чистое, почти научное

любопытство. Ему действительно интересно, что я выберу. Как будто мой выбор — это следующий ключевой показатель в его исследовании.

Я не отвечаю.

Я только смотрю на его пальцы на моей коже, на то, как они кажутся чужими, и ужасно уместными.

— Молчание — тоже ответ, — произносит он тихо, и его губы растягиваются в этом медленном, осознанном подобии улыбки. — Оно говорит: «Мне страшно, но я хочу посмотреть, что будет дальше».

Его пальцы снова приходят в движение. Теперь они скользят по моему плечу, обходят его и опускаются на ключицу.

— Здесь тоньше, — замечает он. — Пульсация передаётся чётче. — Он отрывает взгляд от моей кожи и снова смотрит мне в глаза. — И знаешь что самое интересное, Элли?

— Что? — шепчу я.

— Что ты не отстраняешься.

Я делаю вдох. Медленный, неровный.

— Я... — голос не слушается. — Я не знаю, что делаю.

В его взгляде мелькает что-то острое. Почти удовлетворение. Но оно тут же гаснет, сменяясь сосредоточенностью.

— Зато ты знаешь, что чувствуешь.

Он медленно, с почти ощутимой неохотой, отстраняет руку. Его пальцы скользят с моей ключицы, оставляя на коже легкую дрожь. Он поднимается и отступает на полшага, создавая между нами пространство, которое внезапно кажется

ледяным.

— А теперь вставай, Элли.

Медленно, опираясь ладонью о холодный кафель, я поднимаюсь — и впервые понимаю, что самое опасное здесь — не он. А то, что я чувствую.

Глава 27

***

Мы боимся темноты не потому, что там кто-то есть, а потому что там может быть кто угодно.

***

Я стою у кухонной столешницы, и кафель под босыми ногами холоден, как прикосновение чужой руки. Тайлер уже не рядом — он у кофемашины, на расстоянии вытянутой руки, которая минуту назад была моим последним тёплым убежищем.

Он включает кофемашину, и кухня наполняется густым, горьковатым ароматом. Пока кофе течёт в высокую чёрную чашку, он проходит мимо меня к стойке у входа в гостинную. Там, у стены, стоит бесшумная белая панель беспроводной зарядки. Он снимает с неё мой телефон и возвращается, протягивая его мне.

— Вот. Полностью заряжен. Можешь сообщить миру, что жива и невредима. Хотя, судя по тому, как он трезвонил, мир уже что-то заподозрил.

Я беру его в руки и крепко сжимаю, будто от этого зависит что-то важное. Просто держу. Пальцы сами находят боковую кнопку, нажимают. Медленно сажусь на край дивана, ощущая под собой его мягкую, податливую поверхность.

Я смотрю на экран. И меня охватывает тихий ужас.

Пропущенные.

Куча.

Так много, что список не помещается.

Я быстро провожу пальцем вверх.

Мама — 2 пропущенных.

Кейт — 7.

Джейсон — 5.

И ниже...

Неизвестный номер — 1.

Время: 03:00.

Дыхание обрывается на полуслове, которого не было.

Три. Ноль. Ноль.

Ровно. Как отметка. Как кто-то специально нажал кнопку и оставил это здесь — чтобы я нашла.

Внутри всё мгновенно покрывается тонким, хрустальным льдом. Дыхание замирает. Руки начинают дрожать. Не сильно — но заметно.

— Элли? — голос Тайлера доносится сквозь туман.

Я вздрагиваю так сильно, что телефон выскальзывает из пальцев и с глухим стуком падает на бетонную столешницу. Я хватаю его, судорожно сжимая, будто он может сейчас взорваться.

— Господи, Тайлер... — вырывается у меня. — Ты меня напугал.

Две кружки появляются передо мной с тихим, точным

стуком. Он опускается в кресло напротив меня. И молчит. Его взгляд — не взгляд. Это луч холодного света, медленный сканер, который методично считывает мою тишину.

Он скользит по суставам пальцев, побелевших от силы, с которой я впилась в телефон. Поднимается по прожилкам на тыльной стороне ладони и задерживается на лице.

— Ну что там? — он кивает в сторону телефона. — Всё хорошо?

— Да-да, — отвечаю я слишком бодро. — Просто... мама звонила. Это странно.

— Почему странно?

— Мы не в очень хороших отношениях, — говорю я, и это звучит жалко, потому что правда. — Если она звонит... значит что-то случилось.

Тайлер слегка наклоняет голову.

— Так позвони ей, — предлагает он просто, как будто это самое логичное действие в мире. — Развей сомнения.

— Да... — слово вырывается шёпотом, больше для себя, чем для него. — Пожалуй, стоит.

Палец сам находит кнопку. Экран вспыхивает, снова обжигая глаза тем же бесконечным списком. Я отрываю взгляд от цифр и поднимаю его на Тайлера.

— Мне уйти? — спрашивает он, и в его тоне нет ни насмешки, ни навязчивости. Просто вопрос.

— Нет! — мой ответ вылетает слишком резко, почти испуганно. Я качаю головой, заставляя себя успокоиться. —

Нет, не нужно. Я... я не стесняюсь своей матери. И разговоров с ней.

Это ложь. Я стесняюсь. Каждый её звонок — это либо пьяная сентиментальность, либо слёзные обвинения, либо просьба дать денег.

Я делаю глубокий вдох и нажимаю кнопку вызова.

Гудки.

Один. Два. Три.

Я уже готовлюсь к хриплому, сонному или наоборот — истерично-приподнятому голосу.

— Элли? — голос матери звучит в трубке на удивление чётко, трезво и даже спокойно. — Я... пыталась дозвониться тебе с самого утра.

Воздух застывает в моих лёгких. Это не её голос. Вернее, он её, но... вымытый, лишённый привычной мягкой мути, той тягучей замедленности, которая стала её второй натурой.

— Мам? Ты в порядке?

— Всё прекрасно, солнышко. Просто замечательно, — её голос звучит так светло и ровно, что по коже пробегают мурашки. В нём пляшет непривычная, почти забытая улыбка. — Я звоню, потому что... я уезжаю. В Вашингтон.

Я молчу, переваривая.

Вашингтон.

Полстраны отсюда.

Целая пропасть.

— Ты... куда именно? С кем?

— Со своим мужчиной, — отвечает она, и в этих трёх словах — странная смесь гордости и смирения. — Элли, я... я отлично знаю, что была ужасной матерью. Вечно пропадала. Вечно была пьяна. Вечно тащила в дом кого попало. У меня нет для тебя оправданий. Ни одного. Только чувство вины. Оно вот здесь, — её голос слегка дрогнул, — огромное, как этот проклятый дом, который я никогда не могла тебе дать.

Я сжимаю телефон так, что костяшки пальцев белеют. Я смотрю на Тайлера. Он уже достал свой ноутбук — тонкий, матово-чёрный — и открыл его. Он сидит, опершись локтем о столешницу, подперев ладонью подбородок, и смотрит в экран. Вид такой, будто погружён в цифровую реальность и не слышит ни слова. Но я знаю — он слышит всё. Каждую паузу, каждую интонацию. Мой сдавленный голос, и её голос, пробивающийся из динамика.

— И что, мам? — вырывается у меня. — Ты ждёшь, что я скажу «счастливого пути»? Или благословлю тебя на новую жизнь?

— Нет. Я хочу, чтобы дом стал твоим, Элли. Полностью твоим.

Воздух вырывается из моих лёгких.

— Что?

— Дом. Твой теперь. — Она делает паузу, и в этой тишине слышно, как она переводит дух. — Я всё оформила. Осталось только твоё согласие. Твоя подпись.

— Я не буду этого делать, — говорю я на автомате.

— Почему? — голос матери звучит почти... обиженно.

— Потому что ты уже делала так. Ты исчезала, а потом возвращалась. И я оставалась с коробками, с потерянным местом, с твоими «друзьями», которые... — я запинаюсь, потому что воспоминания липкие. — Которые вваливались туда, как в бар.

Молчание.

Потом тихий вдох.

— Я больше не вернусь в Миннесоту, Элли. Меня здесь ничто не держит. Ничего. — Она делает паузу, и я слышу, как она сглатывает. — Я встретила человека. Знаю, как это звучит. Но после стольких лет... после того как твой отец умер, я впервые чувствую что-то настоящее. И я хочу на этот раз измениться. Я хочу доказать тебе, что справлюсь. Начать всё с чистого листа. А твой чистый лист — этот дом. Он твой. И он всегда должен был быть твоим.

Я закрываю глаза. Это ловушка. Очередная её авантюра. Через месяц она всё променяет на бутылку и вернётся, скуля о том, как её бросили.

— Мам, ты хочешь, чтобы я поверила, что ты хочешь измениться?

— Да, — говорит она. И тут же добавляет, будто боится, что я оборву звонок. — Я не пью, Элли. Уже две недели. Я правда стараюсь.

Две недели.

Эта цифра должна быть победой. Но для меня она звучит

как шутка.

— Всё равно... — я заставляю себя говорить спокойно. — Этот дом слишком далеко от университета. Мне не на чём будет добираться. У меня учёба. Работа. У меня...

— Я оставлю тебе машину, — перебивает она.

Я замираю.

— Что?

— Я оставлю тебе машину, — немедленно отвечает она. — Мою «Хонду». Она же тебе так нравилась, Элли. Я оставляю тебе всё. Дом, машину. Всё оставлю тебе. Я уже всё оформила. Тебе осталось только приехать и подписать бумаги.

— Мам...

— Пожалуйста, — шепчет она. — Просто приедь. Хоть на час. Если не захочешь оставаться — уедешь. Я не буду держать. Обещаю.

Я смотрю на экран телефона.

Время ***14:45***

— Ты хочешь... что бы я приехала сейчас?

— Да, — её голос становится мягче, в нём появляется хрупкая, почти неосязаемая нить надежды. — Я уезжаю завтра. Я... я хочу увидеть тебя. Просто встретиться. Как-то по-человечески. Не так, как... как у нас это обычно бывает.

Я молчу. Потому что в этих словах нет привычной истеричной настойчивости, нет скрытого укора. Есть только просьба — чистая, незащищённая и от этого невероятно

опасная. Это либо не манипуляция вовсе. Либо она научилась манипулировать так тонко, что я этого уже не различаю.

— Элли? — голос мамы становится тише. — Ты приедешь?

— Я... — говорю я, и понимаю, что в этот момент я не выбираю между «да» и «нет».

Я выбираю между прошлым, которое я умею ненавидеть, и будущим, которое может снова меня сломать.

— Я не знаю, — выдыхаю я честно. — Мне нужно время. Я перезвоню.

— Нет. — Её голос вдруг становится острым, точным, и в этой резкости — болезненно знакомый отзвук прошлого. — Элли, не надо «перезвоню». Ты всегда так делаешь и не перезваниваешь. Приезжай. Просто приезжай. Сегодня.

Я закрываю глаза.

— Я... я подумаю, — выдавливаю я шёпотом и сбрасываю звонок.

Повисает тишина. Её нарушает лишь ровное, почти живое гудение процессора в ноутбуке Тайлера.

Я поднимаю взгляд.

Тайлер смотрит на меня. Не пристально. Не оценивающе. Просто — внимательно. Как врач, который уже понял диагноз, но даёт пациенту возможность сказать самому.

— Всё в порядке?

— Да, — отвечаю я по привычке, кладу телефон на стол так, будто он обжёг мне кожу. Просто... — начинаю я, и слова

вязнут в горле. Нужно сказать что-то нейтральное, что-то, что не раскроет этот клубок боли и неловкости. — Просто мама. Она...

Я замолкаю.

— Манипулятор, — тихо и чётко досказывает он за меня.

— Да, — вырывается у меня, как стон облегчения, что кто-то наконец назвал вещи своими именами. — Ты не представляешь, какая она. Она может говорить что угодно, клясться чем угодно, обещать всё на свете — а потом всё рушится. Всегда. Это очередной бзик, Тайлер. Очередная её идея «начать новую жизнь». Через месяц она вернётся, и всё будет как раньше. А я... а я снова останусь с последствиями.

— Возможно, ты и права, — соглашается он. — А возможно, и нет. Но представь на секунду, что это в самом деле последний раз, когда она зовёт тебя. А ты не приедешь. — Он делает небольшую паузу. — Представь, что через месяц или год ты узнаешь, что её больше нет. И последнее, что ты сказала ей в трубку, было «я подумаю». Психологи называют это незавершённым действием. Оно гниёт изнутри. Дороже обходится, чем поездка на окраину города.

Его слова падают в тишину, как камни в колодец. Они эхом отдаются во мне, задевая что-то глубокое, уродливое и давно похороненное — страх именно такого исхода. Что однажды звонок в три ночи будет не от незнакомца, а из морга.

— Ты не понимаешь, — шепчу я, но в моём голосе уже нет прежней убеждённости. — Ты не знаешь, сколько раз я уже

«прощалась» с ней. Сколько раз давала ей последний шанс.

— Значит, ещё один уже ничего не изменит, — парирует он с холодной, неоспоримой логикой. — Но если в этот раз что-то действительно изменилось... ты это упустишь. И будешь потом спрашивать себя, что было бы, если бы ты просто приехала.

Я усмехаюсь.

— Ты слишком уверенно говоришь о том, чего не жил.

— Я жил с другими вещами, Элли. И механизм всегда один. Люди, которые раз за разом обещают измениться, не меняются резко. Они делают это постепенно. Или не делают вообще. — Он медленно поднимается с кресла. — Если ты хочешь, я могу тебя отвезти и сходить с тобой.

Я резко поднимаю голову.

— Серьёзно? — вырывается у меня.

Он пожимает плечами. Этот жест у него всегда выглядит таким естественным, таким непринуждённым.

— Мне сейчас всё равно нечем заняться, — он проводит рукой по волосам. — Почему бы и нет.

Эта фраза должна была бы прозвучать легкомысленно. Но в его исполнении она звучит как решение, принятое без сомнений.

Уголки моих губ непроизвольно приподнимаются. Совсем немного — почти незаметно. Я отталкиваюсь от столешницы и встаю.

— Тогда... можно попробовать.

Он смотрит на меня пару секунд, потом коротко кивает и делает лёгкий, почти небрежный жест рукой в сторону коридора.

— Ванная там. Всё, что нужно — в шкафу. — Его взгляд на мгновение задерживается на моей одежде.

— Если захочешь переодеться, можем заехать к тебе в общежитие по дороге.

У меня загораются глаза.

— Ты сейчас меня спасаешь, — признаюсь я, и автоматически тянусь к телефону. — Можно тогда... — я колеблюсь секунду. — Можно я приму душ у тебя? В общежитии, наверное, уже отключили горячую воду. По расписанию. А я бы очень хотела...

Он слегка наклоняет голову, и его взгляд становится чуть мягче.

— Мой душ работает круглосуточно. И вода в нём всегда горячая. — Он делает паузу, давая словам улечься. — Пользуйся, если хочешь.

— Щедро. Спасибо, — усмехаюсь я и направляюсь в сторону ванной комнаты.

Ванная встречает меня безупречной, почти хирургической тишиной. Гладкий серый камень, холодное стекло, линии, лишённые излишеств. Я закрываю дверь, и щелчок замка звучит как окончание главы.

Глубокий вдох.

Медленный выдох.

Я включаю воду и она идёт сразу — горячая, плотная, без пауз и сюрпризов. Я подставляю под струю ладони, потом запястья, будто проверяю, не исчезнет ли она. Нет. Всё стабильно. Надёжно. Почти вызывающе.

Когда вода касается плеч, тело начинает сдавать позиции. Напряжение не уходит полностью — оно просто отступает глубже, но этого достаточно, чтобы я почувствовала себя живой.

В голове всплывает голос матери. Дом. Машина. Подпись. И Тайлер — слишком спокойный, слишком уместный в этом хаосе.

Я выключаю воду. Гул в ушах и тепло пара сменяются оглушающей тишиной ванной. Я беру большое белое махровое полотенце с полки. Ткань мягкая, впитывающая, незнакомая на ощупь. Я тщательно вытираюсь, завернувшись в него, и подхожу к зеркалу.

Стекло запотело, но я протираю его ладонью, и в проступившем отражении вижу себя — бледную, с мокрыми тёмными прядями волос. Мой взгляд скользит вниз. На внутренней стороне бедра, чуть выше колена, проступает синяк. Небольшой, но отчётливый. Жёлто-лиловый, в форме расплывчатого овала. Вчера его не было. Вернее, вчера я его не чувствовала — адреналин, паника, бегство заглушили всё. Но сейчас, в этой кристальной тишине и безопасности, он проявляется во всей своей уродливой правде.

— Господи... — шепчу я, и пальцы сами тянутся к нему.

Я нажимаю. Тупая, глубокая боль отзывается где-то внутри, заставляя меня вздрогнуть. Это не просто синяк. Это отпечаток. След пальцев, впившихся в плоть.

След Джейсона.

Кислая волна отвращения подкатывает к самому горлу. Я отворачиваюсь от своего отражения, торопливо натягивая джинсы. Я хватаю новую зубную щётку — её пластик кажется чужеродным и холодным — и начинаю чистить зубы резкими, яростными движениями. Не просто стираю налёт, а словно пытаюсь стереть с эмали тот самый привкус — горький, металлический привкус собственной беспомощности.

Я швыряю щётку в урну и распахиваю дверь ванной.

— Тайлер! Я всё!

Мой голос звучит громче и твёрже, чем я ожидала. Эхо раскатывается по пустому пространству первого этажа.

Сверху доносятся лёгкие, почти неслышные шаги. Через мгновение Тайлер появляется на лестнице. Он уже в лёгкой чёрной куртке, в руках — ключи. Он спускается неторопливо, его взгляд считывает меня с головы до ног: мокрые волосы, чистая кожа, старая одежда.

— Быстро, — замечает он, останавливаясь передо мной. — Все хорошо?

— Всё в порядке, — говорю я, отводя взгляд к входной двери. — Поехали?

— Поехали, — повторяет он, и в его голосе нет ни одобрения, ни сомнений. Только та же готовность, с которой он

даёт доступ к горячей воде или ставит кофе на стол.

Я прохожу мимо него в гостиную, к дивану, где аккуратным, строем стоят мои кроссовки. Я наклоняюсь, беру их и возвращаюсь в прихожую. Тайлер уже обут — в простые чёрные кроссовки. Он не отрываясь смотрит в экран телефона, пальцы быстро и бесшумно печатают. Он выглядит сосредоточенным, будто отдаёт последние распоряжения перед важной операцией.

Я опускаюсь на колено и ставлю свои кроссовки на пол. Они выглядят жалко на фоне полированного бетона — потрёпанные, с потускневшими от грязи шнурками. Я натягиваю их на ноги, завязываю узлом, чувствуя, как грубая ткань джинс натирает ушибленное место на бедре.

— Тебе не помешала бы новая обувь, — взгляд Тайлера скользит по стёртой подошве моих кроссовок.

Я поднимаю на него взгляд, и в моих глазах вспыхивает что-то дерзкое, почти вызывающее.

— Ну, если ты меня возьмёшь на работу за триста долларов в час, — говорю я, натягивая вторую кроссовку, — тогда я куплю себе десять пар новой обуви. И, может быть, даже носки.

Уголок его рта едва приподнимается.

— Ну, это будет уже после того, как ты мне расскажешь, зачем тебе нужны деньги, — парирует он, разблокируя телефон ещё на секунду, чтобы проверить что-то. — А пока что будешь ходить... — он поднимает глаза ко мне и снова

бросает взгляд на мои ноги, и на этот раз в его голосе проскальзывает лёгкая, почти неуловимая нотка чего-то вроде насмешливого сожаления. — В этих сандалиях горного туриста после сезона распродаж.

Я фыркаю, несмотря на всю серьёзность ситуации.

— Это не сандали, — бормочу я вставая. — Это кроссовки. Выносливые.

— Выносливые, но не бессмертные, — замечает он, поворачиваясь к гладкой, матовой стене.

Он прикладывает ладонь к едва заметной панели, и тяжёлый створ беззвучно отъезжает в сторону, открывая прохладное, слабо освещённое помещение.

Я замираю на пороге.

Это гараж.

Огромный гараж.

Слева — она. Ярко-оранжевая «Хонда». При таком свете она кажется ещё более вызывающей, кричащей о скорости и безрассудстве. Рядом с ней, низко прижавшись к полу, — чёрный «Инфинити». Похоже, именно на нём мы ездили смотреть на звёзды.

Эта мысль задерживается всего на секунду — и тут же меркнет. Взгляд цепляется за массивный и солидный чёрный внедорожник «Мерседес» — полностью затонированный, глухой, будто намеренно скрывающий всё, что внутри.

— Ого, — вырывается у меня. — Они все твои?

Тайлер, подходит к оранжевой «Хонде».

— Да, — отвечает он просто. — Но по факту — нет. Это всё деньги моих родителей.

Он открывает дверь водителя и ждёт, пока я обойду с другой стороны. Его слова повисают в прохладном воздухе гаража.

— Как это? — спрашиваю я, садясь на низкое спортивное сиденье.

Тайлер садится за руль, его движения точные и экономные. Он нажимает кнопку, и тихий рокот двигателя оживает где-то сзади.

— Формально они оформлены на меня, но куплены не на мои деньги. Мой отец... он всегда настаивал на этом. «Мои деньги, сын, — это твои деньги». — Он произносит эту фразу с плоской, почти безжизненной интонацией, словно цитирует скучный юридический документ. — Возможно, так он пытается загладить вину. За то, что бросил мою маму и уехал в Аризону. Покупки взамен присутствия. Старая, скучная история.

Тайлер нажимает кнопку на брелоке, и массивные гаражные ворота перед нами начинают бесшумно подниматься, впуская полосу слепящего дневного света.

— И дом — не мой, — добавляет он как будто между делом. — Хоть и записан на меня. В этом доме мы когда-то жили все вместе. А теперь я живу в нём один.

Он выжимает сцепление, включает передачу, и машина плавно, почти беззвучно выкатывается из гаража сворачивая

на пустынную дорогу, ведущую к шоссе.

Я смотрю на дорогу, и в этой ровной, пустой линии вдруг всплывает другое лицо.

Джейсон — который всегда делал наоборот. Он говорил о деньгах громко. С удовольствием. С тем особым блеском в глазах, который появляется у людей, когда они хотят казаться больше, чем есть на самом деле.

«У меня бизнес», — говорил он, лениво откидываясь на спинку стула. «Скоро всё пойдёт», «Я в процессе».

А процесс длился годами.

Бизнес существовал только в словах, в скриншотах чужих графиков и в разговорах, которые он вёл так, будто я должна была впечатлиться и поверить. Его деньги всегда были чьими-то ещё — родительскими, временными, «почти моими». Но он никогда не называл их так. Он присваивал их сразу, без паузы, без сомнений. Как должное. И обязательно подчёркивал: новый телефон — чтобы показать. Оплаченный счёт — чтобы напомнить. Любые планы — чтобы доказать, что он может.

Тайлер — нет.

У него есть всё это — и даже больше. Машины, дом, спокойная уверенность человека, у которого не болит голова о завтрашнем дне. Но он говорит об этом так, будто перечисляет факты из чужой биографии. Без гордости. Без желания произвести впечатление. Он не оправдывается. И не хвастается.

И почему-то именно это звучит честнее, чем все уверенные речи Джейсона вместе взятые.

Спустя минут десять машина сбавляет скорость и сворачивает к знакомому серому корпусу общежития.

Тайлер останавливается у входа и двигатель стихает.

— Я быстро, — говорю я и тянусь к ручке двери.

— Не пригласишь? — спокойно откликается Тайлер.

Я замираю и оборачиваюсь.

Он смотрит на меня с тем самым ленивым, внимательным выражением, которое появляется у него, когда он что-то решил, но не считает нужным это объяснять.

— Вообще-то, — добавляет он, чуть наклоняя голову, — теперь моя очередь разглядывать твой гардероб. Для баланса.

Я моргаю.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно, — отвечает он невозмутимо и глушит двигатель.

Я фыркаю, не удержавшись.

— У меня нет ничего интересного, предупреждаю сразу.

— Обычно так говорят люди, у которых есть что скрывать, — бросает он, выходя из машины.

Я закатываю глаза.

— Ладно. Но без комментариев...

Коридор встречает привычным гулом и тусклым светом. Дверь моей комнаты поддаётся не сразу — как всегда. Я тол-

каю её плечом, и она наконец открывается.

— Добро пожаловать в моё скромное жилище, — говорю я, стараясь, чтобы это прозвучало как шутка, но получается скорее как извинение.

Тайлер замирает на пороге. Его взгляд медленно скользит по комнате, впитывая детали: заваленный бумагами и кружками стол, кровать с помятой простынёй, стопку книг на полу, дверцу полуоткрытого шкафа, из которого вываливается рукав свитера.

— Стерильно, — говорит он наконец, и в его голосе нет ни осуждения, ни насмешки. — В хорошем смысле. Здесь есть... жизнь. Хаос, но свой.

Он делает шаг внутрь, и комната вдруг кажется ещё меньше. Он подходит к столу, его палец слегка касается корешка лежащей на стопке книги — старого потрёпанного томика Бродского.

— Интересный выбор, — замечает он, но не продолжает.

Его взгляд задерживается на стене — на выцветшей фотографии, где мне лет десять и мы с отцом на рыбалке. Он изучает их молча, не задавая вопросов. Потом поворачивается к шкафу.

— А вот и легендарный гардероб.

Я фыркаю.

— Почти легендарный. Джинсы, футболки, три свитера по кругу. И одна «нарядная» блузка — на экстренный случай.

— А «нарядная» блузка — вот эта? — Он делает шаг и аккуратно подцепляет с дверцы шкафа висящий на вешалке предмет — простую белую блузку с отложным воротником. Она выглядит жалко и официально одновременно.

— Да, — говорю я, чувствуя, как горит лицо. — Для офиса. Или похорон. Универсальная.

Он осторожно вешает её обратно, как будто это музейный экспонат.

— Ладно, — говорю я после паузы. — Мне нужно переодеться. И я очень надеюсь, что ты знаешь, что сейчас делать.

Он смотрит на меня пару секунд, словно оценивая формулировку. Потом медленно поворачивается к окну, упираясь ладонями в подоконник.

— У тебя три минуты. Потом мне станет скучно.

Я торопливо скидываю старую футболку и джинсы. Прохлада комнаты и осознание того, что он здесь — в двух шагах, — пускают по коже мурашки. Я быстро натягиваю чистый лонгслив, беру свежие джинсы, поднимаю одну ногу...

И в этот момент дверь с силой распахивается.

— Элли, ты тут? Ты почему... — на пороге замирает Кейт.

Я застываю на одной ноге, с джинсами в руках, слишком осознавая собственную неловкость. Услышав звук, Тайлер отворачивается от окна. Его взгляд сначала цепляется за Кейт, затем медленно, без спешки, скользит ко мне. Останавливается ниже. На моих ногах.

Кейт стоит, приоткрыв рот. Она смотрит на Тайлера, по-

том на меня, потом снова на него. В её глазах мелькает паника, замешательство, а затем — жгучее любопытство.

— Элли, прости... я думала, ты одна... — бормочет она, уже отступая.

— Кейт, какого черта! — вырывается у меня. — Сколько раз я тебя предупреждала стучать?

— Всё, всё, прости! — Кейт бросает последний взгляд — на Тайлера, на меня — и исчезает, захлопывая дверь.

— Господи... — я резко выдыхаю и дёргаю джинсы, торопясь одеться.

— Подожди, — голос Тайлера останавливает меня лучше любого прикосновения.

Я замираю.

Он подходит ближе. Его взгляд опускается вниз — и останавливается.

— Это что?

Я инстинктивно пытаюсь прикрыть внутреннюю сторону бедра коленом.

— Ничего, — говорю я слишком быстро. — Просто синяк.

Он не реагирует на слово «просто». Он медленно, без резких движений, отводит мою руку в сторону. Не насильно — так, что сопротивляться кажется бессмысленным. Его взгляд медленно скользит от моего бедра вверх, к моему лицу.

— Это он сделал?

Вопрос звучит тихо. Почти спокойно. И именно поэтому

от него становится холодно. Я тут же хватаюсь за джинсы и начинаю натягивать их. Ткань задевает больное место, но я не останавливаюсь.

— Я упала, — говорю я, уже застёгивая молнию. — С кровати. Ночью. Ударилась бедром... — я машинально киваю в сторону стола, будто он действительно имеет к этому отношение. — Вот об этот. Ничего серьёзного.

Он не отвечает сразу. Его взгляд остаётся на мне слишком долго — внимательный, выжидающий. Уголок его рта едва заметно тянется вверх. Не улыбка — скорее горькое признание.

— Элли... — произносит он тише обычного. — Ты ужасно плохо врёшь. — Он делает небольшую паузу. — И именно поэтому я всё вижу.

С этими словами он отворачивается. Делает пару шагов и опускается на край кровати. Его плечи на секунду застывают, взгляд упирается в потолок, и только потом он медленно откидывается назад — словно позволяя себе усталость.

Я стою посреди комнаты и смотрю на него. Всё резкое и болезненное вдруг растворяется, оставляя после себя странное, почти нереальное чувство.

Он лежит на моей кровати. В общаге. В моём пространстве.

Я нарочно прочищаю горло.

— Тайлер?

Он не двигается.

— Мне нужно десять секунд, — говорит он в потолок.

— Десять секунд? — повторяю я, стараясь, чтобы это прозвучало как шутка. — Мне дать тебе таймер?

Он выдыхает сквозь нос. Коротко. Почти неслышно.

— Не язви, Элли.

— Я надеюсь, ты не собираешься у меня тут прижиться? — говорю я, кивая на кровать. — А то правила общежития это не одобрят.

Он приоткрывает глаза и приподнимается на локтях. Движение ленивое, неторопливое, как будто ему действительно никуда не нужно спешить.

— Нет, — отвечает он спокойно. — Хотя... я был бы не против. — Он оглядывает комнату. — Тут достаточно уютно. Мне нравится.

Я фыркаю, пытаясь спрятать внезапное смущение.

— Это потому что ты привык к домам, где всё идеально вылизано, — говорю я. — Здесь максимум, на что можно рассчитывать, — сквозняк и сосед сверху, который слушает музыку в три часа ночи.

Он улыбается шире — уже без насмешки. Скорее как человек, который решил уступить.

— Ладно, — говорит он, отталкиваясь от кровати. — Поехали.

Он делает пару шагов к двери и замирает, будто вспомнив что-то важное. Обернувшись, он смотрит на меня, и его взгляд становится непривычно серьёзным.

— Если всё пойдёт так, как сказала твоя мать... — он на секунду замолкает, словно взвешивая каждое слово, — у тебя будет свой дом. И поверь, именно тогда эта комната станет чем-то большим, чем просто общежитие.

— И почему же? — не выдерживаю я.

Он пожимает плечами.

— Потому что у дома всегда есть входы. И не все из них — двери.

Глава 28

***

Есть слова, которые звучат как спасение, а потом оказываются ловушкой.

***

Мы молча спускаемся по лестнице и выходим на улицу, где припаркована его машина. Прохладный весенний воздух бодрит после спёртой атмосферы комнаты. Мы уже подходим к его машине, когда у Тайлера в кармане резко и настойчиво вибрирует телефон.

Он замирает, вынимает аппарат, и его лицо меняется.

— Поездка отменяется, — говорит он ровным, лишённым интонаций голосом, отрывая взгляд от телефона ко мне. — Мне нужно ехать.

— Что? Куда? Мы же только собрались...

— Семейные дела. Неотложные, — его ответ лаконичен и не оставляет пространства для вопросов.

Он засовывает руку в карман и достаёт пару купюр и протягивает мне.

— Здесь хватит с запасом. Такси, кофе, что угодно.

Я смотрю на деньги, потом на него.

— Спасибо, но...

— Не за что, — отрезает он без пафоса. — Когда разбе-

рёшься с матерью — позвони мне. Если я буду свободен — заеду, заберу.

— Если бы было куда звонить. У меня нет твоего номера.

Он смотрит на меня секунду. Потом усмехается — коротко, почти незаметно.

— Точно. — Он достаёт телефон. — Записывай.

Я уже тянусь к своему, разблокирую экран, пальцы слегка путаются — то ли от напряжения, то ли от неловкости.

— Подожди, — говорит он вдруг. — Давай проще. AirDrop.

— А?

— Дай сюда, — он кивает на мой телефон. — Быстрее будет.

Я колеблюсь ровно секунду. Потом протягиваю ему телефон.

Он берёт его уверенно, привычно. Пара быстрых движений. Экран загорается. Я вижу своё имя, вижу его профиль. Щёлчок. Короткий звук отправки.

— Готово, — говорит он, возвращая телефон. — Теперь номер есть.

Я смотрю на экран. Его контакт действительно сохранён.

— Всё? — уточняю я.

— Всё, — кивает он. — Только давай сразу договоримся.

— О чём?

Он наклоняется чуть ближе, опираясь рукой о крышу машины.

— Не названивай мне просто так, — говорит он с лёгкой усмешкой. — Я не из тех, кто любит болтать ни о чём.

Я фыркаю.

— Не волнуйся, я не собираюсь докучать. Не настолько ты мне нужен.

— Вот и отлично, — его усмешка становится чуть шире. — Поняли друг друга.

Он открывает дверь, садится на водительское сиденье, но не закрывает её сразу. Через открытую дверь смотрит на меня.

— По поводу мамы... делай так, как чувствуешь. Если почувствуешь давление с её стороны — не геройствуй. Сразу вызывай такси и уезжай. Просто уезжай. Поняла?

Его совет простой и практичный. В нём нет сентиментальности, только холодная логика самосохранения. И сейчас это именно то, что мне нужно услышать.

— Поняла, — киваю я.

Он закрывает дверь. Стекло опускается на пару сантиметров, и через щель я слышу последнее:

— И не переживай, Элли. Ты справишься.

Он улыбается — коротко, по-деловому. Потом стекло поднимается, двигатель заводится с тихим рыком, и его машина плавно отъезжает от тротуара.

Я стою и смотрю ей вслед, пока она не скрывается за поворотом. Улыбка, с которой я ему ответила, медленно тает с моего лица. В руке я сжимаю телефон и смятые купюры. Воз-

дух кажется уже не таким бодрящим — просто холодным.

Я делаю глубокий вдох, поворачиваюсь и иду к краю тротуара, чтобы вызвать такси. Теперь мне предстоит сделать это самой. Без щита. Без поддержки. С одним лишь номером в телефоне, по которому нельзя звонить «просто так».

Глава 29

***

Там, где заканчивается свобода, всегда начинается «забота».

***

Такси останавливается у бордюра с коротким, уставшим скрипом тормозов.

— Приехали, — бросает водитель.

Я расплачиваюсь, выхожу и отхожу на пару шагов — будто между мной и этим домом ещё можно оставить расстояние.

Дом стоит там же.

Серый фасад выглядит темнее при дневном свете. Окна — глухие, без отражений. Крыльцо всё такое же, с облупившейся краской, и ступенька, о которую я в детстве всегда спотыкалась, всё ещё здесь. Как ловушка, которая ждёт.

Я замираю в двух метрах от двери. Стою. Слушаю, как сердце глухо колотится где-то в висках.

Если не сейчас — то уже никогда.

Дёргаю ручку. Закрыто.

Глупо было надеяться на другое.

Я выдыхаю сквозь стиснутые зубы и лезу в сумку за ключами. Пальцы находят знакомый холод металла. Почти автоматически подношу ключ к замку — и в этот момент дверь

распахивается сама.

Я вздрагиваю.

На пороге — мама.

Но не моя. Не та, что когда-то швыряла тарелки и смеялась до слёз в три часа ночи.

Эта — другая.

Она стоит ровно, в чистых домашних вещах, и смотрит на меня так, будто тоже ждала. И не верила, что дождётся.

— Элли... — почти беззвучно говорит она.

— Привет, мам, — говорю я и делаю шаг через порог, ловя себя на мысли, что только что добровольно вошла туда, откуда когда-то клялась сбежать.

Мама закрывает дверь и почти сразу, будто по заранее выученному сценарию, поворачивается ко мне.

— Ты голодна? Я как раз чайник поставила. Чай? Кофе? Может, поесть что? Я испекла печенье. Помнишь, с шоколадной крошкой? Твоё любимое.

Слова сыплются слишком быстро. Слишком старательно. Будто между ними не должно остаться ни секунды тишины.

— Пойдём, Элли, — добавляет она после короткой паузы. — Чайник сейчас закипит.

Я делаю пару шагов — и только теперь замечаю кухню.

Всё здесь прибрано до блеска, незнакомого блеска. На столе — новая салфетница и ваза с искусственными тюльпанами. В углу, у двери в гостиную, из-под этой чистоты прорывается хаос: гора коробок, сумок и два огромных чемодана.

— Прости за беспорядок, — говорит она, следуя за моим взглядом. — Собираемся. Слишком много за всю жизни собралось барахла. Брэд сейчас за ещё одним чемоданом поехал, не упаковалось всё.

— Брэд?

— Да, — её лицо озаряет странная, неловкая улыбка. Она отводит взгляд к окну, будто пытаясь разглядеть его машину во дворе. — Мой... мой молодой человек. Я уверена, он тебе понравится. Он надёжный. Совсем не такой, как люди, которые были в моей жизни раньше.

— Ты уверена? — я обхватываю ладонями край стола. — Ты же знаешь, я не очень доверяю.

— Знаю. И именно поэтому я не прошу тебя верить мне на слово. Просто... побудь здесь. Посмотри сама.

Она резко тянется к чайнику, будто ей нужно срочно чем-то занять руки. Наливает кипяток в две кружки, засыпает заварку. Движения резкие, слишком быстрые, будто в них больше тревоги, чем заботы.

— Садись, милая, — она кивает в сторону стола.

Я медленно опускаюсь на стул. Взгляд снова прилипает к коробкам.

— Так значит... ты правда уезжаешь? — спрашиваю я, и голос мой звучит глухо.

— Да. Завтра утром. — Она аккуратно ставит кружку передо мной и опускается на стул. — Брэд всё взял на себя. Он... он правда старается обо мне заботиться.

Она смотрит на меня, и в её глазах внезапно появляется старая, знакомая мне тревога — та самая, что бывала перед очередным её срывом.

— Элли, я знаю, о чём ты думаешь.Что это очередной порыв. Что я снова всё испорчу, — она делает паузу, чтобы выдохнуть. — Но это не так. На этот раз всё по-другому. Я... я лечилась. Хожу на встречи. И Брэд... он сам через это прошёл. Он понимает.

Она тяжело вздыхает, встаёт и подходит к кухонному шкафу. Открывает его и достаёт оттуда синюю пластиковую папку.

— Вот, — говорит она, возвращаясь к столу кладя папку передо мной. — Тебе остаётся только подписать. Дом. Машина. Участок. Всё — твоё. Официально. Без возврата.

Я открываю папку и начинаю листать.

— Мам, — начинаю я медленно, не отрывая взгляда от расплывающихся строк. — Я... я не знаю. Может, подождём? Полгода. Год. Я закончу четвёртый курс, а ты... ты посмотришь, как всё сложится с этим... Брэдом. — Я поднимаю на неё взгляд. — Вдруг что-то пойдёт не так? И тебе придётся вернуться.

— Я не вернусь. — Она качает головой. — Я больше не хочу быть женщиной, которая всё время возвращается. Мой шанс — там. А твой — здесь. Посмотри вокруг, — она медленно проводит рукой по кухне, по окну, за которым виднеется двор и тёмная линия леса. — Тишина. Покой. Нет этой

вечной городской суматохи, грохота, чужих людей за стеной. Ты сможешь сосредоточиться на учёбе. А потом... жить как захочешь. Это твоё место. Оно всегда должно было быть твоим.

Её слова повисают в воздухе.

Я смотрю на кухню. На стол. На окна. На двор за стеклом. И понимаю, что всё это может быть моим. По-настоящему. Не на время. Не в долг.

Не «потерпи немного».

А просто — моим.

Я опускаю взгляд на документы. На папку. На ровные строчки, которые ещё минуту назад казались мне угрозой. Рука сама тянется к ручке на столе. Мама замирает, дыхание её обрывается. Во мне борются два чувства: страх быть втянутой в очередную её катастрофу и жгучее, детское, глупое желание... остаться. Вернуться в то единственное место, которое когда-то было домом.

ВЖЖЖЖ!

В кармане джинсов дико, отчаянно вибрирует телефон.

Мы вздрагиваем одновременно. Ручка выскальзывает у меня из пальцев, падает на документы, оставляя маленькую синюю кляксу.

Я выдёргиваю телефон. На ослепительно ярком экране горит уведомление от неизвестного номера.

Я звонил. Ты не перезвонишь?

Никаких угроз. Никаких подробностей. Просто вопрос, от

которого по спине пробегает ледяной пот.

— Элли? — голос мамы звучит тревожно, она тянется ко мне через стол. — Что-то случилось?

— Нет, — выдыхаю я, быстро гашу экран и засовываю телефон обратно в карман. — Просто спам. Надоедливая реклама кредитов.

— Ты уверенна? Ты выглядишь...

— Да! — перебиваю я, и хватаю ручку со стола.

В этот же миг в голове вспыхивает цепочка образов — чётко, ярко, как вспышка:

Дом. Стены. Высокий забор. Тишина.

Это не прыжок в неизвестность. Это траншея. Укрытие. Здесь его не будет. Он городской хищник, он задохнётся в этой тишине, заблудится на этих пустых дорогах.

Он... он не найдёт меня.

Я впиваюсь пальцами в ручку так, что сводит кисть. Подвожу её к бумаге — и на мгновение замираю, будто ещё можно отступить.

Потом ставлю подпись.

Я смотрю на неё секунду. И вместо облегчения чувствую только странную, тяжёлую пустоту.

Я переворачиваю страницу резким движением.

Вторая строка.

Подпись.

Потом третья. Четвёртая. Я не читаю ни одного слова. Не потому что мне всё равно. А потому что если я начну читать,

я начну думать. А если я начну думать — я могу передумать.

Последняя страница.

Я резко швыряю ручку на стол. Она отскакивает и падает на пол с сухим, пустым щелчком. Папку я отодвигаю от себя одним коротким, жёстким движением — будто отталкиваю не бумаги, а всё, что только что сделала.

— Готово, — говорю я.

Мама не сразу реагирует. Секунду она просто смотрит на бумаги — пристально, не мигая, будто боится, что они растворятся, если хоть на мгновение потеряет их из виду.

— Спасибо... — шепчет она и вдруг улыбается. Настоящей, лучистой улыбкой, которая на миг стирает все её морщины и годы. — Ты даже не представляешь, как много это для меня значит.

Она тянется через стол и накрывает мою руку своей. Ладонь тёплая, живая. Немного дрожит.

— Я правда хотела, чтобы это было твоим, Элли. Всегда. Просто раньше... я не умела быть матерью.

Она осторожно убирает папку, словно это что-то хрупкое, и встаёт. Подходит к комоду у стены, открывает ящик и возвращается с ключами.

— Вот... — она кладёт ключи на стол. — Машина твоя. Бак полный. Документы в бардачке.

Я беру ключ. Металл лежит в моей руке невесомо и в то же время невыносимо тяжело. Это не просто ключ. Это пропуск. Будто мне только что вручили не просто металличе-

скую болванку, а кусочек свободы. Настоящей, на четырёх колёсах.

— Спасибо, — говорю я, и на этот раз благодарность звучит искренне.

— Прости меня, Элли, — выдыхает она почти шёпотом. — Я...

— Сьюзен? — раздаётся из прихожей мужской голос.

Мама вздрагивает, но тут же расправляет плечи.

— Да! Я на кухне! — отвечает она чуть громче, чем нужно, и оборачивается ко мне. — Это Брэд.

В коридоре тихо хлопает входная дверь.

Через секунду он появляется в дверном проёме кухни. И я на мгновение теряюсь.

Он не похож на того, кого я успела нарисовать у себя в голове. Он не грубый. Не помятый. Не «очередной странный тип из маминых историй». Он высокий. Ухоженный. Спокойный. Тёмные волосы, аккуратная щетина, открытый взгляд. В нём нет ничего отталкивающего — наоборот, слишком много того, что принято называть привлекательным.

Его взгляд скользит по кухне — быстро, привычно — и останавливается на мне.

— А ты, должно быть, Элли...

— Да, — отвечаю я и понимаю, что автоматически встаю со стула.

— Рад познакомиться, — говорит он. — Сьюзен много о

тебе рассказывала.

Мама тут же оживляется, словно получив сигнал.

— Я говорила тебе, что она у меня умница, — её голос на мгновение сбивается. — И да... Элли сегодня подписала документы.

Брэд переводит взгляд на меня и едва заметно кивает.

— Это серьёзный шаг, Элли, — произносит он. — Для вас обеих.

Его взгляд задерживается на мне на долю секунды — и от этой секунды становится не по себе.

Я отвожу взгляд.

— Спасибо... спасибо за всё. За дом. За машину.

Я делаю паузу, смотрю на маму — и меня вдруг накрывает волна неловкости от этой щемящей благодарности, которая рвётся наружу против воли.

— Я... я тогда поеду, ладно? Не буду путаться под ногами. Не хочу вам мешать.

— Что? Нет! — голос мамы срывается на высокой, почти визгливой ноте отчаяния. — Элли, ты же только что приехала! Останься, пожалуйста. Ведь неизвестно, когда мы снова увидимся.

Я открываю рот, чтобы ответить, но она не даёт мне вставить ни слова.

— Давай закажем пиццу. Ту, с пепперони, которую ты любила. А потом... — она колеблется, переводя взгляд с меня на Брэда, — Брэд тебя отвезет. Или... — её лицо озаряется

новой идеей, и она кивает в окно, за которым виднеется силуэт машины, — поедешь на своей машине.

Я смотрю на неё долго, внимательно. Слова сыплются одно за другим — будто если она замолчит хоть на секунду, я всё-таки уйду.

Я медленно выдыхаю. И делаю то, чего от себя не ожидала.

Подхожу к столу и кладу ключи на поверхность. Тихо. Почти осторожно. Будто этим жестом что-то решаю окончательно.

— Хорошо, — говорю я. И это слово выходит тихим, усталым, без сопротивления. — Заказывайте пиццу.

Она замирает на секунду, словно боится спугнуть услышанное.

— Правда?

— Правда, — киваю я и опускаюсь на стул. — Я остаюсь.

Мама оживает сразу, будто кто-то включил в ней свет.

— Тогда... тогда закажу пепперони, — торопливо говорит она, уже хватая телефон. — Большую. Или две? Ты же всегда съедала половину одна...

Я смотрю на неё несколько секунд. Потом медленно выдыхаю — так глубоко, будто только сейчас позволила себе это сделать.

— Мам... — тихо говорю я. — Не переживай так. Это всего лишь пицца.

— Для тебя — может. А для меня это... почти праздник!

Я на секунду теряюсь.

— Ну... если праздник, — я выдавливаю из себя слабую улыбку, — тогда давай закажем две.

Мама на мгновение замирает, будто боится спугнуть услышанное. Потом улыбается — сначала едва заметно, почти неверяще, а потом всё шире, словно это чувство наконец находит в ней место.

— Две... — тихо повторяет она и тут же опускает взгляд на экран. — Хорошо. Две. Большие... пепперони...

Я наблюдаю за ней ещё пару секунд. За тем, как она хмурится, вчитываясь в экран. Как шевелит губами, пересчитывая что-то про себя. Как снова и снова проверяет адрес — будто боится ошибиться даже в самом простом.

Я перевожу взгляд на окно. На тёмный двор. На неподвижные деревья. Там по-прежнему ничего не происходит. И от этого почему-то становится спокойнее.

— Только не перепутай адрес, — говорю я негромко. Не с упрёком — скорее, чтобы разрядить тишину.

Мама тут же кивает.

— Да-да, я проверяю... дважды проверяю...

Я слабо усмехаюсь и машинально тянусь к карману. Достаю телефон. Провожу пальцем по экрану и на мгновение замираю.

Непрочитанное сообщение:

Я звонил. Ты не перезвонишь?

Я смотрю на экран слишком долго. Будто если не шевелиться, сообщение исчезнет само.

Потом нажимаю в поле ответа:

Не пиши сюда больше.

Пальцы зависают над кнопкой отправки.

Секунда. Вторая.

Я стираю и пробую снова:

Оставь меня в покое.

Курсор мигает в конце фразы. Я смотрю на него пару секунд — и снова стираю.

Да пошёл ты.

Я резко смахиваю чат в сторону. Большой палец уже тянется к настройкам — к кнопке *«Заблокировать контакт»*, как вдруг телефон снова вибрирует.

Новое сообщение:

Я жду звонка, Элли.

Внутри что-то резко срывается.

Я нажимаю в поле ответа. Пальцы двигаются быстро, почти сами:

Катись в ад.

Секунда. И ещё одна строка, не думая:

Чёртов ты псих.

На экране появляется отметка о доставке. И в ту же секунду приходит ответ:

У тебя одна минута, Элли. Чтобы мне перезвонить.

Второе сообщение появляется сразу под первым.

Или я позвоню тебе сам.

Пауза в долю секунды — и ещё строка:

И тогда... случится кое-что неприятное. Не думаю, что тебе понравится, чем это закончится.

— Элли, всё в порядке? Ты так побледнела. — Голос мамы пробивается сквозь гул в ушах.

— Я? — выдавливаю я, судорожно сжимая телефон. — Нет! Просто... просто голова немного закружилась.

— Откроем окно? — предлагает Брэд.

— Нет, я... я лучше выйду. На воздух. На минуту, — говорю я, поднимаясь. — Пицца же скоро приедет?

— Минут через двадцать, — говорит мама, всё ещё глядя на меня с тревогой.

Я киваю.

— Хорошо. Тогда... тогда я сейчас вернусь.

Я киваю ещё раз и выхожу в коридор. Дверь закрываю аккуратно, почти бесшумно — будто боюсь, что если она хлопнет, мама передумает и пойдёт за мной.

Иду медленно, но внутри всё рвётся. Каждый шаг даётся с усилием.

Телефон всё ещё в руке. Экран светится.

Я делаю вдох. Короткий, рваный. Большой палец сам находит кнопку вызова.

Секунда колебания — и я нажимаю.

Гудок. Один. Второй.

Тишина.

А потом — его дыхание в трубке.

— Я знал, что ты позвонишь, — говорит он спокойно, буд-

то мы договаривались созвониться ещё вчера.

У меня сжимается горло, перехватывает дыхание. Я отхожу ещё дальше, к самому забору, пока спиной не чувствую шершавые, холодные доски. Они впиваются в ладонь, когда я упираюсь в них, пытаясь найти точку опоры в этом плывущем мире.

— Чего ты хочешь?

— Я хочу, чтобы ты не делала глупостей.

— Я никуда не звоню, я никому не говорю, — быстро, почти тараторя, выдавливаю я. — Что не так?

— Ты не отвечала на мои звонки. — Его голос становится тише, но от этого только опаснее. — Ты игнорировала меня. Меня это... огорчило. Очень.

— В три часа ночи? — я повышаю голос на полтона, но тут же одёргиваю себя, озираясь на тёмные окна дома. — Ты звонил мне в три часа ночи! Я спала. Нормальные люди в это время спят!

— Для нас с тобой, Элли, понятия «нормально» и «спать» — относительны. Тут правила просты. Когда я звоню — ты берёшь трубку. Когда я пишу — ты отвечаешь. В любое время. В любом месте. Считай это своей новой работой. Единственной и самой важной.

— Что? — шиплю я, и в голосе прорывается ярость. — Я не обязана этого делать!

— Обязана, — поправляет он. — Тут правила диктую я. Не ты.

Я открываю рот, чтобы ответить. Уже готова сказать что угодно — резко, зло, громко. Но в голове вспыхивает одна-единственная мысль:

Он псих. Он... он убивает...

Не «может». Не «вдруг».

А — убивает.

Слова застревают где-то в груди. Голос исчезает.

Я закрываю рот и в трубке повисает тишина.

Секунда. Две. Он не торопит. И от этого ожидания становится только хуже.

— Элли? — произносит он тихо. Почти спокойно. — Ты меня услышала?

Я чувствую, как внутри всё сжимается. Я делаю вдох. Потом ещё один.

— Я... — голос звучит слишком слабо. — Я услышала.

Это не согласие. Это не подчинение. Это просто признание того, что я его слышу.

— Какая хорошая, Элли... — он делает паузу, давая мне прочувствовать вес этих слов. — А теперь вернёмся к твоим грехам.

— К... чему?

— К побегу. — Произносит он с лёгкой насмешкой, будто цитирует секретный доклад. — Мне тут стало известно, что ты планировала взять крупную сумму в долг. Цель — переезд. Скажем так... слишком далёкий переезд. Без моего ведома.

Я замираю.

В трубке раздаётся короткий, сухой щелчок.

Металлический. Узнаваемый.

Зажигалка.

Следом — медленный вдох. Спокойный. Глубокий. И такой же неторопливый выдох, будто ему никуда не нужно спешить.

— Ты... — голос у меня садится. — Ты следишь за мной?

Он усмехается едва слышно. Не смеётся — именно усмехается.

— Не утрируй, Элли. Я просто знаю больше, чем тебе хотелось бы.

Он делает паузу. Долгую. Выверенную.

— И знаешь, что меня больше всего бесит? — его голос становится ласковым, интимным, будто он делится секретом. — Не то, что ты боишься. Бояться — это нормально. А твоё жалкое унижение. То, как ты унижалась. Как просила у него денег, чтобы сбежать от меня. — Он тихо смеётся, и этот звук сводит мои мышцы в судорогу. — Как будто его деньги могут тебя спасти. Как будто что-то может тебя спасти от меня.

— Послушай... — запинаюсь я, и голос предательски дрожит. — Я ничего не сделала, я просто думала...

— Молчи, — отрезает он. — Думать ты можешь только об одном: как угодить. Как не разозлить. А не о том, куда бежать. Твой дом здесь. Твоя жизнь здесь. Любая попытка

изменить это, будет болезненной. Например как случилось уже с твоим Джейсоном.

—Ч... что?

— Джейсон... — он делает драматическую паузу, — Джейсон сегодня едва не стал частью асфальта. Ещё секунда — и его пустой мажорский череп украсила бы новая дырочка. Аккурат между глаз. Но ты... ты позвонила вовремя. Совсем чуть-чуть опоздай — и пришлось бы отмывать мозги от тротуарной плитки.

Я прикрываю рот ладонью.

— Он... он жив?

— Жизнь — растяжимое понятие, Элли. Сейчас он больше напоминает мясной мешок с неровным пульсом. И у него скорее всего... — он делает паузу, — сломанное ребро проткнуло лёгкое.

— Господи... что ты...

— Я? — он перебивает меня с легкой, почти интеллектуальной усталостью. — Я ничего. Просто... несчастный случай. Светофор не вовремя переключился. Такое бывает. Особенно с теми, кто лезет не в свои дела.

Мои ноги подкашиваются, я съезжаю вниз, колени упираются в холодную землю.

— Зачем...

— Я же тебе сказал — несчастный случай. — В его голосе звучит усталая скука, как у человека, объясняющего очевидное. — О! Он ещё что-то бормочет. Хочешь с ним пого-

ворить? Я могу поднести трубку.

— Пожалуйста... — мой голос срывается на шёпот, на грани срыва. — Помоги ему...

— Помочь? — он тихо смеётся. — Элли, милая. Я не спасаю жизни. Я... завершаю их. Привожу в порядок. Убираю лишнее. Но для тебя... для тебя я могу сделать исключение.

Я замираю, не смея дышать, ожидая продолжения. И тогда я слышу. Сначала — лёгкий, металлический скрежет, будто что-то передвигают. Потом — чёткий, сухой щелчок. Звук, который невозможно спутать ни с чем. Звук курка, взведённого в готовность.

Кровь стынет в жилах.

— Ты слышишь этот звук, Элли? — его шёпот в трубке теперь кажется громче любого крика.

Я не могу вымолвить ни слова. Могу только беззвучно кивать, сжав телефон в одеревеневших пальцах.

— Это звук... — продолжает он, — того, как я снимаю предохранитель. И направляю ствол, туда, где, согласно моим данным, твой бывший парень сейчас заливается кровью, сидя в машине. Ему очень больно, Элли. Слишком больно. — Он выдыхает, будто это его утомляет. — Но у меня есть лекарство от боли. Быстрое и точное. Хочешь, я избавлю его от страданий? Скажи «да» — и это будет твой подарок ему.

— Господи... нет...

— Нет? — он переспрашивает с искренним интересом. — Значит, ты предпочитаешь, чтобы он страдал? Ты хочешь

превратить его минуты в ад? Интересный выбор. Жестокий. Но честный.

— Пожалуйста... — голос срывается ещё до того, как я успеваю договорить слово.

Слёзы льются сами, без остановки, горячие, солёные, неконтролируемые. Я даже не пытаюсь их сдержать.

— Скажи... просто скажи, что мне делать... — слова путаются, сбиваются, вываливаются обрывками. — Я сделаю. Всё сделаю. Всё, что скажешь. Пожалуйста... — выдыхаю снова, почти шёпотом, уже не в трубку, а куда-то в пустоту между нами. — Он... он не виноват...

Тишина в трубке длится ровно столько, чтобы я успела представить самое худшее.

Затем — его выдох. Спокойный. Медленный. Почти довольный.

— Хорошее предложение, Элли, — произносит он тихо, и от этого становится только страшнее. — Нужно подумать...

Я вцепляюсь в телефон так сильно, что в пальцах появляется тупая, глухая боль.

— Пожалуйста... — голос срывается на низкую, хриплую ноту, лишённую всего, кроме отчаяния. — Сейчас... нужно вызвать скорую сейчас...

Пауза.

Он не отвечает сразу. Я слышу лишь фоновый шум — далёкий гул города, свист ветра в микрофон. Он будто отступил на шаг, чтобы рассмотреть мою просьбу со всех сто-

рон. Как холодный, беспристрастный коллекционер, оценивающий новый экспонат.

— Интересно, — произносит он наконец. — И как ты себе это представляешь?

— Что? — я не сразу понимаю вопрос.

— Я сейчас с тобой разговариваю, Элли, — он делает небольшую паузу, чтобы я прочувствовала вес этих слов. — Ты просишь меня отвлечься на кого-то другого?

Его голос звучит не зло. Скорее... озадаченно. Как будто я предложила нелогичный, но любопытный ход в шахматной партии.

— Но... но он же может умереть! — сдавленный крик вырывается у меня из груди.

— Да, — соглашается он спокойно. — Может. Его жизнь сейчас висит на тонкой ниточке. И ты хочешь, чтобы я... что? Прервал наш очень важный разговор, чтобы позвонить в службу спасения? Чтобы спасти его? — в его голосе проскальзывает лёгкая, леденящая усмешка.

— Хорошо! — вырывается у меня, голос срывается на визгливую, истеричную ноту. — Хорошо, я поняла, я поняла тебя! Что... что мне делать? Что ты хочешь?!

В трубке — короткая пауза. Потом знакомый щелчок.

Зажигалка. Он снова закуривает.

— Пожалуйста... — слова застревают в горле, дыхание сбивается. — Можно... побыстрее?!

— Терпение, — произносит он мягко. Почти ласково. И

от этой мягкости становится только хуже. — Спешка портит даже самые простые вещи.

— Господи... — выдыхаю я. — Пожалуйста...

— Итак... — он делает паузу. Долгую. Выверенную. — Сейчас ты должна повторять.

— Повторять?

— Повторять, — подтверждает он. — Слово в слово. Без вопросительной интонации. Это не диалог. Это — ритуал.

Я ловлю ртом воздух.

— Да... хорошо. Что... что мне повторять?

— Я, Элли...

— Я, Элли... — мой голос дрожит.

— Завтра...

— Завтра...

— Переезжаю в дом.

— Переезжаю... — лёд пронзает меня от макушки до пят. — Что?

— Элли... — его голос становится тише. — Ты правда хочешь тратить драгоценные минуты, которые могла бы отдать врачу, на вопросы? Каждое твоё «почему» — это ещё одна минута без помощи для твоего бывшего. Ты уверена, что хочешь продолжать в том же духе?

— Нет! — вырывается у меня. — Нет, п... пожалуйста...

— Тогда, — перебивает он, — мы начнём сначала.

Слёзы текут беззвучно. Я зажмуриваюсь, будто это может что-то изменить.

— Слушай меня, Элли, — говорит он спокойно. — И повторяй. Без вопросов.

Я делаю судорожный вдох.

— Скажи, что ты остаёшься.

Горло сжимается.

— Я... я остаюсь, — выдавливаю я.

— Скажи, что не будешь убегать.

— Я... не буду убегать.

— И скажи, что больше не будешь мне врать.

Я молчу секунду — всего секунду. А потом голос ломается окончательно.

— Я... я не буду тебе врать.

Тишина в трубке становится тяжёлой. Густой. Почти осязаемой.

— Хорошо, — произносит он наконец и в его голосе возвращается довольная, почти ласковая нотка. — Считай, что скорая уже в пути. Но помни, Элли. Если твои слова — ложь, если завтра ты попробуешь улизнуть... следующая авария будет такой, что никакая скорая не поможет. И я пришлю тебе фото. В деталях. Чтобы ты знала, что именно на твоей совести.

Я киваю, хотя он не может этого видеть.

— Я поняла.

— Хорошо, — говорит он почти спокойно. Почти удовлетворённо. — Тогда слушай дальше.

Я застываю, будто любое движение может что-то разру-

шить.

— Ты не должна исчезать. Не должна прятаться. Не должна ломать свою жизнь.

Он произносит это так, будто делает мне одолжение.

— Живи, Элли. Как жила. Учись. Работай. Гуляй по вечерам, если хочешь. Смейся с теми, кто тебя не раздражает, ходи в кино. Заводи новых друзей.

Короткая пауза.

— Но когда я звоню — бери трубку. Когда говорю что-то — слушай. Не потому что должна. А потому что... так будет легче.

Связь обрывается.

Глава 30

***

Иногда ты не виноват. Но это ничего не меняет.

***

Я сижу на земле ещё несколько секунд после того, как связь обрывается. Телефон в руке потух, экран стал чёрным, отражая лишь размытое пятно моего лица.

Тишина.

Та самая, о которой говорила мама. Та самая, которая должна была быть безопасной.

Я делаю вдох. Потом ещё один. Воздух входит рывками, неохотно. В голове, как заевшая пластинка, начинает крутиться одна и та же фраза.

«Живи, Элли. Как жила».

Будто это так просто. Будто можно просто встать, отряхнуть колени, пойти домой и сделать вид, что ничего не произошло.

Я медленно поднимаюсь на ноги. Колени ноют, словно я просидела на холодной земле не минуты, а часы. Движения даются с запозданием, будто тело отстаёт от мыслей. Я отряхиваю джинсы — аккуратно, механически, без реального смысла. Потом так же автоматически вытираю ладони о рукава свитера, будто могу стереть не грязь, а то ощущение,

которое въелось в кожу.

Я опускаю взгляд на телефон.

Экран загорается, будто нарочно — слишком резко, слишком ярко.

Пропущенные вызовы:

Тайлер — 1

Сэм — 2

Чуть ниже — сообщение от Тайлера.

Время: несколько минут назад.

Тебя забрать или ты уже уехала?

Что-то внутри тихо, болезненно ёкает.И от этого становится неловко. Не к месту. Не вовремя. Почти стыдно.

Тайлер.

Странный. Закрытый. Всегда будто на шаг в стороне от всех. Слишком внимательный, когда делает вид, что ему всё равно. Слишком точный в вопросах. Слишком спокойный там, где другие начинают суетиться.

Я перечитываю сообщение ещё раз. Потом ещё. Будто в этих словах есть что-то большее, чем просто вежливость.

«Забрать».

Не «как ты», не «всё ок?» — а сразу действие. Решение. Присутствие.

Я смотрю на экран ещё несколько секунд, и имя срывается с губ прежде, чем я успеваю его удержать:

— Тайлер...

Я на мгновение закрываю глаза.

— Если бы он был здесь... — слова выходят почти беззвучно. — Мне, возможно, не было бы так страшно.

Фраза повисает в тишине — слишком простая, слишком честная.

Я открываю глаза. И тут же в груди поднимается резкое, колючее раздражение. На себя. На эту слабость. На то, как легко я позволила этой мысли случиться, будто у меня есть на это право.

Будто сейчас вообще можно думать о таком.

Палец с силой смахивает чат вверх. Я не думаю — просто начинаю набирать номер по памяти. Цифры ложатся одна за другой, автоматически, будто тело помнит лучше, чем голова.

Вызов.

Гудок.

Один.

Второй.

Третий.

Я уже знаю, чем это закончится. Но всё равно не сбрасываю.

Щелчок.

— Привет. Вы дозвонились Джейсону. Я сейчас не могу ответить. Оставьте сообщение после сигнала.

Короткий сигнал. Я открываю рот и понимаю, что не могу сказать ни слова.

Пауза затягивается. Автоответчик терпелив. Безучастен.

Он не знает, что на другом конце — не просто молчание, а страх.

— Джейсон... — выдыхаю я наконец, и голос звучит чужим. — Это я.

Я делаю вдох. Потом ещё один.

— Пожалуйста... если ты это услышишь... просто перезвони. Ладно? Просто... дай знать, что ты в порядке.

Слова повисают в пустоте.

— Прости меня, — добавляю я тихо, сама не зная, за что. — Я... я...

Сигнал обрывается.

Я опускаю руку с телефоном и несколько секунд просто стою, уставившись в тёмное стекло.

— Эй! Девушка! Вы меня слышите?

Я вздрагиваю так резко, что телефон едва не выскальзывает из руки.

Голос. Чужой. Громкий. Слишком близко.

— Де-ву-шка! — повторяет он уже настойчивее. — Вы... вы Сьюзен Кларк?

Я резко оборачиваюсь.

За забором у калитки в полумраке двора, стоит мужчина. Молодой, в куртке с логотипом доставки. В одной руке — термокоробка, в другой — телефон, экран которого светит ему в лицо снизу, делая черты резче, почти неестественными.

— Нет, — говорю я быстро. — Я... я её дочь.

— А, чёрт... простите, — говорит он и неловко улыбается.

Я подхожу ближе.

— Пицца? — спрашиваю я, хотя и так знаю ответ.

— Да. Две большие пепперони, — он приподнимает коробку. — И... — он мнётся секунду, потом протягивает руку в сторону. — Цветы.

Я сглатываю.

— Это было в заказе?

Доставщик пожимает плечами.

— Сказали передать вместе с пиццей. Всё, что могу сказать.

Он протягивает коробку через калитку. Я принимаю её, чувствуя, как тёплый картон прожигает ладони. Цветы он кладёт сверху — небрежно, будто это просто дополнение, а не отдельный жест.

— Помочь донести? — спрашивает он, глядя на меня чуть внимательнее, чем требует вежливость.

— Нет, нет. Спасибо. Я справлюсь, — отвечаю я слишком быстро.

Он кивает.

— Тогда... тогда хорошего вечера.

— Вам тоже, — отвечаю автоматически.

Он разворачивается и уходит к машине. Дверца хлопает. Фары вспыхивают и на мгновение разрезают двор белым светом — и снова тьма, густая, будто ничего не произошло.

Я остаюсь стоять у калитки ещё на секунду. Смотрю на

цветы. На белые лепестки, на тонкую прозрачную упаковку, на капли влаги на стеблях — будто их только что достали из воды.

Я медленно выдыхаю.

Наверное, Брэд. Да. Скорее всего, это он.

Я перевожу взгляд на тёмные окна дома. И почти неосознанно, слишком тихо, чтобы это было похоже на признание, шепчу в пустоту:

— Может... всё не так плохо. Может, мама наконец будет счастлива.

Я поправляю цветы, чтобы они не сползли с коробки, и делаю шаг от калитки. Потом ещё один. Медленно, осторожно, будто это движение закрепляет принятое внутри решение — не искать в каждом жесте угроз.

Я захожу в дом, закрываю за собой дверь и сразу, не разуваясь, иду на кухню.

— Элли, ты где была? — мама оборачивается и тут же замечает коробку. — О, уже приехали?

— Да...

Я ставлю пиццу на стол и аккуратно кладу рядом цветы.

— Цветы? — мама удивлённо смотрит сначала на букет, потом на меня.

— Да. Курьер сказал, что это было с заказом.

— Ох, Брэд... — она произносит его имя мягко, с едва заметной улыбкой. — Это от тебя?

Брэд, стоявший у раковины с полотенцем в руках, обора-

чивается. На секунду в его лице мелькает удивление — настоящее, не наигранное.

— Что? Нет, — он качает головой. — Я сегодня вообще ничего не заказывал.

Улыбка на лице мамы держится ещё мгновение — потом медленно гаснет. Она снова смотрит на букет, будто проверяя, не ошиблась ли.

— Странно...

Она переворачивает букет в руках ещё раз. И в этот момент из-под прозрачной упаковки что-то соскальзывает вниз. Маленький белый прямоугольник.

— Ой... — она наклоняется и поднимает карточку. — Тут... что-то есть.

Мама замирает на пару секунд, читая молча. Её брови слегка приподнимаются, будто от неожиданности. Потом на губах появляется мягкая, почти удивлённая улыбка.

Она поднимает на меня взгляд.

— Элли... — говорит она тихо, с каким-то странным теплом. — Тут написано тебе.

Мама снова опускает глаза на бумагу и читает вслух:

«Не сиди на холодной земле — можно простудиться. Приятного ужина, Элли.»

Слова повисают в воздухе. Секунда. Другая. Я чувствую, как по спине медленно, неприятно пробегает холод. Мама всё ещё держит записку в руках, не замечая, как у меня меняется лицо.

— Как... мило, — говорит она осторожно, будто проверяя, можно ли этому радоваться. — Кто это?

— Мам... — начинаю я, но голос выходит слишком пустым. — Это просто... глупость какая-то. Ошибка.

— Почему ошибка? — мягко спрашивает мама. — Тут же твоё имя.

— Сейчас все знают имена, — резко отвечаю я и тут же жалею об этом. — Курьеры, базы, доставки... Не знаю. Может, перепутали заказ.

Мама всё ещё улыбается, но улыбка становится осторожной. Она чувствует напряжение, хотя и не понимает его причины.

— Ну... — она пожимает плечами. — В любом случае, приятно, когда о тебе заботятся.

— Это ничего не значит, — говорю я быстрее, чем нужно. — Правда. Давайте просто поужинаем, ладно?

Я тянусь к коробке с пиццей, открываю её резким движением. Запах пепперони мгновенно заполняет кухню, вытесняя всё остальное — тревогу, цветочный аромат, ощущение чужого присутствия.

Мы садимся за стол.

Мама берёт кусок, Брэд — следом за ней. Они обмениваются какими-то мелочами: о том, что корочка в этот раз удачная, что соуса не пожалели, что доставка наконец-то не опоздала.

Разговор течёт спокойно, почти уютно.

Я киваю. Иногда улыбаюсь. Вставляю короткие «угу», «да», «точно».

Но всё это — будто не со мной.

Слова доходят приглушённо, как сквозь воду. Движения кажутся медленнее, чем должны быть. Даже вкус пиццы едва ощутимый, словно я ем не потому, что хочу, а потому что так надо.

— Элли? — мама слегка наклоняет голову. — Ты вообще нас слышишь?

Я моргаю, возвращаясь.

— Да... прости. Просто устала.

— Тяжёлый день? — спрашивает Брэд спокойно.

— Очень, — отвечаю я честнее, чем планировала.

Мама мягко сжимает губы, будто хочет что-то сказать, но передумывает. Просто кладёт руку поверх моей на столе — тёплую, знакомую. И на секунду становится легче. Ровно до того момента, пока в тишине внезапно не раздаётся резкий звонок телефона.

Громкий. Нервный. Неуместный.

Мы все трое вздрагиваем одновременно.

Я смотрю на экран.

Сэм.

Палец зависает на долю секунды — потом я всё же нажимаю «принять» и поднимаюсь из-за стола.

— Извините, — говорю уже на ходу.

Мама кивает. Брэд просто провожает меня взглядом.

Я ухожу в коридор и прикрываю за собой дверь кухни.

— Алло.

— Элли! Привет, солнышко! — голос Сэма взрывается в трубке таким громким, беззаботным энтузиазмом, что я на секунду отдергиваю телефон от уха. — Я сделал это! Он сказал, что без проблем, можем сегодня собраться.

— Сделал... что? — осторожно спрашиваю я.

— Что значит «что»? — Сэм фыркает, будто я задала самый абсурдный вопрос. — Бассейн, пицца, ночные заплывы! Мы же договаривались, что я его уговорю! Так вот — я его уговорил! Сначала он ныл, мол, «не время», «не лучшая идея», всё как обычно. А я ему: «Тайлер, брат, это же будет легендарно!» Короче, я его закидал аргументами, как из пулемёта. Он сначала молчал, потом тяжело вздыхал, потом вообще перестал спорить... и потом согласился.

— Сэм, — перебиваю я. — Не сейчас, ладно?

— Как это не сейчас? Я только что с ним созванивался! Всё в силе! Сегодня! У Тайлера! Готовь купальник!

— Сэээм! — голос срывается у меня с непривычной резкостью.

— Что? — он фыркает в трубку. — Только не говори, что ты сегодня не сможешь!

— Сэм, хватит! — голос срывается резче, чем я ожидала. — Ты меня вообще слышишь?

Он замолкает. Не сразу, но достаточно, чтобы эта пауза стала заметной.

— Слышу, — наконец говорит он. — Что происходит?

Я закрываю глаза и делаю короткий, неровный вдох.

— Происходит то, что сейчас вообще не время для твоих вечеринок.

— Почему? Что такое? — его голос наконец теряет праздничные ноты, становится осторожнее.

— Что такое? — шиплю я, стараясь говорить тише, но от этого звуча еще злее. — Я что, не просила тебя не лезть? Не просила?!.

— Элли, — его тон сразу меняется, становится настороженным. — О чём ты?

— О Джейсоне! Про то, как ты его «немного прижал». Ты вообще понимаешь, что ты сделал?

— Элли, я не полез, — его голос сразу становится ниже. — Я просто поговорил с ним.

— Не ври мне.

— Я не вру! — он раздражается. — Я просто сказал ему, что если он ещё раз с тобой так поступит, то...

— То что? — перебиваю я. — Что ты ему пообещал, Сэм?

Он молчит пару секунд.

— Я просто не мог оставить это так, — говорит уже тише. — Он причинил тебе боль. Ты была в таком состоянии, а он...

— Это была моя ситуация, — резко говорю я. — Моя. Не твоя. Я просила тебя не лезть.

— Я твой друг, Элли.

— И поэтому ты решил всё за меня?

Он выдыхает в трубку.

— Я не хотел всё испортить, — говорит он уже без бравады. — Я просто хотел, чтобы он понял, что с тобой так нельзя.

— Ты не должен был этого делать, — говорю я тише. — Понимаешь? Не должен.

— Я просто боялся за тебя, Элли. Ты выглядела так, будто тебя сейчас разорвёт на части. Я не мог просто сделать вид, что всё нормально.

Я сглатываю.

— Я и не прошу делать вид, что всё нормально. Я прошу не решать за меня.

Тишина. Долгая. Тяжёлая.

— Ладно... — говорит он осторожно. — Хорошо. Если ты так хочешь... я могу перед ним извиниться. Но, Элли... я правда его не трогал. Я просто прижал его к стене, спросил, что произошло. Всё. Никаких ударов, никаких «разборок». Честно.

Я закрываю глаза, и по щекам мгновенно катятся горячие, предательские слезы. Я резко вытираю их тыльной стороной ладони, но они снова наворачиваются, молчаливые и назойливые.

— Элли, — голос Сэма в трубке становится мягче. — Ты что... плачешь? Тебя серьёзно так это задело?

Я не отвечаю. Просто дышу неровно.

— Чёрт, Элли... — тихо выдыхает он. — Прости. Правда.

Я... я правда не думал, что тебя это так расстроит. Я думал, ты... ну, разозлишься немного, но потом поймёшь. Я же не со зла. Я же хотел как лучше. Я не хотел тебя ранить. Клянусь.

Я сжимаю переносицу пальцами, закрывая лицо.

— Это не... не из-за того, что ты влез, — выдавливаю я наконец, и голос звучит мокро и неубедительно.

— А из-за чего тогда?

Я медленно опускаю руку. Слёзы всё ещё идут, но теперь я даже не пытаюсь их остановить.

— Сэм... — голос выходит хриплым. — Мне страшно. Очень страшно.

Он на секунду замолкает, будто переваривает мои слова.

— Страшно? — переспрашивает он. — Элли, ты меня пугаешь. Ты можешь сказать нормально, что происходит?

Я сглатываю, провожу ладонью по мокрым щекам.

— Я... — голос срывается. — Я не знаю, как это объяснить.

Он выдыхает в трубку, тяжело, но терпеливо.

— Ладно... — говорит он тихо. — Где ты сейчас находишься?

— У мамы. За городом.

В трубке на секунду повисает тишина.

— Мне приехать?

Я резко втягиваю воздух.

— Нет... — слово вырывается первым, почти рефлекторно. — То есть... — голос ломается. — Я не знаю, Сэм. Я

правда не знаю...

Я прижимаю телефон ближе к уху, будто так смогу удержать себя.

— Мне нужно... — выдыхаю я. — Мне нужно в больницу. Срочно. К Джейсону.

Он не задаёт лишних вопросов. Не спорит. Не пытается переубедить.

— Окей, — говорит он сразу. — К Джейсону — так к Джейсону.

Я слышу, как он где-то на фоне двигается, будто уже встаёт, уже что-то берёт.

— Скажи мне адрес, — продолжает он. — Я за тобой приеду. И я отвезу тебя в больницу.

Эти слова не звучат как одолжение. Они звучат как факт. Как план. Как опора.

Я закрываю глаза. И впервые за весь вечер дыхание становится хоть чуть-чуть ровнее.

— Хорошо, — выдыхаю я, и это первое слово за весь разговор, которое не давится комом в горле. — Я... я тебе сейчас вышлю адрес. Скину локацию.

На том конце слышится короткий, уверенный выдох.

— Хорошо, я жду.

Мы вешаем трубку. Я быстро открываю мессенджер, нахожу Сэма, вбиваю адрес.

Сообщение уходит.

Ответ приходит почти сразу:

30 мин.

Две цифры. И от них внутри становится чуть легче.

Я опускаю телефон и несколько секунд просто стою на месте, глядя в тёмное стекло экрана, в собственное размытое отражение. Глаза красные. Щёки мокрые. Лицо будто не моё.

Я делаю шаг в сторону ванной. Тихо. Почти бесшумно.

Дыши. Просто дыши.

Я включаю свет и поднимаю взгляд на зеркало. И впервые за вечер позволяю себе задать вслух самый страшный вопрос:

— Что ты натворила, Элли?

Глава 31

***

Иногда человек становится твоей зависимостью ещё до того, как ты это осознаёшь.

***

Я просыпаюсь от того, что кто-то пристально смотрит.

Сэм сидит на краю кровати, локти на коленях, в руках телефон. Он поднимает голову в тот же момент, когда я дёргаюсь.

— О, отлично, — говорит он. — Ты проснулась.

Я резко сажусь на кровати, сердце тут же заколачивается где-то в горле.

— Какого хрена?! Сэм? Ты меня напугал! Что ты здесь делаешь?!

Он даже не вздрагивает. Только слегка приподнимает бровь.

— Элли, я тебе звонил. Раз десять. Ты не брала трубку.

— Я... я просто на минуту зашла в комнату...

— Ну да... и эта «минута» растянулась часа на два, — пожимает плечами Сэм.

Я резко сажусь.

— Сколько?

— Около двух часов, — повторяет он.

Я провожу ладонями по лицу.

— Господи... ты всё равно не должен был... — я оглядываюсь, будто только сейчас осознавая реальность. — Как ты вообще сюда попал?

— Нормально попал, — спокойно отвечает он. — Приехал, постучал. Твоя мама открыла.

— Мама?

— Да. Сказала, что ты спишь у себя в комнате. — Он обводит взглядом пространство вокруг. — Уютно у тебя тут, кстати. Миленько. Почему ты мне не сказала, что переезжаешь и будешь теперь жить здесь?

— Жить? — переспрашиваю я, будто не до конца расслышав.

Сэм пожимает плечами, как будто говорит о чём-то очевидном.

— Ну да. Твоя мама сказала, что ты теперь будешь жить тут. Что это твой дом.

Я провожу обеими ладонями по лицу, с силой растирая кожу.

— Эх, Сэм, — выдыхаю я, вжимая ладони в лицо. — Я сама... ничего не понимаю,

— я отнимаю руки от лица и оглядываюсь по комнате. — Мой телефон... где мой телефон?

Сэм молча кивает в сторону тумбочки. Я хватаю его, и в груди неприятно сжимается.

Время. Пропущенные. Сообщения.

Информация проходит мимо сознания. Я не читаю. Я просто набираю номер. По памяти. Судорожно. И каждая цифра будто отдаётся глухим ударом в виске.

Гудок. Один. Второй. Третий.

Я прижимаю телефон к уху сильнее, будто от этого что-то изменится.

— Ответь... — шепчу я, почти беззвучно. — Пожалуйста, просто... возьми трубку, Джейсон.

Гудки продолжаются. Автоответчик. Я сбрасываю и тут же нажимаю повторный вызов.

— Элли. — Рука Сэма ложится мне на запястье.

— Подожди, — я дёргаюсь, пытаясь высвободиться.

Он резко наклоняется и забирает телефон из моей руки.

— Эй, — я поднимаю на него взгляд.

— Сначала ты расскажешь мне, что происходит.

Я смотрю на него несколько секунд, с трудом удерживая дыхание.

— Джейсон... он... в больнице, — выдыхаю я. — Мне нужно к нему.

— Это я уже понял. Зачем?

— В смысле зачем?! — мой голос срывается. — Он попал в аварию, Сэм. Я должна... я должна знать, что с ним всё в порядке.

Сэм смотрит на меня несколько секунд, не отводя взгляда.

— И зачем тебе это? — повторяет он тише.

Я вскакиваю с кровати.

— У тебя что, заело? Зачем, зачем... ты вообще себя слышишь?

— Мне просто интересно.

— Интересно... что?!

— Почему ты всё ещё думаешь о нём... после того, как он едва не изнасиловал тебя.

Слова врезаются, как пощёчина.

— Что? — вырывается у меня. — С чего ты это взял?

— Элли...

— Ничего он не хотел... — резко перебиваю я.

— Да ладно? Ты уверена?

— Да! Абсолютно!

Он смотрит на меня ещё секунду. Потом медленно достаёт свой телефон. Разблокирует экран и молча протягивает его мне.

— Тогда объясни это.

Я опускаю взгляд на телефон.

На экране — видео.

Та же комната. Та же кровать. Я смотрю на себя. На Джейсона. И внутри всё сжимается.

— Что...

Сэм резко забирает телефон обратно, будто не может больше на это смотреть.

— Я ещё не всё посмотрел, Элли. И, если честно, не уверен, что хочу досматривать.

Сэм проводит ладонью по лицу, задерживая пальцы на пе-

реносице.

— Думаю, он включил запись не случайно. Он это снимал. Осознанно. Такие вещи записывают, когда хотят контроля. Когда хотят иметь рычаг. Способ управлять человеком.

Я смотрю на него, не сразу понимая смысл.

— Управлять... — повторяю глухо. — Он... он бы не стал...

Сэм коротко усмехается.

— Ты правда всё ещё думаешь, что он не такой?

Я открываю рот, но слов не нахожу. В груди начинает нарастать странная, липкая паника.

— Сэм... — выдыхаю я наконец. — Откуда... откуда у тебя это видео?!

— Оно было у него. На его телефоне.

— Что значит... было у него?

— Значит, что я его видел.

— Ты... ты рылся в его телефоне?

— Я проверял. Потому что мне с самого начала казалось, что что-то не так.

Я делаю шаг к нему.

— Ты... ты ведь удалишь это?

Сэм поднимает на меня взгляд.

— Элли...

— Дай сюда телефон.

Я резко тянусь к телефону, но он тут же отводит руку.

— Элли, подожди...

— Подожди?! — я делаю ещё шаг, почти вплотную. —

Это... это кошмар. Просто сотри это. Пожалуйста. Сделай так, будто этого никогда не было.

— Нет, Элли. Это не для удаления. Это — улика.

Я моргаю.

— Какая ещё улика?

Я снова тянусь к его руке.

— Элли, стой...

Он тянет руку ещё дальше, и я двигаюсь за ней, не думая, не контролируя себя. Колено врезается в матрас, потом второе, и я слишком поздно понимаю, что теряю равновесие.

Мгновение — и я оказываюсь над ним.

Мы оба замираем. Я чувствую его дыхание — ровное, но чуть тяжелее, чем должно быть.

— Элли... — тихо говорит он. — Послушай меня.

Я сглатываю, не отводя взгляда.

— Просто... отдай телефон.

— Нет. Потому что если ты сейчас его удалишь, то у тебя не останется ничего против него. Понимаешь?

Я не отвечаю сразу. Просто смотрю на него. На слишком близкое лицо. На тень от ресниц. На то, как дёргается кадык, когда он сглатывает. Я чувствую, как его рука, та, что была за спиной, медленно опускается мне на талию. Не тянет. Не удерживает. Просто лежит. Будто случайно.

— Элли, — его голос становится ещё тише. — Ты точно хочешь телефон?

Слова доходят не сразу. А когда доходят, то что-то внутри

неприятно, тревожно щёлкает.

— О боже... — выдыхаю я.

Я медленно опираюсь ладонями в матрас и отстраняюсь, не слезая полностью, но создавая между нами хоть крошечное расстояние.

Тишина становится плотной.

Густой. Давящей.

Я вижу, как в его взгляде что-то меняется: сначала осознание, потом растерянность — и почти мгновенно холодная, почти физическая отстранённость.

— Прости, — бормочет он, отводя взгляд в сторону. — Я не хотел, чтобы тебе было неловко.

Он приподнимается на локтях, и я скатываюсь с него, садясь на край кровати. Щёки горят, в ушах гулко стучит кровь. Стыд — липкий, удушливый, накатывает волной.

Я медленно поворачиваю голову. Он ловит мой взгляд — и тут же отводит глаза.

— Нам лучше... вернуться к разговору, Элли... видео.

Я сглатываю.

— Да... да, конечно, — отвечаю слишком быстро, будто хватаюсь за спасательный круг. — Я... — я делаю короткую паузу, собираясь с мыслями. — Так что... что ты будешь делать с этим видео?

Он опускает взгляд на телефон в своей руке, потом снова смотрит на меня.

— Ничего. Это не моё решение. Это твоё. Я просто хочу,

чтобы ты сначала успокоилась и подумала, прежде чем что-то стирать.

— Я просто... — начинаю я и снова замолкаю, подбирая слова. — Мне от одной мысли, что это существует, становится плохо.

Он медленно кивает.

— Я знаю. Поэтому... я сохраню это на флешку. И отдам её тебе. Чтобы оно было у тебя. Только у тебя. И чтобы ты сама решила, что с этим делать.

Я моргаю.

— Правда?

— Да. Потому что это твоё. Твоя история. Твой выбор. И ты сама решишь, что с этим делать.

Я молчу несколько секунд, глядя на него. Потом медленно киваю.

— Хорошо... давай сделаем так.

Сэм замирает на долю секунды, затем на его лице появляется слабая улыбка.

Он поднимается с кровати и машинально проводит ладонью по затылку.

— Сэм.

— Да?

Я медлю.

— Тайлер... он знает? Он видел это?

Сэм не отвечает сразу. Просто смотрит на меня, внимательно, будто оценивая, насколько я готова услышать правду.

— Тайлер мой лучший друг, Элли. Я рассказал ему, что с тобой поступили неправильно. Но я не показывал ему видео.

Я уже собираюсь спросить «и?», но он продолжает:

— А он, знаешь... просто усмехнулся и сказал, цитирую: «сама полезла куда не нужно».

Слова обрушиваются на меня, как удар под дых. Я чувствую, как кровь отливает от лица.

— Что? Он... он прям так и сказал?

— Ну да, — Сэм пожимает плечами. — Это же Тайлер. Не принимай близко к сердцу. Он всегда говорит то, что думает.

— Подожди, — говорю я. — Мне просто... показалось, что он переживал. — Я делаю паузу, подбирая слова. — Он даже предложил мне работу. Когда узнал, что мне нужны деньги.

Сэм замирает. Его брови медленно ползут вверх.

— Работу?

— Да, — киваю я. — Его домработница уехала. Он ищет человека для дома. Уборка, порядок, помощь... и он предложил это мне. Как временный вариант.

Сэм застывает на месте. Потом тихо, почти беззвучно хмыкает.

— Ты серьёзно?

— Ну да.

Он смотрит на меня несколько долгих секунд, будто не сразу решает, стоит ли отвечать. В его взгляде мелькает что-то между удивлением и плохо скрытой насмешкой. Он про-

водит ладонью по затылку, словно отгоняя собственные мысли.

— Элли, послушай. Тайлер не благотворительная организация. Особенно когда дело касается его дома.

— Но он так и сказал! — выпаливаю я. — Слово в слово.

Сэм смотрит на меня несколько секунд, потом медленно качает головой.

— Элли... он сказал это не просто так. Ему от тебя было что-то нужно.

— Что значит... нужно?

— Тайлер не впускает в свой дом людей, которых знает неделю. Тем более, чтобы они «убирались» и «рылись в его вещах». Для него дом — это территория. Закрытая. Под контролем. Под замком.

Я молчу, позволяя словам осесть. Перед глазами всплывает его дом: безупречный порядок, каждая вещь на своём месте. И его взгляд — внимательный, режущий, будто не упускающий ни одной детали.

— И что... что ему тогда от меня нужно? — спрашиваю я тише, и в моём голосе слышится неподдельная растерянность.

— Я не знаю, Элли. Честно. Его мотивы — это всегда лабиринт. Но это всё звучит... максимально странно. Он просто предложил тебе работу?

Я отвожу взгляд. Потому что «работа» — это слишком простое слово для того, что было. Перед глазами всплыва-

ют его глаза, его голос, его слова. Его странное «второе желание». Сумма, которую я назвала наугад — и которую он принял без колебаний.

— Элли? Ты зависла...

Я вздрагиваю, отрываясь от собственных мыслях.

— Что?

— Он просто предложил тебе подработку? Или между вами там было что-то ещё?

Я медленно выдыхаю.

— Он сказал... — начинаю я и на секунду замолкаю. — Что согласится взять меня к себе на работу, только если я буду с ним честной.

— В чём именно?

Я поднимаю взгляд.

— Зачем мне нужны были деньги. Почему мне понадобилось так много.

Сэм на секунду замирает. Потом уголок его губ едва заметно дёргается.

— Ага... — тихо произносит он.

— Что «ага»?

Он опускает взгляд, коротко усмехается — не весело, а так, будто всё стало до обидного очевидным.

— Теперь всё понятно.

Я хмурюсь.

— О чём ты?

Он поднимает на меня взгляд.

— Он не про уборку говорил, Элли. И не про деньги. Он просто проверял, насколько далеко ты зайдёшь, если надавить в нужную точку. — Он делает паузу. — Ты же ему не рассказала, зачем тебе деньги?

— Нет, — качаю головой.

Сэм проводит рукой по затылку и смотрит на меня так, будто всё сошлось в одну линию.

— Тогда всё логично. Когда расскажешь, он просто оценит ситуацию. Если там что-то реально серьёзное — да, он может помочь деньгами. Он умеет быть... рационально щедрым. Но чтобы ты драила его дом? — он качает головой. — Нет, Элли. Это не предложение. Это была проверка. Чистая манипуляция.

Я хмурюсь.

— Но он... — голос предательски дрожит. — Он говорил серьёзно. И... мы правда договаривались. Триста долларов в час.

Сэм медленно моргает, потом тихо, коротко и беззвучно смеётся.

— Элли, ты себя вообще слышишь? — спрашивает он, и в его голосе слышится смесь усталости и раздражения. — Триста долларов. В час. За уборку. Да он за эти деньги может нанять целый клининг с дипломированными специалистами по натиранию паркета до блеска!

Его слова логичны. Рациональны. Они должны меня отрезвить, вернуть в реальность. Но вместо этого во мне под-

нимается что-то другое. Упрямое. Болезненно живое. Почти злое. В памяти всплывает взгляд Тайлера в тот момент, когда я назвала сумму. Ни насмешки. Ни возмущения. Интерес. Холодный, внимательный, тот самый, которым он смотрел на меня с первой встречи.

И тут до меня доходит...

— Ты просто не хочешь видеть очевидного, Сэм, — выпаливаю я. — Тебе проще считать, что я наивная дура, которую можно водить за нос. Но я всё вижу, Сэм. Всё.

— Элли, я не это имел в виду...

— Нет, именно это, — перебиваю я. — Ты сейчас буквально говоришь, что я дурочка, которую легко купить, легко прочитать, легко развести. Что я не способна сама понять, где мной манипулируют, а где нет.

Сэм открывает рот, но я уже не могу остановиться.

— А может, всё не так просто?

— Не так просто?

— Да! Я ему должна, Сэм. Это вообще изначально было его желание. Его условие. Его правила!

Я поднимаюсь с кровати. Движение резкое, будто если останусь сидеть, снова услышу сомнение в своём голосе.

— И да... — выдыхаю я. — Мне кажется... нет. Не кажется.

Я делаю пару шагов по комнате и поворачиваюсь к нему.

— Я уверена, что я ему нравлюсь. Именно поэтому он ведёт себя так. Поэтому... — я сглатываю. — Процентов девя-

носто девять и девять, что ты ошибаешься.

Сэм несколько секунд просто смотрит на меня молча. Так, будто прокручивает мои слова у себя в голове, примеряет их, как чужую одежду, и они ему очевидно не по размеру. Потом уголок его губ дёргается. Лёгкая, почти незаметная усмешка.

— Нравишься? — переспрашивает он тихо.

Не грубо. Но с той самой интонацией, в которой смешано всё: скепсис, ирония и что-то ещё, менее приятное.

Он чуть склоняет голову набок.

— Элли... ты правда думаешь, что такие, как Тайлер, делают что-то просто потому, что «нравится»? Это не школьный флирт. Не романтика.

Я резко поднимаю подбородок.

— Сэм, ты... ты не понимаешь. Между нами есть искра. Настоящая искра! Не игра. Не манипуляция.

Сэм смотрит на меня ещё секунду. Две. А потом медленно, почти лениво выдыхает.

— А-а-а... — протягивает он, и на губах мелькает кривая усмешка. — Ну если искра... — добавляет он с мягкой, почти издевательской иронией. — Тогда всё понятно. Как я сразу не догадался. — Он коротко усмехается и качает головой. — Только, Элли... — его взгляд на секунду становится серьезным, — теперь тебе придётся быть очень осторожной девочкой.

Я замираю.

— В смысле осторожной?

— Ну знаешь... — Сэм едва заметно усмехается. — Когда Тайлер начнёт забирать тебя после смены. Из кафе. Весь такой красивый, холодный, правильный...

Он делает паузу, давая образу закрепиться.

— Просто будь аккуратна, когда его бывшая невеста Лора, с которой он расстался всего месяц назад, решит выдрать тебе все волосы при первой же возможности.

У меня перехватывает дыхание.

— Его... кто?!

Сэм будто только сейчас осознаёт, что сказал слишком много, но отступать уже некуда.

— Бывшая невеста, — спокойно повторяет он. — Лора. Та самая, что работает твоим менеджером.

— Она его невеста?

Сэм пожимает плечами.

— Ну да. Помолвка, кольцо, совместные планы. Весь набор. Расстались месяц назад. Громко, грязно, с разбитой посудой и обидами. Но Лора... она не из тех, кто отпускает. Особенно то, что считает своей собственностью. А Тайлера она всегда считала своей собственностью.

Он замолкает на секунду, будто подбирая слова, и снова продолжает:

— Хотя... если вы действительно будете «встречаться», то зачем тебе вообще кафе? — спокойно добавляет он. — Триста долларов в час за вытирание пыли звучит куда перспективнее. Плюс... он вполне может просто уволить Лору и

поставить тебя менеджером. «Сменил невесту — сменил и управляющую в семейном бизнесе».

Я смотрю на него, не понимая.

— Уволит?

Сэм медленно моргает, и на его лице появляется выражение искреннего удивления, будто он только что понял, что забыл сказать мне самое главное.

— Ах да... — произносит он спокойно. — Ты же не в курсе... кафе, в котором ты работаешь, — это не просто чьё-то кафе. Это часть сети. Его мамы. Помнишь, я говорил, что у неё сеть кофеен по городу?

Я не отвечаю. Просто смотрю на него.

— Так вот, это одна из них, — продолжает он. — Лора управляет этой конкретной точкой. Формально — менеджер. По факту — потому что была невестой сына владелицы. — А значит... если сын владелицы захочет, он может попросить убрать кого-то «с глаз долой». Особенно если вдруг найдётся... более подходящая кандидатура.

В комнате воцаряется тишина.

Он ждёт.

Реакции. Удивления. Шока. Вопросов. А я не могу выдавить из себя ни звука. Слишком много информации. Слишком много смыслов. Слишком много «между строк».

— Мне нужно... мне нужен воздух, — бормочу я и делаю шаг к двери.

— Элли, подожди. — Рука Сэма мягко, но настойчиво ло-

вит меня за запястье.

Я останавливаюсь, но не оборачиваюсь сразу. Смотрю на его пальцы на своей коже, и в этом прикосновении слишком много заботы, слишком много напряжения.

— Не трогай, — шепчу я.

Он тут же отпускает.

Между нами снова появляется дистанция — тонкая, почти невидимая, но ощутимая, как стекло.

Я медленно поворачиваюсь.

— Мне просто нужно... пару минут. Без разговоров. Без анализов. Без твоих выводов.

Сэм смотрит на меня внимательно, будто решает, спорить или нет. Потом кивает.

— Ладно.

Одно слово. Без давления. Без попыток остановить.

Я делаю шаг к двери. Потом ещё один. Ручка уже в ладони, но я вдруг замираю.

— Сэм?

— Да?

— Ты правда думаешь, что у людей не бывает... странных чувств?

Он молчит пару секунд.

— Знаешь, Элли... проблема с Тайлером не в том, что у него странные чувства. А в том, что никто никогда не знает, какими именно они окажутся.

Глава 32

***

Некоторые решения принимаются задолго до того, как звучат вслух.

***

Я просыпаюсь в общаге. Сначала: от шума в коридоре, затем от чьих-то шагов и хлопков двери.

Телефон лежит рядом, экраном вверх. Я тянусь к нему не сразу. Сначала просто лежу, пытаясь понять, который сейчас час и почему внутри так пусто, будто ночь не закончилась, а просто сменила декорации.

10:02.

Я выдыхаю.

В одиннадцать должен приехать Сэм и помочь мне с вещами. Так решила мама — вчера, между чаем, смехом и своим привычным: *«Ну что ты, Элли, Сэму же не трудно помочь тебе с вещами»*.

Я чувствую, как жар поднимается к лицу. Не от стыда — скорее от странного смущения, которому я не нахожу объяснения. Я переворачиваюсь на бок и утыкаюсь взглядом в стену.

Воспоминания о вчерашнем вечере всплывают обрывками: как мама суетится на кухне, как курьер протягивает ко-

робку с пиццей, как цветы стоят у окна. И Сэм — слишком естественно вписавшийся в этот ритм. Будто он не гость, а часть этого дома. Будто ему не нужно встраиваться — он уже на своём месте.

От этой мысли в тот момент мне стало почему-то тесно. Наверное, поэтому я и встала первой.

Мама посмотрела на меня с тем самым расстроенным взглядом, который я знала с детства, потом обняла крепко и попросила звонить. Хотя бы раз в неделю. А когда мы с Сэмом сели в машину, она подмигнула мне — совсем по-детски — и показала большой палец вверх. Похоже, она решила, что Сэм — не просто друг. А что-то большее. Хотя я и говорила, что мы знакомы всего неделю и между нами нет ничего, кроме дружбы.

Я переворачиваюсь на другой бок и смотрю на телефон.

Ничего.

Ни новых сообщений. Ни пропущенных.

Автоответчик от Джейсона молчит. Ответа от него нет.

Я откладываю телефон и закрываю глаза.

Как он там? Жив ли вообще? Лежит в палате под капельницей? Или уже... в холодном помещении, под белой простынёй, где больше никто не ждёт звонков?

Я резко распахиваю глаза, словно могу вытолкнуть эту мысль обратно.

Нет. Не думай так. Не смей.

Он всё это спланировал.

Запись. Телефон. Камера.

Не случайность. Не ошибка. Не забывчивость.

Контроль.

Он хотел, чтобы это существовало. Хотел, чтобы это осталось у него. Как способ удержать. Как повод... вернуть меня.

Господи...

Я сбрасываю с себя одеяло, будто оно весит тонны, и сажусь, упираясь локтями в колени. Ладони вжимаются в глазницы, будто могут выдавить эти кадры из головы.

Джейсон просто идиот. Не думай о нём, Элли.

Ложь.

Он не идиот.

Он был расчётливым и холодным. А я... я была слишком наивной, чтобы это увидеть. Слишком отчаянной, чтобы почувствовать опасность.

Я встаю с кровати. Натягиваю первые попавшиеся спортивные штаны, скомканные на стуле, и выхожу в наш крошечный коридор.

Подхожу к двери Кейт и стучу — негромко, но настойчиво.

— Кейт? Ты там?

Дверь распахивается мгновенно.

— Ну наконец-то, — заявляет она с видом человека, который ждал этого момента всю жизнь.

Она не даёт мне сказать ни слова — хватает за руку и бук-

вально затягивает к себе в комнату. Дверь захлопывается за спиной с мягким, но многозначительным щелчком.

— Садись, — командует она.

Я машинально опускаюсь на край её кровати. Кейт встаёт напротив, скрещивает руки на груди и смотрит на меня с таким выражением, будто собирается вести допрос.

— Ну, — тянет она. — Рассказывай. Как прошла ваша первая ночь?

Я моргаю.

— Чего?

— Не делай вид, что ты не понимаешь, — Кейт прищуривается. — Ты прошлой ночью не пришла. Утром я захожу к тебе — а там картина маслом. Ты в трусах натягиваешь джинсы, а у окна стоит он. Молчаливый, загадочны Тайлер.

— Кейт... я не спала ни с каким Тайлером.

Она замирает.

— Почему это?

— В смысле почему? — переспрашиваю я. — Я что, должна была поставить галочку в списке дел? Переспать с загадочным парнем?

Она фыркает.

— Ну извини, — она разводит руками. — Ты была полуголая.

— Я была не полуголая! — возражаю я. — Я вообще-то одевалась.

— Это, знаешь ли, детали, — отмахивается она. — В моей

голове вы уже поженились, развелись и травмировали друг друга на всю жизнь.

Я вздыхаю.

— Кейт, ничего не было. И не планировалось даже.

Она несколько секунд молча смотрит на меня, потом медленно опускается на край стола.

— Тогда объясни мне, дорогая, что он делал в твоей комнате и где ты, чёрт возьми, пропадала прошлой ночью.

Я смотрю на неё несколько секунд.

Просто смотрю.

Внутри всё сжимается — не от страха, а от выбора. Рассказать или снова отделаться шуткой. Отмахнуться и сказать «потом».

— Ну... — выдыхаю я. — Только давай без истерик.

— Я сама спокойствие, — тут же отвечает она. — Начинай.

Я опускаю взгляд на пол, собираясь с мыслями.

И всё-таки начинаю.

Я рассказываю ей с того момента, как приехала к Джейсону. Без подробностей, без лишних слов. Как он начал вести себя странно. Как позволил себе слишком много. Как я ударила его и просто убежала, не разбираясь, куда и зачем — лишь бы подальше.

Кейт хмурится, но молчит.

Я продолжаю — рассказываю, как меня забрали Сэм и Тайлер. Без пафоса, без лишних слов: просто сели в машину

и уехали. Как мы заехали к Тайлеру домой, как я уснула на диване, не помня даже момента, когда закрыла глаза.

Потом — про утро. Про звонок мамы. Про её просьбу приехать. Про то, что ей кажется правильным, чтобы я жила у неё. Что дом теперь мой.

И о том, как Тайлер всё-таки уговорил меня съездить к ней. Как утром подвёз к общаге — просто чтобы я переоделась.

Кейт несколько секунд молчит. Потом медленно приподнимает брови и смотрит на меня так, будто пытается разглядеть мелкий шрифт между строк.

— И... это всё? — уточняет она. — Или у тебя там припасено ещё что-нибудь, чтобы меня добить окончательно?

Я встречаюсь с ней взглядом и понимаю: я сказала только удобную часть. Остались звонки. Цветы. Контроль. И Джейсон — живой или нет. Разницы уже почти нет.

Я отвожу глаза.

— Нет, — отвечаю честно. — Это не всё.

Кейт напрягается.

— Отлично. Тогда давай по второму кругу.

— Сегодня я переезжаю.

— Что? — Кейт моргает. — Сегодня?

— Да.

— Прямо... — она смотрит на часы, потом на меня. — Вот так? Между завтраком и моим кофе?

Я киваю.

Кейт открывает рот, потом закрывает. Потом снова открывает.

— Секунду назад, — говорит она медленно, — я планировала найти Джейсона и убить его.

Она делает шаг ко мне ближе, прищуривается.

— А теперь... теперь я хочу убить тебя!

— Кейт...

— Нет, подожди, — перебивает она. — Я ещё не закончила. Ты хочешь сказать, что просто берёшь и съезжаешь? Оставляешь меня одну с этой общагой, соседями и ощущением, что меня только что бросили?

— Я не бросаю тебя, — говорю я. — Мне просто... нужно уехать.

Она смотрит на меня ещё пару секунд. Потом тяжело выдыхает и садится на кровать.

— Ты в курсе, что это нечестно?

Я киваю.

— Мне правда жаль.

Кейт молчит. Она молчит так долго, что тишина начинает давить сильнее любых слов. Она смотрит в пол, потом в стену, потом куда-то мимо меня, словно примеряя к реальности то, что только что услышала.

— Кейт... — осторожно начинаю я. — Я хотела попросить тебя...

Она не реагирует.

— Я хотела, чтобы ты помогла мне собрать вещи, — до-

говариваю я тише. — В одиннадцать приедет Сэм. Поможет перевезти всё.

Кейт медленно поворачивает голову и смотрит на меня.

Просто смотрит. Без улыбки. Без привычной иронии. Взгляд прямой, тяжёлый — такой у неё бывает редко.

Несколько секунд мы молчим.

— Значит... — наконец говорит она, — всё уже решено?

— Да, — киваю я.

Кейт хмыкает, но без смеха.

— Конечно. Ты никогда не тянешь. Ты просто берёшь и уходишь, — она делает паузу. — Очень в твоём стиле.

— Это не так...

— Это именно так, — перебивает она, но уже без злости. Скорее устало. — Ты всегда сначала всё переживаешь внутри, а потом ставишь всех перед фактом.

Она молчит пару секунд, затем кивает.

— Хорошо, Элли.

Я поднимаю взгляд.

— Только я поеду с вами, — добавляет она и смотрит на меня внимательнее. — Хочу посмотреть, куда именно ты сбегаешь.

Я удивлённо моргаю.

— Правда?

— Ага, — хмыкает она.

— Кейт...

— Молчи, — перебивает она, бросив взгляд на часы. —

Разговоры закончились. Начинается сбор твоей новой жизни.

Кейт смотрит на меня несколько секунд, будто что-то сверяет внутри себя. Потом поднимает руку и указывает на меня пальцем.

— И ещё, — добавляет она уже тише.

Я замираю.

— Если из-за этого Джейсона у тебя хоть один синяк... — она замолкает на секунду, словно взвешивает, насколько далеко можно зайти, — я его живьём закопаю, Элли.

Я киваю. Медленно, почти незаметно.

Знала бы ты, Кейт...

Знала бы ты, как легко всё вышло из-под контроля.

Знала бы ты, что синяки — не самое страшное.

Я отвожу взгляд, чтобы она не увидела, как внутри всё сжимается.

Кейт несколько секунд молчит, будто даёт мне это прожить. Потом её голос снова становится привычным — собранным, деловым.

— Ну что, пошли?

Я киваю ещё раз. Уже увереннее.

— Пошли.

И мы двигаемся с места, оставляя за спиной разговор, который так и не стал признанием.

Вещей оказалось больше, чем я думала. Они будто размножались по мере того, как мы вытаскивали их из шкафов

и ящиков. Сумки, пакеты, коробки — всё, что раньше казалось мелочами, внезапно заняло полкомнаты.

Сэм всё это время валялся на моей кровати, закинув ногу на ногу, и листал что-то в телефоне, периодически поглядывая на нас.

— Вам помощь точно не нужна? — лениво уточнил он в третий раз.

— Если ты ещё раз это спросишь, — не оборачиваясь отвечает Кейт, — я поверю, что ты правда хочешь помочь. И проверю.

Сэм тут же замолкает и снова утыкается в телефон.

Мы продолжаем молча.

Я складываю вещи, Кейт раскладывает их по сумкам быстрее и увереннее, чем я успеваю доставать новые. Комната постепенно пустеет, будто от неё отрезают куски.

Я оглядываюсь и с трудом узнаю пространство, в котором жила ещё вчера. Полки пустые. Стол без привычного беспорядка. Только несколько сумок у стены — и ощущение, что я вытащила из этой комнаты слишком многое.

— Всё, — говорит Кейт и выпрямляется. — Закончили.

Сэм отбрасывает телефон на кровать и поднимается.

— Ну что ж, — тянет он, — поздравляю. Ты официально собрала половину своей прошлой жизни.

Он переводит взгляд на меня.

— Готова ехать?

Я киваю.

И только в этот момент по-настоящему понимаю: назад пути уже нет.

***

Мы едем в одной машине.

Сумки плотно уложены в багажник, ещё несколько — у нас под ногами. Кейт сидит рядом со мной, скрестив руки, и смотрит в окно, будто считает повороты и дома. Сэм за рулём — сосредоточенный, непривычно молчаливый, с тем самым выражением лица, когда он думает о чём-то своём и не спешит говорить.

Я тоже молчу.

Машина скользит по дороге ровно и спокойно. Светофоры сменяются перекрёстками, город остаётся позади, и с каждым километром становится чуть легче дышать — или, наоборот, чуть тревожнее. Я не сразу понимаю, что именно чувствую.

Дом появляется неожиданно.

Сэм сбавляет скорость и останавливается у обочины.

— Приехали, — говорит он негромко.

Кейт выскакивает из машины первой — слишком быстро для человека, который всю дорогу молчал. Хлопает дверью и оглядывается по сторонам, словно оценивает локацию.

— Мило, — выносит она вердикт и делает пару шагов вперёд. Потом оборачивается, прищуривается и добавляет уже

тише: — значит, променяла городскую жизнь на тишину, и утренние разговоры с деревьями?

Я закатываю глаза, открываю багажник и тяну к себе ближайшую сумку.

— Не драматизируй, — отвечаю я. — Деревья, между прочим, гораздо тактичнее людей.

— Она права, — спокойно говорит Сэм, закрывая багажник. — Я бы, кстати, и сам не отказался жить в таком месте.

Я поворачиваюсь к Кейт, закидывая сумку на плечо.

— Видишь? Я не одна такая.

Кейт смотрит на нас по очереди, потом фыркает.

— Вам сколько лет? Пятьдесят?

Мы одновременно смеёмся и направляемся в сторону дома. Я открываю дверь и отступаю в сторону, пропуская их внутрь.

— Проходите.

Кейт заходит первой — и замирает.

— Нифига себе... — тянет она, медленно оглядываясь. — Так он огромный.

Она делает пару шагов, заглядывает в окно, потом разворачивается ко мне с загоревшимися глазами.

— Я уже вижу, как мы тут устроим вечеринку. Это же будет невероятно! Соседи далеко, места полно...

Она снова оглядывается.

— И вообще, — добавляет она задумчиво, — знаешь, внутри мне нравится даже больше, чем снаружи.

Я закатываю глаза, ставлю сумку на пол и устало выдыхаю.

— Никаких вечеринок, Кейт.

Она хмурится.

— В смысле?

— В прямом, — отвечаю я. — Я сюда не тусоваться переехала.

— Да ты обязана, — возмущается она. — Такой дом простаивать не должен!

— Кейт...

— Нет, подожди... ты должна....

— Кстати, — вдруг вмешивается Сэм, и в его голосе появляется знакомая нотка энтузиазма, — мы с Элли вчера планировали заехать на вечеринку. Не сложилось.

Мы обе поворачиваемся к нему.

— У моего друга есть бассейн, — продолжает он. — Мы думали заехать. Может... сегодня?

Он смотрит на меня, потом переводит взгляд на Кейт — и улыбается шире.

— Думаю Элли, не будет против увидеться с Тайлером. С её будущим...

Я резко делаю шаг к нему и закрываю ладонью его рот.

— Заткнись, — шиплю я.

Кейт смотрит на нас, прищурившись.

— Та-а-ак... вот с этого места, пожалуйста, поподробнее.

Я убираю руку и вздыхаю.

— Ни бассейна. Ни вечеринок. Ни будущих, — перечис-

ляю я. — Мне нужен один спокойный день. Хотя бы один.

Кейт смотрит на меня так, будто я только что сказала что-то кощунственное.

— Спокойный день? — переспрашивает она. — Элли, у него дома — бассейн!

— Бассейн — это здорово. Но мне нужно разобрать вещи.

— Разберёшь, — отмахивается она. — Вещи никуда не денутся. В отличие от бассейна.

Сэм кивает, словно это самый логичный аргумент в мире.

— Я, между прочим, вчера договаривался с Тайлером, — добавляет он спокойно. — А ты взяла и слилась.

— Я не слилась, — возражаю я. — Я просто... передумала.

— Ага, — хмыкает Кейт. — Классическая версия.

Я перевожу взгляд на Сэма.

— И вообще, ты сам говорил, что Тайлер не пускает в дом незнакомых людей.

— Не пускает, — соглашается он. — Но вы не незнакомые.

— Я — может быть, — говорю я. — А вот она...

— Эй! — возмущается Кейт. — Я очень даже знакомая. Я — подруга.

— Тем более, — спокойно продолжает Сэм. — Мы же не будем лазить у него по комнатам. Просто бассейн. Немного людей. Всё культурно.

— У меня завтра учёба, — пробую я ещё один аргумент.

— У нас у всех учёба, — пожимает плечами Кейт. — И

ничего, как-то живём.

— И, возможно, работа, — добавляю я.

— Договоришься, — перебивает Сэм и делает шаг ближе, будто мягко подталкивает меня вперёд. — Возьмёшь выходной. Босс разрешит. — Улыбается он.

— Сэм...

— Всё, — говорит он, доставая телефон. — Я звоню.

— Не надо...

— Надо, — одновременно отвечают они с Кейт.

Сэм нажимает на экран и включает громкую связь.

Кейт тут же подпрыгивает на месте.

— Да! — шепчет она, складывая ладони. — Пожалуйста, пусть согласится. Я буду вести себя идеально. Обещаю.

— Если он согласится, — говорю я быстро, — я никуда не поеду.

— Поедешь, — хором отвечают они.

Телефон подаёт короткий сигнал, потом ещё один.

Я качаю головой, уже зная, что проиграла.

— Да? — раздаётся в динамике знакомый голос.

Я замираю.

Кейт распахивает глаза, Сэм выпрямляется.

— Тайлер, привет, — говорит Сэм.

— Привет, братишка.

Сэм расплывается в улыбке, показывает нам большой палец вверх и шепчет одними губами:

— Он в настроении.

Кейт наклоняется ко мне и тоже шепчет:

— Он всегда так говорит? Как будто в кино.

Я толкаю её локтем, но сама не могу удержаться от глупого напряжения в груди.

— Ты занят сегодня? — продолжает Сэм вслух. — Или свободен?

— Да нет, — отвечает он. — Я дома. Что-то случилось?

— Нет, — Сэм сразу машет рукой, хотя Тайлер его не видит. — Ничего такого. Просто помнишь... мы вчера договаривались заехать. Я с Элли.

— Ну, — произносит Тайлер. И в этом «ну» слышится не согласие, а ожидание продолжения.

Сэм кивает.

— В общем... а если мы приедем сегодня?

— Хм...

От этого «хм» почему-то становится не по себе, будто он не согласился и не отказал — просто отметил факт.

— Элли сейчас с тобой? — продолжает он.

— Да, — отвечает Сэм. — Я ей помог переехать. Теперь она будет жить в доме, а не в этом... — он морщит нос, выбирая выражение, — вонючем общежитии.

Кейт тут же толкает его в бок.

— Оно не вонючее! — шипит она. — Оно аутентичное.

Сэм давится смешком, но продолжает уже серьёзнее:

— Короче, ты понял.

В динамике на секунду повисает тишина. Не неловкая —

выжидающая.

— Дай трубку, Элли, — вдруг говорит он.

Сэм широко улыбается, будто только этого и ждал. Он протягивает мне телефон, смотрит на меня и шепчет:

— На. Поговори с ним.

Я автоматически качаю головой.

— Сэм... нет.

— Элли, — вмешивается Кейт. — Поговори с ним.

Я выдыхаю и резко тянусь вперёд и выхватываю телефон у Сэма — быстрее, чем успеваю передумать.

— Алло, — говорю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

— Привет, Элли, — отвечает Тайлер.

От того, как он произносит моё имя, у меня на секунду сбивается дыхание.

— Привет, — повторяю я, уже тише.

— Ты уже переехала?

— Да. Сегодня.

— Быстро, — коротко отвечает Тайлер. — Почему ты вчера мне не перезвонила?

Я машинально хлопаю ладонью себя по лбу.

— Я... я...

— Что?

— Я немного... замоталась, — выдыхаю я. — Документы, мама, всё сразу. Я просто забыла...

В трубке повисает тишина. Не обрыв связи. Не шум. Просто молчание. Я уже открываю рот, чтобы сказать что-то ещё,

когда Кейт резко бьёт меня локтем в плечо.

— Ну же, — шепчет она настойчиво. — Если ты его не уговоришь, я обижусь на тебя на целый месяц. Минимум.

Я смотрю на неё. Потом на Сэма, который изображает невинность и делает вид, что просто стоит рядом.

Я вздыхаю.

— Тайлер, — начинаю я и сама слышу, как голос становится осторожнее. — Насчёт вчера... правда был сложный день...

— Это я понял, — перебивает он.

Я замолкаю. Слова не сразу складываются в фразу.

Я глубоко вдыхаю.

— Я хотела спросить... — начинаю я и тут же чувствую, как Кейт подпрыгивает рядом. — Мы хотели бы к тебе заехать. Если ты не против.

— Заезжайте, — бросает он.

Я на секунду теряюсь, будто не ожидала, что всё окажется так просто.

Кейт замирает, а потом резко подаётся ко мне и начинает беззвучно жестикулировать, тыкая пальцем себе в грудь. «Скажи про меня.»

— Со мной... — начинаю я. — Со мной будет Кейт. Моя подруга. Та самая, которую ты... — я делаю паузу, подбирая слово, — выселил со стула.

— Пусть будет. — Коротко отвечает он.

Кейт резко выдыхает и почти подпрыгивает.

— Спасибо! — выпаливает она и тут же выхватывает телефон, прежде чем я успеваю среагировать. — Тогда мы будем... — она тянет паузу, бросает взгляд на часы, — через часа два. Плюс-минус. Мы культурные. Почти.

Я хватаюсь за её локоть.

— Кейт!

— Всё-всё, — отмахивается она, уже сияя. — Я заканчиваю.

Она не дожидается ответа, нажимает на экран и обрывает связь.

На секунду в комнате повичает тишина. Кейт медленно опускает телефон, смотрит на меня с победной улыбкой и торжественно объявляет:

— Всё. Мы едем. Назад пути нет.

Я бросаю взгляд на погасший экран и понимаю, что только что меня снова куда-то втянули.

И, как всегда, слишком легко.

Глава 33

***

Контроль — это иллюзия, которая исчезает при первом прикосновении.

***

Тайлер.

Я не люблю спонтанные визиты. Люди обычно думают, что дело в порядке — в том, успел ли ты убрать, скрыть хаос, привести всё в приличный вид.

Но это не так.

Чистота здесь ни при чём. Всё гораздо проще и честнее: дело в контроле.

Если кто-то появляется в моём доме, я должен понимать зачем. Что он хочет. С чем пришёл — и с чем уйдёт. Потому что дверь — это не просто вход. Это граница. И я редко позволяю пересекать её без причины.

Сегодня причина есть. Даже несколько.

Элли. Сэм. И, кажется... Кей?

Я ловлю себя на том, что мысленно расставляю их по ролям ещё до того, как они появятся на пороге. Я знаю, кто будет молчать, кто начнёт говорить первым, кто попытается спрятать тревогу за сарказмом. Они ещё в пути, а я уже вижу разговор наперёд — возможные вопросы, недосказанно-

сти, точки напряжения и паузы, которые скажут больше, чем слова.

Телефон в кармане вибрирует — резкая, требовательная дрожь, которая прорывается сквозь мысли и возвращает к реальности.

Сообщение от Сэма:

Мы почти на месте.

Я задерживаю взгляд на экране всего на секунду — достаточно, чтобы подтвердить очевидное и убираю телефон обратно в карман, направляясь к панели у входа. Чёрный глянцевый экран загорается от лёгкого касания, отражая на мгновение моё лицо, прежде чем переключиться на изображение с камеры.

Экран показывает пустую дорожку, но ненадолго. Через пару секунд в кадр въезжает машина. Уверенно, без лишних манёвров.

За рулём — Сэм.

Он высовывается из окна, широко улыбается своей безрассудной, почти вызывающей улыбкой и машет прямо в объектив, будто точно знает, что я смотрю.

— Открывай, брат! Мы с культурной программой!

Палец ложится на кнопку открытия, и створки ворот начинают расходиться — плавно, беззвучно, как будто дом сам принимает решение впустить их.

Я отворачиваюсь от панели ещё до того, как они въезжают во двор и прохожу в прихожую, приоткрываю входную дверь

и останавливаюсь в проёме, упираясь плечом в косяк.

Машина Сэма въезжает на территорию спокойно, уверенно — так, будто он здесь хозяин не меньше меня. Без лишних пауз, без сомнений. Он всегда заходит в пространство так же, как входит в разговор — сразу, громко, занимая больше места, чем нужно.

Сэм.

Единственный человек, которому я позволяю нарушать правила чаще, чем остальным. Он всегда действует так, будто мир чуть проще, чем есть на самом деле. Будто проблемы можно разрядить шуткой, напряжение — улыбкой, а сложные разговоры — громким «да ладно, разберёмся».

Он единственный, кто видит мои границы — и всё равно переступает их, не из вызова, а из уверенности, что выдержит последствия.

Иногда это раздражает. А иногда — спасает.

Машина плавно выравнивается и останавливается у входа. Я не двигаюсь. Просто наблюдаю. Смотрю вперёд, будто от того, как долго я не шевелюсь, зависит, то, что произойдёт дальше.

Первой выскакивает Кейт. Подруга Элли. Она выходит слишком быстро, слишком легко — так, будто не чувствует веса ситуации или делает вид, что не чувствует. Дверь хлопает чуть громче, чем нужно, и это сразу выдаёт её: человек, который привык занимать пространство, чтобы не дать ему давить на себя.

Она оглядывается с откровенным, жадным любопытством, будто приехала не в гости, а на экскурсию. Взгляд цепляется за фасад, за стекло, за линии дома, за камень у ступеней — не просто «смотрит», а считывает. Быстро. Привычно. Сортирует внутри себя на «дорого», «слишком дорого», «кто так живёт», «а почему он так живёт».

Она улыбается — чуть криво, с выражением «ну конечно», как будто ожидала увидеть именно это. Будто заранее решила, каким я должен быть, и теперь сверяет свои догадки с реальностью.

— Ничего себе... — выдыхает Кейт, медленно поворачиваясь вокруг. — Вот это уровень... так вот ты какой, Тайлер.

Я тихо фыркаю — без улыбки, почти автоматически, не потому что смешно, а потому что предсказуемо: люди любят придумывать версии, навешивать ярлыки, объяснять чужую жизнь чужими деталями, будто дом, машина и тишина в голосе — это уже диагноз.

И мне вдруг хочется ответить: *какой я? Каким ты меня представляла? И что это вообще говорит обо мне?*

Я почти слышу, как это прозвучало бы — спокойно, ровно, с тем оттенком, от которого люди начинают нервничать и улыбаться невпопад. Я уже выбираю слова, уже решаю, каким будет тон, губы приоткрываются — и в этот момент я вижу Элли.

Она выходит из машины медленно, будто нехотя. Закрывает дверцу машины и на секунду замирает, глядя на дом. Не

на парадный вход — куда-то в сторону, словно ищет что-то знакомое или, наоборот, проверяет, всё ли на своих местах. Лицо спокойное, но в позе читается лёгкая скованность. Та самая, что появляется, когда переступаешь порог чего-то нового и не до конца понятного.

Её взгляд скользит по двору, по фасаду, задерживается на деталях — и только потом поднимается выше.

Ко мне.

Наши глаза встречаются слишком резко, без подготовки, без возможности сделать вид, что это случайность. Она словно замирает на долю секунды, будто проверяет — действительно ли я стою здесь, действительно ли всё происходит именно так. Я чувствую, как слова, которые предназначались Кейт, растворяются где-то на полпути. Вопросы, интонации, заранее выбранный тон — всё становится неважным. Остаётся только этот взгляд и короткое, почти физическое ощущение, будто кто-то незаметно сдвинул равновесие.

Реальность возвращается звуком — резким, глухим хлопком двери. Сэм захлопывает её, не подозревая, что только что разрезал момент пополам и вернул мир в привычное русло.

— Ну что, хозяин, — кричит он, поднимая руку в приветствии. — Будешь дальше стоять как статуя или всё-таки впустишь нас?

Я чуть склоняю голову, не спеша отвечать. Взгляд скользит по нему — привычно, почти автоматически — и сно-

ва возвращается к Элли. Она стоит чуть позади, будто даёт Сэму пространство говорить первым.

— Ты не меняешься, — говорю я спокойно.

— А ты всё такой же радушный, — смеётся он, делая пару шагов вперёд.

Я отталкиваюсь плечом от косяка и открываю дверь шире.

— Заходите.

Кейт первой преодолевает расстояние между машиной и крыльцом. Она смотрит снизу вверх — прямо, с интересом и почти провокационным вызовом.

— Ну здравствуй, загадочный студент, — говорит она. — Место у тебя, надо признать, впечатляющее.

Я смотрю на неё пару секунд, словно взвешиваю, стоит ли вообще реагировать.

— Да ладно? — бросаю с лёгким сарказмом.

Кейт усмехается, будто именно этого и ждала. Она проходя мимо меня, проводит ногтем по моей груди — не задерживаясь, будто просто проверяет реакцию — и, не оборачиваясь, первой проходит в дом, словно пространство уже принадлежит ей.

Я едва заметно усмехаюсь.

Конечно, она именно из тех, кто проверяет границы сразу.

Следом за Кейт поднимается Элли.

— Привет, Тайлер, — говорит она тихо. — Прости, что вломились вот так... неожиданно.

Вломились... хорошее слово. Честное. Точно описывает суть.

Я молчу пару секунд, разглядывая её внимательнее. Тени под глазами — едва заметные, но никуда не исчезающие даже под лёгким макияжем. Напряжение в плечах. Осторожность в голосе, будто каждое слово проходит внутреннюю проверку прежде, чем прозвучать.

Мой взгляд задерживается чуть дольше, чем нужно, и я ловлю себя на том, что ищу изменения — как будто пытаюсь понять, что произошло с момента нашей последней встречи.

— Всё нормально, — говорю спокойно. — Мы с Сэмом договаривались.

Она коротко кивает, словно именно этого ответа и ждала — будто ей было важно услышать разрешение, подтверждение, отсутствие претензий.

— Спасибо, — тихо отвечает она и проходит мимо.

На мгновение я ощущаю движение воздуха, когда она оказывается рядом — слишком близко, чтобы это осталось незамеченным, но достаточно быстро, чтобы не успеть зафиксировать каждую деталь. Я оборачиваюсь чуть позже, чем следовало бы, провожая её взглядом, отмечая, как она входит внутрь — осторожно, будто прислушиваясь к пространству, проверяя его границы.

И только потом рядом возникает Сэм.

Он останавливается на ступени, задерживаясь на полшага ниже, смотрит на меня с этой своей полуулыбкой — лёг-

кой, почти ленивой, но слишком внимательной, чтобы быть случайной. В его взгляде нет спешки, нет неловкости, скорее, тихое любопытство, будто он наблюдает за сценой, финал которой ему уже примерно известен.

Несколько секунд мы просто смотрим друг на друга и мир на мгновение снова замирает — уже без той напряжённой паузы, что была с Элли, но с ощущением, что сейчас прозвучит что-то простое, способное вернуть всё в привычный ритм.

Он чуть склоняет голову.

— Ого, — тихо хмыкает он, почти шёпотом. — Я помешал великому моменту?

— Заткнись, Сэм.

Он тихо смеётся и протягивает руку.

Мы жмём её крепко, без лишних слов — быстрое, привычное движение, в котором больше понимания, чем в любом разговоре.

— Рад тебя видеть, брат, — говорит он уже громче.

— Заходи, — отвечаю я, отступая в сторону, но ещё на секунду задерживаю взгляд внутри дома — там, где исчезла Элли.

Я закрываю дверь за ним, и дом мгновенно меняет звучание. Шаги, голоса, лёгкое эхо — пространство наполняется чужим присутствием, которое уже невозможно игнорировать.

Кейт где-то впереди, её голос звучит живо, сдержанно вос-

торженно, будто она пытается одновременно оценивать и не показывать, что оценивает. Я почти вижу, как она скользит взглядом по стенам, по лестнице, по деталям — всё фиксирует, всё запоминает.

Сэм ловит мой взгляд и чуть склоняет голову в сторону Элли — едва заметно, но достаточно, чтобы смысл был очевиден.

— Ты же был не против? — спрашивает он тихо, почти беззвучно, чтобы никто больше не услышал.

— Нет, — отвечаю коротко.

Он хлопает меня по плечу и делает пару шагов вперёд, сразу заполняя пространство своим присутствием.

— Тогда, веди, — бросает Сэм уже громче и, не дожидаясь ответа, уверенно идёт вперёд.

Сэм проходит вглубь дома так, будто никогда отсюда не уезжал — уверенно, без пауз, не оглядываясь. По пути машинально касается ладонью стены, словно отмечая знакомые ориентиры или проверяя, всё ли осталось на своих местах. Кейт идёт за ним, чуть замедлив шаг у лестницы, её взгляд скользит по деталям, цепляясь за мелочи, которые большинство людей даже не замечает.

Элли на мгновение остаётся позади. Я замечаю, как она оглядывается иначе — не оценивающе, а осторожно, будто пытается сопоставить настоящее с тем, что помнит. Сравнивает. Проверяет, изменилось ли что-то вокруг... или изменилась она сама.

Мы проходим на кухню.

Сэм сразу занимает своё привычное место у острова, садится на высокий стул и откидывается назад, словно вернулся домой.

— Вот, — говорит он с довольной улыбкой.

Кейт останавливается посреди пространства, медленно поворачивается вокруг своей оси и издаёт звук, похожий на благоговейный выдох.

— Нет... — тянет она. — Нет, подождите. Это уже нечестно.

Сэм усмехается, бросая на меня короткий взгляд.

— Я же говорил. У человека не дом, а демонстрация возможностей. Я каждый раз думаю, что привык... и каждый раз — нет.

Кейт кивает слишком энергично, словно нашла союзника. Она проводит ладонью по столешнице, будто подтверждая его слова, и хмыкает:

— Это что, камень? — спрашивает она, наклоняясь ближе. — Или какой-то космический материал?

— Камень, — отвечаю я спокойно.

— Конечно, — кивает она с видом человека, который и не сомневался. — А холодильник, я так понимаю, сам заказывает продукты?

— Только по четвергам, — не моргнув глазом отвечает Сэм.

Кейт поворачивается к нему.

— Ты знал?!

— Я догадывался, — пожимает он плечами и уже достаёт телефон. — Так, ладно. Раз мы тут... кто голодный?

— Все! — отвечает Кейт мгновенно, бросая взгляд на Элли. — Я морально истощена роскошью! Подруга, ты что хочешь?

Элли слегка вздрагивает, будто выныривает из мыслей.

— Я? — короткая пауза. — Не знаю... что-нибудь простое.

Кейт закатывает глаза.

— «Простое» в таком доме — это минимум паста с трюфелем, — заявляет она. — Тайлер, у тебя есть трюфельное масло?

— Есть, — отвечаю я.

— Я знала! — произносит она торжественно. — Я чувствовала!

Сэм смеётся, быстро что-то печатая в телефоне.

— Окей, — говорит он. — Пицца, лапша, какие-то закуски. И... — он поднимает взгляд на Элли. — Вино?

Она на секунду колеблется.

— Думаю, что можно, — говорит она наконец.

Это «можно» звучит тише, чем всё остальное в комнате, но почему-то именно оно застревает в голове.

— Отлично, — радостно объявляет Кейт. — Заказывай две. Я официально одобряю этот вечер.

Сэм нажимает кнопку подтверждения заказа и кладёт телефон на стол.

— Всё, — говорит он. — Еда будет минут через сорок. У нас есть время.

— Для чего? — тут же уточняет Кейт.

Он улыбается.

— Для хаоса.

Она хлопает в ладоши.

— Я знала, что мы подружимся.

Я наблюдаю за этим со стороны, прислонившись к столешнице. Дом живёт. Шумит. Наполняется чужими голосами, смехом, движением. Кейт уже сидит на барном стуле, размахивает руками и рассказывает Сэму какую-то историю с таким энтузиазмом, словно он её давний слушатель, а не человек, с которым она знакома всего пару часов.

— Нет, ты не понимаешь! — она смеётся. — Он реально сказал: «Это не я, это ретроградный Меркурий».

— Классика, — кивает Сэм. — У меня половина друзей живёт под его управлением.

— Я знала! — Кейт снова хлопает в ладоши и наклоняется ближе к нему. — Значит, ты понимаешь масштаб трагедии.

Сэм смеётся, откидываясь назад.

— Я понимаю только одно — нам срочно нужно вниз. Мы же сюда не разговоры разговаривать приехали.

Кейт замирает на секунду, будто вспоминает что-то важное, и её глаза загораются.

— Бассейн!

— Бассейн, — подтверждает он, уже поднимаясь.

Кейт мгновенно соскакивает со стула.

— Всё, я официально объявляю перерыв. Где лестница? Не говори, что она где-то секретная.

Сэм усмехается.

— Пошли. Тут всё просто.

Они уже почти выходят из кухни, когда Кейт вдруг оборачивается на полпути, переводя взгляд сначала на меня, потом на Элли.

— Вы с нами? — спрашивает она, приподнимая брови, будто заранее ожидает согласия.

Элли чуть качает головой.

— Позже.

Кейт бросает быстрый взгляд на меня и пожимает плечами.

— Ну ладно... — тянет она. — Мы тогда разведаем обстановку.

Сэм усмехается.

— Только не скучайте тут. Мы постараемся очень быстро.

— Если не утонем, — драматично добавляет Кейт, исчезая за углом.

Дом словно выдыхает вместе с ними — шум уходит, оставляя после себя неожиданную тишину. Элли сидит за столом, пальцы переплетены, взгляд опущен куда-то на поверхность перед собой. Она не выглядит напряжённой в явном смысле — скорее собранной, будто внутри идёт какой-то разговор, в который никто больше не приглашён.

Я отталкиваюсь от столешницы и подхожу к кухонному острову. Открываю шкаф, достаю стакан. Следом я тянусь к верхней полке. Бутылка виски ложится в ладонь уверенно, будто я беру её по привычке, хотя это не совсем правда.

Позади слышится тихое, почти нерешительное:

— Кхм... я думала, ты не пьёшь.

— Так же, как и не курю? — бросаю я, откручивая крышку.

Она смеётся — легко, без напряжения.

— Просто по тебе не скажешь, что ты из тех, кто гробит своё здоровье.

— Я бросал, — хмыкаю я, наливая виски в стакан. — Пару раз. Не прижилось. Возможно, когда-нибудь попробую ещё. А это... — я делаю лёгкое движение бутылкой, — от раздражения.

— Я тебя раздражаю? — спрашивает она, без укола. Почти с интересом.

Я тихо усмехаюсь, качая головой.

— Не ты. — Слова выходят спокойно, без паузы, будто я даже не задумываюсь над ответом.

Я слегка проворачиваю стакан в пальцах и протягиваю его ей.

— Хочешь?

Элли смотрит на янтарную жидкость, потом поднимает взгляд на меня.

— Думаю... — она делает паузу и улыбается шире, — ду-

маю, да.

Я коротко киваю, будто именно этого ответа и ждал. Я беру второй стакан из шкафа и снова наклоняю бутылку. Янтарная струя тихо ударяется о стекло, заполняя его ровно наполовину.

Первый стакан остаётся у меня. Второй я протягиваю ей.

— Тогда это твой.

Она берёт стакан, пальцы осторожно ложатся на холодное стекло. Я обхожу остров, останавливаюсь напротив, упираясь спиной в столешницу и позволяя себе просто смотреть. Элли делает маленький глоток, слегка морщится и почти сразу улыбается, будто поймала себя на этом.

— Ладно, — признаёт она. — Я переоценила свои силы.

— Это ещё мягкий, — отвечаю я. — Я был вежлив.

— О, да? — она смотрит на стакан с подозрением. — Страшно представить, каким ты бываешь невежливым.

— Невежливым я обычно не наливаю. Беру бутылку и ухожу.

— Куда? — тут же спрашивает она.

Я на секунду задумываюсь. Потом уголок губ сам собой приподнимается.

— В тайную комнату.

— У тебя есть тайная комната?

— А ты думала, я весь такой предсказуемый?

Она усмехается и делает ещё один маленький глоток.

— И что же в этой комнате? Портреты всех своих врагов

в чёрных рамках?

— Скучно, — отмахиваюсь я. — Портреты ничего не делают. Они просто висят.

— Ага, значит, там что-то, что делает тебя...

— Там ничего нет, — перебиваю я спокойно, даже не давая ей закончить.

— Ничего? — она прищуривается, явно не веря.

Я слегка склоняю голову.

— Хочешь проверить?

Она смотрит на меня пару секунд. Потом переводит взгляд на дверь, за которой исчезли Сэм и Кейт. Потом снова на меня.

— А это безопасно? — спрашивает она с лёгкой усмешкой.

— Для меня — да.

— А для меня?

— Не знаю.

Она хмыкает, и качает головой.

— Ты ужасно плох в убеждении. «Не знаю, безопасно ли» — не самая убедительная реклама.

— Мне не нужно быть убедительным, — отвечаю я. — Любопытство делает всю работу за меня.

Она смотрит на меня чуть дольше, чем прежде — будто проверяет, где заканчивается шутка и начинается правда.

Уголок её губ медленно приподнимается.

— Это нечестно, — тихо говорит она. — Ты знаешь, что

я теперь не смогу отказаться.

Я пожимаю плечами.

— Я ничего не делал.

Она фыркает, но уже поднимается со стула. Движение осторожное, почти плавное — будто она даёт себе время перед тем, как окончательно принять решение.

Я чуть поворачиваюсь в сторону выхода.

— После тебя, — говорю спокойно, но не двигаюсь, наблюдая, решится ли она первой.

Она на секунду замирает, потом качает головой.

— Нет. Ты ведёшь.

Я едва усмехаюсь.

— Как скажешь, Элли.

Мы выходим в коридор и поднимаемся по лестнице на второй этаж. Я сворачиваю в сторону кабинета, толкаю дверь плечом и пропускаю её внутрь. Комната встречает нас спокойствием — книги, тёмное дерево, аккуратный порядок, который кажется почти слишком идеальным.

Элли делает пару шагов вперёд, оглядываясь — не торопясь. Её взгляд скользит по полкам, по столу, по деталям, будто она собирает пазл из мелочей.

— Это и есть тайная комната? — спрашивает она.

— Почти.

Я останавливаюсь у стены с книжными полками, где спрятана почти невидимая дверь. Нажатие на скрытую панель — и она бесшумно открывается. За ней не комната, а узкий

проход, ведущий к ещё одной двери в конце — стальной, глухой, без ручки.

Элли замирает за моей спиной. Я чувствую её напряжение — не страх, скорее настороженность, будто она уже понимает, что дальше пространство изменится.

Я оборачиваюсь и смотрю на неё.

— Идём?

Вопрос звучит спокойно, без давления. Просто факт. Она задерживает взгляд на моём лице на секунду дольше, чем нужно, потом коротко кивает.

— Да.

Я отворачиваюсь и делаю шаг вперёд, проходя в узкий переход. Она идёт следом — тихо, почти бесшумно.

Я прикладываю ладонь к холодной стали. Металл мгновенно отдаёт прохладой в кожу. Раздаётся тихий щелчок замков. Тяжёлая дверь отъезжает в сторону. За ней — непроглядная чернота.

Я отступаю в сторону, освобождая проход.

— Вот, — говорю я, отступая в сторону и жестом приглашая её войти. — Добро пожаловать в «ничего».

Она наклоняется чуть вперёд, пытаясь рассмотреть хоть что-то, но взгляд упирается в пустоту. И именно это, кажется, заставляет её замереть ещё сильнее.

— Я... я первая?

Я чуть склоняю голову, наблюдая за ней внимательнее. Мой уголок губ едва приподнимается в лёгкой, почти неза-

метной усмешке.

— Только не говори, что тебе страшно?

Она вскидывает взгляд мгновенно, будто задетая самим предположением.

— Нет, — отвечает она слишком быстро, почти упрямо. И делает небольшой шаг вперёд, будто сама себе что-то доказывает.

Я едва заметно усмехаюсь и отступаю на полшага.

— Тогда прошу. — Я чуть отвожу руку в сторону, жестом приглашая её пройти первой.

Она колеблется всего секунду — короткую, почти незаметную паузу — и всё же делает шаг вперёд. Тьма мгновенно поглощает её силуэт, оставляя только едва различимый контур на фоне света из кабинета.

Я приподнимаю брови, наблюдая, как она исчезает в темноте.

— Смело, — произношу вполголоса и переступаю порог за ней.

Темнота накрывает мгновенно — не плавно, не мягко, а резко, словно кто-то выключил саму реальность. Свет обрывается, и вместе с ним исчезают границы: стены растворяются, глубина теряется, пространство перестаёт подчиняться глазам. На секунду возникает странное ощущение невесомости — будто пол может закончиться в любой момент, а следующий шаг уйдёт в пустоту.

— Может... включишь свет? — голос Элли едва слышен,

но в полной тишине он кажется слишком громким, словно темнота усиливает каждое слово.

Я едва заметно усмехаюсь.

— Света тут нет. Придётся привыкать к темноте.

Я слышу, как её дыхание учащается, становится поверхностным. Она делает осторожный шаг назад и неожиданно натыкается на меня.

— Тайлер, я ничего не вижу. Ни-че-го. Это... ненормально.

— Ненормально? Или просто непривычно?

Я делаю шаг ближе — медленный, бесшумный. Настолько близко, что она, вероятно, чувствует движение раньше, чем слышит его.

— Когда ничего не видно, — продолжаю вполголоса, — воображение начинает работать громче. Можно представить всё что угодно.

Она резко втягивает воздух.

— Например?

— Например... что мы здесь не одни.

Она резко выдыхает, словно только сейчас позволяет себе вдохнуть, — и её пальцы, почти неосознанно, находят мой рукав, сминая ткань в ладони.

— Тайлер... — её голос звучит напряжённее. — Это уже не смешно.

— А я и не смеюсь.

Её хватка усиливается.

— Тайлер, перестань... — её дыхание сбивается, становится коротким и неровным, а пальцы на моём рукаве сжимаются сильнее, словно она сама не замечает, насколько крепко держится.

— Элли, — произношу тихо, почти шёпотом. — Можешь перестать держаться так крепко. Здесь никого нет. Я пошутил.

Она шумно выдыхает.

— Ты специально это делаешь? — говорит она тише, уже без прежней уверенности.

— Делаю что?

Её пальцы на секунду ослабевают, но она не отпускает.

— Пугаешь меня.

— А ты уверена, что это я?

Её пальцы медленно разжимаются, будто она заставляет себя отпустить. Ткань худи выскальзывает из её ладони, и она делает шаг назад — осторожный, почти инстинктивный. Её спина мягко касается стены. Глухой звук почти растворяется в темноте.

— Решила сбежать? — я делаю шаг навстречу. — Только что держалась так крепко, а теперь отступаешь?

— Я не отступаю, — говорит она тихо, и в голосе слышится попытка вернуть контроль. — Просто... не вижу, куда идти.

— Тогда зачем отходить?

Она не отвечает сразу. Только дыхание становится глубже,

осторожнее.

— Потому что ты слишком близко, — наконец произносит она.

— И что? — я чуть склоняюсь ближе, так что слова звучат почти у её уха. — Тебя это пугает?

— Нет... — выдыхает она едва слышно.

Её пальцы поднимаются — осторожно, будто она сама не уверена в этом движении, — и ложатся на мой бок поверх ткани. Ладонь задерживается на секунду, затем чуть сжимает худи, словно проверяя, настоящий ли я. Она медленно ведёт руку вдоль линии тела, и даже сквозь ткань тепло её пальцев ощущается слишком ясно.

Мой взгляд, бесполезный в полной темноте, автоматически опускается вниз, туда, где её пальцы находят меня. Я ничего не вижу, но тело реагирует быстрее разума: каждое движение ощущается чётко, будто между нами проходит тонкая напряжённая линия, едва заметная и оттого ещё опаснее.

Я замираю.

Не потому что не знаю, что делать. А потому что слишком хорошо понимаю, что сейчас происходит.

Уголок губ сам собой чуть приподнимается вверх.

— Что ты делаешь?

— Пытаюсь увидеть тебя, — её большой палец чуть сдвигается, совершая едва заметное поглаживающее движение по моему ребру. — Без глаз.

Я тихо выдыхаю.

— Очень смелый способ, Элли. Нашла что-нибудь?

— Нет, — её шепот звучит разочарованно.

— А так?

Моя рука скользит вдоль её руки, но не для того, чтобы остановить. Мои пальцы обхватывают её ладонь, всё ещё лежащую на моём боку, и плавно, но уверенно ведут её под ткань худи.

Она вздрагивает, когда её ладонь встречается с голой кожей.

— А теперь?

Она замирает, и я чувствую, как под моими пальцами пульс на ее запястье начинает биться чаще, словно маленькая птичка, попавшая в ловушку.

— Да... — выдыхает она почти шёпотом.

— И что же?

Она сглатывает.

— Стук твоего сердца, — её голос звучит приглушённо, как будто она говорит о чём-то запретном. — Он... он громкий.

— Громкий? — повторяю я, и мой голос звучит ближе к её уху. — А твой? Давай-ка проверим.

Прежде чем она успевает понять, что я задумал, моя свободная рука находит её бок. Лёгкое движение — и подол её футболки приподнимается.

Она резко вздыхает, и всё её тело на мгновение выгибается от неожиданности, прижимаясь ко мне.

— Ого, — я издаю тихое, одобрительное хмыканье. — А вот это уже по-настоящему громко.

Она резко втягивает воздух, словно только сейчас осознаёт, насколько близко мы стоим. Её ладонь на моей коже замирает, пальцы на секунду сжимаются сильнее, будто она пытается удержать равновесие.

— Тайлер... — выдыхает она, и в голосе звучит предупреждение, но слишком мягкое, чтобы быть настоящим запретом.

— Знаешь, Элли... — мой голос становится ещё тише, превращаясь в шёпот, который вибрирует в пространстве между её ухом и моими губами. — Я тоже хочу тебя увидеть.

Я склоняюсь ближе, сокращая расстояние до минимума.

— Хотя нет... — уголок губ едва заметно приподнимается. — Я хочу тебя почувствовать.

И прежде чем она успевает что-то ответить, я действую.

Моя рука на её боку не просто лежит. Большой палец начинает делать медленное движение, описывая дугу по самой чувствительной коже у неё на талии. Это не ласка. Это картография. Я зарисовываю контур её тела в темноте, чувствуя, как под моим прикосновением появляются крошечные мурашки.

Она издаёт тихий, сдавленный звук, и её голова запрокидывается назад, ударяясь о стену с глухим стуком. Её рука под моей худи наконец приходит в движение — не убирается, а наоборот, раскрывается. Ладонь прижимается к моей

коже всей поверхностью, будто пытаясь ощутить не только стук сердца, но и тепло, текстуру кожи, напряжённые мышцы под ней.

— Тайлер... — её шепот полон смятения, но её тело говорит иное. Оно выгибается навстречу моему большому пальцу, следуя за его движением, как растение к солнцу.

— Что? — я дышу ей в ухо, чувствуя, как она вздрагивает.

Мой большой палец замирает прямо под нижним ребром, нащупывая учащённый пульс в её животе. Он бьётся в унисон с тем, что под её ладонью на моей груди. Два диких сердца в абсолютной темноте, выстукивающие один и тот же код.

Я медленно поворачиваю голову и губами нахожу в темноте ту точку на её шее, где пульсация самая сильная.

Я не целую её. Я просто прикасаюсь к коже губами, чувствуя бешеный ритм жизни под ними.

Я чувствую, как её вторая рука, висевшая безвольно у бока, внезапно находит мои волосы. Пальцы запутываются в них не ласково, а почти с отчаянием, от которой по коже головы пробегает электрический разряд. Она откидывает мою голову назад, обнажая горло, и я слышу собственный прерывистый вдох, смешавшийся с её.

— Нет, Тайлер... — её голос тихий и сбившийся. — Твоё сердце... бьётся намного сильнее, чем моё.

Её пальцы в моих волосах на секунду сжимаются сильнее, будто она сама удивлена собственной смелости. Затем хватка медленно ослабевает. Она не отталкивает меня — про-

сто выпускает волосы из пальцев, позволяя моей голове вернуться ближе, туда, где между нами почти не остаётся расстояния.

Её другая рука, та, что под моей худи, начинает двигаться с новой, осознанной целью. Большой палец проводит линию вниз по центру моего живота, а затем ниже, к краю джинс.

— И это... — её губы скользят по моей шее к уху, — это говорит громче любого стука.

Я замираю, парализованный этой внезапной сменой ролей. Адреналин бьёт в виски. Она выпустила наружу то, что пряталось под страхом и нерешительностью — чистую, нефильтрованную смелость, которая оказалась опаснее любого моего расчёта. Она не просто играет по моим правилам. Она их переписала. Одним движением руки и шёпотом у самого уха.

Уголок губ медленно поднимается. Тихое хмыканье срывается само собой.

— Да ладно... — выдыхаю я, и в голосе уже слышится знакомая уверенность.

Я медленно нахожу её руку под тканью худи — ту самую, которая только что переписала правила — и осторожно, почти лениво веду её обратно наружу. Не отстраняя. Не обрывая контакт. Просто возвращая движение под свой контроль.

Я поднимаю её руку вверх — плавно, без резкости — и прижимаю к стене над её головой. Вторая рука следует за первой, и теперь она оказывается между мной и холодной

поверхностью стены.

Я наклоняюсь ближе.

— Смело, — произношу тихо, почти с улыбкой. — Теперь моя очередь, Элли.

Моё колено находит пространство между её ног и мягко, но настойчиво раздвигает их, прижимаясь к внутренней стороне её бедра. Она вздрагивает всем телом, и тихий стон застревает у неё в горле. Теперь она зафиксирована — прижата к стене, обездвижена, открыта.

Я наклоняюсь ближе. Мои губы почти касаются её губ.

— Ты права, Элли. Моё сердце бьётся сильнее. И оно говорит только одно. — Я делаю паузу, позволяя тишине сгуститься. — Что эта игра никогда не была равной. Потому что в правилах, которые ты только что написала... ты забыла один пункт.

— Какой? — её шёпот полон вызова, но в нём уже слышится дрожь.

— Что я играю до конца, — отвечаю я, и наконец позволяю губам коснуться её.

Глава 34

***

Хищник не спешит. Он ждёт, пока любовь сделает половину работы.

***

Элли.

Я не знала, что поцелуй может быть катастрофой.

В моей голове катастрофа — это когда рушатся стены. Когда привычный мир трещит по швам и осыпается осколками стекла, а ты стоишь в эпицентре и не понимаешь, куда бежать.

Я не знала, что катастрофа может быть такой тихой.

Без грохота. Без предупреждения.

Без возможности подготовиться.

Потому что он целует меня так, будто я — последняя капля воды в пустыне. Будто я — тишина после долгого шума. Будто я — дом, в который он возвращается после десятилетий скитаний и просто прижимается щекой к дверному косяку, закрыв глаза.

— Тайлер... — выдыхаю я.

— Да?

Он отрывается на секунду, чтобы перевести дыхание, и его дыхание горячим, прерывистым веером обжигает мою

влажную кожу на губах.

Я непроизвольно прижимаюсь сильнее к стене, а голова сама откидывается назад, когда его губы уходят с моих губ к линии челюсти двигаясь в сторону шеи.

— Что ты делаешь? — шепчу я.

Он усмехается едва заметно, и я скорее чувствую это через изменение его дыхания, чем слышу звук. Его губы находят мою шею, на этот раз медленнее, почти лениво, будто он намеренно растягивает каждое мгновение, позволяя мне привыкнуть к теплу и одновременно лишая возможности предугадать следующий шаг.

— Я же говорил... — выдыхает он мне в шею. — Хочу тебя почувствовать.

Одна его рука отпускает моё запястье, и я чувствую это мгновенно — не как освобождение, а как смену ритма. Его ладонь скользит вниз по моей руке, пальцы проходят по коже к плечу, задерживаются там на долю секунды, а затем продолжают путь к моей талии.

— Ты чувствуешь это? — хрипло спрашивает он.

Я не отвечаю словами. Вместо этого я издаю стон, и моё тело выгибается навстречу, совершенно против моей воли.

— Тише... — едва слышно произносит он.

Я хочу сказать хоть слово, но его вторая рука касается моего лица. Большой палец неторопливо проводит по губам, приоткрывая их без разрешения.

— Или ты хочешь... — он прижимается губами к моему

виску. — Чтобы они услышали?

Его ладонь, которая только что лежала на моей талии, соскальзывает ниже. Медленно. Уверенно. Будто он знает этот путь наизусть. Пальцы находят пуговицу моих джинс и одним ловким движением он расстёгивает её.

Я застываю.

— Тайлер...

— Да? — его пальцы скользят под ткань джинс. — Ты ведь не против?

Против? Да какое там «против?».

Против его пальцев, которые уже расстегнули пуговицу джинсов одним точным движением и теперь скользнули под ткань?

Против этого острого, почти болезненного сжатия внизу живота, которое кричит «да» громче любого слова?

— Элли... — тихо выдыхает он. — Ответь мне.

Я качаю головой, и это движение выходит резким, почти отчаянным, словно тело больше не может скрывать того, что происходит внутри. Дыхание сбивается, грудь поднимается быстрее, и я сама тянусь ближе, прижимаясь к нему сильнее, будто боюсь, что он остановится.

Он замирает на секунду, а затем его рука уверенно скользит ниже. Его пальцы, тёплые и уверенные, находят то, что искали, и тело реагирует раньше мыслей — тихим, предательским звуком.

— Так вот оно что... — тихо произносит он, и в его голосе

появляется удивлённая усмешка.

Я закрываю глаза, горя от стыда.

— Только ничего не говори.

— Почему? — в его голосе проскальзывает ленивое любопытство. — Боишься, что испорчу момент?

— Боюсь, что ты скажешь что-то, после чего я не смогу смотреть тебе в глаза.

— Элли, — он усмехается. — Ты сейчас в тёмной комнате с расстёгнутыми джинсами и моими пальцами внутри. Мои слова ничего не изменят. Контракт уже подписан.

— Контракт? Я ничего не подписывала.

— Да ладно? — он вздыхает с притворным разочарованием, как будто объясняет ребёнку очевидные вещи. — Ты прижалась ко мне. Это юридически считается согласием.

— Что? — выдыхаю я. — Это не... не работает так.

— Работает. Я адвокат, мне можно верить.

— Ты не адвокат, Тайлер.

— Но звучит убедительно, правда? — его пальцы делают короткое, точное движение, и из моей груди вырывается стон раньше, чем я успеваю его остановить. — Вот видишь? — он прижимается губами к моему виску, и я чувствую, как его губы растягиваются в довольной усмешке прямо на моей коже. — Ты уже почти согласна.

— Я не... — пытаюсь возразить я, но его пальцы надавливают особенно глубоко, и мои слова превращаются в очередной стон.

— Возражение отклонено, — в его тоне появляется опасное удовлетворение.

— Это произвол!

— Это правосудие, мисс Элли. И вы сейчас находитесь в зале суда.

— В каком ещё суде?

— В моём. — Выдыхает он у самого уха. — И я здесь главный.

— Тогда кто я?

— Подсудимая.

— Подсудимая? — переспрашиваю я, пытаясь сохранить хоть каплю достоинства. — И в чём меня обвиняют?

— Ты прижалась к адвокату в тёмной комнате и допустила проникновение. — Он входит в меня пальцами одним точным движением и я издаю громкий стон, который даже не пытаюсь сдержать.

— Судья, — объявляет он, прижимаясь губами к моему виску. — Я считаю, что подсудимая полностью согласна с обвинением и готова понести наказание.

— Какое ещё нахрен наказание? — выдыхаю я.

— Пожизненное.

— Пожизненное? Это слишком сурово для меня.

— Апелляцию отклонить. — Мягкая усмешка скользит в его голосе. — Приговор окончательный и обжалованию не подлежит.

— Это нечестный суд.

— Самые интересные суды никогда не бывают честными, Элли.

— Я... — выдыхаю я. — Ты ужасный адвокат, Тайлер.

— Зато внимательный и очень заинтересованный в деле. — Он усмехается и его пальцы делают короткое, уверенное движение, от которого у меня подкашиваются колени. Я непроизвольно подаюсь ближе и в ту же секунду пространство разрезает вибрация телефона.

— Секунду, — выдыхает Тайлер, вытаскивая телефон.

Экран вспыхивает холодным светом. Он задерживает взгляд всего на мгновение и уголок его губ едва заметно приподнимается, словно он ожидал именно этого звонка. Большим пальцем он нажимает кнопку ответа и сразу переводит вызов на громкую связь.

— Да?

— Вы где? — голос Сэма разносится по комнате. — Пицца приехала!

— Уже? — спокойно уточняет Тайлер.

— Ага. И знаешь, кто курьер? Девчонка с синими волосами. Я думал, такие только в соцсетях бывают. И татуировки у неё — огонь. Кейт, когда увидела, чуть с ума не сошла. Говорит, надо срочно тоже синий, но я ей сказал, что...

Я перестаю слышать.Потому что в тот момент, когда Сэм произносит «синими волосами», пальцы Тайлера внутри меня делают движение.

Медленное, тягучее.

Такое, от которого мысли сворачиваются в спираль и исчезают где-то в районе копчика, оставляя после себя только белый шум и пульс в ушах.

Я закусываю губу, чувствуя, как кровь приливает к щекам. Пальцы Тайлера внутри меня делают ещё одно едва заметное, ленивое движение и моё тело реагирует быстрее разума. Короткий, сдавленный звук вырывается из горла раньше, чем я успеваю его поймать.

Тайлер замирает и смотрит на меня с прищуром.

— Тсс, — шепчет он одними губами. — Он же услышит.

Я сжимаю зубы и смотрю на него с такой ненавистью, на какую только способна.

— Я тебя убью, Тайлер. — Шёпотом говорю я.

— И как же?

— Что? — выдыхаю я, пытаясь сфокусироваться на его словах, пока его пальцы внутри меня выписывают какие-то немыслимые кульбиты.

— Ну ты сказала «я тебя убью», — напоминает он. — Я просто уточняю. Мне нужно знать, чего бояться.

— Ты издеваешься? — выдыхаю я.

— Ни в коем случае, Элли. Смертельная угроза в адрес моей персоны — это очень серьёзно. Я должен оценить риски.

— Риски?

— Именно. И мне правда любопытно... — он чуть склоняет голову. — Ты задушишь меня подушкой? Пырнёшь но-

жом? Или выберешь яд? — Он усмехается, и в этой усмешке проскальзывает что-то, от чего внутри всё сжимается. — Хотя яд — это скучно. Медленно. Ты не производишь впечатления девушки, которая любит медленно.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в эту же секунду динамик разрывает визг Кейт — высокий, неконтролируемый, почти панический.

— Короче! — Сэм перекрикивает её, почти срываясь на крик. — Ты обязан это видеть! Срочно приходи, я тебе клянусь, это лучше любого реалити-шоу!

На фоне раздаётся плеск воды и вопль Кейт:

— Сэм!

— Да подожди ты! — отмахивается он и возвращается к разговору. — Она сначала прыгнула в бассейн в одежде, потом такая: «Ой, ладно», — разделась, потом два раза предложила всем искупаться голышом, а теперь рассказывает, что это духовная практика! Я не знаю, что тут происходит, но бассейн официально вышел из-под контроля!

На фоне слышится возмущённый голос Кейт:

— Сэм, я тебя предупреждаю!

— Да-да, угрожай сколько хочешь, — фыркает Сэм, явно улыбаясь. — Короче, давай быстрее сюда. Элли же с тобой? Только не говори, что она вызвала такси и слиняла. Потому что если она сбежала, я официально обижусь.

Тайлер молчит всего секунду и уголок его губ едва заметно приподнимается.

— Она со мной.

— Ммм... — протягивает Сэм. — Звучит подозрительно интимно, брат.

— Просто интимно, — поправляет Тайлер. — Без подозрительно.

Я резко толкаю Тайлера в плечо.

— Ты вообще фильтруешь, что говоришь? — шиплю я, стараясь, чтобы голос звучал тише, чем хочется.

Он даже не вздрагивает. Только смотрит на меня с этим своим невозможным выражением лица, будто я самый забавный человек на земле.

— Мы сейчас спустимся, Сэм, — говорит он, не сводя с меня взгляда. — Как только закончим.

Моё сердце делает опасный кульбит.

В динамике слышится короткое:

— Чего вы там собрались заканчивать?

И прежде чем Сэм успевает договорить, Тайлер отключает звонок.

— Ты невозможен, — шепчу я раздражённо, чувствуя, как щёки горят ещё сильнее. — Тебе обязательно всё превращать в спектакль? — Я хватаю его за запястье и вытаскиваю его руку, резко, почти демонстративно.

— В какой спектакль?

— В этот! — Я обвожу рукой темноту. — Ты специально всё подстроил, да? Специально завёл меня сюда, специально создал эту атмосферу...

— Элли...

— Специально говорил эти свои дурацкие вещи, от которых у меня...

— Элли... — он щёлкает выключателем и свет заливает комнату.

— Какого чёрта? — бормочу я, моргая от неожиданной яркости.

Я жмурюсь всего на мгновение, а когда открываю глаза, понимаю: это не тьма и не тайна. Это огромный, залитый светом спортзал.

Высокие потолки с металлическими балками. Сплошное зеркало вдоль стены, безжалостно отражающее нас: я — с растрёпанными волосами и расстёгнутыми джинсами, и Тайлер рядом, с видом абсолютного спокойствия, будто всё происходящее совершенно естественно.

Напротив зеркала выстроен ряд из трёх беговых дорожек — холодных, неподвижных, как немые свидетели. В углу, прямо перед огромным окном, висит боксёрская груша, а у её основания валяются перчатки, брошенные на пол так, будто их сорвали с рук в спешке, не дожидаясь финального гонга.

Никакой мистической тёмной комнаты.

Просто... спортзал.

Я медленно поворачиваю голову к нему.

— Ты... — слова застревают в горле. — Ты сказал, что здесь ничего нет.

Уголок его губ приподнимается.

— Я пошутил.

— Пошутил?

Он пожимает плечами.

— Хотел добавить драматизма.

— Ты уже и так добавил, — тихо говорю я. — Своим «просто интимно». Своим «когда закончим».

Он тихо усмехается, и эта усмешка раздражает меня ещё сильнее.

— Элли, ты сейчас злишься из-за того, что «таинственная тёмная комната» оказалась обычным спортзалом? Или из-за того, что Сэм услышал больше, чем должен был?

Я закатываю глаза.

— Ты специально сейчас меня бесишь?

— Не специально. Я просто задаю правильные вопросы. — Он склоняет голову набок, внимательно изучая моё лицо. — Так что? Спортзал или Сэм?

— А если я скажу, что оба варианта неправильные?

— Тогда я спрошу третий. — Он чуть прищуривается, наблюдая за моей реакцией. — Ты злишься, потому что я тебя поцеловал... или потому что ты ответила?

Я открываю рот и снова закрываю.

— Или... — добавляет он, — потому что ты позволила мне зайти чуть дальше, чем планировала?

Я прищуриваюсь.

— Ты сейчас анализ проводишь или провоцируешь?

— Немного и того, и другого, — отвечает он спокойно. — Профессиональная привычка.

Я собираюсь закатить глаза, но взгляд предательски скользит ниже — к его губам. Они всё ещё слегка приоткрыты после слов, и в голове вспыхивает слишком живое воспоминание о том, как они только что касались меня.

— Ты сейчас думаешь о том же, о чём и я? — тихо спрашивает он.

Я сглатываю и резко толкаю его в грудь.

— Заткнись, Тайлер, и пошли уже.

Он делает шаг назад, позволяя себя оттолкнуть, и тихо усмехается — не насмешливо, скорее довольный тем, что происходит.

— Как скажешь, мисс Элли, — отвечает он, поднимая руки в притворной капитуляции.

Глава 35

***

Надежда — это самая медленная форма отчаяния.

***

Тайлер.

Мы выходим из спортзала, и я первым делом направляюсь к лестнице, ведущей на первый этаж. Элли идёт следом, и я чувствую её взгляд между лопаток — тяжёлый и прожигающий.

— Знаешь, Тайлер, — голос Элли раздаётся за моей спиной, — то, что сейчас произошло наверху... это ничего не значит.

Я резко останавливаюсь на середине лестницы и разворачиваюсь. Она замирает на пару ступеней выше, и теперь я вижу её всю: растрёпанные волосы, блестящие глаза, прикушенную губу. Она пытается казаться спокойной, но это ей удаётся плохо.

— Ничего не значит? — переспрашиваю я. — Для кого? Для тебя?

Она моргает, явно не ожидая такого вопроса.

— Ч-что?

— Я спрашиваю, для кого именно это ничего не значит? Для тебя? Или ты пытаешься убедить в этом меня?

Она смотрит на меня несколько долгих секунд и отводит взгляд.

— А разве для тебя это что-то значит?

Я хмыкаю.

— А ты как думаешь?

— Я не экстрасенс, — огрызается она.

— И не надо быть экстрасенсом, Элли. Ты умная девушка. Ты всё видишь. Просто боишься признаться себе в том, что видишь.

Она отступает на одну ступеньку выше.

— О чём ты?

— О том, что ты сейчас спросила «а для тебя это что-то значит?», — повторяю я, растягивая слова. — Знаешь, почему ты спросила именно это?

Она молчит, но я вижу, как её взгляд мечется, пытаясь найти путь к отступлению.

— Потому что для тебя это значило... — отвечаю я за неё, — очень многое. И теперь ты хочешь понять — одна ли ты в этой лодке.

— Ты не можешь знать, что для меня значило, а что нет, — она хмыкает и её голос звучит резче, чем она, вероятно, хотела.

— Могу. — Отрезаю я. — Потому что я смотрел на тебя там, в темноте. Я чувствовал, как твоё сердце колотится. Как ты дышишь. Как ты реагируешь на каждое моё движение.

Она краснеет и я вижу это даже в полумраке лестницы.

— Это ничего не доказывает.

— Правда? — я склоняю голову. — Тогда почему ты сейчас стоишь здесь и пытаешься убедить меня, что это ничего не значило? Если человеку действительно всё равно, он не тратит время на доказательства.

— Ты... ты просто...

— Просто что? — перебиваю я. — Просто вижу тебя насквозь?

— Ты самоуверенный эгоист, Тайлер.

Я усмехаюсь, но в этой усмешке нет веселья.

— Но я же тебя раскусил.

— Что... что ты несёшь, Тайлер?

— То, что ты безумно меня хочешь. — Я произношу это медленно, вбивая каждое слово. — И это так очевидно, что даже смешно.

— Я безумно хочу? — её голос дрожит, но теперь в нём слышится сталь. — А ты? ты...

— Что я?

— Ты первый начал! Ты первый подошёл ко мне на кухне. Ты первый предложил показать тайную комнату. Ты первый прикоснулся ко мне в темноте. Ты первый поцеловал меня!

— И что? — мой голос звучит холодно, почти равнодушно.

Она моргает, явно не ожидая такой реакции.

— Ч-что?

— Я говорю: и что с того, что я первый подошёл? — я

пожимаю плечами. — Первый прикоснулся. Первый поцеловал. Это ничего не меняет, Элли.

— Как это ничего не меняет?

— А вот так. — Я делаю шаг ближе, теперь мы на одной ступени. — То, что я проявил инициативу, не отменяет того факта, что ты на неё откликнулась. И ещё как откликнулась.

— Тайлер!

— Что? — я склоняю голову, разглядывая её с холодным любопытством. — Я неправ? Скажи мне, что я неправ. Скажи, что ты не хотела, чтобы я тебя целовал. Скажи, что не хотела, чтобы мои руки были внутри тебя.

Она открывает рот, чтобы возразить, и тут же закрывает. Слова застревают в горле, и эта её беспомощность почему-то заводит меня ещё сильнее.

— Это... это было...

— Что? — перебиваю я. — Случайно? Рефлекторно? Ты просто поддалась моменту?

— Ты не можешь так со мной говорить!

— Почему? Потому что это правда? — я усмехаюсь. — Элли, ты сейчас злишься не на меня. Ты злишься на себя. За то, что позволила себе чувствовать. За то, что потеряла контроль. За то, что я это увидел.

— Ты ничего не видел!

— Видел, — спокойно отвечаю я. — И вижу это сейчас. Ты стоишь здесь, дрожишь, пытаешься убедить меня, что тебе всё равно, — я хмыкаю, засовывая руку в карман, — но

на самом деле ждёшь другого. Ждёшь, что я скажу это вслух: ты уже под моей кожей. Я не сплю ночами, думая о тебе. Ты — исключение и не такая, как все.

Она задерживает дыхание и я чувствую, как её сердце колотится где-то рядом.

— Ты... ты думал обо мне? — шепчет она.

Я усмехаюсь.

— Вот видишь, Элли? Ты ловишь каждое слово. Ты хочешь подтверждения. Ты хочешь знать, что это не односторонняя игра. — Я делаю шаг назад, увеличивая расстояние. — Но знаешь что? Может, я не готов тебе это дать. Может, я не готов открываться перед девушкой, которая через минуту после того, как позволила мне прикасаться к себе, говорит, что это «ничего не значит».

— Тайлер, пожалуйста... — её голос срывается.

— Что «пожалуйста»? — я качаю головой. — Пожалуйста, дай мне то, что я хочу услышать? Признайся, что я тебе нужна?

Уголок её губ дёргается в подобии насмешки.

— Знаешь, в чём твоя проблема, Элли? — продолжаю я, и мой голос звучит тихо, но каждое слово бьёт точно в цель. — Ты хочешь, чтобы я открылся. Ты хочешь, чтобы я признался в своих чувствах. Ты хочешь, чтобы я был уязвимым перед тобой.

— Это плохо?

— Это не плохо, — я качаю головой. — Это страшно. Для

меня. Но знаешь, что ещё страшнее?

— Что?

— Открыться человеку, который сам не готов открыться в ответ.

На секунду её лицо пустеет, затем губы изгибаются в резкой, недоверчивой усмешке. Она качает головой, будто не верит в услышанное, и делает шаг ближе.

— Открыться? — переспрашивает она, и в её голосе появляется металл, которого я раньше не слышал. — Ты говоришь мне про открытость, Тайлер?

Я приподнимаю бровь, не понимая, куда она клонит.

— Именно.

— Серьёзно? — она усмехается ещё сильнее. — Ты стоишь здесь, требуешь от меня открытости, уязвимости, честности... а сам даже не сказал мне, кто ты такой на самом деле!

— О чём ты?

— Не надо, Тайлер. — Она качает головой. — Я знаю, что кафе, в которое я устроилась, — это кафе твоей мамы, — произносит она, и каждое слово падает между нами тяжёлым камнем. — А еще я знаю, что ты был помолвлен с Лорой. С Лорой, Тайлер! Моим менеджером!

Внутри всё холодеет. Я смотрю на неё и понимаю — она не блефует. Она действительно знает.

— Элли...

— Сколько ещё, Тайлер? — перебивает она, и в её голосе звенит сталь. — Сколько секретов ты от меня скрываешь?

— Я не скрывал, — мой голос звучит ровно. — Я просто посчитал, что это не важно.

— Не важно?

— Именно.

— Ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно.

Она коротко качает головой, будто отмахивается от услышанного.

— Тогда давай я объясню, почему это важно, — её голос срывается. — Представь: я переспала с неким Тайлером Смитом. Рассказала об этом Заку. А потом узнала, что этот Тайлер — сын моей начальницы. Что его бывшая невеста — мой непосредственный менеджер. Та, кто ставит мне задачи. Та, кто оценивает мою работу. Ты вообще представляешь, что бы было?

Я хмыкаю.

— Не придумывай. Ничего бы не было.

— Правда? — в её голосе проскальзывает горькая усмешка. — Потому что у меня другая информация.

Я приподнимаю бровь.

— Какая ещё информация?

— Что, Лора, не из тех, кто легко отпускает. Она не будет сидеть сложа руки, если кто-то появится на горизонте.

Внутри что-то ёкает, но я не подаю вида.

— Мне без разницы.

— Без разницы?

— Абсолютно. Мне плевать, на то, что ты себе там накрутила.

Она моргает.

— Плевать? — переспрашивает она. — На то, что твоя бывшая невеста может устроить мне ад?

— Именно.

— Тайлер...

— Что? — перебиваю я. — Ты хочешь, чтобы я разыграл спектакль? Притворился, что меня волнуют интриги и женские обиды?

— Это не спектакль! Это моя жизнь!

— А это моя, — я пожимаю плечами. — И в моей жизни сейчас есть ты. Здесь и сейчас. Всё остальное — просто шум.

Она отшатывается, будто я ударил её.

— Просто шум? — её голос дрожит. — Мои страхи, мои проблемы, моя работа — это просто шум?

— А ты хочешь, чтобы я сказал иначе?

— Я хочу, чтобы ты понимал! — почти кричит она. — Я хочу, чтобы ты видел, в какой ситуации я могла оказалась из-за тебя!

— Из-за меня? — я усмехаюсь. — Элли, ты сама пришла сегодня в этот дом. Сама пошла за мной в спортзал. Сама позволила мне прикасаться к тебе. Я никого не заставлял.

Она замирает.

— Ты... ты серьёзно сейчас?

— Абсолютно.

Она замирает на секунду, будто мои слова ударили глубже, чем она рассчитывала.

— Что тебе нужно от меня, Тайлер?

— Ничего, — я пожимаю плечами. — Абсолютно ничего.

Она отшатывается, будто я её ударил. Между нами снова возникает расстояние, но его недостаточно, чтобы стереть то, что я только что сказал. В её глазах вспыхивает такая обида и злость, что на секунду мне становится почти не по себе.

— Знаешь что, Тайлер? — её голос дрожит, но не от страха — от ярости. — Иди ты к чёрту.

Она резко отворачивается, будто больше не может выдержать ни секунды рядом со мной, и почти срывается вниз по ступенькам.

— Элли, подожди, — вырывается у меня, но она уже на пролёт ниже.

Я резко выдыхаю и провожу ладонями по лицу, пытаясь стряхнуть с себя раздражение.

— Элли! — повторяю громче и делаю шаг вниз.

Она не останавливается.

— Да остановись ты на секунду! — Я ускоряюсь, сокращая расстояние между нами.

Я резко протягиваю руку и хватаю её за запястье — резко, может, даже слишком сильно, но иначе она бы не остановилась. Она дёргается, пытаясь вырваться, но я держу крепко.

— Пусти, — выдыхает она, даже не глядя на меня.

— Посмотри на меня, Элли.

— Я не хочу на тебя смотреть, — резко бросает она и дёргает руку, пытаясь вырваться.

— Э-э... ребят? — голос раздаётся со стороны кухни.

Мы оба поворачиваемся.

У входа на кухню стоит Сэм — с куском пиццы в руке и абсолютно ошарашенным выражением лица, будто он только что увидел призрака или сцену, которую точно не должен был видеть.

— У вас... всё хорошо? — осторожно спрашивает он, явно не понимая, стоит ли вмешиваться.

— Всё прекрасно, — отвечает Элли, резко выдёргивая руку. — Просто обсуждали границы.— Она переводит взгляд куда-то в сторону. — Кейт... она где?

Сэм моргает, явно не ожидая такого резкого поворота. Молча поднимает руку с зажатым куском пиццы и кивает в сторону стеклянной двери, ведущей к бассейну.

Элли коротко кивает и в следующую секунду срывается с места. Быстрые шаги, резкий поворот, и она уже исчезает за дверью, оставляя за собой только лёгкий хлопок и напряжение, которое никуда не делось.

Сэм медленно переводит взгляд на меня и откусывает кусок пиццы.

— Ну ты, блин, и мудак, Тайлер.

Глава 36

***

Враги забирают то, что могут. Подруги — то, что любишь.

***

Элли.

Я влетаю в помещение с бассейном, и первое, что чувствую — это густой запах хлорки, смешанный с чем-то сладковатым.

Кейт развалилась на шезлонге в своём любимом чёрном купальнике — том самом, который она купила в прошлом месяце, заявив, что он «делает её грудь космической». Сейчас она сидит, поджав под себя ноги, и лениво потягивает вино из бокала.

— Ну наконец-то! — восклицает она, увидев меня. — Где вы шлялись всё это время?

Я молча подхожу к соседнему шезлонгу и плюхаюсь на него, чувствуя, как ноги предательски дрожат.

Кейт внимательно смотрит на меня.

— Садись ко мне, — она кивает на свободное место рядом. — Сэм сейчас ещё пиццу принесёт.

Я послушно пересаживаюсь на её шезлонг и Кейт сразу же пододвигается, освобождая место, и протягивает мне свой бокал.

— Держи.

Я беру бокал, смотрю на тёмно-красную жидкость внутри и в три глотка осушаю его до дна.

Кейт смотрит на меня с абсолютным офигением.

— Элли... — она моргает. — Ты чего?

— Ничего, — говорю я хрипло. — Подлей ещё.

Кейт молча тянется к бутылке, наполняет бокал почти до краёв и протягивает его мне.

Я делаю глоток. Потом ещё один. И ещё.

— Эй, эй, — Кейт аккуратно забирает у меня бокал. — Ты сначала расскажи, а потом уже добивай остатки, а то я так и не узнаю, что там произошло, потому что ты просто отключишься.

— Не отключусь, — говорю я хрипло и тянусь за бокалом, забирая его обратно из её рук.

Кейт цокает языком и закатывает глаза.

— Слушай, Элли... — Кейт наклоняется ближе и понижает голос. — Если ты опять напьёшься и будешь валяться лицом в унитаз, я тебя тащить не буду.

— Кейт...

— Нет, ты подумай...

— Кейт! — перебиваю я. — Мы уезжаем.

Она замолкает и смотрит на меня с лёгким испугом.

— Что? Куда?

— Ты в общежитие, а я домой. — Я встаю и медленно выдыхаю, чувствуя, как вино начинает мягко туманить голову.

— Но мы ведь только приехали, Элли!

— И что? — я пожимаю плечами. — Посидели и хватит.

Кейт смотрит на меня с подозрением.

— Ты это серьёзно?

— Абсолютно, — киваю я. — Собирайся.

Кейт открывает рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент дверь резко распахивается.

— О, а вот и мы! — объявляет Сэм, шагая вперёд. — Принесли пиццу! Там ещё...

Он замолкает на полуслове, потому что Кейт поворачивается к нему и говорит:

— Сэм, уговори свою подругу, остаться, а то она тут собралась уезжать.

Сэм замирает и переводит взгляд с Кейт на меня.

— Уезжать? Сейчас?

— Ага, — кивает Кейт.

— Элли... — Сэм делает шаг ко мне, протягивая коробку с пиццей, словно предлагает перемирие. — Мы же только начали веселиться! Я вот пиццу принёс, вино ещё есть...

— Я не хочу никакую пиццу, — тяну я недовольно.

Сэм уже открывает рот, чтобы продолжить уговаривать, но в этот момент за его спиной слышится тихий, короткий смешок. Я поворачиваю голову на этот звук почти автоматически — и вижу Тайлера.

Он всё это время молча стоял в дверях, наблюдая за происходящим. Поймав мой взгляд, он едва заметно усмехает-

ся и, не говоря ни слова, тянется рукой к вороту футболки, стягивая её через голову одним плавным движением.

Я замираю, глядя на него в упор.

Он уже переоделся, и теперь на нём только свободные шорты для плавания, сидящие низко на бёдрах.

— Вау, — тихо говорит Кейт рядом со мной.

Я вздрагиваю и резко перевожу взгляд на неё.

Она смотрит на меня с выражением человека, который только что увидел очень интересную сцену.

— Что? — бурчу я.

Кейт медленно улыбается.

— Да ничего, — протягивает она.

Я поднимаю бокал и делаю глоток, стараясь выглядеть как можно спокойнее. В груди появляется сухое, горячее напряжение, словно внутри вдруг вспыхнула жажда, которой невозможно утолить одним глотком. Я почти сразу отпиваю ещё, позволяя вину скользнуть по горлу, надеясь, что оно хоть немного приглушит беспокойство внутри.

— Тайлер, — Сэм смотрит на него так, будто это последняя надежда, — скажи Элли, чтобы она осталась.

Тайлер лениво переводит взгляд на меня. Тот самый взгляд — тяжёлый, изучающий, от которого внутри всё сжимается.

— А что я? — он пожимает плечами с абсолютно равнодушным видом. — Пусть едет. Человек хочет домой, устал. Зачем заставлять?

— Тайлер! — возмущается Сэм.

— А ты, Кейт, — Тайлер переводит взгляд на неё, и в его глазах мелькает холодная искра, — останься. Составь мне компанию в бассейне.

— Я согласна! — Кейт мгновенно поднимает руку, будто боится, что её опередят.

Я приподнимаю бровь.

— Кейт...

Тайлер коротко хмыкает и бросает на меня быстрый, почти ленивый взгляд — и прежде чем кто-то успевает что-то сказать, разворачивается и с разбега прыгает в бассейн.

Вода взрывается глухим всплеском, и его фигура на мгновение исчезает под тёмной поверхностью.

Проходит секунда.

Потом другая.

И вдруг он выныривает.

Вода струится с его волос, когда он проводит рукой по мокрым прядям и откидывает их назад.

— Элли, — в голосе Тайлера слышится лёгкая насмешка. — Ты же не против, если я поплаваю с Кейт?

Я замираю с бокалом у губ.

— Что?

— Ну, — он подплывает к бортику и опирается на него локтями, — ты ведь уезжаешь домой. А мы с Кейт остаёмся. Поплаваем немного. Не против?

— Тайлер! — возмущённо выдыхает Сэм. — Ты чего

несёшь?

— А что такого? — Тайлер пожимает плечами, и вода стекает по ним блестящими дорожками.

Я сжимаю бокал крепче.

— Плавай с кем хочешь, Тайлер. Мне всё равно.

— Правда? — в его глазах мелькает усмешка.

— Абсолютно.

— Ну и отлично, — он кивает и переводит взгляд на Кейт. — Кейт, ты идёшь?

Она бросает на меня быстрый взгляд — виноватый, почти мимолётный, но уже через секунду она снова смотрит на Тайлера.

— Конечно иду... — она медленно сбрасывает лёгкую накидку и подходит к краю бассейна.

— Знаешь... — тихо говорит Сэм и осторожно касается моего плеча.

Я поворачиваю голову.

— У Тайлера есть талант. Огромный талант.

Он задумчиво ковыряет ногтем этикетку на коробке с пиццей.

— Он умудряется быть мудаком даже тогда, когда молчит. Поэтому, Элли... если ты сейчас подойдёшь к нему и пошлёшь его куда подальше, я только за. Даже могу пару красивых фраз подкинуть.

Я смотрю на него и чувствую, как губы сами собой дёргаются в слабой улыбке.

— Всё хорошо, Сэм. Правда.

Сэм смотрит на меня с явным сомнением, будто пытается понять, стоит ли сейчас вообще что-то говорить. Потом всё-таки кивает в сторону шезлонга.

— Присядь.

Я медленно выдыхаю и опускаюсь на шезлонг. Сэм садится напротив — прямо на край соседнего шезлонга, всё ещё держа в руках коробку с пиццей.

Он открывает её и вытаскивает один кусок.

— Будешь? — спрашивает он, протягивая его мне.

Я приподнимаю голову и смотрю прямо на него. Сэм сидит, скрестив ноги, и выглядит так спокойно и уютно, будто мы знакомы уже сто лет.

Я медленно поднимаюсь и беру кусок пиццы.

— Слушай, — говорю я тихо, — прости, что порчу вашу вечеринку.

Сэм замирает с куском пиццы у рта и смотрит на меня так, будто я сказала что-то невообразимо глупое.

— Ты чего? — он искренне хмурится. — Ты ничего не портишь.

— Правда?

— Абсолютно, — он жуёт с максимально довольным видом.

— Сэм... я...

— Что?

Я смотрю на него и чувствую, как слова встают поперёк

горла.

— Помнишь, я говорила, что между мной и Тайлером есть искра?

Сэм фыркает, коротко, почти беззвучно, но я замечаю, как его губы дёргаются в усмешке.

— Конечно помню, Элли. Ты мне ещё целую лекцию прочитала про то, что я ничего не понимаю, а ты всё видишь и вообще уверена на девяносто девять и девять процентов, что...

— Ты был прав, Сэм. — Перебиваю я.

Он замирает.

— В смысле?

— В том разговоре... — я кусаю губу, чувствуя, как слова царапают горло. — Про то, что мне придётся быть осторожной. Про то, что такие, как Тайлер, не делают ничего просто так.

— Элли...

— Сэм... — я провожу рукой по лицу и на секунду закрываю глаза. — Он сегодня сказал, что ему ничего от меня не нужно.

Сэм приподнимает бровь, но ничего не отвечает.

— Похоже... — продолжаю я. — Ему действительно ничего от меня не нужно. Возможно, для него это всё просто игра. А я... я всё это время воспринимала всерьёз, как дура.

Несколько секунд Сэм молчит. Просто смотрит на меня внимательно, будто пытается подобрать правильные слова.

— Послушай, Элли, — тихо говорит он. — Ты не дура.

Я криво усмехаюсь.

— Ты определённо ему симпатична, — продолжает он. — Просто... я тогда имел в виду другое.

Сэм вздыхает и запускает руку в волосы, взъерошивая их.

— Но стоит ли тебе вообще тратить на него время? Ты только посмотри на него, — он бросает взгляд на Тайлера. — У него в голове чёрт знает что творится. Сам, блин, не понимает, чего хочет.

Я смотрю на него и цепляюсь за одно слово.

— Симпатична?

Сэм фыркает.

— Ну конечно!

— Откуда ты знаешь?

— Элли, — он наклоняется ближе и понижает голос до заговорщического шёпота, — ты бы видела, как он смотрел на твою...

Он замолкает и почему-то краснеет.

— На мою что? — я прищуриваюсь.

— На твою спину, — выпаливает он и тут же отводит взгляд.

— Что?

— Когда ты прошла мимо него, — Сэм вдруг начинает говорить быстрее. — В джинсах, в этой своей майке... он так на тебя смотрел, что я уже подумал, что у него глаза сейчас выпадут и покатятся по полу.

Я моргаю.

— Серьёзно?

— Да! — он всплёскивает руками. — Я его друг, я такие взгляды узнаю за километр.

— Ты уверенн?

— Ну конечно!

Я смотрю на него и чувствую, как внутри что-то щёлкает.

— Короче, — Сэм хлопает себя по коленям и встаёт. — Хватит тут сидеть и киснуть. Иди переодевайся, и пойдём с тобой плавать.

Я приподнимаю бровь.

— Что?

— Ну, — он кивает в сторону бассейна, — составим компанию им. Заодно посмотрим, как долго Тайлер сможет делать вид, что ему плевать на тебя.

Я криво усмехаюсь.

— Сэм, это глупо.

— Глупо? — он притворно обижается. — Это стратегически гениально! Мне самому даже интересно. Он там с Кейт плавает, делает вид, что всё отлично, а сам, я уверен, краем глаза следит, что ты делаешь.

Я невольно бросаю взгляд в сторону бассейна.

— Не смотри на него, — шипит Сэм. — Испортишь эксперимент.

— Какой эксперимент?

— Вот смотри, — он подходит ближе и понижает голос.

— Ты же не против, если я тебя немного потрогаю?

— В смысле потрогаешь? — я давлюсь смехом.

Он наклоняется ближе и шепчет:

— Ну, знаешь, — Сэм улыбается своей самой невинной улыбкой, — по-дружески: за плечо, за талию. Посмотим на его реакцию. Если у него глаза потемнеют — значит, ты ему небезразлична.

Я снова перевожу взгляд на бассейн, где Кейт прыгает, поднимая тучу брызг.

— Это самая идиотская идея, которую я слышала, — говорю я.

— Согласен, — кивает Сэм довольно. — Но она сработает! Научный эксперимент, Элли. Ничего личного.

— А вдруг он взбесится на тебя и вы поссоритесь? — выдыхаю я.

Сэм усмехается.

— Ну и отлично!

— Что?

— Элли, ты вообще слушаешь? — он подаётся ещё ближе. — Если он взбесится — значит, мы узнаем правду. Значит, ты ему небезразлична!

Я молчу, переваривая его слова.

— И потом... — Сэм пожимает плечами, — ему можно плавать с Кейт, а тебе со мной нельзя? Несправедливо както получается.

Я смотрю на него и чувствую, как губы сами собой рас-

ползаются в улыбке.

— Ты ненормальный, Сэм.

Он расплывается в широкой улыбке и протягивает мне руку.

— Так что, идём?

Я медленно киваю.

— Идём.

***

Я стою перед дверью туалета пару секунд, глядя на своё отражение в зеркале. Сердце колотится слишком быстро — глупо быстро для человека, который просто собирается поплавать.

— Спокойно, — бормочу я себе под нос.

Я стягиваю майку, джинсы и достаю из сумки купальник. На секунду я замираю, рассматривая его в руках.

Это тот самый купальник, который Кейт назвала «оружием массового поражения». Чёрный, раздельный, с тонкими бретелями и аккуратным вырезом, подчёркивающим линию груди. Я купила его в прошлом месяце под настойчивым давлением Кейт, которая тогда заявила, что в нём «невозможно выглядеть просто нормально — только опасно».

Я провожу пальцами по мягкой ткани и тихо выдыхаю.

— Ну что ж... — бормочу себе под нос. — Похоже, сегодня как раз тот самый день.

Я собираю волосы в высокий хвост, смотрю на себя ещё секунду и выдыхаю.

— Пора.

Я открываю дверь и выхожу обратно к бассейну. Первой меня замечает Кейт, которая висит на бортике и лениво болтает ногами в воде. Увидев меня, она резко выпрямляется.

— Элли! — вопль Кейт разносится по всему помещению.

Я перевожу взгляд на Тайлера, и он замирает, глядя прямо на меня.

— Неплохо, — голос Тайлера звучит низко, с хрипотцой. — А я думал, ты только в джинсах умеешь эффектно выглядеть.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент сзади подходит Сэм. Его рука ложится мне на талию — уверенно, по-хозяйски, но при этом по-дружески легко.

— Эй, Тай, — Сэм улыбается самой невинной улыбкой, — не глазей так на неё, а то слюни в бассейн капать будут, воду придётся менять.

Тайлер фыркает и проводит рукой по воде.

— Спокойно, Сэм. Если бы я пускал слюни каждый раз, когда видел красивую девушку, этот бассейн давно бы превратился в океан.

Кейт фыркает от смеха.

— Боже, Тайлер, какой же ты скромный.

Сэм закатывает глаза и хлопает ладонями, словно разгоняет шумный класс.

— Так, всё, — объявляет он громко. — Разойтись! Представление окончено!

Кейт хихикает.

— Поздно, Сэм. Представление только начинается!

Сэм отступает на шаг назад, снимает футболку через голову и бросает её на шезлонг.

— Ладно, — говорит он, разминая плечи. — Я первый.

Он смотрит на меня и подмигивает.

— Смотри и учись, Элли. — Он делает пару быстрых шагов и с разбега прыгает в бассейн.

Вода взрывается громким всплеском.

Кейт вскрикивает:

— Сэээм!

Он выныривает через секунду, отфыркиваясь и отбрасывая мокрые волосы со лба.

— Отличная вода! — объявляет он. — Элли! Твоя очередь!

— Да, сейчас... — мямлю я, зачем-то поправляя хвост, хотя он и так идеально собран.

— Не говори только, что...

— Она боится, — вдруг перебивает Тайлер.

Я резко перевожу взгляд на него.

— Я не боюсь.

— Правда? — он приподнимает бровь. — Тогда чего ты ждёшь?

— Я просто... — я замолкаю, потому что не знаю, что ска-

зать.

Тайлер усмехается.

— Или ты ждёшь, что кто-то тебя заберёт? — в его голосе проскальзывает насмешка. — Могу за тобой приплыть.

Я медленно подхожу к бортику и сажусь на край, опуская ноги в воду.

— А ты умеешь? — спрашиваю я.

— Что?

— Приплывать за девушками.

Тайлер усмехается.

— Я много чего умею. Просто обычно не приходится.

— Почему?

— Потому что обычно они сами приплывают, — он пожимает плечами с максимально невозмутимым видом.

Сзади раздаётся фырканье Сэма.

— Господи, какой же ты...

— Какой? — перебивает Тайлер, не сводя с меня взгляда.

— Самовлюблённый, — заканчивает Сэм.

Тайлер улыбается той самой улыбкой, от которой у меня внутри всё переворачивается.

— Это не самовлюблённость, Сэм. Это уверенность. Элли, ты же чувствуешь разницу?

— Знаешь, Тайлер, — говорю я медленно. — Уверенность — это когда ты не боишься услышать «нет».

Он приподнимает бровь.

— А ты хочешь сказать «нет»?

— А ты хочешь услышать?

Тайлер медленно склоняет голову набок.

— Зависит от того, как ты его скажешь.

— А как надо? — спрашиваю я, стараясь, чтобы голос звучал ровно.

Он пожимает плечами, и вода стекает по ним блестящими дорожками.

— Ну, знаешь... — он делает паузу, будто раздумывая. — Можно грубо. Можно обиженно. Можно с улыбкой. Можно...

— Можно?

— Можно так, что я всё равно не поверю.

Я открываю рот и сразу же закрываю. Потому что мы оба знаем, о чём сейчас идёт речь.

Сэм за моей спиной шумно выдыхает.

— Господи, Тайлер... — он делает несколько быстрых гребков и подплывает ко мне.

Остановившись у бортика, он поднимает голову, смотрит на меня снизу вверх и протягивает руку.

— Давай, Элли.

Я медленно протягиваю руку и вкладываю свою ладонь в его. Пальцы Сэма смыкаются на моём запястье и он резко тянет меня за собой.

Я падаю в воду.

На секунду всё вокруг исчезает — только приглушённый шум, пузырьки воздуха и сильная рука Сэма, всё ещё удер-

живающая мою.

Я выныриваю через мгновение, и резко втягивая воздух.

— Сэм! — вскрикиваю я.

Он смеётся.

— Добро пожаловать!

Я убираю мокрые пряди с лица и поворачиваю голову. Тайлер всё ещё стоит там же, в нескольких метрах от нас, его взгляд скользит по воде, по Сэму, который всё ещё держит меня за руку... и возвращается к моему лицу.

— Впечатляет, — лениво говорит он. — Я ожидал драму, а получил акробатику.

— Не завидуй, Тай, — отвечает Сэм. — Он всё ещё держит меня за запястье и слегка подтягивает ближе к себе. — Мы просто умеем веселиться.

Кейт фыркает и делает пару быстрых гребков в сторону Тайлера.

— Вообще-то, мы тоже умеем, — она кокетливо улыбается и кладёт руку ему на плечо. — Правда, Тайлер?

Я замираю.

В прямом смысле слова — перестаю двигаться, перестаю дышать, перестаю моргать.

Её рука на его плече. Её улыбка. Этот её тон — игривый, расслабленный, будто она имеет на это полное право.

Какого чёрта она делает?

Мысль взрывается в голове раньше, чем я успеваю её поймать. И следом за ней — вторая, третья, четвёртая, целый

поток:

Она же моя подруга.

Она догадывается, что между нами что-то есть.

Она видела, что здесь происходило.

И теперь она плывёт к нему и трогает его?!

Улыбается ему?

В груди разливается что-то горячее и очень знакомое. Я сжимаю губы и заставляю себя смотреть на них спокойно, без эмоций, без каких-либо реакций.

Сэм рядом со мной тихо выдыхает и наклоняется к уху:

— О-о... — протягивает он. — Кажется, эксперимент пошёл не по плану.

Я быстро отвожу взгляд, делая вид, что меня это вообще не касается.

— Плевать на них, — выдыхаю я.

— Элли...

— Обними меня.

— Что? — он смотрит на меня с искренним удивлением.

— Обними меня, Сэм.

Сэм моргает, переваривая, а потом на его лице расплывается понимающая улыбка.

— Научный эксперимент переходит в активную фазу? — шепчет он.

— Сэм!

— Всё-всё, уже.

Он разворачивает меня к себе и притягивает ближе. Его

руки ложатся на мою талию, и со стороны это выглядит почти естественно — как будто мы просто дурачимся в воде.

— Так нормально? — шепчет он.

— Нормально, — шепчу я в ответ.

— Руки куда положить, чтобы не выглядело пошло, но убедительно?

— Да куда-нибудь положи, — выдыхаю я, чувствуя, как внутри всё кипит от злости на Кейт.

— Куда-нибудь? — Сэм приподнимает бровь с хитрой усмешкой, и его ладонь, до этого спокойно лежавшая на моей талии, медленно скользит ниже — на бёдра.

Я замираю.

— Сэм... — выдыхаю я предупреждающе.

— Что? — в его голосе слышится невинность, которая совсем не вяжется с тем, что делает его рука. — Ты сказала «куда-нибудь».

Его пальцы добираются до того места, где бёдра переходят в ягодицы, и останавливаются там.

— Сэм, — шиплю я, чувствуя, как щёки заливает краской.

— Что? Ты сама сказала «куда-нибудь».

— Не туда, идиот.

Сэм тихо фыркает, но руку не убирает.

— Элли, если мы уже начали это делать... — шепчет он мне на ухо, — то надо быть убедительными.

Я собираюсь что-то ответить, но в этот момент чувствую, как его рука чуть сильнее сжимает меня за бедро.

— Что...

— Тихо, — бормочет он. — Не двигайся.

— Почему?

Он едва заметно кивает куда-то за моё плечо.

— Потому что наш подопытный сейчас выглядит так, будто собирается кого-то утопить.

Я замираю.

— Серьезно?

— Да, — бормочет Сэм мне в ухо. — Только не оборачивайся резко. Просто медленно поверни голову.

Я делаю так, как он говорит и на долю секунды встречаюсь со взглядом Тайлера. Его глаза тёмные, почти неподвижные, и направлены прямо на руки Сэма.

Я резко отвожу взгляд, будто меня это вообще не касается, но краем глаза замечаю, как Тайлер слегка наклоняется к Кейт и что-то шепчет ей на ухо. Я не слышу слов, но вижу, как у Кейт буквально ползут глаза на лоб.

— Что он ей сказал? — шиплю я Сэму.

— Понятия не имею, — так же тихо отвечает он.

Я снова краем глаза смотрю в их сторону и в следующую секунду вижу, как Тайлер разворачивается и выбирается из бассейна. Кейт вылезает следом за ним, хватает свою футболку и натягивает её прямо поверх мокрого купальника.

— Вы всё? — Сэм окликает их, пытаясь сохранить непринуждённый тон.

— Да, — Кейт поправляет футболку, старательно отводя

взгляд. — Нам нужно отойти.

— Куда? — вырывается у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Кейт бросает быстрый взгляд на Тайлера.

— Просто... отойти, — мямлит она. — Поговорить.

Тайлер, стоящий уже у двери с полотенцем на плече, на секунду задерживает взгляд на нас, тихо хмыкает, а потом толкает дверь и выходит.

— Тайлер, подожди! — Кейт дёргается за ним.

— Какого хрена?! — окрик срывается с моих губ прежде, чем я успеваю сдержаться.

Кейт замирает на месте и оборачивается.

— Что?

Я выбираюсь из бассейна и быстрым шагом направляюсь к ней.

— Мы с тобой не договорили, Кейт.

— Элли, сейчас не лучшее время.

— А когда? — резко спрашиваю я. — Когда ты закончишь свои «разговоры» с Тайлером?

Кейт хмурится.

— Ты сейчас звучишь странно.

— Странно? — я коротко смеюсь. — Правда?

Она бросает быстрый взгляд на Сэма.

— Элли, это просто разговор.

— Конечно, — говорю я. — Именно поэтому ты так быстро побежала за ним.

Кейт закатывает глаза.

— Боже, Элли... ты сейчас ведёшь себя так, будто он твой парень.

— А ты ведёшь себя как шлюха! — вылетает у меня раньше, чем я успеваю подумать.

Кейт замирает.

— Что ты сказала? — медленно спрашивает она.

— Ты прекрасно слышала.

Сэм за моей спиной тихо выдыхает:

— Элли...

— Ты прекрасно знаешь, что между нами происходит, — продолжаю я, даже не взглянув на Сэма. — И всё равно полезла к нему.

— Я к нему не лезла! — резко отвечает Кейт.

— Правда? — я коротко смеюсь. — Тогда как это называется? Когда ты плывёшь к нему, кладёшь руку ему на плечо и начинаешь строить глазки?

Кейт делает шаг ко мне.

— Элли, ты сейчас переходишь границы.

— Нет, — качаю я головой. — Это ты их перешла.

Она смотрит на меня несколько секунд, а потом её лицо меняется.

— Ты сейчас серьёзно, Элли? Ты сейчас устраиваешь сцену из-за Тайлера?

— Я устраиваю сцену из-за тебя, — говорю я, тыча пальцем ей прямо в грудь.

— Нет, — Кейт резко качает головой. — Ты устраиваешь сцену, потому что ревнуешь.

— Я не ревную.

— Да ладно? — Кейт усмехается. — Тогда почему ты только что назвала меня шлюхой?

— Потому что ты ведёшь себя именно так!

Кейт смотрит на меня так, будто пытается решить, смеяться ей или злиться.

— Элли, — тихо говорит она. — Ты пять минут назад обнималась с Сэмом в бассейне. Так что определись уже, с кем тебе больше хочется потрахаться! С Тайлером, с Сэмом... или, может, тебе стоит попросить прощение у Джейсона и пусть он тебя трахнет так, чтобы ты забыла, как зовут этих двух парней?

Мир на секунду замирает.

Я чувствую, как кровь ударяет в виски, как пальцы сами сжимаются.

И прежде чем я успеваю подумать, моя рука взлетает вверх.

Пощёчина звучит громко и резко — хлёсткий звук разносится по помещению, заставляя даже воду в бассейне на мгновение стихнуть.

Кейт замирает.

Секунда.

Две.

А потом она смеётся — громко, запрокинув голову назад.

— Охренеть, — выдыхает она. — Ты серьёзно? Серьёзно ударила меня?

В этот момент из бассейна с громким всплеском вылетает Сэм, вода разлетается в стороны, и уже через секунду он оказывается рядом, хватает меня за плечи и резко притягивает к себе.

— Элли, какого хрена?!

— Не трогай меня! — рявкаю я, вырываясь.

— Ты что творишь?!

— Я сказала — отвали!

Я дёргаюсь так сильно, что он на секунду теряет равновесие и отпускает меня.

— Знаешь что, Сэм? — Кейт усмехается и лениво поправляет мокрые волосы. — Задержи эту принцессу. А то она, видите ли, выбирает, нос воротит, пока Тайлер уже час на неё смотрит, как голодный пёс.

Кейт закатывает глаза и шумно выдыхает.

— Так вот, пока она думает, я предложу ему что-нибудь поинтереснее её ломаний. Мы сейчас поднимемся к нему в комнату, и я сделаю так, что он забудет, как эту сучку зовут.

У меня перехватывает дыхание.

— Что ты сказала?

— То, что слышала, — Кейт пожимает плечами. — Наигралась в принцессу — получила результат.

Она разворачивается и медленно, с показной ленцой, идёт к двери, ведущей из бассейна в коридор. Я смотрю, как она

удаляется, как она тянет руку к ручке, и внутри меня что-то взрывается.

Время будто замедляется.

Я даже не думаю — просто срываюсь с места. В три шага преодолеваю расстояние, врезаюсь в неё со спины, вцепляюсь в её дурацкие волосы и дёргаю что есть силы назад.

— Ах ты сука! — шипит Кейт, теряя равновесие.

Она спотыкается, пытается вывернуться, но я держу мёртвой хваткой. Её голова запрокинута, руки молотят воздух, но я не отпускаю.

— Руки убери, ненормальная! — орёт она, пытаясь дотянуться до моих рук.

— А ну обе! — раздаётся резкий голос Сэма.

Я чувствую, как его руки ложатся на мои запястья. Он пытается разжать мои пальцы, но я вцепилась мёртвой хваткой.

— Элли, отпусти, говорю! — его голос звучит твёрдо, но без агрессии.

— Она первая начала! — выдыхаю я, но пальцы всё же разжимаются под его настойчивыми руками.

Сэм аккуратно, но уверенно разводит нас в стороны. Кейт отскакивает, тут же приглаживает волосы и переводит на меня бешеный взгляд.

— Знаешь что, Элли? — она поправляет мокрую майку и делает шаг назад, к двери. — Забудь, кто такой Тайлер. Потому что с этого дня я сделаю всё, чтобы он стал моим.

Она хватается за ручку, рывком открывает дверь и вы-

скальзывает в коридор, оставляя нас с Сэмом стоять в тишине, нарушаемой только звуком капель, падающих с наших мокрых тел на кафельный пол.

Глава 37

***

Иногда достаточно одной улыбки, чтобы человек стал твоей слабостью.

***

Тайлер.

Вода стекает по спине холодными дорожками, пока я толкаю дверь из бассейна в коридор.

Я останавливаюсь на секунду, прикрываю глаза и медленно выдыхаю.

На вешалке у входа висит чья-то толстовка. Наверное, Сэма.

Хотя плевать, чья она.

Я стягиваю её с крючка и натягиваю прямо на мокрое тело. Ткань противно липнет к коже, но хотя бы не так зябко.

Я толкаю входную дверь и выхожу на улицу. Дневной воздух бьёт в лицо — тёплый, майский, пахнет свежескошенной травой и жареным мясом.

Я сажусь прямо на ступеньки крыльца, прикуриваю и смотрю на дом напротив.

Окна нараспашку, музыка долбит из открытой двери гаража.

Майк. Мой сосед.

Когда он только заселился, я посмотрел на него и мысленно поставил диагноз за пять секунд: очередной мажор.

Дорогая машина. Спокойная уверенность. Взгляд человека, которому никогда не говорили «нет».

Я тогда даже хмыкнул.

Ну конечно... сынок богатых родителей, которого отправили пожить отдельно, чтобы не мешался под ногами.

Но я ошибся. Потому что если здесь и есть сын богатых родителей — то это я.

Я вырос в той редкой категории людей, у которых всё уже было. Деньги. Дом. Связи. Фамилия, которая открывает двери раньше, чем я успеваю постучать. И где-то внутри я всегда знал: если я когда-нибудь и облажаюсь — за моей спиной есть подушка безопасности.

Родители. Страховка. Запасной выход из любой дерьмовой ситуации.

А у Майка... а у Майка этого нет.

Никаких папиных миллионов у него не было.

Потому что, Майк заработал всё сам.

И плевать он хотел на то, кто его папа и есть ли у него вообще папа.

Он сам себе папа.

И никто ему никогда не говорил: главное отучись, сын. Главное, найди себе хорошую жену, которая будет тебя уважать, любить и не смотреть по сторонам. Которая будет с тобой в любой непонятной ситуации, а не свалит при первых

же проблемах.

И я нашёл такую.

Думал, что нашёл.

Лора меня уважала. Лора меня любила. Лора не смотрела по сторонам — я проверял. Я вообще много чего проверял, потому что отец с детства вбивал: «Доверяй, но проверяй. Особенно тех, кто говорит, что любит».

Иронично, да?

Он учил меня проверять других, а сам не заметил, как мать смотрела на своего фитнес-тренера. Или делал вид, что не замечал.

Я затягиваюсь и щурюсь от солнца.

Найди хорошую девушку, сын.

Нашёл, пап.

Была.

Теперь её нет.

И что дальше по твоему плану? Опять искать? Опять проверять?

Я тушу сигарету и достаю из пачки новую. Зажигалка чиркает с первого раза — сегодня вообще день мелких побед. Я затягиваюсь глубоко, почти до головокружения, и откидываю голову назад, глядя в чисто синее небо.

Интересно, они там уже закончили свою маленькую драму? Или Сэм всё ещё обнимает Элли и она уже забыла, что я вообще существую?

Я криво усмехаюсь.

Нет. Я идиот.

Я же прекрасно видел, что они делают.

Сэм — он же как открытая книга для меня. Я знаю все его уловки, все его «невинные» взгляды и «случайные» касания.

Он проверял меня. Сто процентов проверял.

Специально затащил её в воду. Специально встал так близко. Специально положил руки туда, куда нормальные друзья руки не кладут.

Я лениво стряхиваю пепел с сигареты и перед глазами всплывает сцена.

Кейт.

Вот тут было смешно.

Пока они там обжимались в бассейне, ко мне подплыла подружка Элли. Та ещё штучка. Я сразу понял её интерес. Такой взгляд я за километр вижу. И когда Сэм с Элли отвернулись, она вдруг так «случайно» повисла на моём плече. Вся такая расслабленная, игривая. Улыбается, щебечет что-то ни о чём, а сама прижимается так, что её грудь буквально вдавливается мне в плечо.

Я чуть не рассмеялся ей в лицо, но ничего не сказал. Просто дал ей повисеть.

Во-первых, потому что мне было плевать.

А во-вторых... ну ладно. Я просто хотел посмотреть, заметит ли Элли.

И заметили оба.

Сэм — сразу. Я видел, как он напрягся, как начал что-

то шептать Элли, а потом они вдруг начали обниматься ещё активнее. Типа, мы тоже не лыком шиты, смотрите, как у нас всё хорошо.

Детский сад какой-то.

Я выпускаю дым, закрываю глаза — и, как назло, снова вижу руки Сэма на Элли. Как его пальцы сжимаются на её бедре. Как она позволяет ему к себе прикасаться, хотя ещё пару часов назад смотрела на меня так, будто я единственный мужчина на планете.

И знаете что?

Я тогда был абсолютно спокоен.

Ну, то есть... если не считать того, что внутри всё горело. Если не считать того, что хотелось подойти и просто...

Я тушу вторую сигарету и достаю третью.

Просто.

Нет никакого «просто». Есть только она. И Сэм. И её руки на нём. И его руки на ней. И этот чёртов бассейн, в котором я делал вид, что мне плевать.

Поэтому я позвал Кейт.

Не потому что она мне нужна. Не потому что я хочу с ней куда-то идти. А потому что когда я шепнул ей на ухо: «Не хочешь выйти покурить, пока эти двое там обнимаются как последние идиоты?» — я видел краем глаза, как дёрнулась Элли.

Она не обернулась. Но я видел, как напряглась её спина. Как замерла она на секунду, прежде чем снова прижаться к

Сэму.

Заметила.

И это было единственное, что мне нужно было знать.

Кейт, конечно же обрадовалась. Ещё бы. Подумала, что поймала удачу за хвост. Что сейчас выйдет со мной, а дальше... дальше она всё неправильно просчитала. Потому что когда она вылезла из бассейна и натянула эту свою дурацкую футболку прямо на мокрое тело, я уже знал, что не прикоснусь к ней.

Ни сегодня.

Никогда.

Не потому что она не красивая. А потому что она — не Элли.

Я достаю телефон и смотрю на экран. Прошло уже минут десять. Может, пятнадцать.

Я тушу окурок о бетонную ступеньку, засовываю его в пустую пачку и поднимаюсь на ноги.

Кейт должна была выйти за мной покурить сразу. Но её всё нет.

Передумала? Или Элли её просто не отпустила?

Я отряхиваю толстовку, и в этот момент дверь позади меня с грохотом распахивается.

— Эта сука меня ударила, Тайлер!

Я оборачиваюсь.

Кейт стоит на пороге, тяжело дыша, волосы растрёпаны, лицо красное, в глазах — смесь ярости и какого-то дикого

возбуждения.

Я прищуриваюсь.

— Кто?

— Элли! — она почти задыхается от злости. — Ты представляешь? Она просто взяла и дала мне пощёчину!

Я молчу. Просто смотрю на неё.

Кейт продолжает, размахивая руками:

— А потом, когда я собиралась выйти, она схватила меня за волосы! Она вообще ненормальная! Представляешь, вцепилась намертво и давай тащить! Пришлось вырываться!

Я достаю новую сигарету. Четвёртую? Пятую? Уже неважно. Прикуриваю и медленно выпускаю дым.

— И чего вы не поделили? — спрашиваю максимально спокойно.

Кейт замирает на секунду, смотрит на меня с лёгким подозрением.

— В смысле?

— Из-за чего драка?

Она отводит взгляд, и поправляет футболку.

— Ну, скажем так... ей очень не понравилось, что я к тебе подплыла. Она приревновала меня к тебе.

Я приподнимаю бровь.

— Да ну?

— Правда! — Кейт снова смотрит на меня, и в её глазах загорается что-то новое. — Она увидела, как я с тобой разговаривала в бассейне, и просто взбесилась. Назвала меня...

ну, в общем, неважно. А потом ударила.

Я хмыкаю.

В голове прокручивается картинка: Элли, которая вцепляется Кейт в волосы. Элли, которая бьёт её. Элли, которая ревнует.

Ревнует.

— Тайлер? — Кейт смотрит на меня выжидающе. — Ты чего молчишь?

Я пожимаю плечами.

— А что я должен сказать?

Она моргает, явно не ожидая такого ответа.

— Ну... не знаю. Сказать, что она ненормальная?

Я усмехаюсь.

— Ненормальная? Ну возможно.

— Возможно? — Кейт смотрит на меня так, будто я сказал что-то абсурдное. — Тайлер, она вцепилась мне в волосы!

— Ты же сама сказала, что она приревновала.

Кейт на секунду застывает.

— Я сто раз спрашивала её, что между вами происходит! А она только и повторяла: «Нет, Кейт, он не в моём вкусе. Между нами ничего нет».

Кейт наклоняется ближе.

— Откуда мне было знать, что она втрескалась в тебя по уши?

Она делает шаг ко мне и останавливается почти вплотную. От неё пахнет хлоркой, вином и какой-то дешёвой сла-

достью.

— Послушай, Тайлер. — Она смотрит мне прямо в глаза.. — Элли сама не понимает, чего хочет. Сегодня ты, завтра Сэм, послезавтра ещё кто-нибудь. Она просто собирает внимание. Вот и всё.

Я тихо усмехаюсь.

— Не думаю, что ты сейчас описываешь Элли.

Кейт улыбается.

— Ой, да ладно, Тайлер. Ты же сам всё видел. Как только ты показал, что тебе на неё плевать, она сразу поплыла к Сэму. Вешалась на него, обнималась, позволяла себя трогать... и ты думаешь, на этом всё?

Она замолкает, выдерживая паузу. Потом наклоняет голову набок и добавляет почти шёпотом:

— Не удивлюсь, если она уже там, в бассейне, ему отдаётся.

Внутри всё взрывается.

— Закрой рот, Кейт.

Она хмыкает и вдруг подаётся вперёд, кладя руку мне на грудь.

— А ты чего так реагируешь? — она прищуривается. — Ревнуешь что ли?

Я смотрю на её руку. Потом медленно поднимаю взгляд на её лицо.

— Ты перебрала с вином, Кейт.

Она смеётся.

— А ты разве, нет?

Я перехватываю её запястье и резко отталкиваю её от себя.

— Отвали от меня, а?

Кейт смотрит на меня с холодной улыбкой. В её глазах — вино, злость на Элли и явное желание что-то доказать.

— Тайлер... — Кейт скрещивает руки на груди. — Ты сам предложил мне остаться и поплавать. Сам протянул руку в бассейне.

Она усмехается.

— А теперь говоришь мне «отвали»?

— Да. — Я осматриваю её с головы до ног. — И если ты вдруг подумала, что я собираюсь с тобой развлечься... Кейт, ты вообще не в моём вкусе. Даже близко не стояла с теми, кто мне нравится.

Она замирает.

— А кто в твоём вкусе? — голос Кейт становится тише. — Она?

Она кивает в сторону двери.

— Да она ещё вчера была бездомной бродягой, которую я тянула на себе.

Кейт прищуривается, разглядывая мою реакцию.

— Или ты думал, что она принцесса? Жила себе в кампусе, училась, всё прекрасно? Нет, Тайлер. Она жила там, потому что ей больше негде было жить. Мамочка её выгнала.

Я молчу.

— Ты в курсе, кто её мать? — Кейт делает шаг ко мне, и в её глазах загорается что-то тёмное. — Алкоголичка, которая бросила собственную дочь. Просто выкинула из дома. Элли тогда на первом курсе была. Пришла в кампус с одной сумкой и глазами, полными слёз.

Она усмехается.

— И кто её приютил? Кто дал ей одежду? Деньги на еду? Кто вообще вытащил её из этого дерьма?

Она тычет пальцем себе в грудь.

— Я. Я всё это делала.

Она замолкает, выдерживая паузу. Потом добавляет почти шёпотом:

— А теперь что? Теперь она будет жить в доме, который переписала на неё её мамаша. И ты думаешь, это навсегда?

Кейт усмехается.

— Через пару месяцев мамочка протрезвеет и приползёт обратно. Со слезами. И знаешь что?

Она наклоняется чуть ближе.

— Элли снова окажется в кампусе. Будет умолять, чтобы ей дали хоть какую-нибудь комнатушку.

Я смотрю на неё.

Долго. Очень долго смотрю.

— Ты закончила, Кейт?

Она моргает, явно не ожидая такого ответа.

Я киваю.

— Хорошо. Теперь послушай меня.

Я наклоняюсь чуть ближе.

— То, что ты её содержала — это был твой выбор. Ты могла не давать ей деньги. Могла не пускать к себе. Но ты давала и пускала. Значит, не такая уж ты и бескорыстная, да?

Кейт открывает рот, но я не даю ей вставить слово.

— И её мать — не её вина. А ты сейчас пытаешься вызвать отвращение, рассказывая про самое уязвимое, что у неё есть. Это низко, Кейт.

Я отступаю на шаг.

— И да...

Я смотрю ей прямо в глаза.

— Если ты так говоришь о человеке, который считал тебя подругой — значит, ты была паршивой подругой.

Кейт смотрит на меня несколько секунд. Её лицо дёргается, губы сжимаются в тонкую линию, а потом она вдруг усмехается. Криво, зло, с каким-то отчаянием.

— Знаешь что, Тайлер? — её голос звенит. — Ты настоящий придурок. Стоишь тут с каменным лицом, слова из тебя не вытянешь... а внутри, я уверена, вообще ничего не чувствуешь! Пустота внутри, да, Тайлер?

Пустота.

Я провожу ладонью по волосам и внутри всё холодеет, как всегда, когда кто-то случайно подбирается слишком близко к правде. А тут какая-то пьяная девчонка в сердце бросает слово — и оно бьёт прямо в цель.

Если бы только она знала...

Если бы хоть кто-нибудь знал, что на самом деле у меня внутри. И что я могу сделать, когда эта «пустота» заполняется чем-то другим.

Кейт дёргается, бросает на меня последний взгляд — смесь страха и злости — и вдруг бегом забегает в дом. Дверь с грохотом распахивается, и она скрывается внутри.

— Я уезжаю! — орёт она уже оттуда.

Из дома доносится топот, потом голоса. Кейт что-то кричит, но слов я не разбираю. А потом дверь снова открывается — и из неё выходит Сэм.

Он останавливается на пороге, переводит взгляд с меня на улицу, потом снова на меня. В глазах — смесь растерянности и злости.

— Тайлер, какого хрена тут происходит?

Я пожимаю плечами, стараясь выглядеть максимально спокойно.

— Кейт перебрала. Несёт какую-то чушь.

Сэм вздыхает.

— Послушай...

— Где Элли? — спокойно перебиваю я.

Он несколько секунд молчит, разглядывая меня.

— А тебе зачем?

Я делаю шаг к двери, ничего не отвечая.

— Тайлер, — Сэм останавливает меня рукой.

— Отойди, Сэм.

— Нет.

Я усмехаюсь.

— Ты сейчас не впускаешь меня в собственный дом?

— Я не пускаю тебя к Элли. Это разные вещи.

Я смотрю на него пару секунд. Потом говорю максимально спокойно:

— Сдалась мне твоя Элли. Пропусти.

Сэм не двигается.

Я пытаюсь оттолкнуть его и пройти, но он хватает меня за ткань толстовки и с силой прижимает к стене.

Я даже не ожидал.

За столько лет дружбы он ни разу не поднимал на меня руку. А сейчас стоит, вжимает меня в стену, и глаза у него просто бешеные.

— Послушай, Тайлер. — Голос у него тихий, но жёсткий. — Ответь мне на один простой вопрос.

Я хмыкаю.

— Простые вопросы? От тебя?

— Мне сейчас не до твоего юмора.

— А я, по-твоему, шучу?

Он смотрит на меня так, будто сейчас взорвётся.

— Не пяться так, — фыркаю я. — Спрашивай быстрее и разойдёмся.

— Элли...

Я усмехаюсь.

— А что с Элли?

— Ты можешь объяснить, что между вами происходит?

Я смеюсь.

— Ничего не происходит. — Я чуть наклоняю голову. — А должно?

— Не прикидывайся идиотом, Тайлер.

Я наклоняюсь чуть ближе к нему, хотя он держит меня у стены.

— А тебе зачем это знать, Сэм?

— Зачем? — он сильнее вжимает меня в стену. — Если ты собираешься играть с ней в свои дерьмовые игры — а ты прекрасно знаешь, о чём я говорю — то она для этого не подходит.

Я смотрю на него. Потом медленно перевожу взгляд на его руку, которая сжимает мою толстовку.

— Неплохо. — Я киваю на его руку. — Похоже, какая-то девчонка научила тебя давать отпор.

— Она не какая-то девчонка.

— Ого, — говорю я тихо. — Серьёзно?

— Да. — Сэм не отпускает. — И я не дам тебе делать ей больно только потому, что тебе скучно и хочется развлечься.

— А кто сказал, что мне скучно?

Сэм кривит губы.

— Не строй из себя сейчас святого, Тайлер.

Я смотрю на него пару секунд, потом резко отрываю его руку от своей толстовки.

Сэм на секунду замирает, но не пытается остановить меня. Просто разжимает пальцы и делает шаг назад.

— Послушай, Сэм, — говорю я. — А ты чего так к ней прицепился? А?

Он смотрит на меня с вызовом.

— Потому что она моя подруга!

Я смеюсь.

— А-а-а, подруга, как же я мог забыть... — протягиваю я, растягивая слова. — Знаком с ней от силы десять дней и уже невероятно хорошие друзья?

Я делаю шаг к нему.

— А знаешь, что я вижу? Я вижу парня, который прикрывается дружбой, чтобы трогать девушку, которая ему нравится.

Сэм вздрагивает.

— Что?

— А то. — Я смотрю ему в глаза. — Тот, с кем можно притворяться другом и лапать по-дружески? Такая у тебя дружба с ней?

— Ты вообще слышишь, что несёшь?

— А ты слышишь себя? — перебиваю я. — «Она моя подруга». Серьёзно? Ты знаешь её всего неделю, Сэм. И уже готов драться со мной из-за неё?

Сэм делает шаг ближе.

— Потому что ты ведёшь себя как мудак! Сначала даёшь ей повод думать, что она тебе интересна... а потом делаешь вид, что она сама всё придумала.

Я пожимаю плечами.

— Если она что-то себе придумала — это её проблема.

Я достаю из пачки сигарету, неторопливо зажимаю её между губами и чиркаю зажигалкой. Огонёк на секунду вспыхивает между нами.

Сэм замирает, будто не верит, что я это сказал.

— Ты сейчас серьёзно?

Я затягиваюсь и медленно выпускаю дым в сторону, не сводя с него глаз.

— Абсолютно.

Тишина.

Сэм смотрит на меня с такил лицом, как будто пытается понять, издеваюсь я или действительно говорю это всерьёз.

— Невероятно. — Сэм, проводит рукой по лицу и тихо выдыхает. — Иногда я вообще не понимаю, что у тебя в голове.

Я стряхиваю пепел.

— Это взаимно.

— Нет. Не взаимно.

Он делает шаг назад, не сводя с меня глаз.

— Я вижу, как ты на неё смотришь.

Я на секунду замираю, потом тихо смеюсь.

— О, да? И как же я на неё смотрю?

Сэм не отвечает сразу. Он выдерживает паузу, будто решает, говорить это или нет.

— Как будто она для тебя что-то значит.

Я выпускаю дым в сторону и усмехаюсь.

— А ты наблюдательный, да? Только вот незадача — даже если она для меня что-то значит, это не отменяет того факта, что десять минут назад она обнималась с тобой в бассейне. И, судя по тому, как ты на неё смотрел... — я приподнимаю бровь, — ты был совсем не против.

Сэм напрягается.

— Это было не то, что ты думаешь.

— Правда? — усмехаюсь я. — А что я должен думать, когда твои руки лежат у неё на заднице?

— Это был спектакль, — сквозь зубы цедит Сэм. — Для тебя.

Я приподнимаю бровь.

— Серьёзно? То есть вы с Элли решили разыграть комедию, чтобы меня разозлить?

— А что? — Сэм вдруг усмехается. — Сработало ведь.

Я усмехаюсь.

— Сэм, ты сейчас говоришь как девушка из женского романа.

— А ты как трус, который боится признаться даже себе.

Я резко выбрасываю сигарету в сторону.

— Я ничего не боюсь.

— Нет, боишься.

Я хмыкаю.

— И чего же я боюсь?

— Того, что она действительно тебе нравится.

Я качаю головой.

— Сэм...

— И что на этот раз всё будет по-настоящему.

Я замираю.

Слова Сэма повисают в воздухе между нами. Слишком точные, чтобы просто отмахнуться от них очередной усмешкой.

Я смотрю на него и пытаюсь найти в его лице привычную злость, раздражение, желание что-то доказать... но ничего из этого нет. В его глазах только усталость и какое-то странное, почти тихое понимание.

И именно это почему-то раздражает сильнее всего.

Понимание.

Будто он уже всё решил за меня.

Будто он видит то, что я сам упорно не хочу замечать.

Я сжимаю челюсть и открываю рот, собираясь сказать что-нибудь резкое. Едкое. Любую фразу, за которой можно спрятаться и сделать вид, что всё это меня вообще не касается.

Но слова не появляются.

Они будто застревают где-то в горле.

— Долбанная девчонка... — тихо выдыхаю я.

Я провожу ладонью по лицу, будто пытаясь стереть всё, что только что услышал. Потом отворачиваюсь и направляюсь к двери.

Сэм стоит прямо на пути, но я даже не замедляюсь.

Я прохожу мимо, задеваю его плечом и, не оборачиваясь, толкаю дверь.

Глава 38

***

Некоторые люди входят в твою жизнь как случайные прохожие. А потом ты понимаешь, что они шли за тобой с самого начала.

***

Тайлер.

Я толкаю дверь и захожу внутрь — и почти сразу ловлю это состояние, когда уже что-то произошло, но ты вошёл слишком поздно, чтобы понять, что именно произошло.

В прихожей стоит Кейт.

Уже в кроссовках, куртка накинута кое-как, будто она надевала её на ходу, сумка болтается в руке, и она дёргает молнию с таким раздражением, словно дело вообще не в ней — будто ей просто нужно за что-то зацепиться, чтобы не сорваться раньше времени.

Напротив неё стоит Элли.

Тоже собрана, но совсем по-другому: руки скрещены, подбородок приподнят, взгляд холодный, почти стеклянный, и в этом её спокойствии чувствуется куда больше злости, чем в Кейт.

— И после этого ты ещё смеешь говорить, что ничего не произошло? — резко бросает Элли.

Кейт открывает рот, чтобы ответить, но в этот момент я закрываю за собой дверь и они обе оборачиваются.

Тишина падает мгновенно.

Я медленно скольжу взглядом с одной на другую, задерживаюсь на Элли чуть дольше, чем нужно — сам не знаю зачем — и усмехаюсь.

— Помирились, что ли?

Кейт фыркает.

— Не твоё дело, Тайлер.

И это «не твоё дело» звучит не как защита, а как попытка хоть за что-то зацепиться.

Она резко подхватывает сумку, толкает дверь плечом и выходит, даже не дожидаясь, пока кто-то что-то скажет ей вслед — и, если честно, выглядит это так, будто она сбегает, а не просто уходит.

Дверь за ней захлопывается с коротким, глухим звуком, и на секунду становится тихо.

Элли провожает её взглядом, а потом срывается с места. Резко, без паузы, будто если остановится хоть на секунду — передумает.

Я перехватываю её за локоть.

— Подожди.

Она замирает не сразу — скорее упирается в мою руку, чем останавливается сама. Смотрит на мои пальцы, будто они чужие, потом медленно поднимает глаза.

— Чего тебе, Тайлер? Мало того, что ты сделал, хочешь

добить меня окончательно? Посмотреть, как я буду рыдать у тебя на плече? Чтобы я ещё раз поверила, а потом снова разбилась о твоё равнодушие?

Я усмехаюсь и медленно оглядываю её с ног до головы.

— А ты красивая, когда злишься, — говорю я задумчиво. — Наверное, поэтому мне так нравится тебя бесить.

— Чего?

— Я люблю смотреть, как в тебе закипает кровь, Элли. Это почти так же приятно, как смотреть, как ты таешь под моими пальцами.

Я провожу пальцем по её шее.

— Знаешь, что я чувствую, когда касаюсь тебя?

— Тайлер, перестань...

— Голод, — отвечаю я тихо. — Хочется сжать пальцы так сильно, чтобы ты перестала дышать. — Я чуть сжимаю — самую малость. — А потом поцеловать это место. Залечить. Попросить прощения.

Она на мгновение замирает, будто не знает, что делать дальше.

— Это... — она запинается, — это сейчас флирт? Или ты мне сейчас угрожаешь?

— А это обязательно должно быть что-то одно? — усмехаюсь я, не убирая руку. — Флирт, угроза, обещание. Для меня это одно и то же, Элли.

Она нервно облизывет губы и я вижу, как в её глазах что-то меняется. Злость, которая ещё секунду назад держала её

на месте, начинает трескаться.

На её месте появляется другое.

Страх.

Она пытается скрыть его, но я слишком близко, чтобы не заметить. Слишком внимательно смотрю на неё.

— Тайлер... — её голос становится тише, и в нём появляется то, чего секунду назад не было.

Я ничего не отвечаю. Просто смотрю на неё, и именно это, кажется, пугает её ещё сильнее.

Она медленно убирает мою руку со своей шеи, осторожно, будто боится, что я в любой момент передумаю и сожму сильнее, и делает шаг назад.

— Мне это не нравится, — говорит она тихо.

— Правда?

Она качает головой.

— Да... — её взгляд соскальзывает к двери за моей спиной. — Меня на улице ждёт Сэм.

Я чуть склоняю голову, наблюдая за этим движением.

— А я думал, ты останешься.

— Не сегодня.

— А если я хочу сегодня?

Она сглатывет, и на этот раз уже не скрывает, что нервничает — взгляд на секунду уходит в сторону, потом возвращается, будто ей приходится буквально возвращать себя в разговор.

— Тайлер, — она выравнивает голос, но он всё равно чуть

дрожит, — Сэм уже, наверняка, волнуется. Если я не выйду, он зайдёт.

— И что произойдёт? — я усмехаюсь. — Снова пожалуешься на меня? Расскажешь, какой я плохой?

— Я не жалуюсь!

— А что ты делаешь? — я прищуриваюсь. — Стоишь тут, говоришь про Сэма, смотришь на дверь, как будто ждёшь, что он ворвётся и заберёт тебя.

— Может, и жду!

— Зря. — Я качаю головой. — Потому что даже если он ворвётся, ты никуда не уйдёшь.

Она коротко усмехается, отводит взгляд к двери, а потом снова возвращает его ко мне — уже спокойнее, будто за эту секунду успела взять себя в руки.

— С чего ты вообще решаешь, что мне делать?

— Ну давай начнём с того, что ты должна мне.

— Я тебе ничего не должна.

— Шесть желаний, — я произношу это медленно, чеканя каждое слово.

— Я отдам их! — выпаливает она. — Все шесть, слышишь? Только не сейчас, Тайлер... сейчас вообще не время для...

— Знаешь, что я ненавижу больше всего на свете, Элли? — перебиваю я.

Она вздрагивает от резкости, слова застревают у неё в горле, и в этот момент я понимаю, что наконец-то я держу си-

туацию под контролем.

— Когда не сдерживают обещания, — отвечаю я сам. — Когда люди говорят одно, а делают другое. Когда клянутся, а потом делают вид, что ничего не было.

Я отхожу к стене, прислоняюсь плечом и смотрю на неё, не отрываясь.

— Поэтому... — я киваю на дверь. — Сэм уедет, а ты останешься со мной. И это первое твоё желание, Элли.

— Ты совсем с катушек слетел? Это безумие!

— Это справедливость, — я пожимаю плечами. — Ты должна — я загадываю. Всё честно, Элли.

— Честно? — она усмехается. — Ты понятия не имеешь, что такое честность, Тайлер.

Она делает шаг, чтобы уйти, но я перехватываю её за запястье и резко притягиваю к себе.

— Ты отказываешься отдавать мне долг?

— Да, Тайлер, я отказываюсь! — выплевывает она, сверкая глазами. — Потому что это идиотизм! Я списала у тебя пару грёбаных ответов, а ты ведёшь себя так, будто я продала тебе душу!

— Не душу конечно... но время — да.

— Я ничего не продавала!

— Продала, — киваю я. — За несколько ответов на контрольной. Неплохая цена, правда?

— Это не...

— Не важно, — перебиваю я, даже не давая ей закончить.

— Мне плевать, что ты там списывала. Меня интересует другое.

Она вскидывает брови, и в этом движении столько растерянности, что мне становится почти смешно.

— Твоё Слово, — продолжаю я, — и ты его сейчас нарушаешь.

Она качает головой.

— Знаешь что, Тайлер? — она поднимает подбородок, вскидывает брови, и в её позе столько вызова, что я почти аплодирую. — Катись ты к чёрту! Со своим словом и со своими желаниями!

Я медленно обвожу её лицо взглядом, запоминая каждую чёрточку, и на моих губах застывает спокойная, пугающая улыбка.

— Однажды одна девушка тоже сказала мне «катись ты к чёрту», — я смотрю на неё, и моя улыбка становится шире. — Она больше так не говорит. Никому.

Она делает шаг в сторону, пытаясь обойти меня.

— Ты ненормальный, Тайлер, — говорит она тихо. — Ты реально чёртов псих!

Я усмехаюсь, засовывая руки в карманы.

— Меня твоя речь утомляет, Элли.

— Да неужели? — она вскидывает брови. — Тогда отпусти меня! И избавь себя от моего утомительного общества.

Я отступаю в сторону, засовываю руки глубже в карманы, и киваю в сторону двери.

— Иди.

Она смотрит на меня недоверчиво.

— Что?

— Иди, Элли, — я киваю на дверь.

Она щурится.

— Ты что-то задумал?

— Нет.

— Ты минуту назад угрожал мне!

Я подхожу к двери, открываю её и отступаю в сторону, давая ей пройти.

— Считай, что я дал тебе фору.

Она замирает и не сводит с меня глаз — будто пытается понять, где ловушка, а потом медленно подходит к двери, останавливается на пороге и выглядывет наружу.

— Я надеюсь... — говорит она тихо, — что это была просто твоя очередная шутка. Чтобы я наконец признала, что я никудышный психолог, который даже не может отличить нормального человека от... — она замолкает, не договаривая.

— От ненормального? — я наклоняюсь чуть ближе, и она замирает. — Или от того, кого ты на самом деле боишься?

Она смотрит на меня, и я вижу, как её лицо медленно меняется — сначала непонимание, потом удивление, потом что-то похожее на страх.

— С чего бы мне тебя бояться? — спрашивает она.

Я пожимаю плечами, не отводя взгляда.

— Не знаю, Элли. Может, потому что ты меня совсем не знаешь?

Она сглатывает.

— А должна? — её голос становится тише.

— Наверное, — говорю я ровно. — Потому что я знаю о тебе всё. А ты обо мне — ничего.

Глава 39

***

Иногда ты понимаешь, что перед тобой опасность. И вместо того чтобы бежать — смотришь ещё внимательнее.

***

Элли.

Я раскладываю вещи, но руки работают сами по себе — я даже не смотрю, что беру. Футболка на одну полку, джинсы на другую, какая разница? Главное — двигаться. Главное — не стоять на месте, потому что если остановлюсь, начну думать, а если начну думать...

Я знаю о тебе всё.

Я замираю с футболкой в руках. Смотрю на неё, но не вижу. Вижу его лицо, его улыбку. Ту самую — спокойную, пугающую, от которой у меня до сих пор мурашки бегут по спине, хотя прошло уже несколько часов.

Я усмехаюсь своим мыслям и кидаю футболку на полку.

Нет. Это бред.

Он не может быть тем, кто... он просто Тайлер. Заносчивый, странный, иногда пугающий, но просто Тайлер. Который случайно попал мне мячом в висок, у которого я списала несколько ответов на контрольной и который теперь по-

чему-то решил, что я должна ему чуть ли не жизнь.

Я резко закрываю шкаф — так, что дверцы глухо ударяются о косяк, — и сажусь на край кровати.

Хочется сжать пальцы так сильно, чтобы ты перестала дышать. А потом поцеловать это место. Залечить. Попросить прощения.

— Может, он социопат? — шепчу я в пустоту.

У них же так бывает — они умеют быть очаровательными, нежными, внимательными, когда им что-то нужно, а потом переключаются, и ты видишь пустоту. Тёмную, холодную пустоту, где нет ничего, кроме...

Я криво усмехаюсь и падаю на спину, глядя в потолок.

— Какой к чёрту социопат, Элли?

Я, будущий психолог, который писал курсовую по расстройствам личности. А сейчас диагностирую парня, который просто грубо пошутил и слишком хорошо целуется?

Позор.

Я встаю с кровати, подхожу к окну и отдёргиваю штору.

— Ты просто перекручиваешь, Элли, — говорю я своему отражению в стекле. — Он сказал пару жутких фраз, потому что хотел тебя напугать, а ты повелась. И теперь ты сидишь здесь, трясёшься, хотя он уже спит и думать о тебе забыл.

— И ты забудь, — приказываю я себе, — просто забудь.

Я отворачиваюсь от окна, подхожу к кровати и падаю лицом в подушку. Внутри всё кипит — на него, на себя, на этот день, который должен был быть обычным, а превратился в

чёрт знает что.

И хуже всего не это. А то, что я лежу и понимаю, что мне это нравится.

Я переворачиваюсь на спину и чувствую, как к лицу приливает жар.

Вот оно. Сказала.

Тебе нравится, как он смотрит, как говорит, как касается. Нравится его спокойствие — слишком уверенное, слишком опасное. Нравится, что рядом с ним всё внутри будто обнажается, становится резче, ярче. Рядом с ним... ты чувствуешь себя живой.

Я усмехаюсь собственной мысли и закатываю глаза.

Серьёзно, Элли? Живой? Ты хочешь сказать, что за все эти годы единственный, кто смог тебя оживить — это парень, который говорит, что хочет сжать твою шею?

Какая же ты дура.

Я резко сажусь на кровати, и память предательски рисует его поцелуй, — тёмная комната, его пальцы на моём запястье, дыхание слишком близко. Всё тянется медленно, почти спокойно. А потом — резко: стена за спиной и его рот, который берёт без разрешения.

Я провожу пальцами по губам.

— Чёрт, — выдыхаю я в пустоту.

Я должна думать о чём-то другом — о завтрашней паре, о работе, о чём угодно, но вместо этого я вижу только его руки: как они скользят по моему телу, как расстёгивают пуговицу,

как находят именно то, что искали.

— Твою мать...

Я падаю на спину, провожу ладонью по животу, закрываю глаза, и позволяю руке опуститься туда, где пульсация становится почти невыносимой.

Перед глазами — он.

Я резко открываю глаза, будто это может его оттуда вытолкнуть, но он не исчезает. Слишком чёткий, слишком близкий, как будто стоит прямо здесь, в комнате, и просто молчит, наблюдая.

Я переворачиваюсь на бок, утыкаюсь лицом в подушку пытаясь зацепиться хоть за что-то реальное, но в голове снова и снова прокручивается одно и то же — его руки, его голос, этот спокойный взгляд, в котором нет ни тени сомнения.

— Да что со мной... — выдыхаю я глухо, почти зло. — Ты не будешь мной управлять, Тайлер. Ты не будешь лезть в мою голову. Ты не будешь...

Я медленно выдыхаю.

— А если...

Мысль цепляется и не отпускает.

А если один раз? Только сегодня.

Это же ничего не будет значить... правда?

Я усмехаюсь.

— Нет. Это как раз и будет что-то значить.

Это будет значить, что я идиотка. Что я — позор психологического факультета. Что я — девушка, которая хочет пар-

ня, который, возможно, вообще хочет меня прикончить!

Я качаю головой, но рука уже опускается туда, где пульсация становится невыносимой.

— Господи, Тайлер, — шепчу я, — что ты со мной сделал?

Я закрываю глаза, и в голове вспыхивает его лицо. Спокойное, насмешливое, уверенное. Смотрит так, будто знает, что я сейчас буду делать.

— Нравится? — шепчу я в темноту, будто он может слышать. — Думаешь, ты победил? Думаешь, я твоя?

Пальцы двигаются быстрее, напряжение нарастает и я чувствую, как уже близко...

— Нет, Тайлер, — шепчу я. — Я не твоя.

Волна накрывает, и я выгибаюсь, впиваясь ногтями в простыню. В голове — только белый шум и его лицо, которое смотрит на меня сверху вниз с этой его невозможной улыбкой.

— Ты ненормальная, Элли, — говорю я себе.

Я переворачиваюсь на живот, натягиваю одеяло до подбородка и закрываю глаза.

— Завтра я буду ненавидеть себя за это, — шепчу я в подушку. — Но сейчас... сейчас плевать.

Глава 40

***

Мы всегда думаем, что у нас есть выбор.

Пока не приходит момент, когда выбирать уже не из чего.

***

Учебный день тянется бесконечно. Каждая пара будто длится дольше предыдущей, и к середине дня я уже не слушаю, а просто смотрю в одну точку, отмечая, как медленно тянется время.

На лекции по социальной психологии я наконец замечаю Кейт. Она сидит в углу у окна, подперев голову рукой, и смотрит куда-то в сторону. Такая спокойная. Такая отстранённая. Будто её вообще ничего вокруг не волнует.

Внутри что-то дёргается — то ли привычка, то ли это дурацкое чувство вины. Я смотрю на неё несколько секунд, и в голове мелькает мысль — подойти. Сказать что-нибудь нейтральное: «привет» или «как дела». Без драмы, без выяснения отношений. Просто поставить точку или хотя бы сделать вид, что мне не всё равно.

Но ноги не двигаются.

Потому что, я уже знаю, чем это закончится: она поднимет голову, посмотрит на меня своим холодным взглядом,

спокойно соберёт вещи и пересядет.

А я не хочу оказаться в этом моменте.

Поэтому я закрываю тетрадь, закидываю вещи в сумку и выхожу из аудитории, даже не дождавшись начала лекции — потому что сидеть здесь и делать вид, что всё нормально, у меня просто не получится.

Я спускаюсь к главному выходу и замираю перед высокой стеклянной дверью.

За стеклом — дождь.

Он начался ещё утром, а теперь разошёлся так, что даже деревья за парковкой кажутся размытыми пятнами. Я стою ещё секунду, не двигаясь, а потом тянусь к двери — и в этот момент телефон в руке загорается, сбивая меня с мысли.

Я опускаю взгляд на экран и чувствую, как внутри всё холодеет.

Мама Джейсона?

Тревога поднимается мгновенно, без предупреждения, как будто всё тело за секунду понимает то, чего разум ещё не успел оформить.

Он что...

Я резко качаю головой, будто этим движением можно выбить из себя панику, и сразу же провожу большим пальцем по экрану, принимая вызов.

— Алло? — мой голос звучит хрипло, и я откашливаюсь, прижимая телефон к уху.

— Элли, привет, это мама Джейсона.

— Здравствуйте, миссис Харрисон, — шепчу я, чувствуя, как пол уходит из-под ног.

— Элли, прости, что звоню, — голос у неё усталый, будто она долго не спала или только что плакала. — Я знаю, что мы не общались... знаю, что вы с Джейсоном... в общем, извини, что беспокою.

В груди всё сжимается от этих «прости» и «извини». Она никогда так со мной не разговаривала.

Никогда.

— Элли, — мисс Харрисон делает паузу, будто собирается с силами. — Ты же в курсе, что Джейсон в больнице?

— Да, — слова вылетают сами, быстрее, чем я успеваю подумать. — Мне очень жаль...

Я замолкаю на секунду, потому что голос начинает дрожать.

— Ему же стало лучше? — наконец выдавливаю я. — В статье писали, что он в реанимации, но...

— Элли... — голос миссис Харрисон становится мягче. — Я не знаю, что у вас произошло, — она резко выдыхает. — Но он сегодня пришёл в себя... и первое, что он сказал — это твоё имя.

Я замираю.

— Он всё время просит тебя позвать, — продолжает она. — Говорит, что ему нужно тебе что-то сказать, что...

— Я не приеду, — перебиваю я, и голос звучит твёрже, чем я себя чувствую. — Передайте ему, что я его простила,

но видеть его я не хочу.

В трубке на секунду повисает тишина.

— Элли, но он же чуть не погиб.

— А я чуть не погибла в его доме, когда поняла, что он задумал! — вырывается у меня. — Вы не знаете своего сына, миссис Харрисон. И лучше вам не знать!

Я сбрасываю вызов и замираю на секунду, глядя на потухший экран.

Я не поеду.

Я не обязана.

Я имею право просто... не хотеть его видеть. Даже если он чуть не погиб.

***

Я влетаю в кафе, отряхивая с себя капли дождя, и в ту же секунду натыкаюсь на кого-то.

Плечо в плечо, резко и очень больно.

Меня толкает кто-то в сторону, и я едва не теряю равновесие. Парень даже не оборачивается. Просто идёт дальше, к выходу, и дверь за ним захлопывается с глухим стуком.

Я замираю на секунду, и смотрю ему в спину.

Высокий, тёмная куртка, быстрая, уверенная походка. Ни «прости», ни даже взгляда.

— Ну и тип, — бормочу я, разворачиваясь к стойке. — Какой невежливый.

Зак выглядывает из-за стойки и усмехается.

— Ещё бы...

— Ты его знаешь? — я медленно поворачиваюсь к двери, где исчез парень.

— Нейтон. Он меня когда-то сюда устроил. — Зак вытирает руки о фартук. — Мы с ним играли в одной группе пару лет назад. Я на барабанах, а он на гитаре.

— Ого, — я поднимаю брови, забывая на секунду про странного парня. — Ты музыкант?

Зак усмехается.

— Был.

— А сейчас?

— А сейчас я делаю кофе и мечтаю, чтобы в кафе поставили нормальную кофемашину, — он кивает в сторону своего рабочего места. — Но если серьёзно — музыка уже давно осталась в прошлом, как и наша музыкальная группа. Она распалась.

— Из-за чего? — я вешаю сумку на стул, чувствуя, как любопытство пересиливает усталость.

Зак пожимает плечами.

— Нейтон с катушек слетел. Мы играли концерты, всё было нормально, а потом он начал вырубаться прямо на сцене.

— В смысле — вырубаться? — я подаюсь вперёд.

— Нууу... глаза пустые, руки трясутся, но пальцы продолжают перебирать струны. Как будто тело живёт само по себе, а он где-то далеко.

— Жуть какая-то, — передёргиваю я плечами.

— Ну да, — Зак криво усмехается. — А потом он вообще начал пропадать. На репетиции не приходить, на звонки не отвечать. Появлялся раз в неделю, смотрел на нас так, будто мы незнакомые, и снова исчезал.

— И вы так и играли?

— Недолго, — Зак качает головой. — Один раз он вышел на сцену, сыграл три песни, а потом просто положил гитару и ушёл. Прямо посреди концерта. Мы потом две недели его искали, а он объявился и сказал, что уходит из группы.

— Просто так?

— Просто так.

— Ты пытался с ним поговорить?

Зак снова усмехается.

— Пытался.

— И?

— Он сказал: «Зак, если ты такой умный, играй сам». И ушел. А я потом полгода пытался найти гитариста, но так и не нашел. В итоге наша группа и развалилась.

— И ты после такого с ним общаешься? — я не скрываю удивления.

— Иногда, — Зак пожимает плечами. — Он через год написал мне: «Как дела?» Я ему честно и ответил: «Хреново. Группы нет, денег нет, жизнь — говно». А он в ответ: «Приходи в кафе, сестра моей мамы ищет работников». И вот, — Зак разводит руками, — работаю.

— Сестра? — я приподнимаю бровь. — Какая сестра?

— Николь, — Зак усмехается. — Сестра его мамы здесь главная.

Я моргаю, переваривая информацию.

— Получается, что, Нейтон... двоюродный брат Тайлера?

— Так-так, — Зак прищуривается. — Вижу, ты уже в курсе про Тайлера. Он рассказал или сама догадалась?

— Про то, что кафе принадлежит маме Тайлера? — уточняю я.

— Ага.

— Мне друг рассказал, — я хватаю салфетницу. — А ты молчал!

— Элли, не злись! — Зак выставляет руки в защитном жесте. — Он меня вообще-то сам попросил! Сказал: «Не надо ей ничего объяснять». Я тогда подумал — ну, проверка очередная... ты просто не представляешь, какой сюда контингент до тебя приходил!

— И ты послушался?

— А что мне было делать? — Зак пожимает плечами. — Он сын хозяйки. Если бы я пошёл против него, меня бы выгнали. А мне работа нужна!

— Но ты хотя бы мог мне намекнуть! — я замахиваюсь в него салфетницей. — Сообщение написать. Мы же с тобой напарники, блин!

— Я бы написал, если бы это была реально проверка, Элли, — Зак загибает пальцы, изображая кавычки. — Но он

же просто...

— Просто что? — я скрещиваю руки.

— Да он с тобой флиртовал, Элли! — Зак почти кричит шёпотом. — После того как он сказал, что твой кофе «не плохое», я сразу понял: это точно не проверка. Обычно он молчит или критикует, а тут — ухмылки, взгляды... — Зак проводит рукой по воздуху, изображая нечто неопределённое. — А потом ты ещё рассказала про мяч, и я сложил два плюс два.

— И что в итоге? — я смеюсь.

— Либо ты ему понравилась, — Зак смотрит на меня в упор, — либо он решил побесить Лору.

Зак усмехается, качая головой.

— Но это исключаем, Тайлеру уже давно не интересна Лора.

Я хмыкаю и ничего не отвечаю. Просто беру тряпку и начинаю протирать стойку, будто разговор закончен.

— Элли? — Зак ждёт реакции.

— Я слышала, — говорю я, не поднимая головы. — Мне нечего на это сказать.

— Как это — нечего? — возмущается он.

— А так, — я пожимаю плечами, продолжая тереть чистую поверхность. — Мне плевать, кому я там понравилась или не понравилась.

— Элли...

— Я серьёзно, — перебиваю я, поднимая взгляд. — Мне

неинтересно, что у Тайлера в голове, и уж точно неинтересно, что у Лоры.

Зак открывает рот, чтобы что-то сказать, но я поднимаю руку, останавливая его.

— Давай просто сделаем кофе и займёмся своими делами. Хорошо?

Зак удивленно смотрит на меня.

— Ладно, — обижено бросает он. — Но если однажды он придёт с букетом роз и предложением руки и сердца, ты вспомнишь, кто тебя предупреждал.

Я смеюсь.

— Да заткнись уже, Зак, — я швыряю в него тряпку.

Он ловко уворачивается, тряпка летит мимо и шлёпается на пол рядом с ним. Я уже открываю рот, чтобы что-то сказать, но в этот момент из-за двери кабинета раздаётся голос:

— Кто придёт с букетом роз?

Я замираю.

В дверях кабинета стоит Лора. Она прислонилась плечом к косяку, скрестила руки на груди и смотрит на нас с лёгкой усмешкой.

— А ты чего вылезла, Лор? — Зак облокачивается на стойку и смотрит на неё с лёгкой усмешкой, — я, конечно, понимаю, что ты тут главная. Но розы — это, знаешь ли, не твоя компетенция. Иди лучше отчёты проверяй. Тебе букет роз точно не светит.

Лора хмурится, но не сдвигается с места.

— Я вообще-то менеджер, Зак. Могу и уволить за такие разговоры.

— Уволишь — и кофе сама варить будешь, — парирует он, ничуть не смущаясь. — И посмотрим, как Николь обрадуется, когда узнает, что ты выгнала её любимого бариста.

— Ты не любимый, — Лора закатывает глаза.

— Любимый, — спокойно поправляет он. — А вот ты уже даже не знаю, кому и нужна.

— Ты переходишь границы, Зак.

— Это называется чувство юмора, — он пытается улыбнуться.

— Это называется неуважение к руководству, — отрезает Лора. — Меня уже достало, Зак...

— А меня достало, что ты строишь из себя не пойми кого! — перебивает он. — Ты уже давно не девушка Тайлера Смита, поэтому перестань строить из себя главнее всех.

Лора резко подходит к нему, и я на секунду даже боюсь, что она его ударит.

— Ты думаешь, что можешь так со мной разговаривать?

— А ты думаешь, что ты можешь так со мной разговаривать? — Зак не сдвигается с места. — Мы с тобой на равных, Лор. Или ты забыла, как начинали вместе?

— Мы не на равных, — она сжимает кулаки. — Я твой менеджер, Зак!

— Ты моя коллега, которая получила повышение, потому что трахалась с Тайлером, — поправляет он. — Так что спу-

стись с небес, Лора.

В кафе повисает мёртвая тишина. Лора на секунду замирает, будто не веря, что он это сказал, а потом её лицо медленно меняется.

— Повтори, — тихо говорит она.

— Ты слышала.

— Нет, — она делает шаг ближе. — Я хочу, чтобы ты повторил это ещё раз.

Я напрягаюсь.

— Лор, — начинаю я осторожно, — давай без...

— Не лезь, Элли, — резко бросает она, не отрывая взгляда от Зака.

Я чувствую, как внутри что-то сжимается.

— Тогда не нужно устраивать это всё при мне.

Лора резко переводит взгляд на меня.

— Если тебе что-то не нравится, то дверь там, — она кивает в сторону выхода. — Стажёрок вроде тебя — хоть пруд пруди.

Я усмехаюсь.

— Ты сейчас серьёзно?

— Да!

Я смотрю на Лору несколько секунд, и глаза предательски начинают слезиться.

— Что уставилась? — бросает она. — Я сказала — дверь там.

Я молча хватаю сумку со стула, разворачиваюсь и направ-

ляюсь к двери, чувствуя, как внутри всё неприятно сжимается.

— Элли, подожди... — доносится за спиной голос Зака.

Я останавливаюсь у самой двери и медленно поворачиваюсь.

— Что?

— Не смей уходить!

— Серьёзно, Зак? Ты хочешь, чтобы я осталась? После того, что она сказала?

— Да плевать на то, что она сказала.

— Зак, — я качаю головой. — Оставь меня в покое!

Я разворачиваюсь, толкаю дверь — и в тот же миг она открывается снаружи.

Я на секунду замираю, неожиданно встретившись взглядом с темноволосым парнем с ярко-голубыми глазами.

— Нейтон... — голос Зака звучит издалека. — Не дай ей уйти!

Парень переводит взгляд с меня на Зака, потом снова на меня.

— Убегаешь, красотка? За кофе не рассчиталась?

— Я здесь работаю, — отрезаю я.

— О, — он делает вид, что удивлён. — А выглядишь как беглянка.

— Пропусти, — говорю я, сжимая сумку.

— А если не пропущу? — он склоняет голову набок, разглядывая меня с лёгкой усмешкой.

— Тогда это уже будет твоя проблема.

Он усмехается.

— Как же я люблю такие ответы.

Я открываю рот, чтобы ответить, но в этот момент сзади меня раздаётся насмешниливый голос Лоры:

— Нейтон, пропусти её! Пусть валит отсюда.

Я медленно разворачиваюсь.

— Подбирай слова, Лора.

— А то что? — она скрещивает руки на груди и смотрит на меня с лёгкой усмешкой. — Расплачешься?

Я смотрю на неё секунду... и просто отворачиваюсь к Нейтону.

— Ты меня пропустишь или мне самой тебя отодвинуть?

— Зак попросил тебя придержать. — Он пожимает плечами.

Я фыркаю.

— А ты что, решил поиграть в охрану?

Он чуть улыбается.

— Охрана — это когда платят, а я тут только по интересу.

— По интересу? — Я усмехаюсь. — Тогда интерес сейчас закончится.

Я достаю телефон из сумки, нахожу нужный контакт и на секунду задерживаю палец на экране, прежде чем поднести его к уху.

Нейтон кивает на мой телефон и прищуривается.

— Интересно, — тянет он.

Я тут же отворачиваю экран.

— Вообще-то не принято пялиться в чужие телефоны. — Я нажимаю на кнопку вызова и подношу телефон к уху.

— Знаешь, — парень засовывает руки в карманы, — из всех Смитов ты выбрала самого проблемного.

— А ты себя к каким относишь? — спрашиваю я, не отводя от него взгляда.

— А я не Смит, — он усмехается.

— Какая разница? — я пожимаю плечами. — Кровь-то одна.

Нейтон улыбается — не насмешливо, а как-то по-другому, будто я его своим ответом реально удивила. Он молчит секунду, а потом качает головой.

— А ты интересная девчонка.

— Спасибо, — сухо отвечаю я. — Комплименты принимаю, но это ничего не меняет.

Я разворачиваюсь не ожидая ответа и иду в сторону туалета. Не смотрю на Лору, не смотрю на Зака, не смотрю на Нейтона — мне плевать, кто там что думает.

Я толкаю дверь плечом, захожу внутрь и прижимаюсь спиной к холодной стене.

В телефоне раздаётся очередной гудок.

Ответа нет.

Я уже собираюсь сбросить, как вдруг...

— Соскучилась? — раздаётся в трубке знакомый мне голос. — Или решила всё же отдать долг?

Я закрываю глаза на секунду.

— А если я скажу, что не из-за долга? — спрашиваю я.

Тайлер тихо смеётся.

— Тогда мне становится ещё интереснее.

Я выдыхаю.

— Послушай, Тайлер, я сейчас на работе...

— И ты решила поделиться этим со мной? — он усмехается.

— Вообще-то меня увольняют, — тихо выдыхаю я.

— Кто? Лора что ли? — он тянет её имя, будто пробует его на вкус.

— Да.

— А она знает, что ты со мной целовалась?

— Что? Нет!

— А то, что ты должна мне шесть желаний?

— Конечно же нет!

— Хм, тогда ей нужно срочно сказать об этом.

— Тайлер!

— Что? — в его голосе слышится улыбка. — Я просто пытаюсь тебе помочь.

— Это и есть твоя помощь?

— Конечно, — он звучит обиженно. — Я предлагаю честно рассказать Лоре, что ты целовалась со мной. Это повысит твой авторитет.

— Ты идиот, — выдыхаю я.

— Не обзывайся, — в его голосе слышится ленивая улыб-

ка. — Я, между прочим, единственный, кто может тебя спасти.

Я отвожу телефон от уха, смотрю на потолок и тихо, почти беззвучно, выдыхаю:

— Господи, я же клялась... клялась больше тебе не звонить.

— Клялась? — в трубке раздаётся голос Тайлера. — Ты сейчас серьёзно?

— Серьёзно, — выдыхаю я. — Сидела вчера вечером и говорила себе: «Элли, больше никакого Тайлера. Ни звонков, ни сообщений, ни... ничего».

— А как же наши желания? — в его голосе слышится притворная обида. — Поцелуи?

— Тем более, — отрезаю я. — Вот поэтому и клялась.

— А ты в курсе, Элли, что нарушать клятвы вредно для кармы?

— А увольняться вредно для кошелька, — парирую я. — Так что я выбираю позвонить тебе, чем потом сидеть без работы.

— Значит, я — твоя страховка?

— Ты — крайняя мера, — поправляю я. — Которую я не хотела использовать, но пришлось.

— И как, жалеешь?

— Ещё не знаю, — честно отвечаю я. — Зависит от того, поможешь ты или нет.

— Конечно помогу, — неожиданно серьёзно говорит он.

— Так просто?

— Нет конечно. — В его голосе слышится усмешка. — За помощь нужно платить, Элли.

Я не отвечаю сразу, только крепче сжимаю телефон, чувствуя, как напряжение снова поднимается внутри — уже не от Лоры, не от Нейтона, а от него. От того, как спокойно он это говорит.

— И что на этот раз? — спрашиваю я, готовясь к худшему.

— Ничего, — неожиданно говорит он.

— Ничего?

— Ничего, — повторяет он. — Помогаю просто так. В честь того, что ты нарушила клятву.

— Тайлер... — я выдыхаю.

— Что? Неужели я не могу быть добрым?

— Ты? Добрый? — я усмехаюсь. — Ты никогда не бываешь добрым просто так.

— Бываю, — обиженно говорит он. — Просто ты меня плохо знаешь.

— Я знаю тебя достаточно, чтобы понимать: за твоей «добротой» всегда что-то стоит.

— А вот и нет, — возражает он. — Сегодня — чистая благотворительность.

Я закрываю глаза и на секунду выдыхаю.

— Значит... значит ты позвонишь ей?

— Я приеду, Элли, — спокойно отвечает он. — Минуты... через три.

— Через три минуты? — переспрашиваю я.

— Через две, — поправляет он. — Я уже паркуюсь.

— И... и что мне делать? — растерянно спрашиваю я.

— Можешь мне пока сделать кофе, — лениво отвечает он. — Потому, что я умираю без твоего капучино, Элли.

— Ты... — начинаю я, но в трубке уже раздаются короткие гудки.

— Тайлер? — я смотрю на экран. — Тайлер!

Он отключился.

Я смотрю на потухший экран, качаю головой и, несмотря на всё, чувствую, как уголки губ тянутся вверх.

— Идиот, — шепчу я, убираю телефон в карман и выхожу из туалета.